This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

WIDENER
HN 8WG1 B

Digitized by Google

Slav 7126.2.30

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

№ 83.
135

О ПОКЛОНЕНІИ ЗЕВСУ ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

сочиненіе

П. Леонтьева.

МОСКВА.
1850.

Digitized by Google

Digitized by Google

Л. 47
Г. 147
893
281
75556
К
211

О ПОКЛОНЕНІИ ЗЕВСУ
ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

СОЧИНЕНІЕ

П. Леонтьева.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕ.
№ 69316
180

Clari Giganteo triumpho
Cuncta supercilio moventis.
Hor. Carm. III, 1, 7.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1850.

Digitized by Google

Class 7126.2.30

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
DEC 3 1975

Cum multae res in philosophia nequaquam satis adhuc explicatae sint, tum perdifficilis et perobscura quaestio est de natura deorum.

Cicero de nat. deor. init.

74*2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета Декабря 1 дня 1849 года.

Секретарь Совѣта А. Жигаревъ.

Digitized by Google

Предлагаемое сочиненіе составляетъ результатъ одной части трудовъ, вызванныхъ знакомствомъ съ Шеллинговомъ ученіемъ о Философіи Миѳологіи: все, что въ немъ есть живаго, все, что составляетъ его душу, обязано жизнію геніальнымъ воззрѣніямъ Шеллинга, которыя освѣтили и сдѣлали привлекательною науку, прежде того покрытую мракомъ непонятности. Но съ другой стороны это сочиненіе есть чисто фактическое и не можетъ даже быть названо приложеніемъ мыслей Шеллинга къ фактамъ. Въ немъ сочинитель старался только собрать и сгруппировать факты и объясняетъ ихъ не иначе, какъ одинъ другимъ, и то въ извѣстныхъ границахъ. Отъ философскихъ мыслей оно зависитъ на столько, сколько онѣ помогаютъ при наблюденіи фактовъ, наводя вниманіе на такія стороны, которыя безъ ихъ благодѣтельнаго содѣйствія остались бы незамѣченными.

Отнюдь не вдаваясь въ объясненія, основанныя на философскихъ изслѣдованіяхъ о томъ, что можетъ быть, оно ограничивается и относительно того, что дѣйствительно было, тѣсными предѣлами монографіи, какъ по содержанію, такъ и по источникамъ. По содержанію, оно занимается только фактами, относящимися къ поклоненію Зевсу *въ древней Греціи до*

Digitized by Google

времени ея процвѣтанія, оставляя въ сторонѣ не только объясненіе миѳовъ, не стоящихъ въ тѣсной связи съ поклоненіемъ, и описаніе позднихъ попытокъ обработывать философски понятіе Зевса или отождествлять этого бога съ соотвѣтствующими ему иноземными богами, но и упоминаніе объ обрядахъ поклоненія, имѣвшихъ мѣсто послѣ времени процвѣтанія греческой религіи. По источникамъ, оно не переступаетъ за гранину собственно-классической литературы и художества, чтобы совершенно избѣжать произвольныхъ сближеній и догадокъ, такъ опасныхъ уже по ихъ завлекательности и очевидно ложныхъ, когда онѣ доходятъ до отождествленія языческихъ миѳологій, одной съ другою. Хотя сближенія разновременныхъ явленій могутъ быть важнымъ элементомъ миѳологическихъ объясненій, однакожь тѣмъ не менѣе исторія всегда сохранитъ свои права, и осторожный изслѣдователь всегда будетъ очень недовѣрчиво или по крайней мѣрѣ очень осмотрительно употреблять данныя, взятыя напр. изъ индійской или египетской миѳологіи (не говоря уже о китайской и др.) для объясненія греческой религіи. Какъ греческое просторѣчіе нельзя передавать просторѣчіемъ другихъ народовъ, и аѳинская простонародная ἀστεῖότης казалась бы у другихъ народовъ искусственною вѣжливостью, такъ и греческой религіи не должно смѣшивать съ другими языческими религіями, которыя она превосходитъ своимъ миѳологическимъ совершенствомъ. Твердое основаніе могутъ имѣть миѳологическія изслѣдованія, только тогда, когда они будутъ выходить изъ точна-

Digitized by Google

го фактическаго изученія отдѣльныхъ миѳологій; полная, живая и вѣрная исторія миѳологій языческаго человѣчества не можетъ быть составлена, прежде нежели будутъ находиться въ обиліи подъ руками дѣльныя монографіи по миѳологіямъ отдѣльныхъ народовъ. По этому-то предлагаемое сочиненіе написано *только по греческимъ и латинскимъ источникамъ* и ограничивается только греческимъ поклоненіемъ, *не производя его ни откуда*. Его цѣль состоитъ въ томъ, чтобы, взявъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ пунктовъ греческой миѳологіи, — поклоненіе главному богу греческаго народа,—разобрать монографически и привести въ порядокъ относящіяся до него свидѣтельства и представить результаты, неоспоримо слѣдующіе изъ этого разбора. Но собирая, очищая, сближая между собою факты, авторъ старался только понять ихъ ближайшій смыслъ, до дальнѣйшаго же глубочайшаго смысла не рѣшался касаться.

Нѣтъ, кажется, нужды и упоминать, какимъ огромнымъ облегченіемъ были сочинителю вѣковые труды ученыхъ филологовъ, благодаря которымъ занятія классической древностью теперь и пріятнѣе и успѣшнѣе, нежели какой либо другой частью исторіи человѣчества. Сочинитель пользовался ими, сколько позволяла ограниченность ученыхъ средствъ, находящихся въ этой столицѣ. Изъ спеціальныхъ сочиненій онъ особенно сожалѣетъ, что не имѣлъ вовсе въ рукахъ книги Эмерика Давида о Юпитерѣ, и что сочиненіемъ Катремера де Кенси объ олимпійскомъ Юпитерѣ онъ могъ пользоваться только

Digitized by Google

по немногимъ выпискамъ, сдѣланнымъ имъ гораздо прежде въ берлинской королевской библіотекѣ.

Въ орѳографіи греческихъ именъ сочинитель слѣдовалъ сближенному съ новымъ греческимъ произношеніемъ этацизму, принятому теперь почти всѣми учеными, и потому передавалъ ζ чрезъ з, σ чрезъ с, ϑ чрезъ ѳ, отступая отъ него только тамъ, гдѣ того настоятельно требовалъ tyrannus usus, какъ напр. въ словахъ; Аѳина, Театръ, муза. Буквы v ввести онъ не рѣшился. Окончанія греческаго именительнаго падежа удержаны только въ словахъ односложной темы, какъ напр. Кроносъ. Формы: гомерическій, гезіодическій относятся къ особенности миѳическихъ именъ, — представителей цѣлыхъ направленій, — отъ которыхъ онѣ произведены.

Въ заключеніе, авторъ считаетъ себя обязанномъ просить у читателей извиненія въ нѣкоторыхъ ксилографическихъ и типографическихъ недосмотрахъ, и еще болѣе въ чувствуемой имъ самимъ нѣкоторой неудовлетворительности изложенія. Побуждаемый внѣшними обстоятельствами, онъ издаетъ этотъ трудъ не въ такой чистой отдѣлкѣ, какъ бы желалъ.

Digitized by Google

ОБЗОРЪ СОДЕРЖАНІЯ.

Стр.

Вступленіе 1

ГЛАВА I. *О происхожденіи поклоненія Зевсу у Грековъ* 7

А. Миѳъ объ Іо 7

Б. Миѳъ о низложеніи Зевсомъ Кроноса и Титановъ 11

Его объясненіе:

а. относительно Кроноса 17

б. относительно Титановъ 30

Дальнѣйшее объясненіе миѳа о низложеніи Зевсомъ Кроноса и Титановъ:

а. изъ сказанія о пяти поколѣніяхъ 42

б. изъ нѣкоторыхъ другихъ преданій 55

Заключеніе главы 72

ГЛАВА II. *Первая ступень въ исторіи поклоненія Зевсу у Грековъ. Время Пеласговъ.*

А. Додонскій Зевсъ.

Свидѣтельство о немъ Гомера, Гезіода и Геродота 81

Додонскіе жрецы и жрицы 86

Общій характеръ Додонскаго Оракула и средства, употреблявшіяся въ немъ для узнанія думы Зевса 90

Историческое значеніе Додонскаго Оракула 96

Б. Ликейскій Зевсъ.

Значеніе ликейскаго служенія въ исторіи поклоненія Зевсу 100

Описаніе обрядовъ 102

Нѣкоторые миѳы, съ нимъ связанные 105

В. Слѣды пеласгическаго поклоненія Зевсу въ другихъ мѣстахъ Греціи.

Зевсъ лѣсной или идейскій 114

Зевсъ высочайшій Кекропаа 116

Зевсъ исполинскій въ Ѳессаліи 118

Зевсъ треглазый въ аргивской Ларисѣ 121

Заключеніе о пеласгическомъ Зевсѣ 123

Digitized by Google

ГЛАВА III. *Вторая ступень въ исторіи поклоненія Зевсу у Грековъ. Время героевъ.*

А. Критскій Зевсъ
Значеніе Крита въ греческой исторіи. 136
Зевсъ-быкъ и Европа. 139
Зевсъ талейскій. 141
Зевсъ въ Кноссѣ..... 143
Общій характеръ критскаго Зевса..... 154
Б. Зевсъ въ Сикіонѣ. 163
В. Зевсъ у эолійскихъ племенъ:
а. Въ Беотіи
Оракулъ Трофонія..... 171
Оракулъ Амфіарая..... 179
Миніи..... 181
Ѳивы..... 186
б. Въ Ѳессаліи..... 191
в. Сыновья Эола..... 193
Г. Зевсъ у Ахеевъ:
а. Объ отношеніи Ахеевъ къ Эолійцамъ, Іонійцамъ и Дорійцамъ..... 198
б. Объ ахейскомъ поклоненіи Зевсу..... 207
в. О Зевсѣ у Гомера..... 220

ГЛАВА IV. *Третья ступень въ исторіи поклоненія Зевсу у Грековъ. Время Гелленовъ.*

Общія замѣчанія объ этомъ періодѣ..... 235
Главныя черты богослужебнаго значенія Зевса въ это время..... 239
Описаніе мѣстныхъ поклоненій:
а. Зевсовы города 297
б. Аргосъ..... 271
в. Лаконика..... 277
г. Мессенія..... 278
д. Аттика..... 280
е. Эгина. 286
ж. Немея..... 290
з. Олимпія:
Исторія олимпійскаго поклоненія..... 296
Описаніе олимпійскаго праздника..... 306
Описаніе священной рощи..... 314
Описаніе Зевсова храма..... 325
Описаніе Фидіева идола..... 330
Заключеніе..... 341

Digitized by Google

Почти цѣлая половина Ѳеогоніи Гезіода говоритъ о богахъ, бывшихъ прежде Зевса, и о томъ, какъ они смѣняли другъ друга, прежде нежели достигъ царства на небѣ Зевсъ, или тотъ богъ, которому покланялся самъ Гезіодъ, и вмѣстѣ съ нимъ всѣ Греки историческаго времени, какъ своему главному богу. Кто старается вникнуть въ значеніе этѣхъ сказаній и найти тотъ смыслъ, который они должны были имѣть для Гезіода или вообще для ихъ слагателей, тотъ невольно и прежде всего приходитъ къ предположенію, что Гезіодъ, говоря о существованіи боговъ прежде Зевса, имѣетъ въ виду ихъ существованіе для человѣческаго сознанія. Это предположеніе самое простое: оно представляется естественно и можетъ почти назваться прямымъ выводомъ изъ повѣствованія Гезіода. Особенно же оно имѣетъ силу относительно Урана и Кроноса, послѣднихъ боговъ, предшествовавшихъ Зевсу, потому что есть много основаній полагать не только о Гезіодѣ, но вообще о всѣхъ Грекахъ, что они выразили въ миѳахъ о существованіи Урана и Кроноса прежде Зевса воспоминанія о дѣйствительномъ поклоненіи этѣмъ богамъ прежде поклоненія Зевсу. По крайней мѣрѣ мы увидимъ ниже, что такое религіозно-историческое (въ противоположность напр. космогоническому) объясненіе этѣхъ миѳовъ не только не опровергается никакими достаточными основаніями, но относительно Кро-

Digitized by Google

носа даже подтверждается нѣкоторыми извѣстными намъ неоспоримыми данными.

Съ этой точки зрѣнія, въ гезіодическихъ сказаніяхъ о богахъ, происшедшихъ и управлявшихъ міромъ прежде Зевса, намъ представляются драгоцѣнныя свидѣтельства объ исторіи греческой религіи, и мы получаемъ въ Ѳеогоніи необыкновенно важный источникъ для внутренней духовной исторіи греческаго народа въ доисторическое время. Ежели мы читаемъ у Гезіода, что прежде Зевса царствовалъ надъ міромъ Кроносъ, и ежели мы знаемъ, что всѣ Греки раздѣляли съ нимъ это вѣрованіе, то это значитъ по самому простому и естественно представляющемуся объясненію, что Кроносъ былъ главнымъ богомъ греческой народной религіи прежде распространенія между Греками поклоненія Зевсу. Исторія борьбы боговъ, низвергающихъ другъ друга, такъ какъ она намъ передана преимущественно Гезіодомъ, есть не что иное, какъ исторія борьбы, которая происходила въ религіозномъ сознаніи греческаго народа, пока оно не остановилось на поклоненіи тѣмъ богамъ, которымъ Греки служили во время ихъ народнаго процвѣтанія, и которые прославлены греческой поэзіей и греческимъ художествомъ, именно на поклоненіи Зевсу и Олимпійцамъ, окружающимъ его. Изъ нѣкоторыхъ намековъ, находящихся въ миѳахъ и у древнихъ писателей, можно заключить, что то была очень сильная борьба. У Эсхила напримѣръ Эринніи (Фуріи) ставятъ младшимъ богамъ въ упрекъ, что они владычествуютъ не по праву, и что ихъ тронъ запятнанъ кровію (Евмен. ст. 154 слл.). У другихъ писателей такъ же есть подобныя указанія, и ихъ особенно много въ миѳахъ, такъ что съ помощію ихъ можно еще теперь увидѣть слѣды великихъ страданій, предшествовавшихъ окончательному установленію и распространенію въ Греціи служенія олимпійскимъ богамъ. Преданіе объ этомъ переходномъ времени довольно живо со-

Digitized by Google

хранилось въ памяти греческаго народа, и хотя сказанія, относящіяся къ нему, не могли значительно не измѣниться, будучи передаваемы долгое время отъ одного поколѣнія другому, записываемы историками или облекаемы въ изящную форму художниками и поэтами, однакожь, не смотря на этѣ измѣненія и эту ихъ позднѣйшую форму, въ ихъ основаніи нельзя не узнать воспоминаній или вообще о до-Зевсовскомъ времени, или о тѣхъ усиліяхъ и страданіяхъ, которыя были соединены съ переходомъ къ Зевсу.

Усилія, которыя были сдѣланы греческимъ народомъ, когда этотъ процессъ совершался въ его религіозномъ сознаніи, вѣроятно превосходили всѣ усилія, сдѣланныя имъ въ позднѣйшее историческое время. Во всякомъ случаѣ они имѣли рѣшительное вліяніе на его исторію, потому что въ нихъ выработалась греческая народность и всѣ существенныя отличія, отдѣлившія Грековъ отъ народовъ, которые имъ предшествовали или слѣдовали во всемірной исторіи. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что греческій народъ сталъ способенъ сдѣлать то, что̀ имъ сдѣлано въ исторіи человѣчества, благодаря своей такъ называемой доисторической жизни.

Это доисторическое время есть время запутанное, не только для насъ, желающихъ проникнуть въ его мракъ пытливымъ глазомъ изслѣдованія или гаданія послѣ нѣсколькихъ тысячелѣтій, но оно было запутано и само въ себѣ. Исторія у всѣхъ народовъ возникаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ начинаютъ выпутываться и высвобождаться изъ первоначальнаго смѣшенія ясныя и раздѣльныя стремленія. Что̀ лежитъ за историческимъ временемъ, отличается неясностью и безразличностью элементовъ и составляетъ уже само по себѣ лабиринѳъ, изъ котораго изслѣдователь позднѣйшаго времени можетъ выдти только по тѣмъ самымъ путямъ, по которымъ изъ него вышла дѣйствительная исторія. Отъ историческаго же времени

Digitized by Google

ведутъ въ этотъ лабиринтъ доисторическій преимущественно двѣ нити, соотвѣтствующія двумъ великимъ наслѣдствамъ, которыя историческое время получаетъ отъ доисторическаго. Этѣ нити суть религія и языкъ. По нимъ мы и теперь можемъ вступать въ этотъ лабиринтъ и только по нимъ есть возможность нѣсколько проникать въ его внутренность, не боясь совершенно запутаться. Конечно этѣ попытки будутъ всегда сопряжены съ большими трудностями, сопровождаемы бо́льшими или меньшими заблужденіями и увѣнчиваемы результатами болѣе или менѣе невѣрными, но нѣтъ сомнѣнія, что все таки ихъ появленіе въ наше время будетъ всегда относимо къ чести науки этого столѣтія, и что миѳологія и лингвистика, двѣ науки, обязанныя имъ своимъ началомъ и только что возстающія именно теперь, имѣютъ большую будущность. Онѣ не только что удовлетворяютъ естественному для человѣческаго любопытства желанію что-нибудь узнать о глубокой древности, но могутъ оказать важную службу при рѣшеніи величайшихъ философскихъ вопросовъ, потому что проникаютъ во времена близкія происхожденію народовъ и началу рода человѣческаго.

Изъ сказаннаго ясно, что стремленія опознаться въ доисторическомъ хаосѣ сначала отдѣльныхъ народовъ, а потомъ и всего человѣчества, принадлежатъ къ самымъ важнымъ и занимательнымъ между историческими попытками вообще. Въ греческой и латинской миѳологіи они легче, нежели въ другихъ, какъ по обилію свидѣтельствъ, сохранившихся у древнихъ писателей и въ древнихъ произведеніяхъ образовательныхъ художествъ, такъ и потому, что этѣ свидѣтельства, что касается до ихъ фактической стороны, въ наше время не только собраны, но и значительно обслѣдованы. Кромѣ того оба классическіе народа представляютъ намъ миѳологію въ самомъ полномъ и окончательномъ ея развитіи. Поэтому надобно предполагать, что основательныя миѳологическія из-

Digitized by Google

слѣдованія должны начаться на Греціи и Римѣ и уже оттуда переходить къ другимъ народамъ, чтобы имѣть возможность заключать отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Но такова трудность этѣхъ вопросовъ, что теперешнее состояніе миѳологіи, какъ науки, даже относительно греческой и римской древности, совершенно неудовлетворительно. Многіе даже думаютъ, что вовсе нельзя сдѣлать предметомъ науки миѳологическія басни и вымыслы, передаваемые къ-тому не въ первоначальной, а въ значительно искаженной формѣ. Человѣкъ, хотя нѣсколько знакомый съ трудами новѣйшихъ миѳологовъ, знаетъ, что въ большей части миѳовъ еще неизвѣстна степень ихъ подлинности, неизвѣстно, вымыселъ ли они поэтовъ или народное повѣрье, и что еще менѣе объяснено ихъ значеніе, потому что для каждаго миѳа можно найти по нѣскольку толкованій, имѣющихъ нѣкоторое правдоподобіе.

Пособить этому недостатку можно только однимъ способомъ. Надобно найти твердыя точки, на которыхъ бы можно было укрѣпиться, чтобы отъ нихъ распространять далѣе монографическое изслѣдованіе частей, которыя менѣе тверды. Такими твердыми точками могутъ служить: во 1-хъ, отношенія миѳовъ къ достовѣрнымъ историческимъ событіямъ и учрежденіямъ, и во 2-хъ, связь миѳовъ съ религіозными обрядами. На первый пунктъ обратилъ вниманіе К. О. Мюллеръ и развилъ его важность въ своихъ Prolegomena zu einer wissenschaftlichen Mythologie. Но второй пунктъ не менѣе важенъ, потому что религіозные обряды обыкновенно сохраняются съ большою неизмѣнностью, и потому можно утверждать, что исторія богослуженія должна быть основаніемъ при обработываніи миѳологіи, какъ науки.

Ученые еще мало воздѣлывали этотъ предметъ, и, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, К. Фр. Германнъ выдалъ учебникъ греческихъ богослужебныхъ древностей, въ которомъ собрано и удобно размѣщено много матеріяла,

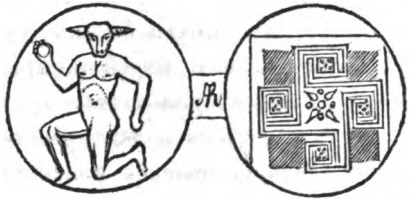
Digitized by Google

однакожь это невосполнило чувствовавшагося недостатка, и теперь потребность монографій по этому предмету еще болѣе ощущается. Это обстоятельство побудило къ предпринятію издаваемаго теперь опыта, съ цѣлію нѣсколько содѣйствовать прочному объясненію миѳологіи Зевса, такъ важной въ общемъ кругу греческихъ миѳовъ. Такъ какъ притомъ избрано было историческое воззрѣніе на обряды поклоненія, котораго основательность будетъ, какъ я надѣюсь, показана самымъ изложеніемъ, то естественно было прежде всего обратиться къ миѳамъ, повѣствующимъ о переходѣ отъ прежнихъ боговъ къ Зевсу, чтобы потомъ приступить къ исторіи самаго поклоненія ему въ разныхъ мѣстностяхъ. Послѣдняя раздѣляется на три отдѣла, согласно тремъ періодамъ греческой исторіи: Пеласгическому, Героическому и Гелленскому, и въ ея изложеніи сочинитель будетъ стараться, въ главныхъ по крайней мѣрѣ чертахъ, ясно выставить послѣдовательность нѣсколькихъ степеней внутренняго развитія служенія Зевсу отъ того времени, когда оно только что возникало и связанный съ нимъ бытъ и обычай начиналъ распространяться, до времени процвѣтанія Греціи, и отъ представленій неясныхъ и нераздѣльныхъ и поклоненія въ страхѣ до представленій опредѣленныхъ и идеальныхъ и до поклоненія въ радости и игрѣ.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ПОКЛОНЕНІЯ ЗЕВСУ У ГРЕКОВЪ.



Главные миѳы о томъ, какъ Зевсъ достигъ царства на Олимпѣ, и что этому событію предшествовало, находятся, какъ уже сказано, въ Ѳеогоніи Гезіода. Это миѳы о побѣдѣ Кроноса надъ Ураномъ и о побѣдѣ Зевса надъ Кроносомъ и Титанами. Въ этѣхъ миѳахъ борьба совершается такъ сказать реально; боги сами борются между собою. Но есть другой миѳъ, изображающій туже борьбу, какъ она совершалась въ человѣческомъ сознаніи, — миѳъ объ Іо. Поэтому мы начнемъ съ его изложенія и объясненія.

Іо есть существо женское, по этимологическому значенію, существо ходящее, блуждающее, странствующее

Digitized by Google

(отъ ἱέναι), можетъ быть существо стремящееся, томящееся (отъ ἵεναι, потому что иногда густое придыханіе переходитъ въ тонкое). Изъ Додонскаго дуба ей было ясно возвѣщено, что она должна сдѣлаться невѣстою Зевса (Aeschyl. Prom. 831 sqq. Well.). Она услышала Зевсовъ голосъ именно оттуда, откуда впервые его услышали и Греки, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Зевсъ звалъ ее къ себѣ оттуда, но не употребилъ насилія, что̀ онъ подтвердилъ послѣ клятвой, ἀπωμόσατο μὴ συνελθεῖν. Apoll. II, 1, 3. Враждебная этой связи богина превратила Іо въ корову и приставила къ ней стражемъ тысячеглазаго Аргоса. Та редакція этого миѳа, которая дошла до насъ, называетъ враждебную богиню именемъ Геры и мотивъ преслѣдованія находитъ въ ревности этой законной и притязательной супруги Зевса. Но вѣроятно, что то было существо совсѣмъ другаго круга боговъ, существо неясное и потому легко могшее перейти при позднѣйшей редакціи миѳа въ Геру, которая нетолько доставляла объясненіе преслѣдованія, но и казалась приличною въ этомъ миѳѣ какъ богиня, пользовавшаяся поклоненіемъ въ Аргосѣ (съ которымъ приводили въ связь Іо, дочь Инаха). Тѣ, которые повторяли миѳъ объ Іо, потерявъ пониманіе его истиннаго значенія, естественно относили его къ времени господства олимпійскихъ боговъ, и потому все болѣе и болѣе давали въ немъ участія Герѣ. Напротивъ, сказаніе объ Аргосѣ носитъ на себѣ слѣды несомнѣнной древности и подлинности. Аргосъ есть существо, принадлежащее къ религіямъ сабическимъ, состоявшимъ въ поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ. Его тысячеглазіе очевидно указываетъ на многозвѣздное небо. Его враждебность къ олимпійскимъ богамъ видна въ сказаніи объ умерщвленіи его Гермесомъ, ловкимъ сыномъ Зевса, по отцевскому приказанію. Что эта побѣда Гермеса имѣла большое значеніе, можно заключить изъ весьма частаго употребленія у Гомера Гермесовскаго эпите-

Digitized by Google

та: *Ἀργειφόντης*, убійца Аргоса. Умерщвленіемъ Аргоса Гермесъ добылъ себѣ большую славу у олимпійскихъ боговъ; слѣдовательно услуга, оказанная имъ, должна быть значительна.

Этотъ Аргосъ сторожилъ Іо, заставлялъ ее несчастную блуждать безъ отдыха и не допускалъ до сближенія съ Зевсомъ. Греческое воображеніе узнавало страдающую Іо въ блѣдномъ обликѣ спутника нашей планеты, неутомимо блуждающаго по ночному небу, — поэтическое сравненіе, въ которомъ лежитъ основаніе сказанія объ обращеніи Іо Герой въ корову съ серебряными рогами.

Когда Гермесъ убилъ Аргоса, на Іо была наслана оса, терзавшая ее еще болѣе и гонявшая изъ страны въ страну. Ее называетъ сама Іо у Эсхила (Prom. vinct. 567 Well.) *εἴδωλον Ἄργου γηγενοῦς*, призракомъ Аргоса отъ земли рожденнаго (гиганта). Подъ этой осой, *οἶστρος*, миѳъ вѣроятно разумѣлъ внутреннее жало нерѣшимости и недовольства, мучившихъ Іо. (Это вѣроятное предположеніе введено Якобсомъ и въ переводъ этого мѣста, сдѣланный имъ въ Wieland's Att. Mus. III, s. 3. Якобсъ переводитъ *οἶστρος* des Wahnsinns Stachel.) Эсхилъ въ Промеѳеѣ далъ мѣсто возвышенному изображенію страданій несчастной Іо. Она у него долго остается на сценѣ и изображаетъ свое состояніе въ рѣчахъ, сочиненныхъ въ обычномъ эсхиловскомъ высокомъ стилѣ и раздирающихъ сердце. Она жалуется, что этотъ призракъ убитаго Аргоса выходитъ и изъ преисподней, чтобы преслѣдовать ее алкающую, что она незнаетъ, куда ведетъ ее далеко-заводящее блужданіе. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ того, что̀ она говоритъ:

Ἰὼ ἰὼ, ποποί,
Πῶ πῶ πῶ· πῇ μ' ἄγουσι τηλέπλανοι πλάναι.
Τί ποτέ μ', ὦ Κρόνιε παῖ, τί ποτε ταῖσδ'
Ἐνέζευξας εὑρὼν

Digitized by Google

Ἁμαρτοῦσαν ἐν πημοναῖσιν; ἔ ἔ.
Οἰστρηλάτῳ δὲ δείματι δειλαίαν
Παράκοπον ὧδε τείρεις;
Πυρὶ φλέξον, ἢ χθονὶ κάλυψον, ἢ
Ποντίοις δάκεσι δὸς βοράν,
Μηδέ μοι φθονήσης
Εὐγμάτων, ἄναξ.
Ἄδδην με πολύπλανοι πλάναι
Γεγυμνάκασ' οὐδ' ἔχω μαθεῖν, ὅπη
Πημονὰς ἀλύξω.

Она съ упрекомъ обращается къ Зевсу, укоряетъ его въ мученіяхъ, которымъ онъ причина: »Въ чемъ согрѣшила я, сынъ Кроноса, въ чемъ согрѣшила я, что ты повергъ меня въ такія мученія? и такъ терзаешь несчастную безумную страшнымъ, жалящимъ призракомъ? Огнемъ сожги меня, или въ землѣ сокрой, или морскимъ чудовищамъ дай на пожраніе: владыка, не отвергни моихъ молитвъ. Довольно уже извѣдала я, много блуждая, разныхъ блужданій и не могу узнать, какъ освобожусь отъ мученій.« Въ странствованіяхъ своихъ она приходитъ къ Промеѳею, существу, такъже бывшему прежде Зевса, и враждебному Олимпійцамъ, одному изъ Титановъ. Промеѳей съ насмѣшкой спрашиваетъ ее, лестно ли ей было получить изреченіе Додонскаго дуба, и старается возбудить въ ней злобу противъ Зевса. Онъ извергаетъ свои титаническія хулы противъ этого бога, предсказываетъ, что и его царству будетъ конецъ, однакожъ подаетъ Іо надежду, что ея страданія такъ же нѣкогда кончатся. Въ отдаленномъ Канобѣ Зевсъ возвратитъ ей сознаніе и слегка прикоснется къ ней ласкающею нестрашною рукою. Тогда она родитъ чернаго Епафа. Aesch. Prom. 850 sqq. Well.

Упоминаніе Каноба и всѣхъ мѣстъ, которыя должна пройти Іо, не можетъ принадлежать къ первоначальной формѣ миѳа. Объемъ ея странствованій могъ расширяться съ расширеніемъ географическихъ познаній греческа-

Digitized by Google

го народа. Безспорно первоначально въ миѳѣ только то, что Іо долго блуждаетъ, прежде чѣмъ окончательное сближеніе съ Зевсомъ приноситъ ей совершенное успокоеніе. Что она странствуетъ по востоку, а не по западу, это, кажется, не имѣетъ особеннаго значенія. Покрайней мѣрѣ едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ Штура (die Religionssysteme der Hellenen, S. 42 ff.), что греческое первоначальное религіозное сознаніе, чтобы поддаться Зевсу, должно было погрузиться изъ своей европейской духовности въ азіатскую чувственность. Зевсъ чувственнѣе Кроноса можетъ быть названъ только потому, что онъ опредѣленнѣе его, что въ его существѣ сильнѣе дѣйствуетъ опредѣляющій, формующій элементъ. Но этотъ элементъ не только не вещественный элементъ, но ему противоположенъ. Поэтому, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи о бо́льшей чувственности Зевса въ сравненіи съ Кроносомъ. Эта точка зрѣнія, кажется, должна быть устранена при объясненіи, какъ не лежащая въ самомъ миѳѣ. Остается только долговременное мучительное блужданіе Іо, которое прекрасно изображаетъ душевное состояніе греческаго народа въ переходное время отъ поклоненія Кроноса къ поклоненію Зевсу. Душу Грека должно было тогда терзать колебаніе между дорогимъ старымъ и сильно влекущимъ къ себѣ новымъ; надъ ней должна была тяготѣть нерѣшительность, связанная съ такимъ положеніемъ и проистекающее изъ нея недовольство. Грекъ, подобно Іо, могъ ставить въ вину Зевсу, что онъ воззвалъ къ нему изъ Додоны, могъ говорить, что лучше бы, ежели бы онъ не слыхалъ о Зевсѣ. Это тоже самое мучительно-раздвоенное состояніе новообращающихся, которое изображено въ стихотвореніи Гёте: die Braut von Korinth.

Въ миѳѣ объ Іо явленіе Зевса изображено со стороны его вліянія на человѣческое сознаніе. Тоже самое событіе, только съ его реальной стороны, описано у Ге-

Digitized by Google

зіода въ Ѳеогоніи, въ повѣствованіи о Титаномахіи или борьбѣ Зевса съ Кроносомъ и Титанами. И та, и другая форма сказанія объ этомъ великомъ событіи греческаго доисторическаго времени безспорно ведутъ свое начало отъ подлинныхъ народныхъ преданій. Это, кажется, тѣмъ менѣе можно отрицать, что позднѣйшій наростъ и приставки по большей части свободно отдѣляются отъ первоначальнаго зерна. Такъ въ миѳѣ объ Іо можно было легко отдѣлить прибавленія позднѣйшаго времени: мы видѣли, что они происходили или отъ очень естественнаго мнѣнія, что этотъ миѳъ имѣлъ мѣсто послѣ окончательнаго воцаренія Олимпійцевъ, или отъ не менѣе естественнаго желанія дополнить сказаніе географическими подробностями. Подобныхъ прибавленій, можно сказать, еще меньше въ относящемся сюда мѣстѣ Гезіода и ихъ еще легче у него отличить отъ подлиннаго миѳа, потому что онѣ носятъ характеръ философемъ и не вплетены въ самый миѳъ, но приставлены къ нему сначала. Присутствіе философемъ въ Ѳеогоніи Гезіода не подлежитъ никакому сомнѣнію: мы должны предполагать его на основаніи признаній самаго Гезіода; доказать же его можно однимъ указаніемъ на характеръ и философическое значеніе многихъ мѣстъ Ѳеогоніи. Но съ другой стороны изъ мѣстнаго присутствія философемъ еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы онѣ составляли главное содержаніе Ѳеогоніи и совершенно преобладали надъ народными миѳами въ собственномъ смыслѣ. Напротивъ того, гдѣ мы встрѣчаемъ не одно исчисленіе именъ, а настоящее сказаніе, тамъ почти вездѣ можно дойти до подлиннаго народнаго миѳа, лежащаго въ основаніи облеченнаго въ поэтическую форму сказанія. Равнымъ образомъ изъ изслѣдованія сказаній, заключающихся въ Ѳеогоніи, особенно въ первой ея половинѣ, оказывается, что самая поэтическая форма, ихъ украшающая, не очень много измѣнила ихъ характеръ. По крайней мѣрѣ изъ сличенія гезіодическихъ

Digitized by Google

миѳовъ съ гомерическими можно вывести заключеніе, что у Гомера вліяніе свободнаго поэтическаго творчества при изложеніи миѳовъ было сильнѣе нежели у Гезіода. Это общее заключеніе относится впрочемъ только къ главному характеру гезіодическихъ миѳовъ, къ ихъ главному отличію отъ гомерическихъ. Въ самомъ же Гезіодѣ оно оставляетъ обширное поле критикѣ при опредѣленіи того, что̀ подлинно и первоначально въ гезіодическихъ миѳахъ и что̀ принадлежитъ поэту, ихъ разсказывающему.

Какъ осторожно надобно пользоваться въ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ даже гезіодическими миѳами, можно заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ самой Ѳеогоніи, въ которыхъ поэтъ ясно признается, что стоитъ въ довольно свободномъ отношеніи къ предметамъ, имъ изображаемымъ. Такъ онъ въ самомъ началѣ Ѳеогоніи самъ наивно разсказываетъ, какимъ образомъ онъ попалъ въ поэты. Онъ говоритъ, что прекрасной пѣсни его научили Музы, когда онъ беззаботно пасъ овецъ внизу подъ почтенной горой Геликономъ, а легко понять, что Музы въ подобномъ разсказѣ могутъ означать только внутреннее вдохновеніе самого поэта. Но что же сказали ему Музы? Онѣ сильно бранили пастуховъ, что занимаются только ѣдою. »*Мы*,« сказали онѣ, »умѣемъ говорить много ложнаго похожаго на правду, умѣемъ разсказывать и истину, когда захотимъ.«

Ποίμενες ἀγραυλοὶ, κακ' ἐλέγχεα, γάστερες οἶον,
Ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα,
Ἴδμεν, δ' εἴτ' ἐθέλωμεν ἀληθέα μυθήσασθαι.

Этѣ-то музы, умѣющія говорить и ложь и правду, какъ вздумается, велѣли Гезіоду сорвать лавровую вѣтку, которая должна была ему служить жезломъ поэта, и внушили »пѣснь божественную, чтобъ онъ сдѣлалъ извѣстнымъ и то, что̀ было, и то, что̀ будетъ.«

Этѣмъ музамъ, существамъ свободнымъ и независимымъ, принадлежитъ многое въ Ѳеогоніи Гезіода, имѣю-

Digitized by Google

щее видъ плода собственной думы поэта, а не подлиннаго народнаго вымысла. Но много есть такъ же такого въ Ѳеогоніи, что̀ гезіодовы музы только помогли поэту облечь въ гекзаметръ, даже не измѣнивъ значительно первоначальной формы. Критическая задача миѳолога состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить вымыслы философа и измѣненія, сдѣланныя поэтомъ, отъ первоначальнаго зерна народнаго сказанія. При этомъ указателемъ для него долженъ служить тонъ и внутренній характеръ сказанія, но по недостаточности этѣхъ признаковъ главною опорою могутъ быть только данныя, выводимыя изъ исторіи поклоненія. Въ первой половинѣ Ѳеогоніи, которая одна касается насъ въ этомъ сочиненіи, исполненіе этой задачи, относительно отдѣленія философемъ, значительно облегчено тѣмъ, что онѣ легко устраняются, ибо какъ уже замѣчено, не вплетены въ миѳы, а только приставлены къ нимъ. Такъ, въ самомъ началѣ ѳеогоническаго изложенія, нельзя, кажется, не узнать философемы въ томъ, что̀ говорится о первенствѣ между богами хаоса, земли широкогрудой, мрачнаго тартара и любви или эрота, »прекраснѣйшаго между безсмертными богами, разрѣшающаго члены (λυσιμελής), покоряющаго умъ и хотѣніе въ груди всѣхъ боговъ и всѣхъ людей.« По крайней мѣрѣ на то указываетъ краткость, съ которою этѣ боги упоминаются, и то важное обстоятельство, что помѣщеніе ихъ въ началѣ Ѳеогоніи нисколько не подтверждается поклоненіемъ. Но боги, слѣдующіе за ними и предшествующіе Зевсу, Уранъ и Кроносъ, носятъ совершенно другой характеръ, и въ сказаніяхъ объ этѣхъ богахъ видны рѣзкія черты народнаго повѣрья: гезіодическій разсказъ о нихъ отличается оригинальностью и обстоятельностью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подтверждается данными, представляемыми исторіей поклоненія.

Для насъ важна только та часть этого разсказа, въ которой говорится собственно о борьбѣ Зевса за господ-

Digitized by Google

ство на Олимпѣ съ Кроносомъ и Титанами (Титаномахія), но такъ какъ онъ весь составляетъ одно цѣлое, то мы приведемъ его вполнѣ, отчасти словами подлинника, отчасти въ извлеченіи.

»Земля родила небо, а изъ совокупленія съ нимъ произвела титановъ, мужескаго и женскаго пола, киклоповъ и трехъ великановъ сторукихъ. Ихъ всѣхъ, какъ только кто рождался, небо (οὐρανός) скрывало въ лонѣ земли (γαῖα) и, не выпуская на свѣтъ, тѣшилось этѣмъ злымъ дѣломъ. Земля же внутри себя стонала отъ преполненія и замыслила хитрый злой обманъ. Тотъ часъ произвела родъ сѣдой стали, сдѣлала большой серпъ и показала дѣтямъ, и, собравшись съ смѣлостью, сказала, опечаленная въ сердцѣ:

»Дѣти мои и отца неукротимаго, ежели захотите послушаться меня, мы можемъ отомстить вашему отцу за злую обиду: онъ же первый задумалъ неподобное дѣло.

»Такъ она сказала; а ихъ всѣхъ обнялъ страхъ и никто изъ нихъ не отозвался; только великій криводумный Кроносъ, осмѣлившись, повелъ рѣчь въ отвѣтъ родной матери:

»Мать, я обѣщаюсь и исполню это дѣло, потому что я нивочто не считаю нашего ненавистнаго отца: онъ же первый задумалъ неподобное дѣло.

»Такъ онъ сказалъ, широкая же земля очень порадовалась душею, она выпустила его изъ себя, спрятала въ ущельи, дала въ руку серпъ съ острыми зубцами и внушила всю хитрость. Когда послѣ того снизошло великое небо, наводя ночь, и въ любовномъ вожделѣніи облегло землю, распростершись повсюду, тогда сынъ неба Кроносъ взялъ его изъ ущелья лѣвою рукою за половыя части, правой же взялъ широкій серпъ, большой, съ острыми зубцами, быстро отрѣзалъ у собственнаго отца μήδεα и бросилъ ихъ черезъ себя назадъ.«

Послѣ того какъ Уранъ потерялъ мужескую силу, царствовалъ Кроносъ, женою у него была Рея, Ῥεῖα,

Digitized by Google

теченіе. Но дѣтямъ, которыхъ ему рождала Рея, и онъ недавалъ свободы; онъ слышалъ отъ неба и земли, что ему придется быть низложену своимъ сыномъ, и это предсказаніе заставило его пожирать всѣхъ своихъ новорожденныхъ. Рея, теченіе, слѣд. движеніе впередъ, сердилась на то, и, когда приближалось время родить Зевса, будущаго отца боговъ и людей, она отправилась по совѣту своихъ родителей, опять неба и земли, въ Критъ. Тамъ она родила Зевса и спрятала его въ пещерѣ Эгейской горы, а Кроносу дала проглотить камень завернутый въ пеленки. Зевсъ выросъ и, одолѣвъ отца, принудилъ его отдать всѣхъ своихъ дѣтей, при чемъ Кроносъ прежде всего извергъ камень, проглоченный имъ вмѣсто Зевса и отданный Зевсомъ въ Дельфійскій храмъ для поклоненія (его тамъ ежедневно умащали масломъ, а по праздникамъ обертывали шерстяными повязками). Зевсъ освободилъ такъ же киклоповъ и сторукихъ, по совѣту земли. Сторукіе особенно были полезны Зевсу, потому что они помогли въ окончаніи борьбы, которую Зевсъ съ своими братьями должны были вести противъ Титановъ и Кроноса. Эта борьба, извѣстная въ миѳологіи подъ именемъ Титаномахіи, продолжалась десять лѣтъ и кончилась заключеніемъ Титановъ въ тартарѣ, который на столько же ниже земли, на сколько небо выше ея. Hesiod. Theog. 115—210. 453—506—731. Apollod. 1, 2.

Таково въ главныхъ чертахъ гезіодическое сказаніе о томъ, какъ вытѣснилъ съ владычества на Олимпѣ Кроносъ Урана, а Зевсъ Кроноса. Оно раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ одной повѣствуется о низложеніи Урана, въ другой о низложеніи Кроноса. Нашему подробному разсмотрѣнію и объясненію подлежитъ только послѣдняя часть: первая уже по своему содержанію лежитъ многимъ далѣе отъ предмета этого сочиненія и кромѣ того можно утверждать, что ея объясненіе не можетъ удаться съ средствами историческихъ соображеній,

Digitized by Google

ограничивающихся однимъ греческимъ народомъ, какъ нами поставлено правиломъ при этѣхъ изслѣдованіяхъ. Поэтому здѣсь было достаточно привести относящееся сюда мѣсто изъ Гезіода для сравненія съ послѣдующимъ мѣстомъ о борьбѣ Зевса съ Кроносомъ и Титанами и для показанія его оригинальнаго характера, свидѣтельствующаго неоспоримо, по нашему мнѣнію, о его заимствованіи изъ самыхъ древнихъ и подлинныхъ народныхъ миѳовъ; — и мы можемъ обратиться прямо къ сказанію о низложеніи Кроноса и Титановъ. При этомъ необходимо различить двѣ задачи, представляющіяся при изъясненіи: намъ слѣдуетъ нетолько объяснить миѳъ о низложеніи Кроноса и Титановъ, но и остановиться немного на ихъ собственномъ существѣ. Что же касается до самаго объясненія, то какъ относительно первой задачи, такъ и относительно второй прежде всего представляется вопросъ: народное ли повѣрье этѣ миѳы, или философема и поэтическій вымыселъ поэта, и ежели народное повѣрье, то лежитъ ли въ ихъ основаніи или нѣтъ преданіе о дѣйствительномъ историческомъ состояніи греческой религіи въ прежнее время? Мы постараемся отвѣчать на этотъ двойной вопросъ, сначала относительно существа Кроноса, чтобы тѣмъ облегчить дальнѣйшее изслѣдованіе о Титанахъ и Титаномахіи, и свяжемъ для краткости наше разсужденіе о Кроносѣ въ одно съ разсмотрѣніемъ мнѣнія Буттманна о существѣ и значеніи этого бога.

Буттманнъ написалъ о Кроносѣ сочиненіе, прочитанное имъ въ Берлинской Академіи наукъ въ 1814-мъ году, и помѣщенное потомъ во второмъ томѣ его »Mythologus.« Въ этомъ сочиненіи Буттманнъ указываетъ на загадочный характеръ этого бога, который, бывши самъ не только отцемъ величайшаго изъ боговъ, но и величайшимъ богомъ, благодѣтелемъ рода человѣческаго, не смотря на то, при Зевсѣ лишенъ всѣхъ почестей и нѣкоторыми даже

Digitized by Google

считался скованнымъ въ преисподней [1]). Эту загадочность Буттманнъ объясняетъ предположеніемъ, что Кроносъ не пользовался никогда поклоненіемъ въ Греціи, что онъ есть богъ, въ послѣдствіи вымышленный для наполненія древняго доисторическаго времени, и ни болѣе, ни менѣе, какъ олицетвореніе отвлеченнаго понятія времени, χρόνος.

Языческіе народы, по мнѣнію Буттманна, никогда не мѣняли своихъ религій; они всегда поклонялись одному и тому же главному богу, богу праотцевъ, и, ежели происходили измѣненія и перевороты въ ихъ умственной жизни, они измѣняли и очищали свои представленія объ этомъ богѣ, но не лишали его почестей, чтобъ перенести ихъ на другаго. Такая профанація, по мнѣнію Буттманна, невозможна; до нея не допустило бы прирожденное всякому народу благочестіе. Поэтому миѳъ о низверженіи какого нибудь бога показываетъ по Буттману неоспоримо, что богъ, о которомъ онъ разсказывается, никогда не былъ великимъ народнымъ богомъ. »Всякому разсудительному должно показаться истиннымъ положеніе, что величайшій богъ какого нибудь народа, проходя черезъ всѣ видоизмѣненія, которыя онъ могъ претерпѣть, всегда оставался величайшимъ богомъ.«

Дальнѣйшихъ основаній Буттманъ не полагаетъ нужнымъ приводить; выставленное положеніе онъ считаетъ неопровержимымъ и основываетъ на немъ свое объясненіе сказанія о Кроносѣ, отрицающее вѣрность гезіодическаго изображенія этого сказанія. Онъ только ссылается на внутреннюю необходимость, которая не можетъ укрыться, по его словамъ, ни отъ одного разсудительнаго человѣка.

Такая твердая увѣренность въ истинѣ этого положенія однакожь едва ли была основательна. Она опирается на гипотезу о доисторическомъ времени, не подтверждаемую

---

[1]) См. напр. Il. XIV, 203. Ὅτι Κρόνον εὐρυόπα Ζεὺς
Γαίης νέρθε καθεῖσε καὶ ἀτρυγέτοιο θαλάσσης.

Digitized by Google

фактами, и слѣдовательно безсильную передъ положительнымъ свидѣтельствомъ объ исторической преемственности между Ураномъ, Кроносомъ и Зевсомъ, пока это свидѣтельство не будетъ опровергнуто какими нибудь другими доводами. Напротивъ, естественнѣе, кажется, предположить, что, если встрѣчается различіе между отдѣльными языческими религіями, то оно должно было когда нибудь произойти, слѣдовательно должно было нѣкогда совершиться большое измѣненіе въ исповѣданіи языческихъ боговъ языческими народами. Эта гипотеза, уже какъ гипотеза, имѣетъ за себя гораздо болѣе внутренней вѣроятности, нежели гипотеза Буттманна; но мы увидимъ въ послѣдствіи, что она найдетъ значительное подтвержденіе въ тѣхъ фактахъ, которые намъ извѣстны изъ исторіи греческой религіи.

Поэтому, устраняя гипотезу Буттманна, мы должны стараться объяснить миѳы о Кроносѣ въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они намъ переданы Гезіодомъ, и, только послѣ неудачи попытокъ уразумѣть и согласить съ извѣстными намъ фактами ихъ прямой смыслъ, можно допустить толкованія, дающія имъ другой смыслъ, нежели тотъ, который очевидно въ нихъ былъ вложенъ сочинителемъ приведеннаго мѣста Ѳеогоніи.

Скажемъ сначала о поклоненіи Кроносу, ибо исторія поклоненія даетъ самую вѣрную исходную точку въ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ.

Въ историческое время мы дѣйствительно видимъ, что Греки очень мало поклонялись Кроносу. Въ *Олимпіи* былъ холмъ, ему посвященный, *Κρόνιον ὄρος*, на вершинѣ котораго Басилы, *οἱ Βασίλαι*, приносили Кроносу жертвы въ весеннее равноденствіе. Paus. VI, 20, 1. Преданіе же говорило, что когда Кроносъ обладалъ царствомъ небеснымъ, ему былъ построенъ храмъ въ Олимпіи тогдаш-

Digitized by Google

ними людьми, которые назывались золотымъ поколѣніемъ. Paus. V, 7, 6. Въ *Аѳинахъ* разсказывали, что Кекропсъ первый воздвигнулъ тамъ Кроносу жертвенникъ; объ этомъ преданіи упоминалъ недошедшій до нашего времени писатель объ аттическихъ древностяхъ, Филохоръ. Macrob. Saturn. I, 10. Въ историческое время было въ Аѳинахъ малое капище Кроноса и Реи близъ храма Зевса Олимпійскаго у Акрополя. Paus. I, 18, 7. На островахъ *Критѣ* и *Родосѣ* поклоненіе ему было соединено съ принесеніемъ людей въ жертву. Въ историческое время въ Родосѣ брались для того преступники, приговоренные къ смерти; ихъ поили виномъ и закалали въ праздникъ Кроній. Porphyr. de Abstin. 2, 54, 56. Athanas. Or adv. Graecos. Упомянутый уже потерянный писатель Филохоръ приписывалъ такъже Кекропсу и учрежденіе въ честь Кроносу Кроній, праздника, состоявшаго въ пирѣ господъ съ рабами по уборкѣ хлѣба и плодовъ. Philochorus Saturno et Opi primum in Attica statuisse aram Cecropem dicit eosque deos pro Iove Terraque coluisse instituisseque ut patres familiarum ex frugibus et fructibus jam coactis passim cum servis vescerentur, cum quibus patientiam laboris in colendo rure toleraverant. Delectari enim deum honore servorum contemplatu laboris. Макробій l. l. Нѣсколько выше этой цитаты изъ Филохора, именно въ 7-й главѣ 1-й книги Макробій приводитъ мѣсто изъ Анналовъ поэта Акція, изъ котораго видно, что Кроніи праздновались въ городахъ и селахъ общими пиршествами господъ и рабовъ, почти во всей Греціи, но особенно въ Аѳинахъ:

Maxima pars Grajum Saturno et maxime Athenae
Conficiunt sacra quae Cronia esse iterantur ab illis:
Cumque diem celebrant, per agros urbesque per omnes
Exercent epulas laeti famulosque procurant
Quisque suos.

Digitized by Google

По времени этотъ праздникъ должно бы было, основываясь на Филохорѣ, помѣстить въ началѣ зимы, но у насъ есть другое свидѣтельство Демосѳена adv. Timocr. p. 708, 13, изъ котораго оказывается, что Кроніи праздновались 12-го Гекатомбеона, т. е. лѣтомъ. Въ древнія времена праздникъ Кроній былъ такъ важенъ, что самый мѣсяцъ Гекатомбеонъ назывался прежде Кроніономъ. Etym. M. p. 321. Можетъ быть, было въ году двое Кроній, одни зимой, другія лѣтомъ. Римскія Сатурналіи, о которыхъ у насъ болѣе извѣстій, праздновались зимой.

Этѣмъ ограничивается то, что̀ намъ сообщаютъ древніе писатели о поклоненіи Грековъ Кроносу. Но мы узнаёмъ изъ нихъ о бывшемъ у Грековъ общемъ мнѣніи, что Кроносъ, ставъ для Грековъ богомъ прошедшаго, у другихъ народовъ продолжалъ пользоваться поклоненіемъ. Отсюда произошли сказанія, что Кроносъ убѣжалъ отъ угрозъ Зевса на сѣверъ, именно на Кавказъ, *μετὰ τὴν γιγαντομαχίαν, ἐκκλίνων τὰς Διὸς ἀπειλὰς ἔφυγε εἰς τὴν ακρώρειαν Βορέου κοίτης. Καυκάσιον ὄρος ἐκαλεῖτο δὲ τὸ πρότερον Βορέου κοίτη.* Plutarch. *περὶ ποταμῶν καὶ ὄρων* ed. Hudson. p. 11. На основаніи этого же мнѣнія Греки узнавали своего Кроноса въ Залмоксѣ, которому поклонялись Геты. Etym. M., Свида, Гесихій s. v. *Ζάμολξις, Ζάλμοξις.* Сюда же относятся болѣе распространенныя въ древности сказанія о бѣгствѣ Кроноса на западъ, гдѣ онъ былъ принятъ и царствовалъ. Діодоръ Сицилійскій говоритъ, что Кроносъ господствуетъ преимущественно на западѣ, *δυναστεῦσαι δ' αὐτὸν μάλιστα τῶν πρὸς ἑσπέραν τόπων*, 5, 66. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель называетъ Сицилію, Ливію и Италію, какъ страны, надъ которыми властвовалъ Кроносъ, 3, 60. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, съ бо́льшею свободою отъ евгемерическаго обращенія боговъ въ царей, что Сатурну, т. е. Кроносу по бо́льшей части особенно покланяются на западѣ, что его vulgo maxime ad occidentem colunt, de N. D. 3, 17.

Digitized by Google

Самымъ отдаленнымъ храмомъ Кроноса на западѣ Страбонъ (3. p. 169.) считаетъ храмъ въ Кадиксѣ. Плутархъ впрочемъ находитъ Кроноса даже на островахъ, лежащихъ близъ Британніи, гдѣ, по увѣренію туземцевъ, Бріарей по приказанію Зевса стережетъ спящаго Кроноса (Plut. de Oracul. def. p. 420. A. de facie Lunae p. 941. A.). Плутархъ могъ отождествлять этого бога островитянъ съ греческимъ Кроносомъ по увѣренности, что западные народы покланяются Кроносу. Софоклъ же напротивъ приписываетъ поклоненіе Кроносу, соединенное съ принесеніемъ людей въ жертву, вообще варварамъ:

Νόμος γάρ ἐστι τοῖσι βαρβάροις Κρόνῳ
Θυηπολεῖν βρότειον αρχήθεν γερας.

Это отрывокъ изъ Андромеды, сохраненный у Гесихія *v. κούριον* и приведенный здѣсь по исправленію Буттманна въ Mythol. II, p. 41 not.

Особенно же Греки и Римляне приписывали поклоненіе Кроносу симитическимъ народамъ. Они относили къ нему человѣческія жертвы, приносимыя Молоху и Баалу, и называли еврейскую Субботу днемъ Кроноса или Сатурна. См. мѣста собранныя у Буттманна Mythologus II, 41 not. Буттманнъ согласно съ своимъ предположеніемъ о значеніи Кроноса приписываетъ это отождествленіе недоразумѣніямъ, но это объясненіе такъ произвольно, что его можно бы было допустить только въ крайнемъ случаѣ. Напротивъ, что̀ страннаго въ увѣренности Грековъ, что они возвысились надъ поклоненіемъ страшному богу, требующему человѣческихъ жертвъ, между тѣмъ какъ нѣкоторые другіе народы остались имъ связаны? И вѣроятно ли, чтобы греческій народъ по недоразумѣнію отождествилъ одного изъ своихъ боговъ съ такимъ страшнымъ и вездѣ извѣстнымъ богомъ, какъ тотъ, который требовалъ [1]) отъ столь многихъ народовъ такихъ

[1]) Такъ напр. Карѳагеняне принесли нѣсколько сотъ дѣтей въ

Digitized by Google

ужасныхъ жертвъ не только во времена отдаленной древности, но и въ позднюю эпоху историческаго времени?

Уже одна эта трудность могла бы сдѣлать сомнительнымъ мнѣніе Буттманна, что греческій Кроносъ есть не что иное какъ время и первоначально не имѣлъ ничего общаго съ великимъ богомъ народовъ передней Азіи. Но къ ней присоединяется весьма важное обстоятельство, что въ греческой религіи аллегорическія существа вообще очень рѣдки и что потому въ высшей степени невѣроятно, чтобы олицетвореніе отвлеченнаго понятія могло найти поклонниковъ между Греками именно въ самое древнее время (Кекропсъ въ Аѳинахъ, золотое поколѣніе въ Олимпіи), и притомъ такихъ ревностныхъ поклонниковъ, какихъ мы видимъ еще въ историческое время въ Родосѣ.

Таковы данныя и результаты, выводимые изъ исторіи поклоненія Кроносу. Изъ нихъ правда оказывается, что Кроносъ былъ забытый богъ, что въ историческое время греческаго народа поклоненіе ему было очень незначительно; но изъ нихъ такъ же видно, что Греки сохраняли до самыхъ позднихъ временъ живое воспоминаніе о прежнемъ его владычествѣ и что, основываясь на этомъ воспоминаніи, они отождествляли его съ главнымъ богомъ нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ имъ народовъ. Этѣ результаты совершенно согласны съ гезіодическимъ сказаніемъ о низложеніи Кроноса Зевсомъ, изъ котораго слѣдуетъ, что Греки дѣйствительно покланялись въ древнѣйшее время Кроносу, но въ послѣдствіи отказались отъ него и обратились къ служенію Зевсу. Съ этѣмъ вмѣстѣ они показываютъ всю неосновательность Буттманнова от-

---

жертву, когда ихъ тѣснилъ Агаѳоклъ. Diod. XX, 14. Даже подъ Римскимъ владычествомъ они продолжали еще этѣ жертвоприношенія, хотя и тайно. Tertull. Apolog. 9.

Digitized by Google

рицанія исторической преемственности Зевса послѣ Кроноса и Кроноса послѣ Урана: прекращеніе служенія Кроносу естественно объясняется тѣмъ, что на его мѣсто вступилъ для Грековъ Зевсъ. Разберемъ теперь въ подробности самое сказаніе Гезіода и посмотримъ, на что̀ укажутъ его отдѣльныя черты.

»Рея подъ игомъ Кроноса родила свѣтлыхъ дѣтей, Гестію, Деметру, Геру, могучаго Ада, сильношумящаго Посидона и мыслителя Зевса. Но ихъ всѣхъ проглатывалъ, κατέπινε, великій Кроносъ, какъ только они выходили изъ священнаго чрева къ колѣнамъ матери. Онъ замыслилъ это, дабы кто другой изъ потомковъ Урана не получилъ царственныхъ почестей между безсмертными.« Hesiod. Theog. 453—462.

Прямой смыслъ этого мѣста довольно явенъ. Дѣти Кроноса, какъ всѣмъ извѣстно, стали въ послѣдствіи при Зевсѣ олимпійскими богами. Пока Кроносъ господствовалъ, они были имъ рождены, но скрывались въ немъ самомъ, въ его внутренностяхъ: проглотивши ихъ, онъ ихъ не выпускалъ наружу. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Кроносово время, люди могли знать о его дѣтяхъ только очень смутно. Это прямо слѣдуетъ изъ словъ Гезіода, если смотрѣть на миѳъ, имъ разсказываемый, со стороны человѣческаго сознанія, такъ сказать снизу. Это не толкованіе словъ Гезіода, а прямой выводъ изъ нихъ. Но послушаемъ далѣе поэта Ѳеогоніи.

»Рея была одержима невыносимымъ страданіемъ и, когда должна была родить Зевса, отца боговъ и людей, просила наконецъ своихъ (милыхъ) родителей сообщить ей мудрость, чтобы она тайно родила (милаго) сына и отомстила преступленія его отца. А они вняли (милой) дочери и послушались и сказали ей то, чему было суждено сбыться относительно Кроноса царя и его великодушнаго сына.« Theog. 467 — 476. Рея родила Зевса на Критѣ, Кроносу подала камень и тотъ проглотилъ его,

Digitized by Google

несчастный, »и не догадался въ своихъ мысляхъ, что у него позади вмѣсто камня остался сынъ непобѣдимый и безопасный, который скоро одолѣетъ его сильными руками и лишитъ славы, а самъ между безсмертными будетъ царствовать.« 488—491.

»Быстро послѣ того сила и свѣтлые члены расли у царя и по обращеніи лѣтъ, обманутый многомудрыми совѣтами Геи, великій криводумный Кроносъ выпустилъ назадъ свое потомство, побѣжденный художествами и силой своего сына.« 492—496.

И такъ Зевсъ одолѣлъ Кроноса и принудилъ выпустить наружу своихъ олимпійскихъ сестръ и братьевъ. Это значитъ, что Зевсъ далъ Грекамъ возможность ясно узнать тѣ существа, которымъ они поклонялись въ историческое время. До побѣды Зевса надъ Кроносомъ Греки не знали ясно своихъ боговъ, не могли ихъ различать, не чувствовали значенія и силы каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Кроносъ скрывалъ ихъ всѣхъ въ своихъ внутренностяхъ; онъ одинъ царствовалъ надо всѣмъ міромъ. Ниже мы узнаемъ изъ одного мѣста въ Ѳеогоніи (881 ст. и слѣд.), что тѣ занятія, которыя въ послѣдствіи принадлежали отдѣльнымъ богамъ, получены ими отъ Зевса. Народное сказаніе выразило это отношеніе такъ, что Кроносъ поглащаетъ своихъ дѣтей и потомъ, принужденный Зевсомъ, изрыгаетъ ихъ опять.

Такое объясненіе миѳа о поглощеніи Кроносомъ своихъ дѣтей выходитъ само собою изъ словъ Гезіодовыхъ. Но оно и кромѣ того подтверждается. Додонскія жрицы разсказывали Геродоту, что Пеласги приносили жертвы богамъ, не давая имъ ни прозвищъ, ни именъ, потому что они ихъ не слыхивали. »Они называли ихъ *уложителями*, θεοί, потому что они обладали всѣми вещами и всѣми дарами, уложивъ ихъ по чину (κόσμῳ θέντες). Потомъ по истеченіи многаго времени они узнали пришедшія изъ Египта имена прочихъ боговъ, Діониса же

Digitized by Google

имя узнали еще многимъ позднѣе; и по времени спрашивали у Додонскаго Оракула, бывшаго тогда единственнымъ въ Греціи, принимать ли имъ имена, пришедшія отъ варваровъ. Оракулъ далъ утвердительный отвѣтъ и съ того времени Пеласги стали приносить жертвы, употребляя имена боговъ, а отъ нихъ этѣ имена получили въ послѣдствіи и Геллены.« Herod. II, 52.

Если устранить упоминаніе египетскаго вліянія, которое многими совершенно отвергается и во всякомъ случаѣ сомнительно въ такомъ объемѣ, какой ему давали додонскія жрицы, то останется преданіе о переходѣ Пеласговъ отъ безъименныхъ боговъ къ богамъ именуемымъ и о томъ, что этотъ переходъ произошелъ подъ вліяніемъ Додонскаго Оракула. Ниже мы увидимъ связь, въ которой этотъ оракулъ стоялъ съ поклоненіемъ Зевсу; здѣсь припомнимъ только то, что изъ Додоны пришелъ къ Іо гласъ, объявившій ей, что она будетъ невѣстою Зевса. Этѣ указанія достаточны, чтобы сблизить распространеніе изъ Додоны именъ боговъ съ распространеніемъ оттуда же поклоненія Зевсу. Такимъ образомъ мы находимъ соотвѣтствіе историческаго свидѣтельства о томъ времени, когда Пелаеги, призывая боговъ, не различали ихъ по именамъ, — съ миѳическимъ сказаніемъ о заключеніи Кроносомъ боговъ въ своихъ внутренностяхъ. Ежели миѳъ говоритъ, что Зевсъ принудилъ Кроноса выпустить ихъ на свѣтъ; то тоже самое только другими словами говоритъ преданіе, что Додонскій Оракулъ велѣлъ Грекамъ призывать боговъ подъ отдѣльными именами.

Мы видимъ, что свидѣтельство Геродота, изображающее древній періодъ греческихъ религій, какъ время темнаго, неяснаго сознаванія тѣхъ боговъ, которымъ Греки поклонялись въ послѣдствіи, совершенно согласно съ гезіодическимъ миѳомъ о состояніи боговъ при Кроносѣ. Это замѣчательное соотвѣтствіе историческаго и ми-

Digitized by Google

ическаго свидѣтельства много говоритъ въ пользу послѣдняго и возбуждаетъ къ нему большое довѣріе, съ другой же стороны еще болѣе обезсиливаетъ доводы Буттманна, при истинности которыхъ оно было бы невозможно.

Такимъ образомъ, и миѳы гезіодическіе, вмѣстѣ съ историческими свидѣтельствами, ихъ подтверждающими и объясняющими, и данныя, представляемыя исторіей поклоненія, все соединяется противъ предположенія Буттманна, будто Кроносъ не что иное, какъ олицетвореніе времени и будто Греки никогда не покланялись ему, какъ главному богу. Напротивъ, все заставляетъ признать въ гезіодическомъ сказаніи миѳъ, основанный на преданіи о дѣйствительномъ событіи въ исторіи греческой религіи; все заставляетъ видѣть въ Кроносѣ существо, которому Греки прежде покланялись какъ главному богу, но которое было потомъ ими забыто, когда они перешли къ поклоненію Зевсу и окружавшимъ его Олимпійцамъ.

Намъ оставалось бы, послѣ всего сказаннаго о Кроносѣ, еще спросить себя о внутреннемъ значеніи этого бога и о его существенномъ отличіи отъ Урана и Зевса, но этѣ вопросы не могутъ быть рѣшены посредствомъ однихъ историческихъ изслѣдованій. Поэтому мы только припомнимъ выводъ, сдѣланный нами изъ сличенія гезіодическаго сказанія съ свидѣтельствомъ Геродота и состоящій въ томъ, что главнымъ характеромъ религіи кроносовскаго времени было смутное и неясное сознаваніе боговъ, соединенное съ безыменнымъ поклоненіемъ имъ, и ограничимся объясненіемъ имени Кроноса, въ которомъ можно найти также нѣкоторое указаніе на этотъ характеръ. Дѣло въ томъ, что съ нашей точки зрѣнія можно при этомъ объясненіи слѣдовать мнѣнію Буттманна, который утверждаетъ, что имя Кроноса поздняго происхожденія и означаетъ древняго, истекшаго бога.

Digitized by Google

Буттманнъ относитъ это наименованіе къ существу бога времени, но мы можемъ принимать Буттманново этимологическое объясненіе и относить имя истекшаго къ великому богу греческаго доисторическаго времени, ежели только допустимъ, что оно было ему дано послѣ его низверженія.

Относительно производства имени *Κρόνος* существуютъ два мнѣнія, изъ которыхъ одно принадлежитъ Германну, другое Буттманну. Германнъ производитъ его (см. Hermann de mythologia p. 9.) отъ *κραίνω*, завершаю. Ежели принять это производство, то въ имени Кроноса будетъ указаніе на отношеніе его къ прошедшему, котораго завершителемъ онъ явился, именно на его отношеніе къ Урану [1]). Нельзя отрицать, что очень трудно дойти до чего нибудь достовѣрнаго въ подобныхъ производствахъ; можетъ быть, нѣтъ задачи этимологической труднѣе толкованія именъ боговъ; но такъ какъ при рѣшеніи такихъ задачъ не можетъ быть устраненъ вопросъ о бо́льшей или меньшей вѣроятности одного объясненія передъ другимъ, то съ этой точки зрѣнія можно, кажется, предпочесть производство, предложенное Буттманномъ, по которому Кроносъ будетъ означать, какъ уже сказано, стараго, утекшаго бога. Буттманнъ остановился на замѣчаніи Платона въ Кратилѣ, что всѣмъ прародителямъ боговъ даны имена отъ теченія. По мнѣнію Платона *Ῥέα* происходитъ отъ *ῥεῖν*, а имя *Κρόνος* тождественно съ *κρουνός*. Буттманнъ узнаетъ въ словѣ *κρουνός*, такъ же точно, какъ и въ *κρήνη*, корень *ῥεῖν* и производитъ отъ этого корня и *Κρόνος* и *χρόνος*. Обѣ формы по Буттманну тождественны и означаютъ: протекшій. Первоначально это было прилагательное и слѣды того со-

---

[1]) Нѣкоторые ученые относятъ предполагаемое значеніе совершителя къ дарованію плодовъ и сближаютъ Кроноса съ Сатурномъ.

Digitized by Google

хранились въ схоліяхъ къ Аристофану Nub. 926. *Κρόνος*, *ἀρχαῖος*, *λῆρος*. Послѣ оно стало существительнымъ и означало въ формѣ *Κρόνος* стараго бога, въ формѣ *χρόνος* протекшее время (сравни наше время, въ выраженіи: повѣсть временныхъ лѣтъ).

Таковы соображенія, къ которымъ даетъ поводъ Гезіодово сказаніе о Кроносѣ. Мы ихъ начали съ вопроса о томъ, что̀ такое это сказаніе, философема ли Гезіода или греческое народное повѣрье. Что первое объясненіе допускается характеромъ Гезіодовой поэзіи, это слѣдовало изъ приведеннаго мѣста о музахъ изъ начала Θеогоніи. Въ глазахъ Буттманна оно находило основаніе и въ загадочноети самаго миѳа. Но мы видѣли, что главная трудность, представлявшаяся Буттманну, основывалась на его собственной гипотезѣ. Буттманнъ предполагалъ, что языческіе народы не измѣняли своихъ религій и всегда оставались вѣрными одному главному богу. Но это мнѣніе есть чистая гипотеза, которую едва ли кто сочтетъ состоятельною передъ сильными доводами, говорящими въ пользу того, что Кроносъ нѣкогда былъ дѣйствительно народнымъ великимъ богомъ, а не безцвѣтнымъ олицетвореніемъ отвлеченнаго понятія времени. Во 1-хъ, Кроносъ продолжалъ пользоваться поклоненіемъ и въ историческое время; а мы знаемъ, что Греки почти вовсе не поклонялись отвлеченнымъ понятіямъ. Во 2-хъ, общее мнѣніе относило установленіе этого поклоненія къ времени самому древнему и приводило его въ связь въ Аѳинахъ съ Кекропсомъ, въ Олимпіи съ золотымъ поколѣніемъ. Въ 3-хъ, въ греческомъ народѣ сохранилось до поздняго времени такое ясное представленіе о Кроносѣ, что Греки могли единогласно отождествлять его съ страшнымъ богомъ нѣкоторыхъ варварскихъ народовъ. Наконецъ сказаніе о поглощеніи Кроносомъ дѣтей, кромѣ того, что носитъ неоспоримо народный колоритъ, подтверждается совершенно тождественнымъ, только свободнымъ отъ миѳи-

Digitized by Google

ческой формы, додонскимъ преданіемъ о служеніи Пеласговъ неяснымъ безъименнымъ богамъ, сохранившимся у Геродота и находящимъ отчасти опору въ миѳѣ объ Іо.

Поэтому мы должны признать Гезіодово сказаніе о Кроносѣ за народное повѣрье, ведущее свое начало отъ того времени, когда Греки еще поклонялись Кроносу, и слѣдовательно имѣющее историческую основу, а въ миѳѣ о низверженіи Кроноса Зевсомъ видѣть преданіе, облеченное миѳическимъ покровомъ, о великомъ переворотѣ, дѣйствительно происшедшемъ въ греческомъ религіозномъ сознаніи и побудившемъ греческій народъ оставить Кроноса и обратиться къ Зевсу. Такимъ образомъ изслѣдованіе вопроса о значеніи Кроноса привело насъ опять къ тому естественному объясненію миѳовъ о богахъ, бывшихъ прежде Зевса, которое было предложено выше на первыхъ страницахъ этого сочиненія на основаніи внутренней вѣроятности. Такое подтвержденіе можетъ значительно облегчить дальнѣйшія изслѣдованія о прочихъ Титанахъ, окружавшихъ Кроноса и боровшихся съ Зевсомъ. При этѣхъ изслѣдованіяхъ у насъ уже будетъ подъ ногами твердая основа въ убѣжденіи, что Кроносъ и боги, его окружавшіе, дѣйствительно господствовали надъ греческимъ религіознымъ сознаніемъ и что ежели и допустить, что имя и образъ, подъ которыми они до насъ дошли черезъ поэтовъ, принадлежатъ позднѣйшему времени свободныхъ вымысловъ, то по крайней мѣрѣ въ сущности миѳовъ, въ ихъ такъ сказать ядрѣ, должно быть признано первоначальное невымышленное содержаніе, именно преданіе о богахъ, которымъ греческій народъ дѣйствительно поклонялся. Древнія, но неясныя въ древности существа могли получить имя и опредѣленное значеніе въ послѣдствіи.

Мы говорили о мнѣніи Буттманна касательно значенія и происхожденія имени Кроноса. Объ именахъ Тита-

Digitized by Google

новъ утверждаетъ почти то же самое Штуръ, что Буттманнъ о Кроносѣ. см. Stuhr Religionssysteme der Hellenen. p. 179 ff. По Штуру имена Титановъ вымышлены, когда уже господствовалъ Зевсъ въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Этѣ имена суть слѣдующія: *Ὠκεανός*, *Κοῖος*, *Κρῖος*, *Ὑπερίων*, *Ἰαπετός*, *Κρόνος*, *Θεία*, *Ῥεῖα*, *Θέμις*, *Μνημοσύνη*, *Φοίβη*, *Τηθύς*. Штуръ впрочемъ не предлагаетъ этимологическихъ объясненій отдѣльнымъ именамъ.

Германнъ въ своей Dissertatio de mythologia Graecorum antiquissima (Opusc. II, 167) толкуетъ этѣ имена физически. *Ὠκεανός* по его мнѣнію Celerivena, быстроходящій, отъ устарѣлаго *ἔειν*, ire. *Κοῖος* и *Κρῖος* онъ переводитъ Turbulus и Sejugus, *Ὑπερίων* и *Ἰαπετός* Tollo и Mersius; *Θεία*, *Ῥεία* Ambulona и Fluonia (quarum meare commune est, sed propria sunt, alterius manere inter meandum, alterius diffluere ac dissipari) *Θέμις* и *Μνημοσύνη* — Statina и Moneta (quarum alterius est fluxa statuere et firmare; alterius quiescentia excitare et commovere). *Φοίβη* и *Τηθύς*, Februa и Alumnia (earum altera purgatrix est, removens inutilia et noxia; altera nutrix, utilia et salutaria admovens). Наконецъ *Κρόνος* — Perficus отъ *κραίνω*. »Hic ultimus natu, quia denique motus illos composuit; et *ἀγκυλομήτης* quia diuturnum hoc fuit et difficile opus.« Имя »Титаны« Германъ переводитъ Tendones. Они названы такъ »non ab alia re quam quod ultro citroque tendendo omnem rerum naturam pertentaverint.« Въ языкѣ историческаго времени осталось слово, сродное съ ихъ именемъ. Это глаголъ *τιταίνειν* (напрягать, распростирать, влечь, Лексик. Коссов.), отличающійся впрочемъ отъ слова *τιτάν* краткостью перваго слога. Таково объясненіе Германна, въ основаніи котораго лежитъ предположеніе, что весь миѳъ о Титанахъ не болѣе какъ философема.

Штуръ l. l. напротивъ даетъ Титанамъ психическое значеніе; ихъ имена, по его мнѣнію, вымышлены, когда уже установилось поклоненіе Олимпійцамъ и выражаютъ

Digitized by Google

понятія этого позднѣйшаго времени о состояніи сознанія, имѣвшемъ мѣсто при переходѣ отъ Кроноса къ Зевсу. Поэтому въ нихъ нельзя искать тѣхъ самыхъ боговъ, которымъ Греки поклонялись при Кроносѣ; въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ важенъ только фактъ предшествованія Титановъ Олимпійцамъ. Объ этомъ фактѣ сохранилось ясное преданіе и этѣмъ мы должны довольствоваться. Въ подробностяхъ же разсказываемыхъ о Титанахъ въ отдѣльности слѣдуетъ признать вымыслы, сдѣланные на основаніи міросозерцанія позднѣйшаго времени, которое хотѣло выразить этѣми вымыслами свои представленія о внутренней борьбѣ, происходившей въ душѣ Пеласга во время появленія поклоненія Олимпійцамъ.

Таково мнѣніе Штура, прямо противоположное Германнову. У насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы приблизить вопросъ о существенномъ значеніи Титановъ къ рѣшенію сколько нибудь положительному. Теперь въ миѳологіи, кажется, вообще благоразумнѣе обратить изслѣдованіе на выраженныя въ миѳахъ отношенія боговъ и героевъ одного къ другому, и на общій характеръ, замѣчаемый въ поклоненіи отдѣльнымъ богамъ въ разныхъ мѣстностяхъ, и оставить проникновеніе въ сущность боговъ позднѣйшему времени.

Поэтому мы здѣсь только замѣтимъ, что противъ психическаго толкованія [1]), и за физическое говоритъ

---

[1]) Всякое толкованіе въ миѳологіи имѣетъ въ виду значеніе, которое имѣли миѳологическія существа для тѣхъ, которые имъ поклонялись или ихъ вымышляли. Рождались всѣ боги въ сознаніи человѣческомъ, но не всѣ имѣютъ потому психическое значеніе. Нельзя не признать вѣроятности мнѣнія, что имена Титановъ вымышлены въ зевсово время. Это мнѣніе согласно съ геродотовскимъ преданіемъ о первобытной безъименности греческихъ боговъ; его раздѣляютъ и Штуръ и Германъ. Послѣдній правда считаетъ и содержаніе сказанія вымышленнымъ, и тѣмъ отличается отъ Штура, который признаетъ дѣйствитель-

Digitized by Google

употребленіе словъ Titan и Titania вмѣсто »солнце« и »луна« у латинскихъ поэтовъ и что также противъ психическаго толкованія, и если не за физическое, то по крайней мѣрѣ за реальное можетъ свидѣтельствовать переводъ слова »Титаны« въ Санхуніаѳонѣ у Евсевія Praepar. Evang. 1, 10 словомъ ἑλωίμ. Но для характеризованія отношенія Титановъ къ Олимпійцамъ укажемъ на одно очень интересное обстоятельство, относящееся къ поклоненію имъ въ Греціи, и могущее дать полезныя указанія для толкованія Гезіодовой Титаномахіи. Исторія поклоненія будетъ намъ служить и здѣсь, какъ прежде при вопросѣ о Кроносѣ, твердою точкою исхода.

Мы видѣли, что въ честь Кроносу въ историческое время еще существовали два святилища, одно въ Олимпіи, другое въ Аѳинахъ, и совершался праздникъ Кроній. Прочимъ Титанамъ-мужчинамъ не встрѣчается вовсе поклоненія; они были низвергнуты Зевсомъ въ тартаръ и совершенно забыты Греками за единственнымъ исключеніемъ Океана. Но о Титанахъ-женщинахъ нельзя того же сказать.

Что *Рея* осталась въ уваженіи, какъ мать Олимпійцевъ, это очень естественно. Она звалась также великою матерью боговъ и была отождествлена съ Кибелой, великой богиней народовъ малой Азіи, которой поклоненіе стояло въ связи съ священнымъ камнемъ, хранившимся въ Пессинунтѣ въ Галатіи. Подъ именемъ Реи ей покланялись въ Греціи въ Аѳинахъ и въ Олимпіи, кромѣ

ность содержанія, лежащаго въ основаніи позднѣйшихъ сказаній о Титанахъ. Но и кромѣ этого мнѣнія Штура можно допустить другое мнѣніе, не лишенное вѣроятности. Можно предполагать, что вымышлявшій сказанія о Титанахъ хотѣлъ изобразить не только силы, боровшіяся въ душѣ человѣка съ мыслію о Зевсѣ, но и силы, реально боровшіяся съ Зевсомъ, какъ съ существомъ реальнымъ. Но, какъ сказано, такіе трудные и неудоборѣшимые вопросы лучше пока устранить отъ изслѣдованія.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
Digitized by Google

того, какъ великая матерь, она имѣла много святилищъ, называвшихся Метрóонами. Есть правда слѣды, что и ея храмы приходили въ забвеніе, ибо иначе Деметрій Скепсій не могъ бы утверждать, что ей вовсе не покланяются на островѣ Критѣ и вызвать тѣмъ опроверженія со стороны Страбона (p. 724). Но все таки нельзя сомнѣваться, что Рея не была забыта Греками, чего и трудно было бы, какъ уже сказано, ожидать, потому что она мать всѣхъ боговъ, рожденныхъ ею отъ Кроноса. Гораздо неожиданнѣе во всякомъ случаѣ, что и прочіе Титаны женскаго пола сохранили нѣкоторое значеніе.

Θίιο, какъ еще господствующую богиню, призываетъ Пиндаръ въ началѣ пятой Исѳмійской оды слѣдующими словами: »Матерь солнца многоименная Θія, ради тебя люди считаютъ могучее золото выше другихъ вещей, ради твоей же почести состязаются корабли на морѣ и въ колесницахъ кони и вызываютъ удивленіе быстровратными распрями.« Изъ этого видно, что Θія отличалась загадочнымъ отношеніемъ къ золоту и состязаніямъ.

Θемида считалась одною изъ первыхъ супругъ Зевса; отъ нея произошли Горы (*ὧραι*): благочиніе (*εὐνομία*), правда (*δίκη*), миръ (*εἰρήνη*) и Парки (*Μοῖραι*). Въ Дельфахъ она должна была уступить оракулъ другимъ богамъ, но въ Θивахъ и въ Олимпіи сохранились ея храмы, не говоря уже о храмахъ Θемидъ въ Аѳинахъ, Танагрѣ, Трезенѣ.

Мнемосина, такъ же какъ и Θемида, имѣла связь съ Зевсомъ. Изъ этой связи произошли Музы. Ея кумиръ стоялъ въ Аѳинахъ; ея священный источникъ и тронъ находился въ Лебадіи при оракулѣ Трофонія.

Феба обладала Дельфійскимъ Оракуломъ послѣ Θемиды, слѣдовательно стояла еще ближе ея къ Олимпійцамъ. Отъ Титана Кея она родила по Θеогоніи 404 Астерію (указывающую на звѣздное небо) и Латону, мать Аполлона и Артемиды.

Digitized by Google

Тѳѳида упоминается рѣже другихъ; она жена Океана; о поклоненіи ей нѣтъ рѣчи у древнихъ; но все таки она не совсѣмъ забыта и находится въ сообщеніи съ Олимпійцами. Такъ напр. Гера говоритъ однажды въ Иліадѣ, что отправляется навѣстить ее И. XIV, 302.

Изъ этого видно, что женскіе Титаны или вступили въ прямую связь съ Зевсомъ, или по крайней мѣрѣ стали къ нему въ такое отношеніе, что могли быть терпимы Олимпійцами, между тѣмъ какъ мужескіе Титаны, за единственнымъ исключеніемъ Океана, были низвержены въ мракъ тартара и преданы забвенію. Причиною этого замѣчательнаго факта было, что женскія титаническія существа по своей женственности были доступнѣе Зевсу и менѣе вѣрны Кроносу; — ихъ отношеніе къ Кроносу было тоже самое, въ какомъ Гея находится къ Урану въ сказаніи о лишеніи Урана мужеской силы. Какъ Гея благопріятствовала Кроносу, такъ Рея и прочія Титаниды благопріятствуютъ въ послѣдствіи Зевсу. Благодаря этой доступности, онѣ избѣжали тѣхъ наказаній, которыя Зевсъ приготовилъ Титанамъ за ихъ ожесточенную борьбу. По своей женственности болѣе воспріимчивыя и болѣе наклонныя къ новому богу, онѣ могли быть терпимы въ его новомъ царствѣ. О нихъ нельзя предполагать, чтобы онѣ вмѣстѣ съ мужескими Титанами долго боролись съ Зевсомъ; можетъ быть даже, что онѣ помогали ему въ Титаномахіи, какъ одинъ изъ младшихъ Титановъ, Промеѳей.

Промеѳей дѣйствительно причисляется къ Титанамъ, какъ сынъ Іапета. Но Эсхилъ въ Промеѳеѣ 218 Well. о немъ разсказываетъ, что во время Титаномахіи онъ по своей предусмотрительности помогалъ Зевсу. Въ сказаніяхъ о Промеѳеѣ видно много слѣдовъ его титанической натуры; онъ надменно смотритъ на Зевса и съ трудомъ ему покоряется. Мы заключаемъ изъ этѣхъ сказаній, что онъ въ самомъ дѣлѣ Титанъ, но уже его имя сказы-

Digitized by Google

ваетъ намъ, что онъ изъ Титановъ самый предусмотрительный, что онъ предвидѣлъ будущность, и потому свидѣтельство Эсхила вполнѣ заслуживаетъ уваженіе. Мы понимаемъ, почему онъ съ одной стороны младшій изъ Титановъ и почему съ другой стороны Іо, терзаемая жаломъ осы за любовь къ Зевсу, обращается къ нему, чтобъ получить успокоительное предсказаніе о ея будущемъ окончательномъ сближеніи съ Зевсомъ. Понятно становится и поклоненіе Промеѳею, встрѣчаемое во многихъ мѣстахъ въ Греціи, въ особенности же въ Аѳинахъ.

Такимъ образомъ открывается между самими Титанами рядъ степеней сближенія ихъ съ Зевсомъ, въ которыхъ можно видѣть рядъ побѣдъ Зевса и какъ бы эпохъ въ исторіи его борьбы съ ними. Сестры Кроноса стоятъ въ этомъ ряду ближе къ Зевсу, нежели Кроносовы братья, и наконецъ еще ближе стоитъ къ Зевсу младшій Титанъ Промеѳей, хотя и онъ еще ему не совсѣмъ покоренъ. Этотъ выводъ, основанный на исторіи поклоненія, чрезвычайно важенъ и пролагаетъ дорогу къ объясненію гезіодическаго сказанія о Титаномахіи, къ которому мы теперь переходимъ.

Титаномахія разсказывается въ Ѳеогоніи отъ 617 до 731 или до 755 стиха (послѣдніе стихи считаются позднею приставкою) слѣдующимъ еще не очень ловкимъ образомъ:

»Когда отецъ Уранъ разгнѣвался духомъ на Бріарея, Коттоса и Гіеса онъ связалъ ихъ крѣпкими узами, завидуя и надменной храбрости и виду и огромности ихъ, и сдавилъ внизу подъ богатой путями землей. Тамъ они, ведя скорбную подземную жизнь, долго бездѣйствовали на краю міра, на предѣлахъ великой земли, въ большой горести, съ великимъ страданіемъ въ сердцѣ. Но сынъ Кроноса и другіе безсмертные боги, которыхъ родила прекрасноволосая Рея отъ любви Кро-

Digitized by Google

носа, вывели ихъ опять на свѣтъ вслѣдствіе хитростей земли. Ибо земля все подробно высказала богамъ и сообщила, что съ сторукими имъ суждено стяжать побѣду и желанную свѣтлую славу. Ибо чрезъ мѣру долго сражались, другъ противъ друга, въ сильныхъ бояхъ, неся скорбный трудъ, Титаны-боги и тѣ боги, которые произошли изъ Кроноса, почтенные Титаны съ высокаго Оериса, а боги, податели благъ, которыхъ родила прекрасноволосая Рея отъ ложа Кроносова, съ Олимпа. Ведя между собою скорбную битву, они постоянно сражались почти десять лѣтъ и не было ни рѣшенія, ни конца тяжелой распри ни для тѣхъ, ни для другихъ, и конецъ войны былъ для нихъ равномѣрно отдаленъ. Но когда Зевсъ подалъ Уранидамъ (Бріарею, Коттосу и Гіесу) все приготовленное, и нектаръ и амбросію, пищу самихъ боговъ, у нихъ прибыло мужественнаго духа въ груди. И когда они напитались нектаромъ и пріятной амбросіей, тогда уже сказалъ имъ отецъ боговъ и людей:

»Вы слушайте меня, свѣтлыя дѣти земли и неба, покавамъ выскажу, что мнѣ приказываетъ духъ въ груди, потому что уже слишкомъ давно другъ противъ друга за побѣду и могущество мы сражаемся, Титаны-боги и сколько насъ родилось отъ Кроноса. А вы покажите противъ Титановъ въ горькой войнѣ великую силу и недосягаемыя руки, помня дружественную пріязнь, и то, какъ вы, послѣ многихъ страданій, вышли опять на свѣтъ изъ давящихъ оковъ и изъ туманнаго мрака нашими стараніями.«

»Такъ онъ сказалъ, а ему въ отвѣтъ сталъ говорить Коттосъ неукоризненный: »не неизвѣстное ты говоришь, почтенный, но мы и сами знаемъ, что у тебя есть смыслъ, и что ты родился освободителемъ безсмертныхъ отъ ужасной гибели. Изъ жестокихъ узъ твоими заботами, царь, сынъ Кроноса, мы пришли опять назадъ изъ-подъ туманнаго мрака, испытавъ неожиданное. Потому мы и те-

Digitized by Google

перь напряженнымъ умомъ и заботливой волей оградимъ ваше могущество въ страшной борьбѣ, сражаясь съ Титанами въ сильныхъ битвахъ.«

»Такъ сказалъ Коттосъ, боги же похвалили, податели благъ, услышавъ рѣчь, а ихъ духъ захотѣлъ войны еще болѣе, чѣмъ прежде, и незавидную битву возбудили въ тотъ день и всѣ женскіе и мужскіе Титаны-боги и всѣ дѣти Кроноса вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ Зевсъ изъ Эреба преисподняго выпустилъ на свѣтъ, страшныхъ и могущественныхъ, имѣющихъ надменную силу: у каждаго изъ нихъ по сту рукъ стремилось отъ плечь, а головъ изъ плечь у каждаго по пятидесяти выросло сверхъ плотныхъ членовъ. Они тогда стали противъ Титановъ въ горькой битвѣ, держа въ плотныхъ рукахъ великіе камни. Съ другой стороны и Титаны дружно сплотили ряды, и обѣ стороны явили дѣла рукъ могучихъ. Страшно кругомъ отзывалось безпредѣльное море, земля сильно гудѣла, стонало широкое небо, потрясаемое, въ основаніяхъ колебался великій Олимпъ подъ стопами безсмертныхъ и до мрачнаго тартара дошелъ тяжелый гулъ (ἔνοσις), — глухіе звуки отъ ногъ, отъ несказанныхъ воинскихъ криковъ и отъ сильной стрѣльбы, ибо они пускали другъ въ друга горькія стрѣлы. Голосъ обѣихъ сторонъ взывающихъ достигъ до звѣзднаго неба, ибо они бились съ великими восклицаніями. И Зевсъ не удерживалъ болѣе своего могущества; но его мысли вдругъ наполнились бодростью и онъ явилъ всю силу. Онъ постоянно ходилъ и бросалъ молнію, въ одно время, и съ неба и съ Олимпа; и стрѣлы съ успѣхомъ летали изъ плотной руки, сопутствуемыя громомъ и молніей, — стрѣлы частыя, сверкающія священнымъ пламенемъ, а вокругъ нихъ кормилица земля гудѣла, сожигаемая, и сильно трещалъ отъ огня великій лѣсъ. Кипѣла вся земля, и океановы волны и безплодное море; а Титановъ на землѣ окружалъ горячій воздухъ, огромное пламя доходило до божественнаго эѳира и ихъ

Digitized by Google

глаза, хотя они и крѣпки были, ослѣплялъ сверкающій блескъ небесныхъ стрѣлъ и молній. Огромный пожаръ обнималъ хаосъ; ему (конечно: хаосу) казалось, что онъ видитъ передъ собою глазами и слышитъ ушами, нѣчто-похожее на то, что происходило, когда земля и небо широкое надъ нею обнимались; какой великій трескъ сдѣлался бы, когда бы земля падала, а небо сверху ее низвергало, такой трескъ произошелъ, когда боги сходились въ соперничествѣ. Въ тоже время вѣтры съ вихгомъ разносили гулъ и пыль, громъ и молнію и жгучія стрѣлы великаго Зевса, и несли восклицанія и крики въ средину сраженія, и произошелъ невыносимый гулъ отъ страшной распри и проявилась сила дѣлъ и склонилась битва; прежде же, наступая другъ на друга, они сражались стойко въ сильныхъ бояхъ. Коттосъ, Бріарей и Гіесъ, ненасытимый войною, были въ переднихъ рядахъ и возбуждали острую битву. Триста камней изъ плотныхъ рукъ разомъ бросили они густою тучею и помрачили Титановъ стрѣлами и повергли ихъ подъ богатую путями землю и связали узами тяжкими, одолѣвъ ихъ руками, хотя и очень надменныхъ. Они повергли Титановъ на столько подъ землю, на сколько небо выше земли, потому что отъ земли до мрачнаго тартара одинакое пространство (т. е. какъ до неба). Ибо, девять ночей и дней нисходя съ неба, мѣдная наковальня въ десятый день можетъ попасть на землю и, девять опять ночей и дней мѣдная наковальня нисходя отъ земли, въ десятый день можетъ попасть въ тартаръ. Вокругъ тартара сдѣлана мѣдная ограда, кругомъ же разлита въ три ряда ночь около его выи, а надъ нимъ находятся корни земли и безплоднаго моря. Тамъ-то боги-титаны сокрыты подъ туманнымъ мракомъ волею Зевса туче-собирателя,—въ грязномъ мѣстѣ на концѣ исполинской земли.«

Первое, что намъ представляется въ этомъ разсказѣ, это десятилѣтнее продолженіе борьбы, — очевидно черта

Digitized by Google

произвольная и въ числѣ десяти, которое выбрано, потому что Греки считали дни декадами, а не восьмидневіями, какъ Римляне, и не седьмицами, какъ Евреи и мы, и въ обозначеніи времени годами, вмѣсто которыхъ восточный поэтъ легко поставилъ бы дни. Замѣчательно только то, что побѣда происходитъ вдругъ, что Титаны неодолѣваются постепенно, какъ мы заключили прежде по даннымъ, взятымъ изъ самаго поклоненія и потому заслуживающимъ предпочтительнаго довѣрія; но низвергаются въ тартаръ въ концѣ десятаго года, когда сторукіе подаютъ дѣятельную помощь дѣтямъ Кроноса. Это надобно признать особенностью гезіодическаго сказанія, хотя съ другой стороны упоминаніе сторукихъ могло быть заимствовано Гезіодомъ изъ древнихъ повѣрій. Сторукіе были дикія силы, подавленныя Кроносомъ, хотя и родственныя ему; при одолѣніи Кроноса они получаютъ свободу и начинаютъ дѣйствовать противъ Титановъ. О ихъ существенномъ значеніи нельзя ничего сказать достовѣрнаго. Готфридъ Германъ, въ приведенномъ выше сочиненіи, такъ говоритъ объ ихъ именахъ: centimanorum generatio primos conatus indicat animatas naturas procreandi: quae immanissimae fuerunt, luxuriante adhuc vi generatrice, necdum modum adhibere docta. Quoniam autem triplex est omnino enormitas, ingenii, virium, formae: tribus ea nominibus comprehensa *Κόττος* dicta est ab nomine *κότος*, Saevio, et *Βριάρεως*, Viriatus et *Γύης*, Membro. Впрочемъ Германъ потомъ измѣнилъ свое мнѣніе и прибавилъ слѣдующее примѣчаніе: »Creuzeri objectionibus motus vidi grandinem potius, et imbres, et nives significari, ut Centimanorum nomina esse debeant Ferius, Sulcius, Gravinus cujus alterum nomen *Αἰγαίων* Turbulus sit. Vide epistolam ad Creuzerum de natura et ratione mythologiae germanice seriptam p. 84. 199.« Уже изъ этого разногласія великаго ученаго съ самимъ собою видно, какъ трудно опредѣлить истинное значеніе сторукихъ даже относительно ихъ именъ. Эта трудность дѣлаетъ при те-

Digitized by Google

перешнихъ средствахъ миѳологіи невозможнымъ достовѣрное разрѣшеніе вопроса о сторукихъ, и потому я позволю себѣ только присоединить предположеніе, которое, можетъ быть, приблизитъ вопросъ по крайней мѣрѣ сколько нибудь къ рѣшенію. Это предположеніе состоитъ въ томъ, что въ миѳѣ о сторукихъ заключается указаніе на дикую и грубую борьбу, которая должна была возникнуть по уничтоженіи исключительнаго господства Кроноса надъ міромъ. Пока Кроносъ господствовалъ, міръ былъ спокоенъ и Пеласги могли покланяться, какъ сказывали Геродоту въ Додонѣ, богамъ, такъ хорошо учредившимъ всѣ вещи; когда же наступило переходное время, тогда вышли опять на свѣтъ сторукіе образы дикой и грубой борьбы, которые бушевали въ мірѣ прежде чѣмъ Кроносъ усилился и начали опять бушевать съ его ослабленіемъ. Въ зевсово время о нихъ опять неслышно; ихъ только боятся боги и повинуются Зевсу, чтобы не нарушить всемірнаго чина и не вызвать ихъ опять на свѣтъ для новаго безчинства, долженствующаго теперь быть пагубнымъ уже для самихъ Олимпійцевъ. Въ самомъ дѣлѣ Гомеръ Ил. 1,400 разсказываетъ, что однажды Гера, Посидонъ и Паллада Аѳина хотѣли связать Зевса. Но Ѳетида призвала на Олимпъ сторукаго, котораго боги зовутъ Бріареемъ, а люди Эгеономъ. »Онъ сѣлъ возлѣ Зевса, радуясь своей силѣ, и его испугались блаженные боги и не связали Зевса.« — Богамъ достаточно было увидѣть этотъ страшный образъ бурнаго безнарядья, чтобы отложить мысль о возстаніи противъ Зевса.

Это предположеніе можетъ найти себѣ значительное подтвержденіе въ нѣкоторыхъ остаткахъ древнихъ сказаній объ измѣненіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ жизни и въ бытѣ греческаго народа въ такъ называемое доисторическое время. Объ этѣхъ измѣненіяхъ мы узнаемъ изъ другой поэмы, носящей имя того же Гезіода, поэмы о

Digitized by Google

работахъ и дняхъ. Естественно предполагать, что они стояли въ связи съ тѣмъ великимъ переворотомъ въ греческой религіи, который состоялъ въ переходѣ отъ Кроноса къ Зевсу и въ исторической достовѣрности котораго, по крайней мѣрѣ, что касается до главныхъ чертъ, нѣтъ основанія сомнѣваться, если то, что сказано выше, справедливо. Религія имѣетъ такое значеніе между прочими сферами человѣческой жизни, что, принимая достовѣрность великаго религіознаго переворота, нужно было бы уже только по этому одному предполагать о совмѣстности съ нимъ значительныхъ измѣненій и въ другихъ сферахъ жизни, если бы о томъ не сохранилось и вовсе никакого преданія. Но греческая исторія въ этомъ отношеніи такъ счастлива, что имѣетъ драгоцѣнное сказаніе, проливающее большой свѣтъ вообще на главныя фазы, которыя прошелъ греческой народъ, прежде чѣмъ вступилъ въ эпоху историческую въ собственномъ смыслѣ. Я разумѣю сказаніе о послѣдовательности одного за другимъ поколѣній, предшествовавшихъ времени Гезіода и соотвѣтствующихъ, какъ мы увидимъ, главнымъ измѣненіямъ, происходившимъ въ поклоненіи богамъ, и только въ общихъ чертахъ означеннымъ въ гезіодическомъ изложеніи миѳа о Титаномахіи.

Вотъ относящееся сюда мѣсто, *'Е. к. 'Н.* 109—201.

»Сперва золотое поколѣніе словесныхъ людей сдѣлали безсмертные жители Олимпа, тѣ, которые были при Кроносѣ, когда онъ царствовалъ на небѣ. Какъ боги, жили тѣ люди, съ неозабоченнымъ духомъ, вдали отъ трудовъ и бѣды, и не предстояла имъ негодная старость, но, всегда одинаково-сильные руками и ногами, тѣшились они въ веселіяхъ внѣ всякихъ золъ, умирали же, какъ сномъ одолѣнные, и все у нихъ было прекрасно. Плоды приносила хлѣбодательница нива сама собою, —

Digitized by Google

плоды обильные, невызывавшіе зависти, а они охотно и съ досугомъ дѣлали свое дѣло, среди многаго превосходнаго, богатые овцами, любезные блаженнымъ богамъ. Послѣ же того какъ это поколѣніе схоронила земля, они стали духами по волѣ великаго Зевса, благородными, надземными, хранителями смертныхъ людей; они стерегутъ правду и насилія, блуждая всюду по землѣ, облеченные туманомъ и даруя богатство. Такую царственную обязанность они получили.

»Второе послѣ того поколѣніе гораздо худшее — серебряное — сдѣлали жители Олимпа, которое было непохоже на золотое ни тѣломъ, ни мыслію. Но по сту лѣтъ ребенокъ кормился у заботливой матери, играя, безсмысленный, и не выходя изъ дому; когда же становился юношей и доходилъ до поры возмужалости, живалъ небольшое время, имѣя скорби отъ неразумія; ибо у нихъ не было силы устранить другъ отъ друга дикаго насилія, и не было воли служить безсмертнымъ, ниже священнодѣйствовать у священныхъ жертвенниковъ блаженныхъ боговъ, какъ слѣдуетъ людямъ, по обычаю. Ихъ скрылъ потомъ Зевсъ, сынъ Кроноса, разгнѣвавшись за то, что они не давали почестей блаженнымъ богамъ, обладателямъ Олимпа. Но послѣ того, какъ и это поколѣніе схоронила земля, они зовутся подземными блаженными смертными, вторыми по достоинству, однакоже и имъ подобаетъ честь.

»Зевсъ же отецъ третье сдѣлалъ поколѣніе словесныхъ людей — мѣдное, на серебряное ни чѣмъ не похожее, страшное ясеневымъ оружіемъ и неукротимое. У нихъ на умѣ были плачевныя дѣла Ареса и насилія и не ѣли они пищи, но у нихъ былъ могущественный стальной духъ, у неприступныхъ, и великая сила, и руки росли недосягаемыя изъ плечь надъ плотными членами. У нихъ мѣдное было оружіе, мѣдные домы, и мѣдью они работали, а чернаго желѣза не было. Они, своими соб-

Digitized by Google

ственными руками одолѣнные, сошли въ черный домъ страшнаго ада, не оставивъ памяти, но смерть черная взяла ихъ, хотя они были и ужасны, и покинули они блестящій свѣтъ солнца.

»Но когда и это поколѣніе схоронила земля, еще другое четвертое на многопитающей землѣ сдѣлалъ Зевсъ, сынъ Кроноса, болѣе правдивое и лучшее, божественное поколѣніе мужей героевъ, которые названы полубогами въ предшествующемъ намъ роду обитателей безпредѣльной земли. Изъ нихъ нѣкоторыхъ погубила злая война и страшная битва, однихъ у семивратныхъ Ѳивъ въ Кадмейской-землѣ, сражающихся за овецъ эдиповыхъ, другихъ же, приведя на корабляхъ черезъ великую пучину моря въ Трою ради прекрасноволосой Гелены. Однихъ покрылъ тамъ смертный конецъ, другихъ же далеко отъ людей и далеко отъ безсмертныхъ переселилъ отецъ Зевсъ, сынъ Кроноса, даровавъ имъ житье и обычаи. Надъ ними господствуетъ Кроносъ и они живутъ съ неозабоченнымъ духомъ, счастливые герои, на островахъ блаженныхъ, у глубокопучиннаго Океана, а имъ сладкой вкусный плодъ трижды въ году приноситъ хлѣбодательница нива.

»Не слѣдовало бы мнѣ потомъ жить между пятымъ поколѣніемъ людей, но или прежде умереть или позднѣе родиться. Ибо нынѣ живетъ поколѣніе желѣзное и ни днемъ не отдохнутъ они, губимые, отъ трудовъ и бѣды, ниже ночью; но боги дадутъ имъ злыя заботы. (Однакожь и у нихъ будетъ смѣшано хорошее съ дурнымъ. Зевсъ же погубитъ и это поколѣніе словесныхъ людей, когда будутъ рождаться люди съ сѣдиной на вискахъ). Не будетъ ни отецъ хорошъ для дѣтей, ни дѣти, ни гость для угощающаго, ни товарищъ для товарища; не будетъ даже милъ родной братъ, какъ было прежде, но будутъ скоро переставать почитать старѣющихъ родителей и будутъ ругаться надъ ними, говоря въ нечестіи дур-

Digitized by Google

ныя слова, и не зная о карѣ боговъ, и не станутъ вознаграждать старцевъ отцовъ за воскормленіе, слѣдуя праву сильнаго, и будутъ грабить другъ у друга города. Не будетъ благодарности за сохраненіе клятвы, за правду и добро, но болѣе станутъ почитать злодѣйственнаго и насильственнаго мужа, и не будетъ въ ихъ рукахъ ни правды, ни стыда, но начнетъ оскорблять дурной человѣкъ лучшаго, нападая кривыми рѣчами, и станетъ клясться ложною клятвой. За всѣми бѣдствующими людьми будетъ слѣдовать зависть злорѣчивая, злорадивая, отвратительная видомъ. И тогда отъ богатой путями земли, уйдутъ на Олимпъ къ сонму безсмертныхъ, оставивъ людей, облеченныя по прекрасному тѣлу бѣлыми ризами, стыдъ и кара, а смертнымъ людямъ останутся горькія скорби и не будетъ отъ зла помощи.«

Таково гезіодическое сказаніе о пяти поколѣніяхъ. Прочитавшій его невольно вызывается къ сравненію съ нимъ сказанія Овидіева о томъже предметѣ. Кто не помнитъ Овидіевыхъ легкихъ стиховъ первой книги Метаморфозъ, гдѣ описывается постепенное охужденіе міра? У Овидія слѣдуютъ другъ за другомъ вѣка или возрасты (онъ ихъ не называетъ поколѣніями): золотой, серебряный, мѣдный, желѣзный. О поколѣніи героевъ нѣтъ рѣчи. Черезъ это постепенность и послѣдовательность безспорно становится проще и понятнѣе. Рядъ возрастовъ, получившихъ имена отъ металловъ, не прерывается временемъ героевъ, какъ у Гезіода, и ихъ взаимная послѣдовательность совершенно соотвѣтствуетъ степени благородства металловъ. Мрачная теорія охужденія міра представляется во всей ясности и вѣкъ Сатурна или Кроноса получаетъ исключительный почетъ невиннаго и счастливаго времени. Всѣ измѣненія, имѣвшія мѣсто послѣ него, ведутъ отъ худаго къ худшему.

Digitized by Google

Здѣсь не мѣсто заниматься вопросомъ объ историческомъ значеніи этого пессимизма. Въ предѣлахъ этого сочиненія важно только узнать, какое сказаніе первоначально, Овидіево ли, чисто пессимистическое, или Гезіодово, представляющее пессимизмъ, но видоизмѣненный помѣщеніемъ поколѣнія героевъ, между мѣднымъ и желѣзнымъ. При рѣшеніи этого вопроса могло бы имѣть вѣсъ старшинство Гезіода передъ Овидіемъ по времени. Но въ наше время о подобной критикѣ сказаній основательно говорится, что она дается слишкомъ дешево: въ самомъ дѣлѣ, неужели можно утверждать о позднемъ происхожденіи какого нибудь миѳа, только основываясь на его позднемъ упоминаніи въ литературѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что это основаніе недостаточно и что при опредѣленіи древности даннаго сказанія слѣдуетъ болѣе смотрѣть на его собственный видъ и характеръ, нежели на вѣкъ писателя, его излагающаго, а при опредѣленіи того, какое разнорѣчіе подлиннѣе и древнѣе, главнымъ руководителемъ долженъ служить общій законъ критики, что, ceteris paribus, трудно объяснимое считается подлиннѣе нежели легко объяснимое. Простое и общепонятное сказаніе передѣлыватель можетъ разукрасить и переполнить подробностями и прибавленіями, но, не имѣя особенныхъ видовъ, онъ не выдумаетъ и не введетъ въ него непонятныхъ вещей, тогда какъ, наоборотъ, передѣлывающій сказаніе, коего нѣкоторыя части непонятны, легко придетъ къ желанію или устранить или замѣстить ихъ болѣе понятными. Ежели съ этой точки зрѣнія сравнить Гезіодово сказаніе съ Овидіевымъ, то нельзя отрицать, что съ перваго взгляду и вообще человѣку, не проникнувшему въ смыслъ Гезіодова сказанія, трудно понять, какъ Гезіодъ помѣстилъ поколѣніе героевъ между мѣднымъ и желѣзнымъ поколѣніемъ: такое помѣщеніе прерываетъ послѣдовательность поколѣній, постепенно охуждающихся и получающихъ имена отъ металловъ

Digitized by Google

все менѣе и менѣе благородныхъ. Ежели бы Овидіево изложеніе было подлинно, навѣрное никому не пришло бы въ голову помрачать его ясности внесеніемъ новаго возраста или поколѣнія. Поэтому общія правила критики заставляютъ признать Гезіодово сказаніе болѣе подлиннымъ, если только не найдется противъ него внутреннихъ основаній или, что тоже, если оно можетъ быть удовлетворительно объяснено [1]).

При этомъ объясненіи у насъ уже есть твердая точка, — это именно обстоятельство, что какъ въ Гезіодовомъ, такъ равно и въ Овидіевомъ сказаніи приводится въ связь съ золотымъ поколѣніемъ или вѣкомъ Кроносъ или Сатурнъ, о значеніи котораго въ исторіи греческой

---

[1]) О гезіодическихъ поколѣніяхъ есть такъже какъ о Кроносѣ особое разсужденіе Буттманна, помѣщенное въ его »Mythologus.« Знаменитый ученый старается и въ немъ поколебать довѣріе къ гезіодическому изложенію миѳа и считаетъ необходимымъ его разложеніе на двѣ части, которыя будто бы были Гезіодомъ соединены по недоразумѣнію. Мы не останавливаемся на мнѣніи Буттманна, потому что миѳъ о 5 поколѣніяхъ и не такъ тѣсно связанъ съ предметомъ этого сочиненія и гораздо проще нежели миѳъ о Кроносѣ, но осмѣлимся замѣтить, что разлагающая критика Буттманна была вызвана гораздо болѣе привычкою того времени отвергать историческія свидѣтельства при малѣйшемъ поводѣ, нежели свойствами миѳа, который довольно ясенъ. Впрочемъ и послѣ Буттманна очень много нѣмецкихъ ученыхъ писало объ этомъ миѳѣ, какъ то Фёлькеръ, Бёттигеръ, Преллеръ, Ранке, Бамбергеръ, Шёмаввъ, наконецъ К. Фр. Германнъ, котораго превосходная статья (отпечатанная и въ его Gesammelte Abhandlungen 1849) была для насъ большимъ ободреніемъ по своему согласію съ объясненіемъ, составленнымъ нами прежде знакомства съ нею. Дорфмюллеръ, въ сочиненіи: de Graeciae primordiis, говоритъ мало о самомъ миѳѣ пяти поколѣній, но располагаетъ согласно съ нимъ всю древнѣйшую исторію греческой религіи, при чемъ онъ иногда не представляетъ доказательствъ фактическихъ и болѣе опирается на Шеллинга, нежели подкрѣпляетъ его выводы.

Digitized by Google

религіи, мы уже составили себѣ нѣкоторыя положенія. Намъ естественно теперь воспользоваться этѣмъ обстоятельствомъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлать заключеніе отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Ежели мы нашли выше необходимымъ предположить существованіе въ Греціи поклоненія Кроносу прежде поклоненія Зевсу, то это предположеніе, отчасти еще болѣе подкрѣпляемое сказаніемъ о созданіи золотаго поколѣнія богами времени Кроноса, должно намъ значительно облегчить его объясненіе. Можно даже сказать, что на все бывшее неяснымъ, когда смотрѣли на Гезіодовъ миѳъ о поколѣніяхъ отдѣльно отъ прочей миѳологіи, проливается удивительный свѣтъ, какъ скоро сблизить его съ истиннымъ объясненіемъ миѳа о Кроносѣ. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть ближе, какъ, принявъ господство Кроноса надъ золотымъ поколѣніемъ, признать соотвѣтствіе серебрянаго и мѣднаго поколѣній на землѣ съ Титаномахіей на небѣ и искать причины неожиданнаго улучшенія дѣлъ этого міра по уничтоженіи мѣднаго поколѣнія въ благодѣтельномъ вліяніи поклоненія Зевсу, уже вполнѣ пріобрѣтшаго силу? Это объясненіе выходитъ само собою изъ одного сближенія двухъ сказаній и удивительно какъ подтверждается подробностями, которыя оно само подтверждаетъ въ свою очередь.

Въ Титаномахіи Гезіодъ различаетъ два времени, первое, когда боги олимпійскіе дерутся одни съ Титанами, второе, когда принимаютъ участіе въ борьбѣ сторукіе великаны. Но въ Титаномахіи этѣ времена не ясно различены и о ихъ различномъ характерѣ ничего не говорится. Посмотримъ, что̀ покажетъ сказаніе о поколѣніяхъ? Въ немъ мы встрѣчаемъ также двойственное раздѣленіе. Между Кроносомъ и героями помѣщены два поколѣнія, серебряное и мѣдное. Можно ли ожидать въ религіозномъ отношеніи между ними какого другаго различія кромѣ различія степени враждебности къ Кроносу?

Digitized by Google

Дѣйствительно мы читаемъ о серебряномъ поколѣніи, что оно пренебрегало богами. Ему ставится въ упрекъ его равнодушіе, безразличіе. Большихъ дѣлъ насилія оно еще не совершало; оно было только безсильно отвратить насиліе и страдало ребяческой несамостоятельностью. Напротивъ того слѣдующему за нимъ поколѣнію приписываются прямо плачевныя дѣла Ареса и оно называется ужаснымъ по насилію. У людей мѣднаго поколѣнія были руки недосягаемыя (точно то-же что говорится о сторукихъ: сравни ἔργα καὶ ἡμέραι ст. 148. Θεογονία ст. 649.), они были страшны своимъ ясеневымъ и мѣднымъ оружіемъ. Дикость ихъ доходила до того, что они непринимали пищи. Въ ихъ время господствовала грубая сила. Такъ изображаетъ ихъ Гезіодъ въ »работахъ и дняхъ« и мы можемъ, кажется, позволить себѣ сближеніе и сказать, что вѣроятно именно въ ихъ время (т. е. во время, означаемое въ миѳѣ ихъ именемъ) сторукіе взбросили на Титановъ тучу камней и помрачили Титановъ и низвергли въ тартаръ.

И когда это насильственное и преступное поколѣніе схоронила земля, тогда Зевсъ, сынъ Кроноса, произвелъ божественное поколѣніе героевъ, болѣе правдивое и лучшее. Когда служеніе сторукихъ было совершенно окончено, тогда чинъ и порядокъ опять воцарился на Олимпѣ; Зевсъ раздѣлилъ между своими братьями и дѣтьми божественныя почести и люди стали непрекословно имъ покланяться. Тогда на землѣ опять настало хорошее время. Греческія племена стали успокоиваться, образовывать государства, обособляться и въ тоже время сближаться между собою, приближаясь къ сознанію о своемъ гелленскомъ единствѣ. Изъ бурнаго волненія выработался воинственный, отчасти грубо-физическій, но все таки признающій право и уважающій боговъ героическій бытъ, за которымъ потомъ послѣдовала по окончаніи нѣкоторыхъ внутреннихъ переселеній, войнъ и переворотовъ,

Digitized by Google

относящихся къ желѣзному поколѣнію, высокая теллеиская гражданственность времени процвѣтанія.

Такое объясненіе миѳа о Титаномахіи и о пяти поколѣніяхъ, можетъ быть, нѣкоторымъ покажется искусственнымъ и натянутымъ; можетъ быть, даже покажется страннымъ самое желаніе объяснить миѳъ, это произведеніе фантазіи, до его малѣйшихъ подробностей, и дать этѣмъ подробностямъ въ нѣкоторомъ смыслѣ историческое значеніе, тѣмъ болѣе что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о времени глубокой древности, о времени, которое многіе привыкли считать только дикимъ и грубымъ. Можетъ казаться невѣроятнымъ, чтобы о такомъ отдаленномъ времени дошло до насъ подлинное преданіе, имѣющее основаніе въ древней дѣйствительности, а не въ позднѣйшемъ вымыслѣ. Но миѳологія не есть плодъ одного вымысла, одной фантазіи; эта истина непреложна, хотя и не можетъ быть здѣсь доказана. Кромѣ того невѣроятное для нашего времени, съ нашей точки зрѣнія, можетъ быть очень вѣроятно для другаго времени, и стать вѣроятнымъ для насъ, если мы, отрѣшившись отъ нашихъ воззрѣній, съ совершенною воспріимчивостію перенесемся въ кругъ тогдашнихъ отношеній. Наконецъ, что касается до мнѣнія о дикости и грубости доисторическаго времени, то съ нимъ нельзя безусловно согласиться, потому что въ этомъ отношеніи никакъ нельзя всѣ народы подвести подъ одинъ уровень. Конечно, всѣ народы начинаютъ свою жизнь съ природнаго родоваго быта, и, можетъ быть, можно сказать, что родовой бытъ господствуетъ во все доисторическое время всякаго народа. Но какъ ни простъ и безвыходенъ этотъ бытъ въ своихъ исключительныхъ опредѣленіяхъ, однакожь въ дѣйствительности онъ долженъ быть способенъ обнимать собою очень различное содержаніе и являться на очень различныхъ степеняхъ. Мы принуждены утверждать это, видя огромныя различія по степени полноты и совершенства въ

Digitized by Google

тѣхъ наслѣдствахъ, завѣщанныхъ доисторическимъ временемъ историческому, которыя одни могутъ служить для насъ при этѣхъ вопросахъ безошибочной мѣркой, именно въ языкахъ и миѳологіяхъ. По крайней мѣрѣ относительно греческаго народа мы находимъ въ совершенствѣ греческаго языка и во внутренней полнотѣ греческой миѳологіи сильное побужденіе, чтобы представлять себѣ греческое доисторическое время очень отличнымъ отъ доисторическаго времени другихъ народовъ низшей породы и меньшаго историческаго значенія. Границы этого сочиненія заставляютъ насъ опустить изъ виду древнѣйшія измѣненія, происшедшія въ доисторическое время греческаго народа, хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. о переходѣ отъ кочевой къ осѣдлой жизни, сохранились воспоминанія. Но относительно заключительнаго явленія этой эпохи, относительно героическаго быта мы не можемъ не сказать утвердительно, что намъ кажется не только правдоподобнымъ, но и необходимымъ видѣть въ героическомъ бытѣ греческаго народа не начало исторіи, но результатъ длиннаго процесса, продолжительнаго развитія, именно то, чѣмъ онъ оказывается по предложенному выше объясненію миѳа о Титаномахіи и пяти поколѣніяхъ.

Впрочемъ въ этомъ объясненіи нѣтъ ничего внутренно невѣроятнаго; изъ него только слѣдуетъ, что героическій бытъ не былъ явленіемъ первоначальнымъ, но что онъ произошелъ вслѣдствіе отрицанія другаго быта, идеализованнаго въ поэтическомъ миѳѣ подъ видомъ нравовъ золотаго поколѣнія, и что это отрицаніе происходило въ переходное время, которое, какъ всѣ переходныя времена, отличалось нечестіемъ, несправедливостью и насиліемъ и носило характеръ войны всѣхъ противъ всѣхъ, bellum omnium contra omnes, хорошо обозначенной въ сказаніи о взаимномъ истребленіи другъ другомъ людей мѣднаго поколѣнія. Элементы новаго лучшаго

Digitized by Google

быта исторически явились въ Греціи подъ формою дружинной жизни, которая выступила противъ родоваго быта сначала подъ видомъ страдательнаго недовольства, выразившагося въ холодности къ господствовавшимъ нравамъ (серебряное поколѣніе), потомъ въ дикомъ и необузданномъ взрывѣ противъ обычая, тяготѣвшаго надъ недовольнымъ человѣкомъ и удерживавшаго его до старости на степени ребенка (мѣдное поколѣніе), наконецъ съ значеніемъ начала, противоположнаго родовому, но положительнаго и преобразующаго прежнія бытовыя основы, ставя на мѣсто рода нѣчто подобное государству, именно соединеніе двухъ сословій крайне одно другому противоположныхъ, героическихъ вождей, ἀριστῆες, и народа, λαός.

Такое построеніе греческаго доисторическаго времени не есть впрочемъ слѣдствіе одного предложеннаго нами объясненія сказанія о пяти поколѣніяхъ. Оно находитъ подтвержденіе и въ другихъ свидѣтельствахъ, какъ историческихъ, такъ и миѳическихъ. Въ чисто-историческихъ извѣстіяхъ такъ же находятся воспоминанія о времени предшествовавшемъ героическому и гелленскому. Оно изображается временемъ безпорядка, насилій и грабительства; нравы того времени признаются близкими къ нравамъ варваровъ. Вотъ, что говоритъ объ этомъ времени Ѳукидидъ въ 4, 5 и 6 главахъ своей знаменитой исторіи пелопоннесской войны:

»Миносъ, сколько мы знаемъ по слуху, прежде всѣхъ соорудилъ себѣ флотъ, пріобрѣлъ господство почти надъ всѣмъ моремъ, которое мы зовемъ нынѣ гелленскимъ, владычествовалъ надъ островами Кикладами и первый вывелъ на большую часть изъ нихъ колоніи, изгнавши Каровъ и поставивъ начальниками собственныхъ сыновей; равно и морскихъ разбойниковъ, какъ и слѣдовало, онъ преслѣдовалъ, сколько могъ, чтобы обезопасить доходы. Потому что въ древности Геллены и изъ

Digitized by Google

варваровъ тѣ, которые или на материкѣ жили по взморью или занимали острова, освоившись съ кораблеплаваніемъ, обратились на разбой, при чемъ ими предводительствовали люди сильнѣйшіе, какъ изъ собственной выгоды, такъ и для пропитанія слабѣйшихъ. Нападая на неогороженныя и подеревенски поселенныя общины, они грабили ихъ и этѣмъ по большей части питались. Такой промыселъ не заключалъ въ себѣ ничего постыднаго, но напротивъ доставлялъ даже и славу. Показываютъ это нѣкоторые изъ жителей материка и теперь, у которыхъ такой образъ жизни считается добропорядочнымъ, и древніе поэты, въ произведеніяхъ которыхъ при развѣдываніи о причаливающихъ вездѣ одинаково спрашивается, не морскіе ли разбойники причаливающіе, при чемъ ни тѣ, которыхъ спрашиваютъ, не считаютъ этого занятія за низкое, ни тѣ, которымъ нужно развѣдать, не хотятъ оскорбить своимъ вопросомъ. Но и на сухомъ пути бывали грабежи; и даже до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ Геллады живутъ по древнему обычаю: у Локровъ Озоловъ, у Этоловъ, у Акарнановъ и по тамошнему материку (въ Эпирѣ). Равнымъ образомъ и обычай носить оружіе у этѣхъ обитателей материка остался отъ древней разбойнической жизни, ибо прежде вся Геллада носила оружіе по причинѣ неогороженныхъ жилищъ и небезопаснаго другъ съ другомъ сообщенія, и Греки проводили вседневную жизнь въ оружіи, какъ варвары. Упомянутыя части Геллады, гдѣ еще и теперь такъ живутъ, служатъ свидѣтельствомъ объ образѣ жизни нѣкогда общемъ у всѣхъ. Изъ Грековъ первые Аѳиняне отложили оружіе и въ свободномъ образѣ жизни обратились къ болѣе изнѣженному быту,—и еще немного времени тому, какъ у нихъ старики изъ богатыхъ перестали носить по нѣжности образа жизни льняные хитоны и собирать пучекъ (κρωβύλος) волосъ на головѣ золотыми кузнечиками. Вслѣдствіе той же изнѣженности

Digitized by Google

и у Іонійцевъ по сродственности съ Аѳинянами старики долго сохраняли ту же одежду. Скромную же одежду и въ нынѣшнемъ видѣ первые стали опять употреблять Лакедемонцы, и вообще у нихъ первыхъ богатые установили для себя одинакій образъ жизни съ простыми; равно первые они стали и обнажаться и публично раздѣвшись натирали себя масломъ во время тѣлесныхъ упражненій; а прежде даже въ олимпійскихъ состязаніяхъ атлеты соперничали между собою, закрывъ стыдъ повязками, и немного лѣтъ тому, какъ этотъ обычай пересталъ соблюдаться. У нѣкоторыхъ варваровъ, особенно у Азіатцевъ, и теперь состязанія общественнаго бея и борьбы дѣлаются въ повязкахъ. Во многомъ и другомъ можно было бы указать одинаковость обычаевъ между древними Гелленами и варварами.«

Въ этомъ мѣстѣ Ѳукидида мы видимъ свидѣтельство о такой же постепенности въ измѣненіи древнихъ нравовъ и во введеніи собственно-гелленскаго быта, какая изображается и въ гезіодическомъ повѣствованіи о пяти поколѣніяхъ. Но оно отличается отъ него тѣмъ, что носитъ на себѣ характеръ историческаго, а не миѳическаго повѣствованія. Въ немъ нѣтъ рѣзкихъ разграниченій одного времени отъ другаго, нѣтъ обобщающей характеристики, которая составляетъ принадлежность миѳическихъ сказаній. Кромѣ того Ѳукидидъ говоритъ, что въ то время, когда нѣкоторыя страны Геллады уже рѣшительно перешли къ гелленскому обычаю, въ другихъ еще продолжали носить оружіе или даже заниматься грабежемъ, слѣдовательно къ различіямъ по времени присоединяетъ различія по мѣсту. Но этѣ особенности не такого рода, чтобы можно было, основываясь на нихъ, отвергать правильность сближенія этого повѣствованія Ѳукидида съ Гезіодовымъ сказаніемъ о времени, предшествовавшемъ гелленскому. Все различіе произошло отъ формы — тутъ исторической, тамъ миѳической, —

Digitized by Google

которую приняло преданіе; въ основѣ же лежитъ совершенно тождественное содержаніе. Какъ у Гезіода за насильственнымъ и дикимъ мѣднымъ временемъ слѣдуетъ героическое, болѣе правдивое и лучшее, точно такъ и у Ѳукидида могущество Миноса, пользовавшагося у Грековъ всеобщей славой за правосудіе, прекращаетъ на большей части гелленскаго моря разбои, а распространеніе гелленскаго быта вытѣсняетъ грубые нравы, и обычай носить оружіе. Разница въ томъ, что у Ѳукидида все происходитъ постепенно, и что кромѣ того у него время, предшествующее гелленскому, описано не такими суровыми красками, какія Гезіодъ употребилъ для характеристики мѣднаго и желѣзнаго поколѣнія. Но вопервыхъ миѳическій разсказъ, характеризуя событія только въ самыхъ общихъ и самыхъ яркихъ чертахъ, болѣе способенъ преувеличивать нежели историческій, а вовторыхъ Ѳукидиду въ приведенномъ мѣстѣ не было нужно выставлять на первомъ планѣ грубость того времени. Ѳукидидовъ разсказъ во всякомъ случаѣ подтверждаетъ и объясняетъ гезіодическое сказаніе о героическомъ поколѣніи упоминаніемъ Миноса, который, какъ извѣстно, стоитъ въ началѣ героическаго времени, и улучшенія котораго прямо совпадаютъ съ правдивостью, приписываемою Гезіодомъ всѣмъ героямъ. Онъ объясняетъ также гезіодическое сказаніе о желѣзномъ поколѣніи описаніемъ негелленскихъ нравовъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Геллады даже до времени пелопоннесской войны.

Мы выписали мѣсто Ѳукидида, потому что оно казалось намъ особенно важно, но конечно не нужно прибавлять, что можно было бы привести великое множество подобныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей о грубости нравовъ, предшествовавшихъ героическому и гелленскому быту. Мы не будемъ останавливаться на этѣхъ свидѣтельствахъ, которыя безчисленны, и относятся болѣе къ

Digitized by Google

всеобщей исторіи Греціи, нежели къ исторіи поклоненія Зевсу, и сосредоточимъ наше вниманіе на тѣхъ преданіяхъ, по большей части миѳическихъ, которыя характеризуютъ переходъ отъ серебрянаго и мѣднаго поколѣнія къ героическому и стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ водвореніемъ служенія Зевсу. Выше было выставлено и отчасти уже подтверждено предположеніе, что героическій бытъ образовался вмѣстѣ съ усиленіемъ вліянія Зевса на греческое религіозное сознаніе. Равнымъ образомъ было показано, что вслѣдъ за поклоненіемъ Зевсу и въ связи съ нимъ распространилось поклоненіе болѣе яснымъ и опредѣленнымъ богамъ, нежели какіе были прежде. Тѣ преданія, которыя мы теперь будемъ разсматривать, заключаютъ въ себѣ подтвержденія этѣхъ положеній, потому что въ нихъ находятся указанія на борьбу съ грубостью нравовъ и неясностью представленій о богахъ, происходившую прежде водворенія героическаго быта и притомъ не разъ упоминается о Зевсѣ. Послѣднее обстоятельство для насъ очень важно, потому что оно-то и даетъ этѣмъ миѳамъ значеніе въ исторіи поклоненія Зевсу.

Особенно подходятъ къ характеру гезіодическаго мѣднаго поколѣнія и особенно соотвѣтствуютъ эпохѣ сторукихъ великановъ Титаномахіи два племени, часто упоминаемыя въ миѳахъ и отличающіяся грубостью, Флегіи и Кентавры. Флегіи извѣстны тѣмъ, что съ ними должны были долго бороться Миніи, при чемъ нравы ихъ изображаются очень грубыми и жестокими. Еще болѣе дикихъ обычаевъ приписывается Кентаврамъ и Лапиѳамъ въ миѳѣ о ихъ борьбѣ между собою. Постоянные эпитеты Флегіевъ у Гомера суть: *μεγαλήτορες*, гордые; *ὑβρισταί*, насильственники. О времени ихъ миѳическаго представителя Флегія Павзаній говоритъ, что вся страна была тогда полна страха отъ его оружія и разбоевъ (Paus. 9, 36), а Виргилій въ описаніи Ада (Aen. 6, 620)

Digitized by Google

заставляетъ самаго Флегія говорить знаменитый стихъ: Discite justitiam moniti et non temnere divos. О кончинѣ Флегіевъ Павзаній (l. l.) разсказываетъ, что ихъ съ корнемъ истребилъ богъ (ὁ θεός, въ этомъ мѣстѣ: Аполлонъ) частыми молніями и сильными землетрясеніями, а оставшихся погубила зараза, напавшая на нихъ, и что немногіе убѣжали въ Фокиду. Павзаній приписываетъ имъ безуміе и дерзость, ἄνοια, τολμή, и упоминаетъ о ихъ нападеніи на Дельфы, но еще яснѣе указываетъ на связь ихъ дикихъ обычаевъ съ ихъ религіознымъ состояніемъ одно мѣсто въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону, ст. 278 сл. О нихъ тамъ говорится, что они жили на землѣ въ прекрасной долинѣ близь озера Кефисскаго, *нисколько не уважая Зевса.* Ежели при толкованіи этого мѣста не допустить того мелкаго объясненія, которое въ состояніи спокойно приписать первобытному народу атеизмъ, какъ первоначальное состояніе; останется только одна возможность предположить, что Флегіи еще не хотѣли перейти отъ поклоненія прежнимъ богамъ къ служенію Зевсу и мы получимъ еще одинъ примѣръ соотвѣтственности, имѣвшей мѣсто въ древней исторіи греческаго народа между нравами отдѣльныхъ племенъ и ихъ религіознымъ состояніемъ (т. е. ихъ отношеніемъ къ Зевсу). Съ этой точки зрѣнія намъ становится понятно, почему, какъ говоритъ Павзаній, Флегіи были самый воинственный народъ въ древней Греціи, почему они тащили и грабили все у своихъ сосѣдей и почему нападали на Ѳивы и тѣмъ побудили дѣтей Зевсовыхъ, Зеѳоса и Амфіона, обнести этотъ городъ стѣною. Флегіи были люди того времени, когда бытовыя основы времени Кроноса были потрясены, а бытъ времени Зевса еще не установился. У нихъ не могло быть положительной нравственности и они не могли представляться позднѣйшему времени иначе какъ извергами. См. о Флегіяхъ, K. O. Müller's Orchomenos und die Minyer Кар. VIII.

Digitized by Google

Сыномъ Флегія считается по многимъ сказаніямъ Иксіонъ. Такъ мы знаемъ отъ схол. Аполлон. Род. 3, 62, что Еврипидъ призывалъ его слѣдующими словами:

Φλεγύαντος υἷε δέσποτ' Ἰξίων.

Пиндаръ (Pyth. II, 32) говоритъ о немъ, что онъ первый не безъ коварства примѣшалъ къ смертнымъ междоусобное кровопролитіе: *Ἐμφύλιον αἷμα πρώτιστος οὐκ ἄτερ τέχνας ἐπέμιξε θνατοῖς.* Это относится къ сказанію объ умерщвленіи имъ его тестя Деіонея, *Δηιονεύς*, на дочери котораго, Діи, Иксіонъ женился. Деіоней требовалъ подарковъ за дочь, но былъ заманенъ Иксіономъ и брошенъ въ огненную яму. Это было первое преступленіе противъ близкаго родственника, совершенное на землѣ. Но имя Діи, по поводу которой оно совершается, можетъ ему дать еще другое значеніе. Дія по имени тѣсно связана съ Зевсомъ въ формѣ *Διός*. И ежели мы знаемъ, что Флегій, отецъ Иксіона, презиралъ боговъ и за то мучился въ адѣ, что Флегіи, народъ, которыхъ онъ представитель въ миѳахъ, нисколько не уважали Зевса, и что Иксіонъ былъ сынъ Флегія, и потому представляетъ собою нѣсколько юнѣйшее поколѣніе, то связь его съ Діей можетъ повести къ мысли о томъ, что онъ началъ сближаться съ Зевсомъ, когда нежеланіе или безсиліе сдѣлать требовавшееся для того пожертвованіе заставило его совершить первое, какъ говоритъ Пиндаръ, страшное преступленіе на землѣ. Что Зевсъ былъ милостивъ къ Иксіону не по его заслугамъ, это мы знаемъ изъ продолженія миѳическаго сказанія объ Иксіонѣ. По убіеніи Деіонея Иксіонъ впалъ въ безуміе; всѣ боги на него гнѣвались и никто не хотѣлъ его очистить отъ крови. Тогда Зевсъ сжалился, совершилъ надъ нимъ очищеніе и даже допустилъ его до общенія съ собою въ яствахъ. »Но,« какъ говоритъ Пиндаръ l. l., »получивъ сладкое житье, онъ не выдержалъ долгаго счастія и въ безумныхъ мысляхъ возгорѣлся любовію къ

Digitized by Google

Герѣ, которая досталась въ жребій многотѣшному ложу Зевса. Насиліе подняло его до дерзкаго грѣха.« »Въ многообительной почивальнѣ, онъ пытался приблизиться къ супругѣ Зевса. Но всегда надобно видѣть мѣру всякаго дѣла внутри себя. Преступныя объятія повергли его, приступающаго къ высокому ложу, въ великое зло, потому что онъ возлежалъ съ облакомъ, стремясь за сладостною ложью, мужъ неразумный. Ибо видомъ призракъ походилъ на дочь Кроноса, самую высокую изъ небожительницъ, и его въ козни ему создали Зевсовы руки, прекрасную причину горя, а самъ онъ купилъ себѣ четыреспичное колесо, себѣ же на погибель.« »Обращаемый во всѣ стороны на крылатомъ колесѣ, онъ велитъ смертнымъ — благодѣтеля честить, услуживая дружественными отплатами. Самъ онъ выучилъ это твердо.« Въ Иксіонѣ мы видимъ колебаніе относительно Зевса, но не съ страдательной, какъ въ Іо, а съ насильственно-преступной стороны. Его насилія лишили его общенія съ олимпійскими богами; вмѣсто Геры онъ обнялъ существо туманное и облачное, Нефелу, и былъ низвергнутъ въ адъ къ Титанамъ, гдѣ ему суждено обращаться около колеса въ вѣчномъ круговомъ движеніи, не видя конца мученію и только давая людямъ урокъ быть признательнѣе къ благодѣяніямъ Зевса.

Отъ Иксіона и Нефелы произошли Кентавры, поколѣніе дикое, обитавшее въ горахъ и лѣсахъ, косматое, φῆρες ὀρεσκῷοι, λαχνήεντες, Homer. Il. 1, 268. 2, 743. Фоссъ въ Mythol. Briefe 1, 251 старался доказать, что ихъ получеловѣческій и полулошадиный образъ относится къ позднѣйшему времени, что первоначально ихъ представляло себѣ греческое воображеніе только какъ исполиновъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ достовѣрно, что съ Кентаврами соединялось понятіе о дикихъ обычаяхъ. Преданіе говорило, что они ѣли сырое мясо, въ битвахъ употребляли вмѣсто оружія вырванныя съ корнемъ деревья или огромные камни, и еще въ позднѣй-

Digitized by Google

шемъ языкѣ слово *κενταυρικῶς* означало тоже что дико, грубо. Особенно знаменита въ миѳологіи ихъ свирѣпая борьба съ Лапиѳами. Относительно послѣднихъ К. О. Мюллеръ (Orchomenos und die Minyer 2 Ausg. S. 189 ff.) доказалъ, что они тождественны съ Флегіями. Въ сказаніяхъ имъ приписывается такая же насильственная дикость и свирѣпость, какъ Флегіямъ. Какъ слово *φλεγυᾶν* у Фокейцевъ (по Евстаѳію къ Иліадѣ *B*, p. 904) означало надменно угнѣтать, такъ слово *λαπίζειν* на обыкновенномъ греческомъ языкѣ значитъ быть надменну, чрезмѣрно гордиться. Какъ о Флегіяхъ свидѣтельствовалъ гомерическій гимнъ къ Аполлону, что они нисколько неуважали Зевса, такъ точно о Лапиѳѣ Кенеѣ повѣствуется, что онъ въ дерзкой надменности не приносилъ жертвъ никому изъ боговъ кромѣ своего копья и приказывалъ поклоняться ему, какъ богу. Значеніе этого преданія очень загадочно; что въ Кенеевомъ копьѣ могъ заключаться какой нибудь древній богъ, это можно предполагать, основываясь на извѣстномъ Римскомъ поклоненіи такъ называемымъ простымъ копьямъ, hastae purae. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ поклоненіи видна противоположность позднѣйшему обряду гелленскаго поклоненія анѳропоморфическимъ богамъ.

Борьба Кентавровъ съ Лапиѳами есть междоусобная война, продолженіе тѣхъ преступленій, которымъ примѣръ подалъ Иксіонъ. Пириѳой, сынъ Иксіона, позвалъ Кентавровъ на свою сватьбу съ Гипподаміей. Вино и похоть внушили Кентавру Евритіону мысль похитить невѣсту. Вслѣдствіе этой попытки начинается дикая борьба, окончившаяся совершенною гибелью Кентавровъ. К. О. Мюллеръ считаетъ Кентавровъ и Лапиѳовъ за два отдѣльныя племени и признаетъ въ миѳѣ о ихъ борьбѣ очень значительную историческую основу. Кентавровъ онъ принимаетъ за пеласгическое племя и отвергаетъ извѣстія, по которымъ выходитъ, что и Лапиѳы были Пеласги. Не входя въ подробности этого вопроса, мы здѣсь одна-

Digitized by Google

кожь можемъ замѣтить, что близкая родственность Кентавровъ и Лапиѳовъ, несомнѣнно признаваемая греческими миѳами, съ нашей точки зрѣнія не только не представляетъ трудностей, но даже можетъ быть приведена въ тѣсную связь съ другими миѳами. Родственныя племена, воюющія другъ противъ друга, напоминаютъ гезіодовское мѣдное поколѣніе, которое сошло въ черный домъ страшнаго ада, побѣжденное собственными своими руками. Говоритъ же Пиндаръ, что *междоусобное* кровопролитіе, *ἐμφύλιον αἷμα*, было принесено въ міръ Иксіономъ.

Нѣкоторые изъ Кентавровъ отличались однакожь мягкостью. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи дается Кентавру Хирону, котораго Гомеръ обыкновенно зоветъ справедливѣйшимъ изъ Кентавровъ, *δικαιότατος Κενταύρων*. Очень замѣчательно, что на ряду съ сказаніемъ о происхожденіи Кентавровъ отъ облака, обнятаго Иксіономъ, существовало общее мнѣніе, что Хиронъ сынъ Кроноса и Филиры. Такимъ образомъ онъ приводится въ тѣсную связь съ поклоненіемъ Кроносу и потому нисколько не можетъ быть удивительно, что онъ особенно сочувствуетъ Титану Промеѳею и идетъ за него на вольную смерть. Случай хотѣлъ, чтобы Хиронъ получилъ рану отъ стрѣлы Геркулеса, обмоченной въ ядъ лернейской змѣи. Такія раны были неизцѣлимы, а такъ какъ Хиронъ былъ безсмертенъ, то этотъ случай обрекалъ его на вѣчныя страданія. Онъ зналъ, что Промеѳей можетъ быть освобожденъ, только когда кто нибудь изъ безсмертныхъ пожертвуетъ за него собою, и рѣшился отдать за его свободу свое земное существованіе, ставшее ему послѣ страшной раны только тягостью. Такимъ образомъ справедливѣйшій изъ Кентавровъ спасъ своей смертію того Титана, который, какъ мы видѣли, былъ младшій и предусмотрительнѣйшій изъ Титановъ и даже помогалъ Зевсу въ Титаномахіи. Мѣсто Хирона въ миѳологіи относится по этому миѳу къ самому концу борьбы Зевса съ Кроносомъ.

Digitized by Google

Соотвѣтственно съ этѣмъ мы видимъ Кентавра Хирона и въ обыкновенной миѳологіи на границѣ временъ мѣднаго и героическаго, ежели можно позволить себѣ перенести на всю миѳологію этѣ гезіодическія наименованія. Хиронъ умираетъ правда отъ стрѣлы Геркулеса, одного изъ древнѣйшихъ героевъ, но съ другой стороны онъ находится въ тѣсной связи почти со всѣми позднѣйшими героями и притомъ, что очень замѣчательно, какъ ихъ воспитатель. Якоби въ миѳологическомъ лексиконѣ s. v. Kentauren насчитываетъ 24 героя, бывшихъ его питомцами. Вотъ ихъ имена: Ахиллъ, Іасонъ, Асклепій, Актеонъ, Теламонъ, Пелей, Ѳезей, Медей, Кефалъ, Меланіонъ, Несторъ, Амфіарай, Мелеагръ, Гипполитъ, Паламедъ, Одиссей, Менесѳей, Діомедъ, Касторъ, Полидевкъ, Махаонъ, Подалирій, Антилохъ, Эней.

Питомцы Хирона были уже поколѣніе новое. Въ ихъ лицѣ восторжествовалъ Зевсъ и новый, болѣе человѣческій, болѣе общественный бытъ. Тогда греческій народъ вступилъ въ блистательный героическій періодъ своей исторіи. Мы видѣли, что Гезіодъ говоритъ о герояхъ, какъ о болѣе правдивомъ и лучшемъ, божественномъ поколѣніи. Но согласно съ общимъ характеромъ относящагося сюда мѣста, характеризующато поколѣнія только въ главныхъ чертахъ, Гезіодъ, противопоставляя героическое поколѣніе мѣдному, указываетъ на одни отличія обоихъ и умалчиваетъ о степеняхъ ихъ собственнаго развитія. Въ дѣйствительности же необходимо предполагать и въ героическомъ времени такую же историческую постепенность, какую мы видѣли въ догероическомъ времени. О такой постепенности въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствуютъ отдѣльные миѳы, относящіеся къ героическому времени. Для насъ важно искать слѣдовъ, указывающихъ на связь этой постепенности въ развитіи и распространеніи героизма съ постепенностью развитія и распространенія понятій о Зевсѣ.

Digitized by Google

Нефелу, то облачное существо, которое Иксіонъ обнималъ вмѣсто олимпійской супруги Зевса, мы находимъ въ связи съ однимъ изъ героевъ, именно съ Аѳамантомъ. Аѳамантъ есть герой племени Миніевъ, которыхъ исторія значительно обслѣдована К. О. Мюллеромъ въ особомъ сочиненіи: Orchomenos und die Minyer. Миніи, какъ первая изъ отраслей Эолійскаго племени, стоятъ на порогѣ греческаго героическаго времени и, какъ показалъ Мюллеръ, находятся въ родствѣ съ Флегіями. Но съ другой стороны они считаются Эолійцами, и Аѳаманту въ отцы дается Эолъ, сынъ Геллена. Ихъ герой Аѳамантъ по повелѣнію Геры вступаетъ въ бракъ съ Нефелой и производитъ съ ней Фрикса и Геллу, но тайно любитъ человѣческую жену свою Ино, дочь Кадма и Гармоніи. Нефела въ наказаніе за то исчезаетъ отъ Аѳаманта, посылаетъ на его домъ проклятіе, даже требуетъ, чтобъ Аѳамантъ былъ ей принесенъ въ жертву. По этому миѳу облачное, туманное божество хочетъ царствовать надъ домомъ Аѳамантовымъ и дѣлаетъ притязаніе на страшныя жертвы. Аѳамантъ еще связанъ вліяніемъ Нефелы, онъ еще отчасти отдаетъ себя ей и потому въ его родѣ остается навсегда обычай, напоминающій о принесеніи людей въ жертву: въ Ѳессальской Ахаіи старшій изъ рода Китиссорова (Китиссоръ былъ сынъ Фрикса и внукъ Аѳаманта) не смѣлъ входить въ пританей леитскій, если же входилъ, то подвергался принесенію въ жертву. Раздвоенность сознанія, приписываемая миѳомъ Аѳаманту, произвела въ его семействѣ большія распри. Ино преслѣдовала дѣтей Нефелы и требовала въ свою очередь, чтобы Фриксъ былъ принесенъ въ жертву. Фриксъ спасенъ только чудеснымъ златорунным овномъ, унесшимъ его по волѣ Нефелы въ Колхиду. Но и дѣти Ино не были счастливы. Аѳамантъ ошибкой застрѣлилъ на охотѣ ея сына Леарха; съ другимъ сыномъ Меликертомъ Ино бросилась въ море. Самъ Аѳамантъ долженъ былъ бѣжать изъ своей

Digitized by Google

страны подъ тяжестью сыновней крови; онъ успокоивается по миѳу только въ другой странѣ въ супружествѣ съ Ѳемистой, законностью, Apollod. 1, 9, 1—3.

Очень близокъ къ миѳу о туманной Нефелѣ по своей сущности, если не по образамъ имъ употребляемымъ, миѳъ о лабиринѳѣ Миноса. Миносъ въ этомъ миѳѣ тоже что Аѳамантъ въ первомъ. Онъ такъ же освобождается отъ лабиринѳной запутанности, какъ Аѳамантъ отъ туманной богини, и цѣна освобожденія равно дорога. Далѣе, точно такъ же какъ Аѳамантъ, онъ стоитъ на порогѣ героическаго времени и онъ для насъ еще интереснѣе, потому что мы имѣемъ историческія извѣстія о его успѣшной борьбѣ съ противуобщественными элементами древней Греціи.

По смерти Астеріона (звѣзднаго неба) Миносъ, сынъ Зевса и Европы, искалъ власти надъ Критомъ и утверждалъ, что она ему опредѣлена богами. Въ доказательство того онъ увѣрялъ, что боги исполнятъ все, о чемъ онъ попроситъ. Олимпійскіе боги были въ самомъ дѣлѣ къ нему такъ расположены, что когда онъ попросилъ, чтобы быкъ былъ посланъ ему изъ морскихъ волнъ въ качествѣ знаменія, то Посидонъ исполнилъ его молитву и послалъ ему быка поразительной красоты. Миносъ получилъ царство. Но когда онъ просилъ о посланіи быка, онъ далъ обѣтъ принесть его въ жертву Посидону. Теперь, получивъ царство и прельщенный красотою животнаго, онъ осмѣлился измѣнить обѣту и принести въ жертву не того быка, который возникъ изъ моря, а другаго. Посидонъ привелъ прекраснаго быка въ бѣшенство и жена Миноса, Пасифая (т. е. всѣмъ показывающаяся) возгорѣлась къ нему любовію. Изъ этой любви произошелъ Астерій, прозванный Минотавромъ, потому что на человѣческомъ тѣлѣ носилъ бычачью голову. Его имя указываетъ на его тѣсную связь съ Миносомъ; Минотавръ есть собственно смѣшеніе Миноса съ быкомъ, Миносъ съ

Digitized by Google

той стороны, которой онъ обращенъ не къ олимпійскимъ богамъ, а къ быку, имъ неразумно предпочтенному. Значеніе же этого быка видно изъ другаго имени Минотавра: Астерій, указывающаго на звѣздное небо, изъ происхожденія Пасифаи, которая была дочь солнца и Персеиды, наконецъ изъ того, что̀ объ немъ самомъ разсказывается. Это была всемірная матерія въ формѣ красивой чувственности, имѣвшей надъ Миносомъ столько силы, что онъ подъ ея вліяніемъ сталъ невѣренъ олимпійскимъ богамъ не смотря на ихъ благодѣянія. Миносово отпаденіе къ матеріализму было страшно наказано. Минотавръ требовалъ крови человѣческой и Миносъ долженъ былъ снабжать его юношами и дѣвами, которыхъ тотъ пожиралъ. Силою оружія Аѳиняне были принуждены присылать ихъ въ Критъ вмѣсто дани. Ихъ впускали въ лабиринѳъ, въ которомъ обиталъ Минотавръ и они уже не находили оттуда выхода. Они блуждали въ перепутанныхъ переходахъ лабиринѳа до тѣхъ поръ, пока падали жертвою кровожаднаго существа.

Необыкновенно замѣчательно сказаніе о томъ, какъ Критъ и Аѳины избавились отъ бѣдствія, ихъ изнурявшаго. Побѣдить запутанность лабиринѳа, дать нить, по которой можно бы было опознаться въ этѣхъ подземныхъ, мрачныхъ и съ отчаянною неправильностью переплетенныхъ и перепутанныхъ переходахъ, могъ, по сказанію, только Дедалъ, тотъ самый миѳическій представитель художества въ древней Греціи, которому приписывалось и построеніе лабиринѳа. Онъ далъ дочери Миносовой Аріаднѣ (т. е. сильно нравящейся) нить, съ помощію которой Ѳезею, — герою аѳинскому, удалось войти въ лабиринѳъ и умертвить Минотавра. Тогда прекратилось отправленіе въ Критъ аѳинскихъ юношей и дѣвъ на пожираніе страшному чудовищу, и Ѳезей, въ память своего счастливаго выхода изъ лабиринѳа, установилъ въ честь Аполлону, самому ясному изъ греческихъ боговъ,

Digitized by Google

на островѣ Делосѣ, особенно посвященномъ этому богу, священныя состязанія, состоявшія въ пляскахъ, изображавшихъ блужданія по лабиринѳу. См. Stuhr. p. 159.

Этотъ миѳъ очень многозначителенъ. Миносъ за невѣрность олимпійскимъ богамъ наказывается происхожденіемъ кровожаднаго, въ лабиринѳѣ живущаго Минотавра. Никто не могъ найти выхода изъ лабиринѳа, построеннаго художникомъ Дедаломъ по приказанію самаго Миноса, пока Аріадна, сильно нравящаяся, не дала Ѳезею нити полученной отъ Дедала. Общій смыслъ миѳа ясенъ и прекрасно объясненъ Штуромъ. Миѳъ повѣствуетъ, какъ искусство одерживаетъ верхъ надъ лабиринѳною запутанностью. Истина этого толкованія не можетъ подлежать сомнѣнію, но можно, кажется, еще нѣсколько глубже проникнуть въ значеніе миѳа, если обратить вниманіе на участіе Дедала во всемъ ряду событій.

Миѳъ говоритъ, что лабиринѳъ, въ которомъ заблуждались жертвы, обреченныя Минотавру, былъ построенъ Дедаломъ по приказанію самаго Миноса. Лабиринѳъ, о которомъ идетъ рѣчь, находился, какъ утверждаетъ миѳъ, въ Кноссѣ, но это вѣроятно былъ чистый вымыселъ, потому что ни новѣйшіе путешественники, изслѣдывавшіе мѣсто, ни даже еще Діодоръ, не могли найти на мѣстѣ слѣдовъ такой большой подземной постройки, какою описывается лабиринѳъ (см. Hœck Kreta 1, 56 ff. и Stuhr. S. 157). Это обстоятельство даетъ всему сказанію особенное значеніе. Ежели Дедалъ не строилъ дѣйствительнаго лабиринѳа, то лабиринѳъ, ему приписываемый, долженъ быть идеальный, умственный, а, допустивъ это, конечно всякій спроситъ, какъ греческій миѳъ могъ приписать произведеніе умственной запутанности художнику, котораго вся дѣятельность, какъ Греки необходимо должны были очень хорошо знать, бываетъ устремлена на очищеніе и уясненіе, а не на запутываніе дѣйствительности, имъ воспро-

Digitized by Google

изводимой? Можно было бы устранить эту трудность, сказавъ, что миѳъ, принявъ лабиринѳъ за дѣйствительное построеніе, легко могъ попасть на то, чтобъ его приписать трудамъ миѳическаго художника, не обращая вниманія на характеръ построенія, враждебный сущности художества. Но это объясненіе, предполагающее недоразумѣніе при составленіи миѳа, можетъ быть допущено, только когда окажется, что участіе художества (Дедала) въ происхожденіи умственнаго лабиринѳа на островѣ Критѣ никакъ не можетъ быть иначе объяснено. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно вникнуть въ характеръ этого критскаго умственнаго лабиринѳа, а притомъ первымъ указателемъ естественно должно быть общее значеніе Крита въ греческой исторіи. Мы знаемъ изъ того знаменитаго мѣста Геродота (II, 52), которое уже было приведено, что древніе жители Греціи, Пеласги, покланялись безъименнымъ богамъ. Какъ скоро принять, что у Пеласговъ въ древнее время боги были безъ именъ, необходимо предположить, что у нихъ не было и опредѣленнаго образа. Съ этѣмъ предположеніемъ согласно все, что мы знаемъ о древнемъ греческомъ богопоклоненіи. Символами боговъ были деревья, камни, столбы. Цѣлый рядъ свидѣтельствъ, говорящихъ о такихъ нехудожественныхъ знакахъ, подъ которыми древніе Греки поклонялись своимъ богамъ, собранъ у Мюллера въ ручной книгѣ Археологіи, §. 66. Особенно замѣчательно по аналогіи съ сказаніемъ додонскихъ жрицъ, сохранившимся у Геродота (l. l.), свидѣтельство Павзанія (VII, 22, 3) о тридцати столбахъ, ничѣмъ неотличавшихся одинъ отъ другаго и служившихъ въ Ферахъ вмѣсто истукановъ боговъ. Какъ ни удалили бы мы отъ исторической эпохи то время греческой исторіи, отъ котораго вело начало такое поклоненіе знакамъ боговъ, а не ихъ образамъ, все таки нельзя будетъ отрицать, что въ продолженіе его у языческихъ семитическихъ народовъ и въ Егип-

Digitized by Google

тѣ должно было уже давно господствовать идолопоклонство, форма язычества болѣе художественная и болѣе опредѣленная. Геродотъ въ приведенномъ мѣстѣ говоритъ, что Пеласги, не знавшіе прежде именъ своихъ боговъ, научились имъ отъ Египтянъ. Тамъ, гдѣ мы въ первый разъ говорили объ этомъ необыкновенно-важномъ мѣстѣ, эта сторона свидѣтельства не имѣла значенія для вопроса, о которомъ тамъ шло дѣло, — именно для объясненія главнаго характера Кроносовой религіи. Тамъ было важно сблизить это воспоминаніе о безъименныхъ богахъ съ миѳомъ о поглощеніи Кроносомъ своихъ дѣтей. Но теперь мы можемъ воспользоваться и другими подробностями, узнанными Геродотомъ въ Додонѣ, именно свидѣтельствомъ о чужеземномъ вліяніи на исторію греческой религіи. Въ геродотовомъ мѣстѣ указывается въ этомъ отношеніи на вліяніе Египта на Грецію. Это вліяніе было оспариваемо учеными, особенно К. О. Мюллеромъ, но оно лежитъ въ натурѣ вещей и какъ ни было полезно въ исторіи науки временное отдѣленіе изслѣдованій о Греціи отъ изслѣдованій о востокѣ, особенно по крайней неосновательности или неокончанности послѣднихъ, но удержаться такое направленіе по своей исключительности не можетъ и ученые, изучавшіе религіи негреческихъ народовъ (я укажу въ подтвержденіе сказаннаго только на Моверсово сочиненіе о Финикіянахъ и на выходящіе теперь весьма важные для всеобщей исторіи древняго человѣчества мемуары Рауль-Рошетта о сравнительной археологіи азіатской, греческой и этрусской), показали необходимость допустить по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени вліяніе на Грековъ тѣхъ народовъ, которые старше ихъ въ исторіи человѣчества. Наименѣе же это вліяніе можно отвергать въ такихъ странахъ, которыя, какъ Критъ, лежатъ на самомъ перепутьи народныхъ сношеній. Въ Гёковомъ сочиненіи о Критѣ можно найти историческія свидѣтельства о безчисленномъ мно-

Digitized by Google

жествѣ племенъ, обитавшихъ на этомъ островѣ. Поклоненіе Молоху еще ясно видно въ критскомъ миѳѣ о мѣдномъ великанѣ Талосѣ, обходившемъ весь островъ каждый день по три раза и прижимавшемъ къ своей раскаленной груди иностранцевъ. Связь съ Египтомъ часто упоминается въ исторіи древней дедаловой (критской) школы греческой пластики, что̀ особенно указано Тиршемъ въ его Epochen der bildenden Kunst der Griechen. 1-te Abhandlung. Географическое положеніе Крита въ самомъ дѣлѣ таково, что на немъ необходимо долженъ былъ произойти лабиринѳъ религіозныхъ понятій. Вмѣстѣ съ вопросомъ объ именахъ долженъ былъ возникнуть у критскихъ Грековъ вопросъ объ образахъ боговъ и аттрибутахъ. Это и тогда бы случилось, когда бы они не приняли къ себѣ прямо иноземныхъ боговъ. Но такъ какъ многіе иностранцы принесли въ Критъ свою религію и свое искусство, то естественно, что такое сосѣдство не могло остаться безъ вліянія и на Грековъ, не могло не искушать ихъ и не произвести въ ихъ душѣ религіозной запутанности. Знакомство съ искусствомъ безспорно участвовало въ произведеніи этого лабиринѳа.

Если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на миѳъ о Минотаврѣ и его лабиринѳѣ, то легко откроется значеніе многихъ подробностей. Быкъ, прельстившій Миноса и Пасифаю своей красотой, означаетъ чувственность; мы это видѣли прежде, но только теперь объясняется, почему онъ выходитъ изъ моря. Также, какъ восточный Оаннесъ, выходящій изъ рѣки, онъ возникаетъ изъ моря, потому что религія, которой онъ символъ, является чрезъ посредство народовъ, приплывающихъ по морю. Онъ прельщаетъ Миноса, потому что иностранные боги вводятъ въ искушеніе Грековъ, съ ними познакомившихся; жена Миноса Пасифая, всѣмъ показывающаяся, влюбляется въ прекраснаго быка, потому что критскіе Греки, по географическому положенію всѣмъ доступные, не могли

Digitized by Google

устоять передъ богами, явившимися имъ въ чувственныхъ образахъ. Но и Дедалово участіе въ этомъ измѣненіи религіозныхъ представленій становится понятно, потому что къ чувственности повлекло первое появленіе изваянныхъ боговъ.

Въ сущности искусства дѣйствительно есть элементъ враждебный религіи, элементъ плотскій, чувственный, свѣтскій. Покорное требованіямъ религіи искусство ограничиваетъ притязанія этого элемента и вырабатываетъ такъ называемый храмовой или церковный стиль, который отличается строгостью, и въ которомъ чувственный элементъ связанъ, несвободенъ. Когда искусству наконецъ удается облагородить чувственную форму и возвысить ее до идеальности, находящейся въ гармоніи съ требованіями религіи, тогда оно достигаетъ высшей степени процвѣтанія. Но съ вторичнымъ появленіемъ раздвоенія, оно начинаетъ упадать, теряетъ высокій религіозный характеръ и профанируется. Въ святилище искусства допускается слишкомъ много чувственнаго, свѣтскаго, и искусство отъ того гибнетъ.

Этотъ-то чувственный, враждебный религіи элементъ явился Миносу и Дедалу въ то время, когда олимпійскіе боги только что начали пріобрѣтать рѣшительное господство надъ греческимъ сознаніемъ, въ самомъ началѣ героическаго періода греческой исторіи: ваятель Дедалъ построилъ безвыходный лабиринтъ Минотавру, плоду бѣшеной связи Пасифаи съ чувственно-прекраснымъ животнымъ. Но греческій миѳъ прибавляетъ, что тотъ же самый Дедалъ далъ Аріаднѣ, сильно нравящейся дочери Миноса, нить, по которой Ѳезей могъ выдти изъ лабиринѳа. Это значитъ, что искусство, сильно понравившись Грекамъ, нашло въ себѣ и дало имъ средства побѣдить и чувственность и запутанность, и стать орудіемъ прославленія олимпійскихъ боговъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи миѳическая связь Крита съ Аѳинами: Дедалъ

Digitized by Google

живетъ у Миноса, но родомъ Аѳинянинъ; Ѳезей, убивающій Минотавра и выходящій побѣдителемъ изъ лабиринѳа, есть главный герой Аѳинъ. Извѣстно, что греческому ваянію было предназначено достигнуть въ Аѳинахъ высшей степени своего процвѣтанія. Аѳинскіе художники, преимущественно въ періодъ между персидскими войнами и пелопоннесской, довели образы греческихъ боговъ до высшей степени изящества и индивидуальной опредѣленности и тѣмъ окончили дѣло, завѣщанное имъ миѳическимъ Дедаломъ изъ первыхъ временъ героической эпохи. Тогда только окончательно преодолѣли Греки и облако, мучившее домъ Аѳаманта, и лабиринѳъ Минотавровъ. Тогда только пришелъ къ концу и успокоенію тотъ процессъ, въ которомъ вырабатывались для греческаго религіознаго сознанія олимпійскіе боги, окружающіе Зевса, и который начался Титаномахіей. Все туманное, неясное, безъименное было тогда навсегда изгнано съ Олимпа и сброшено въ тартаръ.

Художественная дѣятельность принимала значительное участіе въ приготовленіи и совершеніи этого великаго событія. Она шла рядомъ съ религіознымъ движеніемъ и была съ нимъ почти тождественна. Художники и поэты нисколько не менѣе жрецовъ имѣли вліяніе на измѣненіе религіозныхъ понятій; даже нѣкоторыя жреческія товарищества показали въ Греціи такое направленіе, что имъ самимъ трудно отказать въ художническомъ характерѣ. Гомеръ былъ во всеобщемъ уваженіи и у жрецовъ; Пиѳія предсказывала будущее въ гекзаметрахъ и часто показывала свое особенное уваженіе къ поэтамъ. Для Циндара былъ поставленъ особенный тронъ въ Дельфійскомъ храмѣ, и когда Каллондъ, убійца поэта Архилоха, хотѣлъ приблизиться къ Пиѳіи, она сказала ему: »ты умертвилъ служителя музъ: выди изъ храма.«

Μουσάων ϑεράποντα κατέκτανες· ἔξιϑι νηοῦ.

Digitized by Google

Въ параллель къ миѳу о Миносѣ и Аріаднѣ, прекрасно означающему вліяніе ваянія на преодолѣніе запутанности и неясности религіозныхъ понятій, можно привести мѣсто Геродота, говорящее тоже, но въ исторической формѣ и еще опредѣленнѣе, объ участіи поэзіи въ развитіи поклоненія олимпійскимъ богамъ. Это мѣсто составляетъ продолженіе приведенныхъ выше словъ Геродота объ именахъ боговъ. Вотъ что говоритъ отецъ исторіи: »а откуда и отъ кого произошелъ каждый изъ боговъ, всѣ ли они были всегда, и какіе они видомъ, это не было извѣстно, можно сказать, до вчерашняго дня. Я думаю, что Гезіодъ и Гомеръ старше меня не болѣе, какъ 400 годами, а они сотворили Гелленамъ Ѳеогонію, дали богамъ прозвища (ἐπωνυμίας), раздѣлили между ними почести и искусства, и обозначили ихъ видъ.« Невходя въ объясненіе этого мѣста, чрезвычайно важнаго для исторіи греческой религіи, кажется достаточно только его привести вслѣдъ за объясненіемъ миѳа о Дедалѣ, чтобы показать ихъ соотвѣтствіе. Въ греческой миѳологіи такъ ясенъ и блистателенъ поэтическій элементъ, что на него не нужно особенно указывать. Важнымъ выводомъ, какъ изъ этого мѣста, такъ и изъ миѳа о Дедалѣ, можно почитать только то, что поэтическій и пластическій характеръ греческихъ боговъ не слѣдуетъ считать первоначальнымъ, но что напротивъ онъ есть поздній плодъ (за 400 лѣтъ до Геродота) продолжительныхъ усилій греческаго народа. Этотъ выводъ, сближенный съ миѳами о побѣдѣ Зевса надъ Кроносомъ и Титанами и о послѣдованіи героическаго времени за серебрянымъ и мѣднымъ, полагаетъ послѣдній вѣнецъ ихъ истолкованію.

Дѣйствительно, при всей критической осторожности и недовѣрчивости, можно позволить себѣ изъ миѳологическихъ данныхъ, приведенныхъ выше, вывести положеніе, что сказаніе о побѣдѣ Зевса надъ Кроносомъ

Digitized by Google

и Титанами имѣетъ положительную религіозно-историческую основу, и что въ немъ переданъ намъ великій фактъ происхожденія поклоненія Зевсу среди народа, покланявшагося еще Кроносу. Равнымъ образомъ можно позволить себѣ утверждать на основаніи этѣхъ данныхъ съ полною увѣренностію, что современно съ поклоненіемъ Зевсу и въ связи съ нимъ произошелъ новый бытъ, извѣстный и прославленный греческою эпическою поэзіею подъ именемъ героическаго. Этотъ двойной выводъ такъ крѣпко опирается на миѳы объ олимпійской борьбѣ Зевса съ Кроносомъ и Титанами и о соотвѣтственной земной борьбѣ, описанной въ сказаніяхъ о пяти поколѣніяхъ и о безбожныхъ племенахъ; онъ такъ сильно подтверждается нѣкоторыми приведенными нами историческими свидѣтельствами Геродота и Ѳукидида, и такъ согласенъ со всѣмъ, что мы знаемъ изъ исторіи поклоненія, что ему можно приписать достовѣрность событія и дать ему въ греческой исторіи равное мѣсто съ фактами, не подлежащими сомнѣнію. Но одновременное происхожденіе новой религіи и новаго быта составляетъ такое великое событіе, что мы чувствуемъ потребность, въ заключеніе этой главы, еще нѣсколько остановиться на немъ, чтобы осмотрѣть съ его высоты предшествовавшія ему и послѣдовавшія за нимъ времена греческой исторіи. Только такое пониманіе великаго событія въ общей исторической связи можетъ дать ему настоящее мѣсто и настоящія границы, слѣдовательно показать его истинное значеніе и характеръ.

Поклоненіе Зевсу и героическій бытъ произошли среди продолжительной борьбы и водворились на развалинахъ другаго поклоненія и другаго быта. Поклоненіе Зевсу привело съ собою болѣе ясныя, болѣе идеальныя представленія о богахъ, и поставило на мѣсто страшныхъ, кровавыхъ обрядовъ религіи Кроноса служеніе олимпійскимъ богамъ, которое въ своемъ главномъ ха-

Digitized by Google

рактерѣ было весело и человѣчно. Героическій быть основанъ на дружинной жизни, слѣдовательно уже на свободной, произвольной, а не на природной связи одного человѣка съ другимъ; онъ произошелъ вслѣдствіе того, что свободныя, сознательныя опредѣленія человѣка одержали верхъ надъ слѣпыми и безсознательными природными опредѣленіями. Но какъ поклоненіе Кроносу, господствовавшее прежде поклоненія Зевсу, не было въ Греціи первоначальнымъ, но само произошло на памяти миѳологіи, такъ и бытъ времени Кроноса, господствовавшій прежде появленія въ Греціи дружинъ героическихъ, не можетъ быть считаемъ совершенно природнымъ, безмятежнымъ и невиннымъ бытомъ. Ежели вся исторія человѣчества состоитъ въ томъ, что происшедшее внѣшнимъ для человѣческаго сознанія образомъ замѣщается созданнымъ сознательно и свободно, и на мѣсто природнаго быта ставится разумный бытъ; то очевидно, что между природнымъ и разумнымъ должно быть великое множество степеней, и что потому во время довольно близкое къ историческому, особенно у народа, стоящаго на такой высокой степени развитія, какъ греческій, нельзя искать быта не только совершенно-природнаго, но и очень близкаго къ природному. Дѣйствительно мы знаемъ, что времени Кроноса предшествовало время Урана и должны заключить по аналогіи, что самый бытъ времени Кроноса есть продуктъ борьбы, въ которой погибли и поклоненіе Урану и связанный съ нимъ бытъ. Кроносовскій бытъ былъ слѣдствіемъ воздѣйствія разумнаго начала (являющагося въ формѣ человѣческаго произвола) на природное начало человѣческой жизни; онъ результатъ смѣшенія, взаимнодѣйствія. Конечно надобно предполагать, что было время, когда онъ существовалъ въ установившейся формѣ, какъ положительный нравъ и обычай; но что и въ то время онъ не отличался ясностью и твердостью своихъ опредѣленій, можно заключить изъ

Digitized by Google

того, что̀ мы видѣли прежде относительно религіознаго сознанія людей кроносовскаго времени. Изъ сближенія гезіодическаго миѳа объ отношеніи Кроноса къ своимъ дѣтямъ съ Геродотовымъ извѣстіемъ о поклоненіи безъименнымъ богамъ мы заключили, что религіозное сознаніе кроносовскаго человѣка было неясное, смутное, хаотическое. Отсюда слѣдуетъ, что кроносовское время не могло быть истинно-золотымъ вѣкомъ невозмущеннаго довольства, что оно могло представляться такимъ только по сравненію съ страданіями переходнаго времени, приведшаго вслѣдъ за собою господство Зевса и героическій бытъ. Правда, что въ гезіодическомъ сказаніи о пяти поколѣніяхъ оно называется золотымъ, и потому, когда нашею задачею было найти тотъ смыслъ, который это сказаніе имѣло для Гезіода, мы ограничились гезіодическимъ обозначеніемъ и не пошли далѣе. Безъ этого было бы невозможно удовлетворительное объясненіе миѳа, въ той его формѣ, въ какой онъ намъ переданъ въ гезіодической поэмѣ »дни и работы,« а такое объясненіе составляетъ всегда первую необходимость. Но теперь, когда мы смотримъ на этотъ миѳъ не съ точки зрѣнія слагателя, а съ общей точки исторической критики, отъ насъ не можетъ укрыться, что воззрѣніе его слагателя несогласно съ тѣмъ, что̀ мы кромѣ того знаемъ объ историческомъ мѣстѣ и характерѣ времени Кроноса, и мы необходимо должны предположить, что въ головѣ слагателя память о времени Кроноса смѣшалась съ темными воспоминаніями о дѣйствительно бывшемъ нѣкогда, но гораздо прежде, золотомъ времени для человѣка. Отъ насъ не можетъ укрыться, что золотымъ временемъ въ собственномъ смыслѣ не можетъ быть названо не только время Кроноса, которое человѣческій произволъ уже значительно долженъ былъ запутывать, но даже и время Урана, — время служенія кочевыхъ колѣнъ свѣтиламъ, также кочующимъ по безпредѣльному небу, — и что золотымъ временемъ можно

Digitized by Google

считать собственно только то безмятежное и невинное состояніе человѣка, которое предшествовало паденію.

Теперь, ежели мы перейдемъ отъ времени, предшествовавшаго происхожденію поклоненія Зевсу, къ времени, послѣдовавшему за этѣмъ событіемъ, то и тутъ мы найдемъ цѣлый рядъ постепенныхъ измѣненій. Великое событіе совершилось не вдругъ: поклоненіе Зевсу, появившись первоначально только на немногихъ пунктахъ, распространилось по Греціи мало-по-малу, и, распространившись, не осталось навсегда въ первоначальномъ видѣ, но постепенно развивалось и совершенствовалось; героическій бытъ не вдругъ организовался, но достигъ того блистательнаго состоянія, которое описано греческой эпической поэзіей, конечно посредствомъ довольно продолжительнаго развитія. Впрочемъ поклоненіе Зевсу, происшедшее вмѣстѣ съ героическимъ бытомъ, не осталось связано съ нимъ во все время своего существованія. При своемъ происхожденіи героическій бытъ составлялъ дѣйствительно огромный шагъ впередъ, явленіе замѣчательное, даже можетъ быть, такое, какого еще до тѣхъ поръ не было въ исторіи человѣчества. Герои были люди, и въ физическомъ и въ нравственномъ отношеніи далеко превосходившіе массу народа. Ихъ товарищества соединили въ себѣ всѣ сильные и живые элементы тогдашняго времени. Они были дѣйствительно лучшіе люди своего народа, ἀριστῆες, ἄριστοι; народъ не могъ не признать ихъ превосходства и добровольно подчинялся имъ. Онъ только слушалъ и смотрѣлъ, тогда какъ герои дѣйствовали и говорили (Schol. Il. IX, 17: ὁ μὲν δῆμος μόνον τοῦ ἀκοῦσαι κύριος, οἱ δὲ ἡγεμόνες καὶ τοῦ πρᾶξαι); онъ двигался по ихъ голосу и подъ ихъ предводительствомъ, чаще же составлялъ только фонъ, на которомъ герои совершали свои подвиги. Власть героевъ основывалась по этому не на принужденіи, и ихъ правленіе иначе не можетъ быть названо, какъ правленіемъ луч-

Digitized by Google

шихъ, ἀριστοκρατία. Но такое состояніе не могло быть продолжительно. Соединеніе лучшихъ съ теченіемъ времени должно было преобразиться въ соединеніе родовитыхъ, производившихъ только себя отъ прежнихъ лучшихъ, и прежняя настоящая аристократія осталась только по имени, на дѣлѣ же превратилась въ господство родовъ, генократію. (Сравни Cic. de vep. I, 34: verum hunc optimum statum pravis hominum opinionibus eversum esse dicunt, qui ignoratione virtutis — opulentes homines et copiosos, tum genere nobili natos, esse optimos putant). Тогда поступательное начало греческой исторіи нашло себѣ новыхъ представителей и повело къ новому быту, который выступилъ разрушительно противъ генократіи и тѣмъ болѣе ее ограничивалъ, чѣмъ болѣе она искажалась и переходила въ корыстную олигархію. На греческомъ материкѣ старый бытъ еще долго существовалъ, отчасти въ первобытной формѣ героической монархіи, опирающейся на героическую аристократію, отчасти въ позднѣйшей формѣ чистой аристократіи. Народъ, λαός, δῆμος, долго бездѣйствовалъ, и этѣмъ превосходно объясняется, почему какъ образовательныя художества, такъ и поэзія, оставались въ продолженіе около половины тысячелѣтія почти на одной и тойже степени. (Объ образовательномъ художествѣ смотри превосходное изслѣдованіе Тирша въ первомъ разсужденіи объ эпохахъ образовательныхъ художествъ). Между тѣмъ въ элементахъ движенія, прогресса, не могло быть уже недостатка и въ это время, потому что героическій бытъ вслѣдствіе самаго своего происхожденія долженъ былъ оставить много сѣмянъ для будущаго. Мы дѣйствительно видимъ, что почти во всѣхъ странахъ Греціи отъ времени до времени обнаруживалось недовольство существующимъ и стремленіе къ новому. Въ иныхъ мѣстахъ такое недовольство приводило ко внутреннимъ распрямъ; въ другихъ безпокойные люди, или по принужденію или добровольно, оставляли оте-

Digitized by Google

чество и основывали колоніи, ἀποικίας. Въ послѣднемъ случаѣ въ колоніяхъ разцвѣтала новая жизнь, исторически позднѣйшая по своему характеру и еще болѣе свободная отъ природныхъ опредѣленій, нежели жизнь метрополіи: вслѣдствіе чего греческія колоніи стали предшественницами собственной Греціи въ народномъ процвѣтаніи. Но, вскорѣ за водвореніемъ новаго быта въ колоніяхъ, неотвратимое теченіе исторіи привело водвореніе подобнаго же быта и въ собственной Греціи на развалинахъ прежней жизни. Свободныя опредѣленія наконецъ совершенно заступили мѣсто природныхъ опредѣленій; это сдѣлало возможнымъ невиданное до тѣхъ поръ въ исторіи человѣчества процвѣтаніе умственной жизни во всѣхъ отрасляхъ, но въ тоже время освободило человѣческій произволъ отъ узъ, прежде его связывавшихъ, и тѣмъ приготовило ту необузданную произвольность, отъ которой языческій δῆμος не нашелъ въ себѣ воли удержаться, и которая повела къ внутренней гибели греческихъ республикъ. Между этѣмъ новымъ, демократическимъ бытомъ, котораго характеръ во всей ясности оказался только въ концѣ всего развитія, и прежнимъ героическимъ было множество степеней, множество оригинальныхъ образованій, сложившихся изъ различнаго взаимнодѣйствія двухъ факторовъ. Ежели искать для всѣхъ этѣхъ видоизмѣненій новаго быта особеннаго наименованія, то нельзя найти наименованія приличнѣе *гелленскаго*, хотя надобно замѣтить, что это имя относится ко всему, что является послѣ переселенія Дорійцевъ въ Пелопоннесъ, и даже находится въ связи, съ нѣкоторыми явленіями, предшествовавшими этому событію. *Гелленское* собственно противополагается не героическому, а пеласгическому. Между послѣднимъ и гелленскимъ героическое стоитъ въ срединѣ, какъ сѣмя гелленскаго.

Въ такомъ значеніи сѣмени гелленизма, героизмъ

Digitized by Google

стоитъ въ связи и съ поклоненіемъ Зевсу. Это поклоненіе принесло съ собою возможность болѣе свободной, болѣе сознательной человѣческой жизни, и, благодаря этому характеру, одержало побѣду надъ поклоненіемъ Кроносу. Вмѣстѣ съ этѣмъ героическій бытъ занялъ почетное мѣсто среди пеласгическаго быта, и дружины героевъ вынудили себѣ признаніе во всей Греціи. Но какъ героическій бытъ былъ только предшественникомъ гелленскаго, такъ и первоначальное поклоненіе Зевсу было далеко несовершенно. Оно одержало верхъ надъ смутными и неясными представленіями времени Кроноса, но въ немъ самомъ ясность представленій заключалась только какъ возможность, что̀ можно заключить уже изъ приведенныхъ выше миѳовъ объ Аѳамантѣ и Миносѣ. Окончательное, художественное уясненіе представленій о Зевсѣ было совершено въ эпоху процвѣтанія гелленизма въ Аѳинахъ, во время Перикла, Фидія и Софокла. До этого окончательнаго уясненія прежняя смутность представленій еще овладѣвала часто душею поклонниковъ Зевса, и часто въ ихъ умѣ или возставали старые титаническіе образы, чтобы снова начинать борьбу съ Зевсомъ, или самъ Зевсъ являлся почти съ характеромъ Кроноса.

Память о явленіяхъ перваго рода сохранилась въ преданіи о гигантомахіи или борьбѣ, которую олимпійскіе боги принуждены были выдержать противъ Гигантовъ, существъ очень похожихъ на титановъ, и потому въ позднѣйшемъ сознаніи часто съ ними смѣшиваемыхъ. По Ѳеогоніи ст. 185 они были послѣднія произведенія крови Урана, попавшей на Гею, въ то время, какъ Кроносъ лишилъ его мужеской силы. Поэтому ихъ можно разсматривать, какъ послѣднія существа изъ ряда существъ дозевсовскихъ, какъ послѣднихъ непріятелей, выступившихъ противъ Олимпійцевъ уже послѣ Титаномахіи. Съ этѣмъ согласно, что въ борьбѣ съ ними Олим-

Digitized by Google

пійцамъ помогаютъ уже не сторукіе, но герои, особенно Геркулесъ, и что у Гомера въ Одиссеѣ (VII, 59. 206) сами гиганты являются обитателями земли, только отличающимися дикостью (ἄγρια φῦλα).

Что же касается до явленія Зевса въ разныхъ характерахъ, то этѣ измѣненія лучше всего можно видѣть на различіи мѣстныхъ обрядовъ поклоненія, къ описанію которыхъ мы теперь переходимъ. Вѣрность однажды установившемуся обычаю, отличающая обрядную часть всякаго поклоненія, дала возможность обрядамъ мѣстныхъ служеній Зевсу сохранить до времени процвѣтанія греческаго народа довольно ясные слѣды разновременности своего происхожденія, по которымъ ихъ можно расположить въ историческомъ порядкѣ съ нѣкоторою вѣроятностью. Мы ихъ раздѣляемъ на три степени, соотвѣтствующія тремъ главнымъ эпохамъ древнѣйшей исторіи греческаго народа, потому что считаемъ такое дѣленіе самымъ естественнымъ, хотя никакъ не думаемъ приписывать ему полной достовѣрности, особенно въ отдѣльныхъ подробностяхъ.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ ВЪ ИСТОРІИ ПОКЛОНЕНІЯ ЗЕВСУ ВЪ ГРЕЦІИ. ВРЕМЯ ПЕЛАСГОВЪ.

Додонскій Зевсъ.

Въ XVI книгѣ Иліады, ст. 233, Ахиллъ, ученикъ Хирона, правдиваго Кентавра, стоящаго, какъ мы видѣли, на границѣ двухъ періодовъ древнѣйшей исторіи греческаго народа, властитель страны, которая въ Иліадѣ еще одна носитъ имя Геллады, распространившееся въ началѣ историческаго времени на всю образованную Грецію [1]), герой, которому вслѣдствіе того особенно прилично находиться въ связи съ новыми богами, но въ ихъ древ-

[1]) Начало такого распространенія можно видѣть уже въ Одиссеѣ, гдѣ границы Геллады шире нежели границы владычества Ахилла I, 344. XV, 80.

Digitized by Google

нѣйшей формѣ, призываетъ Зевса въ очень важную минуту своей жизни слѣдующими словами: »Зевсъ - царь, додонскій, пеласгическій, далеко живущій, властвующій надъ Додоной, обуреваемой вѣтрами,—а вокругъ тебя живутъ Селлы-толковники, съ немытыми ногами, на землѣ спящіе.« Это мѣсто живыми красками обрисовываетъ намъ поклоненіе Зевсу въ Додонѣ, древность котораго кромѣ приведенныхъ соображеній, основывающихся на характерѣ Ахилла въ кругу греческихъ героевъ, доказывается эпитетомъ »пеласгическій,« и всѣмъ, что мы знаемъ о Додонскомъ Оракулѣ, который стоялъ въ тѣсной связи съ тамошнимъ поклоненіемъ Зевсу и участвовалъ, какъ мы уже видѣли, въ переходѣ греческаго народа отъ безъименныхъ боговъ къ именуемымъ. Мы узнаёмъ изъ этого драгоцѣннаго мѣста, что додонскіе жрецы, толкователи воли Зевса, вели аскетическую жизнь и при томъ въ такой степени, какой мы не находимъ въ другихъ мѣстахъ въ Греціи. Они не мыли ногъ и, не зная покоя домашней кровли, проводили всю свою жизнь подъ открытымъ небомъ, — вѣроятно, чтобъ не удаляться ни на минуту отъ общенія съ Зевсомъ, разлитымъ въ природѣ. Очень замѣчательно ихъ имя, Селлы, особенно ежели взять во вниманіе, что Спартанцы называли Додонскій Оракулъ Геллой (Hesych. s. v.), а Пиндаръ и Селловъ зоветъ Геллами (Strab. VII, 7.), что страну около Додоны Гезіодъ, въ мѣстѣ, которое будетъ приведено ниже, именуетъ Геллопіей и что, по Аристотелю (Meteor. I, 14.), мѣсто около Додоны въ землѣ Молоссовъ было древнѣйшей Гелладой (см. Mülleri Aegineticorum liber p. 159). По этѣмъ даннымъ очень возможно, что самое имя »Геллены« пошло отъ додонскихъ толкователей воли Зевса и распространилось въ связи съ распространеніемъ новыхъ религіозныхъ понятій, вышедшихъ изъ Додоны. Понятія древнихъ о томъ, какимъ образомъ Греція стала изъ пеласгической гелленскою, не только не противорѣчатъ такому предположенію, но даже

Digitized by Google

его подтверждаютъ. У Геродота было твердое убѣжденіе, что Геллены не существовали искони, а произошли изъ Пеласговъ. Многихъ мѣстъ у него нельзя понять, если не предположить, что Геллены отличались отъ Пеласговъ не кровью, а степенью развитія. Не только Іонійцевъ онъ называетъ Пеласгами, но и Эолійцевъ (см. VII, 95. *Αἰολέες .... καὶ τὸ πάλαι καλεύμενοι Πελασγοί*). Вообще только Дорійцы не считались у Грековъ за Пеласговъ, и то, вѣроятно, потому, что они пришельцы въ Пелопоннесѣ, но у Аркадійцевъ, Аѳинянъ, которыхъ гелленизмъ не подлежитъ сомнѣнію, никто изъ древнихъ не отнималъ чести автохѳонизма, и намъ остается только принять, что они, бывши Пеласгами, съ теченіемъ времени стали Гелленами, и притомъ послѣ Гомера, потому что у Гомера Геллада есть не болѣе какъ малая страна въ Ѳессаліи, подвластная Ахиллу. Совершенно согласно съ этѣмъ Исократъ въ панегирической рѣчи (с. XIII. p. 51. Steph.) говоритъ, что не происхожденіе, а понятія дѣлаютъ Гелленомъ, и что Гелленами болѣе зовутся получившіе одинакое воспитаніе, нежели имѣющіе одну кровь. Почти тоже самое только другими словами сказано въ приведенномъ выше мѣстѣ Ѳукидида о постепенномъ и медленномъ распространеніи гелленскаго обычая, см. Thucyd. c. 4—6. Ежели на основаніи всѣхъ этѣхъ данныхъ принять постепенное происхожденіе гелленской національности изъ національности пеласгической (или вообще догелленской: именемъ Пеласговъ мы обозначаемъ ее вслѣдъ за Геродотомъ), и ежели имѣть въ виду показанную въ предшествовавшей главѣ связь поклоненія Зевсу съ народнымъ бытомъ; то очень естественно сблизить имя гелленское съ именемъ Селловъ, древнѣйшихъ жрецовъ-толковниковъ Зевса, и видѣть въ призваніи додонскаго Зевса Ахилломъ, властителемъ древнѣйшей Геллады, болѣе нежели случайность. Но съ другой стороны очевидно, что къ гелленизму въ Додонѣ былъ сдѣланъ только

Digitized by Google

первый шагъ, ибо додонскій Зевсъ могъ еще называться пеласгическимъ, и самъ Ахиллъ еще близокъ къ временамъ Флегіевъ, Лапиѳовъ и Кентавровъ.

Драгоцѣнныя свѣдѣнія о додонскомъ Зевсѣ и характерѣ тамошняго поклоненія доставляются еще однимъ двустишіемъ, которое дважды повторяется въ Одиссеѣ (XIV, 327 и XIX, 296) и упоминаетъ о вопрошаніи Додонскаго Оракула: »а о томъ сказалъ, что онъ отправился въ Додону, чтобы изъ божьяго дуба съ высокой верхушкой послушать думу Зевса, какъ бы ему возвратиться и т. д.« Изъ этого двустишія мы узнаёмъ, что Зевсову думу возвѣщало въ Додонѣ священное дерево. Оно называется здѣсь *δρῦς*, но болѣе обыкновенное его названіе есть *φηγός* или *φαγός* отъ *φαγεῖν*, ѣсть. Это было питающее дерево, по нѣкоторымъ quercus esculus Linn. (Dierbach flora mytholog. p. 24. ff.), по другимъ quercus aegilops (Link die Urwelt 1, 361 ff.). По немъ и Зевсъ получилъ прозвище *φηγοναῖος*. Это Зевсъ питающій, присутствующій въ деревѣ, которое было для древнихъ Пеласговъ деревомъ жизни. Его вѣчно-зеленые листья, его сладкіе желуди способствовали происхожденію и укорененію мысли, что въ немъ обитаетъ Зевсъ. Въ движеніи его листьевъ, въ птицахъ, на немъ садящихся или около него летающихъ, люди, вошедшіе разъ въ кругъ этѣхъ представленій, естественно должны были искать проявленія думы Зевса, *βουλὴ Διός*, а за истолкованіемъ видѣнныхъ явленій имъ всего естественнѣе было обращаться къ жрецамъ, проводившимъ всю жизнь около этого священнаго дерева. Такимъ образомъ необходимо долженъ былъ произойти оракулъ, а съ нимъ вмѣстѣ вліяніе Селловъ-толковниковъ увеличиваться.

Схоліи къ приведеннымъ мѣстамъ Одиссеи упоминаютъ о неизвѣстности, гдѣ была Додона, упоминаемая Гомеромъ, въ Ѳессаліи ли или въ Ѳеспротіи. Стефанъ Византійскій s. v. *Δωδώνη* p. 319 утверждаетъ, что мѣсто

Digitized by Google

въ Иліадѣ относится къ ѳессальской Додонѣ, а въ Одиссеѣ къ ѳеспротской. Это различіе едвали основательно; достовѣрно только то, что въ Греціи были двѣ Додоны, одна въ Ѳессаліи, другая въ Эпирѣ, и что послѣдняя была знаменитѣе. Жили около этой эпирской Додоны сначала Хаоны, потомъ Ѳеспроты, а по списку кораблей въ Иліадѣ и Перребы, наконецъ въ историческое время Молоссы (или Молотты). У Гомера эта Додона носитъ эпитетъ: δυσχείμερος, обуреваемая вѣтрами, очень холодная. Это объясняется тѣмъ, что она лежала на отлогости горы Томара. Но ея окрестности описываются очень пріятными красками.

Изъ Гезіодовой поэмы: Ἠοῖαι сохранилось у Схоліаста Трахинянокъ Софокловыхъ ст. 1174 прекрасное описаніе окрестностей Додоны и ея положенія. »Есть страна Геллопія, богатая посѣвами и прекрасными лугами, обильная овцами и быками влачащими ноги; а въ ней живутъ мужи, владѣющіе многими овцами и многими быками, безчисленные, несмѣтные, все — колѣна смертныхъ людей. Тамъ-то Додона нѣкая обгорожена на самомъ краю (т. е. равнины, какъ Иліонъ); ее Зевсъ полюбилъ и захотѣлъ чтобъ она была его оракуломъ, честимымъ людьми, заключеннымъ въ глубинѣ питательнаго дерева. Оттуда живущіе на землѣ люди выносятъ себѣ всякія предсказанія. Кто туда пришедши будетъ выспрашивать бога, пусть идетъ, неся дары, съ добрыми предзнаменованіями.« Къ этому описанію Додоны и Геллопіи слѣдуетъ замѣтить, что Геллопіей называлась такъ же Эвбея, островъ замѣчательный въ миѳическомъ отношеніи по связи съ Зевсомъ. Филохоръ у Страбона VII, 7.

Объ основаніи Додонскаго Оракула Геродотъ сообщаетъ разсказъ додонскихъ пророчицъ. »Двѣ черныхъ голубицы вылетѣли изъ египетскихъ Ѳивъ и изъ нихъ одна прилетѣла въ Ливію (гдѣ основанъ оракулъ Аммона), а другая къ нимъ въ Додону, и, сѣвъ на питательный дубъ,

Digitized by Google

сказала человѣческимъ голосомъ, что тутъ слѣтуетъ произойти оракулу Зевса.« Ея голосъ сочтенъ божественнымъ и оракулъ основанъ. Геродотъ объясняетъ это сказаніе такъ: »женщина родомъ изъ Египта была вѣроятно продана Ѳеспротамъ, и по памяти о ѳивокомъ храмѣ Зевса устроила у нихъ оракулъ; звали же ее голубицею, потому что Додонцамъ ея варварская рѣчь сначала казалось похожею на птичью, а современемъ она по ихъ словамъ стала говорить человѣческимъ голосомъ, когда начала употреблять понятные имъ звуки; потому что какимъ образомъ иначе голубица заговорила бы человѣческимъ голосомъ?« Herod. II, 55—57. Геродотъ приводитъ имена этѣхъ трехъ пророчицъ, связанныя, кажется, съ ихъ саномъ: *Προμένεια*, о будущемъ думающая, *Τιμαρέτη*, чтящая доблесть, *Νικάνδρα*, побѣждающая мужей. Послѣднее прозваніе относятъ къ дѣвственности; можетъ быть оно относится къ вступленію пророчицъ-женщинъ на мѣсто жрецовъ-толковниковъ, упоминаемыхъ въ Ахилловой молитвѣ у Гомера. Геродотъ ихъ зоветъ въ приведенномъ мѣстѣ или жрицами, *ἱρειαι*, или пророчицами, *προμάντιες*. Но извѣстно, что онѣ и сами носили имя пеліадъ, т. е. голубицъ, *πελειάδες*. Очень важно свидѣтельство Страбона VII, 7. p. 329 о томъ, когда оракулъ поступилъ въ ихъ руки. Страбонъ говоритъ, что сначала пророчествовали мужи, какъ это видно и изъ Гомера, а потомъ выбирались три старыя женщины (*γραῖαι*), съ тѣхъ поръ какъ Діона оказалась соучастницей Зевса въ храмѣ, *σύνναος*. Ежели принять это свидѣтельство за истинное, то изъ него получатся слѣдующіе выводы. Первоначально въ Додонѣ было поклоненіе Зевсу подъ видомъ питательнаго дерева. Волю Зевса наблюдали въ движеніяхъ вѣтвей, въ шелестѣ листьевъ, и толковниками этого многоязычнаго дерева (*πολυγλάσσου δρυός* Soph. Trach. 1170) были жрецы Селлы. Потомъ явилась мысль, что рядомъ съ Зевсомъ слѣдуетъ поклоняться и женской боги-

Digitized by Google

нѣ; понятіе о верховномъ богѣ начало двоиться и приняло половое различіе. Вмѣсто одного Зевса явилась чета боговъ, Зевсъ и Діона, и вмѣстѣ съ тѣмъ на ряду съ прежними жрецами начали участвовать въ оракулѣ пророчицы - голубицы. Діона отождествляется нѣкоторыми писателями съ Афродитой [1]); обыкновенное мнѣніе считаетъ ее матерью Афродиты, а такъ какъ Афродита въ свою очередь отождествлялась съ Герой, законной супругой Зевса на Олимпѣ, въ качествѣ Афродиты - Геры (ея очень древній идолъ находился въ Лакедемонѣ, Paus. III, 13), то съ одной стороны понятно, почему голубь, птица Афродиты, могъ имѣть большое значеніе въ Додонѣ, а съ другой становится позволительно считать Діону вообще за женское явленіе Зевса, за существо близкое къ Афродитѣ-Герѣ. Происхожденіе Діоны повело за собою бо́льшее ограниченіе и опредѣленіе понятія о Зевсѣ; раздѣленіе половъ было, какъ говоритъ Крейцеръ (Symbolik und Mythologie I, 24. 3-te Ausg.), первымъ переходомъ къ анеропизму. Замѣчательные въ этомъ отношеніи стихи сохранились у Павзанія X, 12, 10. Этотъ писатель говоритъ, что додонскія пеліады первыя изъ женщинъ пѣли: »Зевсъ былъ, Зевсъ есть, Зевсъ будетъ, о великій Зевсъ! земля высылаетъ плоды, потому зовите матерью землю.« Въ этѣхъ стихахъ еще какъ бы слышится новость поклоненія Зевсу; жрицы - голубицы еще, кажется, помнятъ, что ему недавно въ Додонѣ стали кланяться вмѣсто Кроноса, и потому съ удареніемъ поютъ, что *Зевсъ* былъ, что *Зевсъ* есть и что онъ *будетъ* (это слова, возвышаемыя метромъ); но въ тоже время онѣ уже напоминаютъ, что не надобно забывать и земли, высылающей изъ своихъ нѣдръ

---

*) Serv. A. III, 466. Dodonae .... ubi Jovi et Veneri templum a veteribus fuerat consecratum. Сравни Klausen Aeneas und die Penaten I, 44. n. 622 c.

Digitized by Google

плоды, что ее надобно признавать матерью. Трудно сказать, въ какомъ отношеніи это призываніе земли стоитъ къ служенію Діонѣ. Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ изслѣдованій о значеніи Діоны, что не входитъ въ кругъ этого сочиненія; но относительно Зевса земля въ этомъ двустишіи занимаетъ такое же ограничивающее мѣсто, какъ Діона, и потому нѣтъ о ней было прилично пеліадамъ.

Имя пеліадъ, которыя и просто назывались пеліями, *πέλειαι*, значитъ голубицы. Можно было бы въ этомъ видѣть случайное сходство звуковъ двухъ разныхъ словъ и объяснять имя пророчицъ извѣстіемъ, сохранившимся у Страбона VII fr. 2, что у Ѳеспротовъ и Молоттовъ пеліями звали вообще старухъ. Но сказаніе Геродота, говорящее прямо о черной голубицѣ, и обстоятельство, что голубь родственъ Діонѣ, располагаетъ къ предположенію, что въ сходствѣ именъ, кроется болѣе нежели случай, и въ этомъ предположеніи укрѣпляетъ монета собранія монастыря св. Флоріана въ Австріи, служащая виньеткою въ сочиненіи Арнета Ueber das Taubenorakel von Dodona (Wien 1840) и повторенная въ рисункахъ приложенныхъ къ 3-му тому послѣдняго изданія Крейцеровой Символики подъ № 28, а равно и въ виньетѣ этой главы. На лицевой сторонѣ этой монеты изображенъ орелъ, сидящій на скалѣ, съ подписью *ΑΠΕΙΡΩΤΑΝ*, на задней сторонѣ старый дубъ, на вершинѣ котораго сидитъ голубь, тогда какъ внизу сидятъ обращенные другъ къ другу еще два голубя. Можетъ быть къ священному дубу были пріучены голуби, и служили однимъ изъ предметовъ наблюденія для вопрошавшихъ оракулъ. По мѣсту Геродота вѣроятно, что они были черные, и это согласно съ общимъ характеромъ додонскаго поклоненія Зевсу, нѣсколько мрачнымъ и аскетическимъ. Черный цвѣтъ вообще встрѣчается въ греческой миѳологіи тѣмъ чаще, чѣмъ ближе къ тому време-

Digitized by Google

ни, когда олимпійскіе боги только что выходили изъ мрака, см. Dorfmüller de Graeciae primordiis p. 59 sq. Вѣроятно въ Додонѣ и жрицы носили черное платье, согласное съ цвѣтомъ священныхъ голубей.

Но каково бы ни было значеніе чернаго голубя въ Додонѣ, несомнѣнно то, что пеліады были жрицы не только Діоны, но и Зевса. Онѣ пророчествовали отъ имени Зевса и Діоны вмѣстѣ, отъ имени верховной четы, тѣсно между собой связанной. Ὁ Ζευς ἡ Διώνη, иногда говорится вмѣсто обыкновеннаго ὁ θεός относительно Додонскаго Оракула. См. Demosth. παραπρ. p. 437, 10. Dem. Ep. IV, p. 1847, 1. Clausen Aeneas und die Penaten 1, 410. n. 662 b. По неразрывной связи Зевса съ Діоной жрицы пеліады, явившіяся въ Додонѣ вмѣстѣ съ поклоненіемъ Діонѣ, вступили однакожъ въ совершенное равенство правъ съ старыми жрецами Селлами и истолковывали думу высокой четы по явленіямъ, окружавшимъ священный дубъ, всѣмъ, кто къ нимъ обращался. Только Беотійцамъ, говоритъ Страбонъ (IX, p. 607 c.), давали толкованія жрецы. Впрочемъ и у Демосѳена Mid. 15, p. 531. упоминается одинъ жрецъ додонскаго Зевса: ὁ τοῦ Διός.

Страбонъ (VII, 7.) говоритъ, что додонскихъ жрецовъ звали томурами; это же мы узнаёмъ изъ Евстаѳія (къ Ил. XVI, 235), ссылающагося на Ликофрона, который свидѣтельствуетъ между прочимъ, что этѣ жрецы пророчествовали »Зевсомъ черезъ сны, которые видѣлись имъ, когда они засыпали на землѣ на принесенныхъ дарахъ.« По имени предполагаютъ въ нихъ или обрѣзанныхъ или евнуховъ, что не противорѣчило бы характеру додонскаго служенія; относительно древности этого ихъ прозванія приводятъ древній и Страбономъ l. l. предпочитаемый варіантъ въ Одисс. XVI, 403 τομοῦροι вмѣсто θέμιστες.

Впрочемъ несмотря на этѣ извѣстія надобно допустить, что съ теченіемъ времени значеніе додонскихъ

Digitized by Google

жрецовъ ослабѣвало и переходило постепенно къ жрицамъ-пеліадамъ, такъ что въ послѣдствіи Додонскій Оракулъ называется просто оракуломъ жрицъ.

Общій характеръ этого оракула въ историческое время трудно опредѣлить. У Демосѳена Mid. §. 53 сохранилось одно изреченіе додонскаго Зевса, въ прозѣ. Это согласно съ первоначальнымъ значеніемъ оракула, именно съ тѣмъ, что въ Додонѣ жрецы были не пророки, а толковники. Равнымъ образомъ и жрицы имѣли болѣе повода наблюдать проявленія думы Зевса, нежели восторгаться, подобно Пиѳіи, до энтузіасма или до убѣжденія о внутреннемъ общеніи съ богомъ, открывающимъ, что должно быть. Но съ другой стороны вліяніе Дельфійскаго Оракула должно было содѣйствовать измѣненію стараго обычая; додонскія жрицы были вовлечены въ подражаніе энтузіастической Пиѳіи и этѣмъ объясняется, что Платонъ въ Федрѣ (p. 244, 13), реторъ Аристидъ (11 p. 13), и Павзаній (X, 12, 10) приписываютъ додонскимъ жрецамъ восторженное состояніе и непосредственное общеніе съ богомъ, *τὴν τοῦ ϑεοῦ συνουσίαν* [1]). Во всякомъ случаѣ однакожь это энтузіастическое состояніе додонскихъ жрицъ должно принимать какъ исключеніе. Ихъ обыкновенная пророческая дѣятельность ограничивалась толкованіемъ знаковъ, подаваемыхъ Зевсомъ, почему Страбонъ (fragm. Vat. VII, 1) могъ утверждать, что Додонскій Оракулъ пророчествовалъ не словами, а символами, *ἐχρησμῴδει δ' οὐ διὰ λόγων, ἀλλὰ διὰ τινῶν συμβόλων.*

---

[1]) Дельфійскому вліянію, кажется, слѣдуетъ приписать лавръ, на эпиротскихъ монетахъ, встрѣчающійся вмѣстѣ съ дубомъ. Mionnet II, п. 12, и Supplém. III, p. 13, 2. Иногда даже съ одной стороны молнія въ дубовомъ вѣнкѣ, а съ другой додонскій Зевсъ въ лавровомъ II, т. 17, 18, 19; III, п. 16, 17, ф. 14. Иногда одинъ лавръ вовсе безъ дуба Mionnet II, 2, 62; III, 11, 12, 18.

Digitized by Google

Между этѣми знаками первое мѣсто занимали движенія самаго дуба и звукъ, который они производили. Поэтому додонскій питательный дубъ Эсхилъ называетъ чудомъ невѣроятнымъ, говорящимъ деревомъ, Prom. 834:

Τέρας τ' ἄπιστον, αἱ προσήγοροι δρύες,

а Софоклъ даетъ ему эпитетъ многоязычный, *πολύγλωσσος*, чему соотвѣтствуетъ эпитетъ: пророчествующій, quercus fatidica, у такъ называемаго Сенеки (H. O. 1473). Свидасъ (1, p. 623) разсказываетъ, что, когда вопрошающіе входили, то дубъ, звуча, двигался, а пророчицы начинали толкованіе словами: такъ говоритъ Зевсъ.

Кромѣ движенія священнаго дуба додонскія жрицы узнавали думу Зевса по холодному источнику, который текъ какъ бы изъ корней дерева. Объ этомъ мы узнаемъ отъ Сервія, толкователя Виргиліевой Энеиды (къ III, 466). Онъ говоритъ, что изъ корней огромнаго додонскаго дуба текъ источникъ, который своимъ журчаніемъ по внушенію боговъ давалъ разнымъ людямъ оракулы, и что этѣ журчанія истолковывала старуха по имени Пеліада. Это извѣстіе очень важно; оно показываетъ, что въ Додонѣ дума Зевса и Діоны наблюдалась также въ водѣ. Съ этѣмъ совершенно согласна генеалогическая связь Діоны съ водяными существами. Діона, по Гезіоду (Theog, 353), дочь Океана и Тѳѳиды и слѣдовательно сестра всѣхъ рѣкъ, происшедшихъ отъ Океана. Въ изложенномъ тамъ миѳѣ Гезіодъ упоминаетъ и о сереброносномъ Ахелоѣ (Theog. 340.). Съ этѣмъ извѣстіемъ любопытно сблизить то обстоятельство, что Додонскій Оракулъ всегда требовалъ принесенія жертвы Ахелою. Связь оракула съ водою могла имѣть основаніе въ чудесномъ источникѣ, который текъ періодически (былъ *ἀναπαυόμενος*). Клаузенъ кромѣ того указываетъ на мѣстныя отношенія Геллопіи. Прежде Геллопію полагали около Ахеронта, гдѣ она и означена на картѣ сѣверной Греціи Отфрида Мюллера, но потомъ принято другое мнѣніе, по которому мѣсто древней

Digitized by Google

Додоны находятъ въ окрестностяхъ Янины, и за Геллопію принимаютъ широкій котелъ, лежащій глубже во внутренности Эпира и близкій къ верхнему теченію Арахоа. Согласно съ этѣмъ Додона помѣщена на соотвѣтствующей картѣ превосходнаго атласа Кипертова. Эта мѣстность подробно описана англійскимъ путешественникомъ Ликомъ. Изъ его описанія Клаузенъ (l. l. 413) приводитъ, что засуха очень вредно дѣйствуетъ вообще на известковой почвѣ Эпира, и что окрестности предполагаемой Додоны даютъ хорошій урожай только при достаточной влагѣ. Клаузенъ предполагаетъ, что влажный элементъ, такъ полезный въ Додонѣ, по мнѣнію поклонниковъ, былъ особенно во власти у Діоны. Но, можетъ быть, въ имени Зевса *Ναΐος*, которому въ Додонѣ былъ воздвигнутъ храмъ и совершался праздникъ *Ναΐα* (см. C. I. n. 2908), лежитъ также указаніе на влагу, хотя это имя можно объяснять и отъ *ναίω* обитаю. (Сравни Creuzer Symbolik III, 82 и 180, гдѣ приводится мнѣніе Лазò изъ сочиненія: Das Pelasgische Orakel des Zeus zu Dodona von E. v. Lasaulx. Würzb. 1840). По крайней мѣрѣ быкъ, символъ рѣчныхъ существъ и въ особенности Ахелоя, такъ часто встрѣчается на додонскихъ монетахъ, что его, кажется, нельзя не поставить въ связь съ додонскимъ Зевсомъ (Mionnet Supplém. III, pl. 13, 1. III, n. 11, 12, 58).

Священный дубъ съ голубицами и чудесный источникъ, текшій только по временамъ какъ бы изъ корней дуба, были долго единственными средствами узнавать думу Зевса, *βουλὴ Διός*. Но съ теченіемъ времени какъ во всѣ оракулы, такъ и въ Додонскій, вкралось фокусничество, далекое отъ первоначальныхъ простыхъ пріемовъ. Уже Каллимахъ (Hymn. in Delum 285) зоветъ жрецовъ додонскихъ — спящими наземи слугами неумолчнаго котла:

Γηλεχέες, θεράποντες ἀσιγήτοιο λέβητος.

Этотъ котелъ, *λέβης*, вообще упоминается часто у древнихъ писателей. Отцы церкви также говорятъ о немъ,

Digitized by Google

какъ объ орудіи предсказаній. Онъ звучалъ при малѣйшемъ прикосновеніи и очень долго не утихалъ. Поэтому, онъ обратился въ пословицу и Додонкимъ-скотломъ звали говоруновъ, звонящихъ безъ умолку. У Стефана Византійскаго s. v. *Δωδώνη* сохранилось острое мѣсто изъ Менандра, въ которомъ упоминается объ этомъ котлѣ: »ежели кто только коснется Миртилы и назоветъ ее хоть кормилицей, то вдругъ происходитъ чудо болтовни; додонскую мѣдь, которая, говорятъ, звонитъ цѣлый день, ежели проходящій дотронется до нея, скорѣе можно унять, нежели ее, когда разболтается.« Объ устройствѣ этого *Δωδωναῖον χαλκίον* трудно сказать что нибудь достовѣрное, потому что у насъ есть два извѣстія, противорѣчащія одно другому. Одно изъ нихъ принадлежитъ Демону и сохранилось у Свиды и Стефана Византійскаго; другое принадлежитъ Полемону, сохранилось у Стефана Византійскаго и подтверждается отрывкомъ Страбона (VII. fr. 1.). По первому вокругъ всего додонскаго святилища шелъ вмѣсто стѣнъ рядъ котловъ (Свида) или треножниковъ (Стефанъ Визант.), которые соприкасались, такъ что ежели одинъ былъ тронутъ, то всѣ начинали звучать и это звучаніе бывало очень продолжительно. По второму были поставлены тамъ двѣ равныя колонны, изъ которыхъ на одной находился мѣдный сосудъ, а на другой бронзовая статуя мальчика, державшаго въ рукѣ бичь изъ трехъ цѣпочекъ съ подвижными шариками, которые, будучи приводимы въ движеніе вѣтромъ, ударяли о мѣдный сосудъ и производили звукъ. Крейцеръ въ Символикѣ (III, p. 184 sqq.), Велькеръ къ Филострату (p. 567), К. О. Мюллеръ въ Беттигеровой Амалѳеѣ (I, 133), наконецъ Штуръ (die Religionssysteme der Hellenen p. 35) принимаютъ, что Демонъ и Полемонъ говорили о двухъ разныхъ устройствахъ, которыя или оба могли существовать вмѣстѣ (К. О. Мюллеръ), или же одно могло заступить мѣсто другаго, такъ что

Digitized by Google

Демонъ, который старше Полемона, могъ видѣть то, чего Полемонъ уже не видалъ (Велькеръ). Но Преллеръ, бывшій Профессоръ Дерптскаго Университета, въ своемъ изданіи Полемона (p. 60 sqq.) и потомъ въ Pauly Realencyklopädie der philologischen Wissenchaften (s. v. Dodona II, p. 1195), опираясь на мнѣніе Аристида, повторявшаго свидѣтельства Полемона, утверждаетъ, что Демонъ все, что̀ говоритъ, выдумалъ самъ для объясненія пословицы, и что полной вѣры заслуживаетъ только Полемонъ, подтверждаемый и Страбономъ. Очевидно, что этотъ споръ не можетъ быть рѣшенъ, и потому остается только замѣтить, что ежели свидѣтельство Демона можетъ быть заподозрѣно, то слова Полемона не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и что мы, благодаря ему, навѣрное знаемъ по крайней мѣрѣ позднѣйшее устройство. Страбонъ l. l. дополняетъ Полемона, прибавляя, что этотъ бронзовый мальчикъ былъ принесенъ въ даръ жителями Коркиры. Впрочемъ этѣ подробности вовсе неважны для опредѣленія характера Додонскаго Оракула, потому что, какъ мы замѣтили выше, если бы даже, слѣдуя Каллимаху и Отцамъ церкви, приписать додонской мѣди значеніе предсказательное, все-таки позднее происхожденіе, не говоря уже о фокусническомъ характерѣ дѣла, отнимаетъ у него всякую важность.

Объ оракулахъ по сновидѣніямъ было уже упомянуто выше (стр. 89). Кромѣ того черезъ Цицерона (de divinatione I, 34, 76) дошло до насъ извѣстіе, что въ Додонѣ оракулы давались и посредствомъ жребіевъ, sortes, которые клались въ сосудъ. Однажды случилось, какъ разсказываетъ Цицеронъ, что ихъ всѣ разсыпала обезьяна, и тогда жрица объявила, что Лакедемонцы должны думать о спасеніи, а не о побѣдахъ. Такъ какъ о додонскихъ жребіяхъ прочіе писателм не упоминаютъ, то слѣдуетъ заключить, что они употреблялись рѣдко и только въ позднѣйшее время.

Digitized by Google

Общее изображеніе Додонскаго Оракула въ его дѣйствіи мы находимъ въ Филостратовомъ описаніи одной древней картины, изображавшей Додону (Imag. II, 33). »На этой картинѣ былъ представленъ додонскій священный дубъ, украшенный повязками поклонниковъ; на немъ сидѣла золотая голубица; у корня лежала сѣкира, принадлежавшая тому жрецу Геллу, который первый открылъ оракулъ, и отъ котораго пошли додонскіе жрецы Геллы или Селлы. Передъ дубомъ находились вопрошающіе, изъ которыхъ одинъ былъ готовъ вопрошать оракулъ, другой приносилъ жертву. Дубъ кромѣ того былъ окруженъ хоромъ изъ Ѳивъ (какихъ, беотійскихъ ли или египетскихъ, не говорится). Жрецы-толковники изображены людьми необразованными и незнающими удобствъ жизни, *αὐτοσχέδιοι καὶ οὔπω κατασκευασμένοι τὸν βίον*. (Они говорятъ, что и не будутъ заботиться объ этѣхъ удобствахъ и что Зевсу пріятно видѣть, какъ они довольствуются тѣмъ, что представляется само собою, *τὸ αὐτόθεν*). Одинъ изъ нихъ занимается украшеніемъ храма, другой молитвами, третій жертвеннымъ печеньемъ, четвертый священной мукою и корзинами, пятый жертвоприношеніями, шестый сдираніемъ кожи съ жертвенныхъ животныхъ. Жрицы изображены съ суровымъ и священнымъ видомъ; онѣ, кажется, отдыхали отъ жертвоприношеній и возліяній. Наконецъ стояла мѣдная статуя эхо, означавшая додонскую звучащую мѣдь. Воздухъ былъ наполненъ куреніями.«

Такова общая картина Додонскаго Оракула. Она даетъ понятіе о внѣшнемъ видѣ этого святилища и въ соединеніи съ приведенными прежде свидѣтельствами писателей дѣлаетъ возможнымъ составить себѣ довольно полное понятіе о томъ, какія средства считались въ Додонѣ дѣйствительными для узнанія думы Зевса. Намъ остается болѣе важный и менѣе допускающій удовлетворительное рѣшеніе вопросъ, какія главныя мысли руко-

Digitized by Google

водили додонскихъ жрецовъ и жрицъ при истолкованіи знаковъ, которые давалъ Зевсъ вопрошающимъ его оракулъ.

Здѣсь первокласную важность имѣетъ мѣсто Геродота, которое уже нѣсколько разъ было приведено, и изъ котораго мы узнаёмъ, что имена боговъ были приняты Греками по волѣ додонскаго бога. Надобно полагать, что понятіе Зевса возникло въ сознаніи Додонцевъ прежде, нежели понятія о прочихъ богахъ. Это видно изъ самаго разсказа Геродотова, предполагающаго существованіе оракула прежде поклоненія многимъ опредѣленнымъ богамъ. Вѣроятно, что первымъ шагомъ къ обособленію боговъ въ понятіяхъ Додонцевъ было отдѣленіе Діоны отъ Зевса, приведшее за собою и жрицъ къ участію въ оракулѣ. Можетъ быть даже жрицы были особенно расположены къ признанію множества боговъ. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ, что онѣ поощряли къ служенію Діонису, который, по Геродоту l. l., явился многимъ позднѣе прочихъ боговъ. Онѣ вѣроятно не были враждебны даже и мистеріямъ Діониса, какъ то можно заключить по мистической цистѣ, встрѣчающейся на задней сторонѣ монетъ Кассопеевъ, на лицевой сторонѣ которыхъ изображена додонская Діона въ коронѣ (Mionnet Lappl. III, pl. XIII, 4). Что Додона дѣятельно участвовала въ распространеніи поклоненія олимпійскимъ богамъ, видно изъ разсказа Павзанія (I, 36, 3), о мѣстѣ, находившемся на священной дорогѣ изъ Аѳинъ въ Элевзинъ, и посвященномъ Элевзинцами додонскому прорицателю Скиросу за то, что онъ воздвигнулъ въ Фалерѣ храмъ скирадской Аѳинѣ и былъ убитъ на томъ мѣстѣ въ войнѣ Элевзинцевъ противъ аѳинскаго царя Эрехѳея. Это свидѣтельство въ соединеніи съ предшествующими приводитъ греческую ѳеогонію въ тѣсную связь съ Додонскимъ Оракуломъ.

Но кромѣ ѳеогоническаго ученія изъ Додоны распространялись понятія о жизни на землѣ и законномъ

Digitized by Google

порядкѣ міра, что̀ было очень нужно въ то кровавое переходное время, когда оракулъ началъ дѣйствовать. Пиндаръ называетъ додонскаго Зевса могущественнымъ и превосходнѣйшимъ зодчимъ отцемъ:

Δωδωναῖε μεγάσθενες ἀριστοτέχνα πάτερ.

см. Pindari fr. 29 n. 571 Böckh. Плутархъ относитъ наименованіе »*ἀριστοτέχνα*« къ значенію деміурга, зиждителя (Plut, de S. N. V. p. 550 A). Во всякомъ случаѣ, оно конечно стоитъ въ связи съ повелѣніями, открывавшимися Греціи чрезъ додонскій дубъ и указывавшими на превосходный чинъ, нарядъ и убранство міра, созданнаго Зевсомъ. Что семейная жизнь не была забыта въ этѣхъ велѣніяхъ, видно изъ того, что Софоклъ додонскому Зевсу приписываетъ участіе въ человѣческомъ домашнемъ бытѣ:

Δωδῶνι ναίων ὁμέστιος βροτῶν.

см. Soph. fragm. 401 Dind. Оракулъ принималъ участіе въ переходѣ отъ времени грубой силы къ времени законнаго порядка; при этомъ онъ, какъ и надобно предполагать, дѣйствовалъ въ границахъ понятій того времени, иногда запрещая месть, иногда дозволяя ее. Такъ Амфиномъ говоритъ въ Одиссеѣ XIV, 327, что не убьетъ Телемаха безъ позволенія Зевса:

Ὦ φίλοι, οὐκ ἄν ἔγωγε κατακτείνειν ἐθέλοιμι
Τηλέμαχον· δεινὸν δὲ μένος βασιληΐόν ἐστιν
Κτείνειν· ἀλλὰ πρῶτα θεῶν εἰρώμεθα βουλάς.
Εἰ μέν κ' αἰνήσωσι Διὸς μεγάλοιο θέμιστες
Αὐτός τε κτείνεω τούς τ' ἄλλους πάντας ἀνώξω,
Εἰ δέ κ' ἀποτροπῶσι θεοί, παύσασθαι ἄνωγα.

Вмѣсто *θέμιστες* Страбонъ (VII, 7) читаетъ въ этомъ мѣстѣ *τομοῦροι*; но и безъ этого ближе всего относитъ слова Амфинома къ Додонскому Оракулу.

Въ государственныхъ отношеніяхъ греческихъ городовъ, въ цвѣтущую эпоху греческой исторіи, Додонскій Оракулъ, кажется, не принималъ участія; онъ никогда

Digitized by Google

не имѣлъ того политическаго значенія, которое умѣла пріобрѣсти себѣ Пиѳія. Но въ древнѣйшихъ племенныхъ распряхъ и онъ произносилъ свою волю. Особенно замѣчательно отношеніе Додонскаго Оракула къ Беотійцамъ. Онъ вступался за Пеласговъ, когда Беотійцы противъ нихъ воевали. Однажды додонская жрица сказала, что Беотійцы будутъ счастливы, нечестивствуя. »Беотійскіе послы, вопрошавшіе оракулъ, получивъ такой отвѣтъ, въ мысли о лицепріятіи жрицы къ Пеласгамъ по одноплеменности (потому что оракулъ былъ сначала пеласгическій), схватили жрицу и бросили на горящій жертвенникъ. Они думали, что во всякомъ случаѣ поступили правильно: ежели она дала ложный оракулъ, то была наказана; ежели она нисколько невиновна, то они, поступивъ нечестиво, исполнили, что̀ по оракулу, доставляло имъ счастіе. Находившіеся при храмѣ не почли приличнымъ умертвить совершившихъ преступленіе безъ суда и притомъ въ храмѣ, но предприняли судъ и призвали остальныхъ двухъ жрицъ - пророчицъ. Когда же Беотійцы возражали, что нигдѣ женщины не судятъ, то были присоединены къ двумъ женщинамъ двое мужчинъ. По этому суду Беотійцы были оправданы, потому что мужчины объявили ихъ невинными, а женщины виновными, а при равенствѣ числа голосовъ мнѣніе освобождающихъ превозмогло. Съ тѣхъ поръ однимъ Беотійцамъ даютъ прорицанія жрецы, а не жрицы. Жрицы же, истолковывая противно тому, сказали, что Зевсъ велитъ Беотійцамъ ежегодно собирать у себя треножники и посылать ихъ въ Додону. Это Беотійцы и дѣлаютъ, ибо всегда берутъ одинъ изъ стоящихъ у нихъ треножниковъ ночью, и, обертывая въ одежды, какъ бы украдкой отправляютъ въ Додону.«

Описаніе этого обычая и сказанія, ходившаго о его причинѣ, сдѣлано Страбономъ (по Ефору, Strabo IX, 1, p. 402). Къ объясненію его можетъ служить то, что̀ мы

Digitized by Google

знаемъ объ исторіи кабирическихъ таинствъ въ Ѳивахъ около этого времени. Когда Эпигоны взяли Ѳивы и выгнали Кабировъ, то таинства на время прекратились, но потомъ ихъ возстановила Пеларга, дочь Потнея, вмѣстѣ съ мужемъ своимъ, Исѳміадомъ, и въ тоже время Телондъ и оставшіеся изъ Кабировъ опять возвратились въ Кабирейскую-землю. Имя Пеларга стоитъ вѣроятно въ связи съ именемъ Пеласги; по крайней мѣрѣ переходъ буквы *с* въ букву *р* (но не наоборотъ) свойственъ греческому языку. По этому указанію и по другимъ причинамъ можно принимать связь кабирическихъ таинствъ съ Пеласгами, или, что тоже, происхожденіе ихъ во время еще близкое къ чисто-пеласгическому, во время такъ сказать додонское. Этѣмъ объясняется, что возстановленіе кабирическихъ таинствъ въ Ѳивахъ было очень пріятно додонскому Зевсу и что онъ повелѣлъ чтить Пеларгу и другими дѣлами и жертвоприношеніемъ чреватаго животнаго. Paus, IX, 28, 8.

Но ежели въ приведенныхъ сказаніяхъ Додонскій Оракулъ является защитникомъ и покровителемъ Пеласговъ, то съ другой стороны не менѣе достовѣрна его связь съ Гелленами. На эту связь особенно указываетъ повѣрье, что онъ былъ основанъ Девкаліономъ, сохраненное въ Схоліяхъ къ Ил. XVI, 233. Извѣстно, что Девкаліонъ былъ отецъ Геллена, и чрезъ то миѳическій родоначальникъ Эола, Іона, Ахея и Дора; въ его имени заключается, какъ кажется, указаніе на поклоненіе Зевсу, потому что самая вѣроятная его этимологія та которая производитъ его отъ имени Зевсъ въ формѣ *Δεύς* и глагола *καλέω*. По этому производству Девкаліонъ означаетъ героя, призывающаго Зевса, а такъ какъ онъ древнѣйшій изъ героевъ и сынъ Титана Промеѳея, то его связь съ Додонскимъ Оракуломъ указываетъ опять на то близкое отношеніе Додоны къ гелленизму въ его древнѣйшей формѣ, о которомъ уже говорено въ началѣ этого отдѣла.

Digitized by Google

Додонскій Оракулъ произошелъ въ связи съ первыми движеніями гелленизма среди пеласгической жизни [1]).

Ликейскій Зевсъ.

Въ Аркадіи, странѣ преимущественно пеласгической, въ ея юго-западной части, есть гора, замѣчательная высотою, называвшаяся въ древности Ликейскою. Она была посвящена Зевсу и была однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ мѣстъ поклоненія ему. Тамошній Зевсъ также носилъ имя ликейскаго. — Значеніе этой мѣстности въ исторіи поклоненія Зевсу показано Штуромъ, который, въ своемъ сочиненіи, уже много разъ упомянутомъ (Religionssysteme der Hellenen p. 37 ff.) помѣстилъ ликейское поклоненіе тотчасъ вслѣдъ за додонскимъ, тогда какъ Крейцеръ, напротивъ того, имѣя вѣроятно въ виду автохѳонизмъ жителей Аркадіи, говоритъ объ аркадскомъ Зевсѣ прежде, нежели о додонскомъ (Symbolik und Mythologie III, 74 ff. 3-te Ausg.). Крейцерово мнѣніе повидимому оправдывается сказаніями о рожденіи Зевса въ Аркадіи и большою вѣроятностью предпочтительной связи Аркадіи, земли преимущественно пеласгической, съ Зевсомъ въ его пеласгическомъ явленіи. Но Штуръ остроумно указалъ на то, что именно сказанія о рожденіи

---

[1]) Додонскій Оракулъ продолжалъ существовать до третьяго вѣка по Р. Х., когда онъ былъ разграбленъ однимъ иллирійскимъ разбойникомъ, срубившимъ и священный дубъ. Христіяне освятили мѣсто оракула учрежденіемъ Епископіи. Додонскій Епископъ упоминается на Ефесскомъ соборѣ 431 года. См. выше приведенное сочиненіе Лазо, котораго при теперешнемъ трудѣ у меня къ сожалѣнію не было подъ руками, такъ что я принужденъ былъ пользоваться очень недостаточнымъ извлеченіемъ, сдѣланнымъ мною въ Берлинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ безо всякой опредѣленной цѣли.

Digitized by Google

Зевса на Ликейской горѣ могутъ скорѣе заставить предполагать бо́льшую древность того поклоненія Зевсу, которое еще вовсе не знало о его рожденіи и еще не переносило анѳропическаго понятія о рожденіи на верховнаго бога. Сказаніе о рожденіи есть уже шагъ впередъ въ томъ направленіи, по которому въ Греціи развивались господствовавшія въ послѣдствіи понятія объ анѳропоморфическомъ Зевсѣ.

Аркадія была съ незапамятныхъ временъ обитаема Пеласгами; миѳы говорили, что Пеласгъ, отецъ Ликаона, родился въ Аркадіи, произведенный въ высокихъ горныхъ лѣсахъ черною землею, Paus. VIII, 1. Но все ведетъ къ тому заключенію, что Аркадійцы не остались на первой ступени пеласгическихъ нравовъ и обычаевъ. Въ древности они питались желудями и вели кочевую жизнь, какъ оказывается изъ оракула, сохраненнаго Павзаніемъ VIII, 42. 6. ср. Dorfmüller p. 37. Но потомъ они также участвовали въ общемъ развитіи греческаго народа и мало-по-малу наконецъ совершенно перешли въ Гелленовъ. Съ этѣмъ согласно, что въ Аркадіи можно найти слѣды начатковъ поклоненія всѣмъ олимпійскимъ богамъ, см. Dorfmüller p. 5 sq. Богослуженіе въ Аркадіи всегда сохраняло какой-то характеръ древности; оно видѣло олимпійскихъ боговъ еще въ довольно мрачныхъ образахъ. Черный цвѣтъ имѣетъ тамъ большое значеніе. Деметра и Афродита были еще и въ послѣдствіи черными богинями для нѣкоторыхъ мѣстечекъ Аркадіи. Въ другихъ мѣстахъ ходили сказанія о младенческомъ явленіи Олимпійцевъ. Мѣстные миѳы говорили, что Зевса младенца кормили аркадскія Нимфы; что Геру малолѣтную воспитывалъ Теменъ, (святое мѣсто), сынъ Пеласга, въ Стимфалѣ. Paus. VIII, 14 и 22. Этѣ сказанія очень многозначительны и ставятъ на настоящую точку зрѣнія, чтобъ понять характеръ поклоненія ликейскому Зевсу.

Digitized by Google

Объ этомъ поклоненіи главныя свѣдѣнія намъ сообщаетъ Павзаній, VIII, 38, 6. На Ликейской-горѣ было святилище или лучше сказать святое мѣсто Зевса ликейскаго, *τέμενος λυκαίου Διός*, куда вступать было людямъ запрещено, преступавшій же запрещеніе умиралъ въ теченіе одного года. Внутри этого святилища, какъ увѣряли, ни животныя, ни люди не бросали тѣни. Кромѣ того на самой вершинѣ горы была земляная насыпь, служившая жертвенникомъ ликейскаго Зевса. Съ нея можно было видѣть почти весь Пелопоннесъ. Передъ насыпью съ восточной стороны стояли двѣ колонны, на нихъ были поставлены два вызолоченныхъ орла стараго стиля. На этой насыпи приносились ликейскому Зевсу жертвы тайно, *ἐν ἀπορρήτῳ*. Павзаній говоритъ впрочемъ, что ему было непріятно входить въ разысканія объ этѣхъ жертвоприношеніяхъ и что онъ оставляетъ ихъ: пусть совершаются, какъ совершались.

Изъ этого краткаго описанія видны впрочемъ ясно свойства поклоненія: простота средствъ, отсутствіе храма, неприступность, таинственность, все черты очень характеристическія. Замѣчательно, что въ предѣлахъ святилища, какъ утверждали, никакое существо не имѣло тѣни; изъ этого видно, что пространство, посвященное Зевсу ликейскому, считалось полнымъ свѣта. Замѣчательно также, что свѣтъ, соединенный съ понятіемъ ликейскаго Зевса, былъ недоступный свѣтъ. Этѣмъ значеніемъ вѣроятно условливается и самое имя ликейскаго Зевса. Въ греческомъ языкѣ, какъ и въ греческомъ миѳѣ, оно родственно съ словомъ *λύκος*, волкъ; но въ латинскомъ и нѣмецкомъ lux, licht, и въ нашемъ лучь видно свѣтовое значеніе этого корня. Кромѣ того извѣстно, что у Египтянъ волкъ былъ гіероглифомъ свѣта, почему и стоялъ въ связи съ Горусомъ и Озирисомъ. См. Creuzer Symbolik und Mythologie II, 141. 532 f. и 554. 3-te Ausgabe. Это обстоятельство проливаетъ свѣтъ на имя ликейскаго

Digitized by Google

Зевса и на многіе миѳы, въ которыхъ дѣйствуютъ лица, названныя по волку.

Установленіе ликейскаго поклоненія приписывалось Ликаону, сыну Пеласга, считаемому современникомъ аѳинскаго Кекропса. О Ликаонѣ разсказывалось, что онъ принесъ въ жертву ликейскому Зевсу младенца и послѣ того обратился въ волка. Онъ основалъ также Ликосуру, городъ на Ликейской-горѣ. Paus. VIII, 2, 1—3. Этѣ имена напоминаютъ городъ Ликорію, основанный Девкаліономъ на Парнассѣ послѣ потопа, и связываютъ ликейское поклоненіе съ тѣмъ же самымъ героемъ, который, какъ мы видѣли, считался основателемъ и Додонскаго Оракула. Съ другой стороны этѣ имена особенно принадлежатъ Аполлону, и ихъ связь съ Зевсомъ показываетъ, что во время происхожденія ликейскаго поклоненія символъ волка еще не сталъ исключительной принадлежностью, какъ въ послѣдствіи, любимаго сына Зевсова Аполлона. По этому можно предполагать, что аполлоновскій элементъ тогда еще не отдѣлился отъ существа Зевса, и въ этомъ отношеніи ликейскій Аполлонъ будетъ почти тоже наряду съ ликейскимъ Зевсомъ, чѣмъ была Діона наряду съ додонскимъ Зевсомъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что кромѣ Аполлона этотъ эпитетъ имѣлъ и аркадскій Панъ, изъ чего слѣдуетъ, что въ Аркадіи былъ цѣлый рядъ ликейскихъ божествъ, которыя всѣ, какъ надобно предполагать, были первоначально тождественны съ ликейскимъ Зевсомъ и отъ него отдѣлились по мѣрѣ опредѣленія и ограниченія его понятія.

Связью съ волкомъ или, говоря языкомъ миѳологіи, ликейскимъ качествомъ Зевса условливался, кажется, и его грозный характеръ. Слѣды принесенія людей въ жертву ясно замѣтны въ приведенномъ выше сказаніи о Ликаонѣ и въ нѣкоторыхъ прямыхъ свидѣтельствахъ греческихъ писателей, которыя будутъ приведены тотчасъ ниже. Страхъ, который ликейскій Зевсъ

Digitized by Google

вселялъ своимъ поклонникамъ, виденъ въ томъ, что они не осмѣливались вступать на почву, ему посвященную. Мы видѣли прежде, что додонскому Зевсу было пріятно видѣть своихъ жрецовъ необутыми, небрежно одѣтыми, спящими наземи; ликейскій Зевсъ хотя не требовалъ такой суровой жизни отъ своихъ поклонниковъ, но былъ имъ, можетъ быть, еще болѣе страшенъ. Онъ былъ гнѣвный богъ, въ волковъ обращающій, наводящій на мысль о принесеніи людей въ жертву, строго карающій того, кто дерзалъ ступать ногою на землю его святилища.

Этѣ качества замѣчательны, потому что ведутъ къ вопросу о причинѣ его гнѣвности. Причина, кажется, заключалась въ томъ, что ликейскій Зевсъ еще былъ новый богъ. Представившись мысли аркадскаго народа съ своей свѣтозарной высоты, онъ конечно не вдругъ былъ признанъ, и потому его поклонники были увѣрены, что онъ принужденъ свирѣпствовать. По этому съ символомъ волка они могли соединять понятіе и свѣта и свирѣпости, приличное страшному (недоступному) и вмѣстѣ свѣтлому богу.

Но съ другой стороны ликейскій Зевсъ, какъ сказано, стоитъ сравнительно съ додонскимъ на дальнѣйшей ступени развитія. Это было впервые замѣчено Штуромъ, котораго мнѣніе, основанное на характерѣ миѳовъ, можетъ быть подтверждено и поклоненіемъ, потому что Павзаній упоминаетъ о ликейскихъ состязаніяхъ, учрежденныхъ будто бы Ликаономъ и считавшихся самыми древними въ Греціи. Это извѣстіе очень важно, потому что показываетъ большое различіе ликейскаго поклоненія отъ додонскаго. Чтобы соединить игры съ поклоненіемъ Зевсу, для этого было нужно сдѣлать большой шагъ на пути къ гелленизму.

Изложеніе и объясненіе миѳовъ лежитъ внѣ предѣловъ этого сочиненія. Ихъ число увеличивается вмѣстѣ съ развитіемъ поклоненія Зевсу. Въ Аркадіи ихъ уже

Digitized by Google

болѣе нежели въ Додонѣ. Насъ могутъ занимать только тѣ изъ нихъ, которые находятся въ особенно-тѣсной связи съ поклоненіемъ.

Главными источниками относительно аркадскихъ сказаній о Зевсѣ служатъ Павзаній въ путешествіи по Гелладѣ и Каллимахъ въ гимнѣ къ Зевсу. Послѣдній особенно важенъ для миѳологіи аркадскаго Зевса, потому что предпочитаетъ аркадское сказаніе критскому. »Критяне всегда лжецы,« говоритъ онъ, »и построили даже гробницу тебѣ, владыка; ты же не умиралъ, ибо ты вѣченъ. Но въ Паррасіи тебя родила Рея и т. д.« Упоминаемая здѣсь Паррасія есть страна около Ликейской-горы и была обитаема Паррасіями, которые вмѣстѣ съ Азанами считались древнѣйшимъ изъ греческихъ племенъ. Въ этой странѣ, по Каллимаху, родился Зевсъ, и мѣсто его рожденія носило имя *Ωγύγιον λεχώϊον*. Для обмыванія новорожденнаго земля, пораженная тростью Реи, произвела тамъ горный источникъ. Его водою Рея очистила тѣло младенца Зевса и, обложивъ пеленками, отдала Нимфѣ Недѣ отнести въ Критъ, а въ благодарность за то горный источникъ, происшедшій по ея волѣ, назвала именемъ услужливой Нимфы (Недой). Отсюда произошла рѣка Неда, обильная водой и изливающаяся въ море. Таково изложеніе Каллимаха, въ той его части, которая относится къ Аркадіи. Главное, что̀ изъ него слѣдуетъ, это связь Зевсова рожденія съ источникомъ рѣки Неды, Эта сзязь подтверждается и Павзаніемъ, который говоритъ VIII, 38, 3, что Зевса кормили три Нимфы: *Θεισόα*, по которой названъ одинъ изъ городовъ Паррасіи, *Νέδα*, давшая имя одноименной рѣкѣ, и *Ἀγνώ*, которой имя носилъ одинъ источникъ на Ликейской-горѣ, замѣчательный тѣмъ, что его вода была ровна лѣтомъ и зимою. Съ этѣмъ источникомъ былъ связанъ характеристическій обрядъ, о которомъ также разсказываетъ Павзаній VIII, 38, 4. Во время большой за-

Digitized by Google

сухи отправлялся къ нему жрецъ ликейскаго Зевса и по совершеніи молитвъ и принесеніи жертвъ, требовавшихся закономъ, бросалъ по поверхности воды дубовую вѣтку. Отъ приведенія воды въ движеніе, говоритъ Павзаній, образуется испареніе, подобное туману; потомъ оно обращается въ облако и, притягивая къ себѣ другія облака, орошаетъ аркадскую землю дождемъ.

Этотъ обрядъ показываетъ, въ какомъ смыслѣ ликейскій Зевсъ связанъ съ элементомъ воды. Рѣка Неда могла бы напоминать рѣку Ахелой, которой приносить жертвы приказывалъ Зевсъ въ Додонѣ, но источникъ Гагно ясно свидѣтельствуетъ, что вода, посвященная ликейскому Зевсу, атмосферическаго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ ликейскій Зевсъ, какъ Ζεὺς ἄκριος, вершинный Зевсъ, болѣе всего напоминаетъ гомерическій эпитетъ: »νεφεληγερέτα Ζεύς, тучесобиратель Зевсъ.« Господствуя на вершинѣ горы, съ которой былъ виденъ почти весь Пелопоннесъ, онъ легко могъ представляться Грекамъ какъ существо, притягивающее къ горѣ тучи и потому управляющее атмосферическими явленіями. Потому-то и аттрибутъ его или символъ здѣсь уже не дерево и сидящіе на немъ голуби, какъ въ Додонѣ, а орелъ, летающій въ воздухѣ и поднимающійся до тѣхъ пространствъ, откуда Зевсъ бросаетъ молніи и ниспосылаетъ дождь. Два орла были помѣщены, какъ мы видѣли, на колоннахъ передъ курганомъ Зевса на самой вершинѣ Ликейской-горы.

Имена Нимфъ, окружающихъ Зевса въ Аркадіи, узнаются нѣсколько различно изъ двухъ скульптурныхъ памятниковъ, находившихся въ Тегеѣ и Мегалополѣ и описанныхъ также Павзаніемъ VIII, 31, 4 и 47, 3. Въ Тегеѣ на жертвенникѣ, посвященномъ Аѳинѣ, были изваяны Мелампомъ, сыномъ Амиѳаона, Рея и Эноя, держащія младенца Зевса, и у нихъ съ одной стороны: Γλαύκη, Νέδα, Θεισόα и Ἀνθρακία; съ другой: Ἴδη,

Digitized by Google

Ἀγνώ, *Ἀλκινόη*, *Φρίξα*. Въ Мегалополѣ близъ храма великихъ богинь (Деметры и Коры) стояла статуя Геркулеса и передъ ней столъ, на которомъ были сдѣланы двѣ Горы, Панъ съ цѣвницей и Аполлонъ, играющій на киѳарѣ, и кромѣ того еще Нимфы: Неда, несущая Зевса еще младенца, Анѳракія, держащая факелъ, Гагно, съ гидріей (кувшиномъ) въ одной рукѣ и фіалой (чашей) въ другой, Анхироя и Миртоесса, съ гидріями, изъ которыхъ течетъ вода. Мегалополь былъ правда городъ поздняго происхожденія, но надобно предполагать, что въ изображеніи Нимфъ, стоящихъ въ связи съ Зевсомъ, художники, работавшіе для Мегалополя, не позволили бы себѣ произвола, потому что ликейскій Зевсъ особенно уважался въ этомъ городѣ, какъ это мы видимъ изъ того, что тамъ было устроено святое мѣсто этого бога въ подражаніе описанному выше мѣсту Ликейской-горы. Оно было въ Мегалополѣ обнесено оградой, въ которой не было дверей, но черезъ которую было все видно внутри. Тамъ были сооружены два жертвенника, два стола и два орла, ростомъ равные столамъ, и кромѣ того мраморная статуя Пана, по прозванію Синоента.

Это мегалопольское поклоненіе ликейскому Зевсу даетъ большой вѣсъ свидѣтельствамъ тамошнихъ памятниковъ относительно миѳологіи Зевса, а такъ какъ три изъ пяти Нимфъ, изображенныхъ на мегалопольскомъ столѣ, встрѣчались, какъ мы видѣли, и на тегейскомъ жертвенникѣ Аѳины, то нельзя не признать важности, которую бы могло имѣть объясненіе именъ Нимфъ, упоминаемыхъ Павзаніемъ на обоихъ памятникахъ, тѣмъ болѣе, что и въ Тегеѣ было поклоненіе Зевсу, о древности котораго можно заключить уже изъ того, что тегейскій Зевсъ совершитель, *τέλειος*, былъ тамъ изображенъ по обычаю глубокой древности въ видѣ четыреугольнаго камня; Paus. VIII, 48, 4. Вообще Тегея замѣчательна по господствовавшему тамъ служенію многимъ древнимъ бо-

Digitized by Google

гамъ, напр. землѣ или Геѣ, см. Павз. VIII, 48, 5; Пану, который также принадлежитъ къ древнѣйшимъ богамъ, см. Павз. VIII, 54, 5.

Но надобно признаться, что объясненіе именъ этѣхъ Нимфъ представляетъ большія трудности. Мы ограничимся однимъ приведеніемъ мнѣнія Крейцера о тѣхъ трехъ изъ этѣхъ нимфъ, которыя встрѣчались на обоихъ памятникахъ, и на тегейскомъ и на мегалопольскомъ. Знаменитый миѳологъ видитъ въ нихъ указаніе на то, что въ связи съ ликейскимъ поклоненіемъ были мистеріи, состоявшія въ очищеніи огнемъ и водой. Угольная Анѳракія съ своимъ факеломъ указываетъ, по Крейцеру, на огонь, а Неда и Гагно—на священную очистительную воду. См. Symbolik und Mythologie III, p. 79 3-te Ausg. [1]).

Не менѣе замѣчательно миѳическое отношеніе ликейскаго Зевса къ Ликаону. Аполлодоръ въ своей миѳологической библіотекѣ (III, 8, 1. 2.) разсказываетъ о немъ слѣдующимъ образомъ. »У Пеласга, который по Акузилаю былъ сынъ Зевса и Ніобы, по Гезіоду же автохѳонъ, родился отъ Мелибеи Океанины, сынъ Ликаонъ, который, царствуя надъ Аркадійцами, отъ многихъ женъ произвелъ 50 сыновей. Они превосходили всѣхъ людей надменностью и нечестіемъ. Зевсъ, желая испытать ихъ нечестіе, уподобился однажды мужу нищему и пришелъ къ нимъ. Они же, позвавъ его для угощенія, зарѣзали одного изъ мальчиковъ той страны и, смѣшавъ его внутренности съ жертвеннымъ животнымъ, подали ихъ, по совѣту стар-

---

[1]) Но во всякомъ случаѣ этѣ очищенія могли имѣть только физическое значеніе, ибо нравственныя *умилостивительныя* очищенія, piamina въ противоположность къ purgamina (первыя имѣютъ гиластическое, вторыя каѳартическое значеніе, ежели позволено говорить языкомъ греческихъ богослужебныхъ древностей) произошли, какъ мы увидимъ ниже, въ позднѣйшее время.

Digitized by Google

шаго брата Менала. Тогда Зевсъ оттолкнулъ и повалилъ столъ, отъ чего одно мѣсто зовется Трапезунтъ, и бросилъ молніи въ Ликаона и во всѣхъ его сыновей, кромѣ самаго младшаго Никтима. Никтимъ былъ пощаженъ по просьбѣ земли.« Въ этомъ сказаніи яснѣе всего желаніе Ликаонидовъ сдѣлать попытку угощенія Зевса человѣческими внутренностями. Зевсъ, богъ гелленскій, имѣетъ собственно отвращеніе отъ страшныхъ жертвъ, услаждавшихъ Кроноса. Поэтому онъ у Аполлодора поражаетъ Ликаона и сыновей его молніей, у Павзанія обращаетъ Ликаона въ волка. Но такъ неодолимо было поползновеніе къ очищенію себя человѣческой кровью, что, несмотря на укорененіе поклоненія Зевсу, Ликаоновъ обычай еще продолжалъ держаться въ Аркадіи. У Платона въ республикѣ (VIII, p. 565 D.) Сократъ говоритъ о молвѣ, что кто случайно отвѣдаетъ внутренности человѣческія, когда онѣ смѣшаны съ внутренностями животнаго, обращается въ волка. Въ Миносѣ (p. 315 C.) говорится о жертвоприношеніяхъ, которыя совершаютъ не по гелленскому обычаю—*οἱ ἐν τῇ λυκαίᾳ οὗτοι καὶ οἱ τοῦ Ἀθάμαντος ἔκγονοι*. Ѳеофрастъ же у Порфирія de abstin. II, 27. прямо говоритъ о принесеніи въ жертву людей въ ликейскій праздникъ даже до его времени: *ἀρ' οὐ μέχρι τοῦ νῦν οὐκ ἐν Ἀρκαδίᾳ μόνον τοῖς Δυκαίοις οὐδ' ἐν Καρχηδόνι τῷ Κρόνῳ κοινῇ πάντες ἀνθρωποθυτοῦσιν*. Этѣмъ-то объясняется, что ликейскія жертвоприношенія совершались втайнѣ, и что Павзаній не хотѣлъ входить о нихъ въ розысканія.

И такъ нѣтъ сомнѣнія, что даже въ историческое время на Ликейской-горѣ приносились люди въ жертву ликейскому Зевсу. Но уже въ самомъ миѳѣ о Ликаонѣ заключается ясное указаніе на то, что этѣ страшныя жертвы не только не требовались Зевсомъ, но были даже ему противны. Поэтому ихъ явленіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ древнѣйшаго поклоненія Зевсу никакъ не должно

Digitized by Google

быть считаемо за древнюю принадлежность этого самого поклоненія. Напротивъ въ немъ слѣдуетъ только видѣть воздѣйствіе кроносовской религіи; его слѣдуетъ объяснять тѣмъ, что на новаго бога перенесенъ былъ прежній страхъ, при чемъ конечно могли произойти для новаго бога новые символы (напр. символъ волка), но ихъ характеръ долженъ былъ необходимо условливаться слѣдами прежнихъ представленій, еще никакъ не оставлявшими сознаніе недавнихъ поклонниковъ Зевса и долго удерживавшими ихъ подъ вліяніемъ прежнихъ страшныхъ обычаевъ, къ числу которыхъ принадлежало и принесеніе людей въ жертву. Настоящее и вполнѣ гелленское богослуженіе окончательно возвысилось надъ подобными безчеловѣчными обычаями. Въ греческой миѳологіи разсказывается въ разныхъ видахъ объ устраненіи человѣческихъ жертвъ и о ихъ замѣненіи другими. Этотъ шагъ къ лучшему былъ прославляемъ многими сказаніями, которыя потомъ дали драматическимъ поэтамъ нѣсколько сюжетовъ для трагедій. Миѳъ о Ликаонѣ былъ обработанъ двумя греческими трагиками, Ахеемъ Еретрейскимъ и Ксенокломъ. Первый написалъ трагедію »Азаны,« изъ которой сохранился отрывокъ у Схоліаста къ Оресту ст. 373: Азаны просятъ кого-то, повергая къ ногамъ его священныя вѣтви, чтобъ онъ прекратилъ жертвоприношенія звѣздному Зевсу. Велькеръ дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятное предположеніе, что эта просьба обращена къ Ликаону. (См. Welcker die griechischen Tragödien III, 963; отрывки издалъ Урлихсъ: Achaei Eretriensis quae supersunt collecta et illustrata Bonn. 1834.) Другой поэтъ, обрабатывавшій этотъ миѳъ, былъ Ксеноклъ. Онъ написалъ трагедію »Ликаонъ,« и одержалъ ею побѣду даже надъ Еврипидомъ (см. Aeliani V. H. II, 8. Welcker l. l. p. 1023.). Трагизмъ положенія состоялъ именно въ томъ поползновеніи къ принесенію людей въ жертву, о которомъ мы уже упоминали и которымъ естественно характеризуется время перехода отъ Кроноса къ Зевсу. Очень замѣчателенъ

Digitized by Google

эпитетъ Зевса, употребленный въ оставшемся отрывкѣ Ахея, именно эпитетъ: ἀστεροπός. Мы еще не разъ увидимъ подобное указаніе на свѣтила небесныя, напоминающее въ самомъ Зевсѣ враждебный ему элементъ стоокаго Аргоса, происходящій еще изъ времени Урана.

Ликаонъ обозначаетъ въ миѳологіи эпоху, относящуюся къ концу мѣднаго поколѣнія. Девкаліоновъ потопъ былъ по Аполлодору при сынѣ Ликаоновомъ Никтимѣ, которато Зевсъ пощадилъ, какъ мы видѣли, по просьбѣ земли. Согласно съ этѣмъ значеніемъ, Ликаонъ изображается то распространителемъ лучшихъ обычаевъ, то страшнымъ злодѣемъ. Павзаній напр. говоритъ, что Ликаонъ установилъ поклоненіе ликейскому Зевсу и основалъ городъ Ликосуру, самый старшій изо всѣхъ городовъ и первый видѣнный солнцемъ, потому что прочіе люди по образцу Ликосуры научились строить города. Овидій напротивъ даетъ ему эпитетъ извѣстнаго звѣрствомъ, notus feritate Lycaon. Metam. I, 198.

Ликаонъ есть миѳическій представитель Азановъ и Паррасіевъ, древнѣйшихъ изъ племенъ Аркадіи, начавшихъ поклоняться Зевсу, но еще не освободившихся отъ грубыхъ обычаевъ мѣднаго времени. Какъ горныя племена, они ихъ долго сохраняли и конечно, благодаря имъ, ликейское поклоненіе удерживало и въ историческое время свой прежній характеръ. Имъ также слѣдуетъ приписать связь съ Ликейской-горой Ореста (героя горала). Еврипидъ въ Орестѣ (ст. 1640 слл.) говоритъ, что у Азановъ и Аркадійцевъ Паррасійскій-долъ, παρράσιον δάπεδον, зовется Ὀρέστειον. Въ Электрѣ ст. 1274 упоминается городъ Орестовъ, лежащій у рѣки Алфея близь ликейскаго святилища. Павзаній (VIII 34, 1. 2.) приводитъ сказаніе, что въ тойже странѣ Орестъ бѣсновался по умерщвленіи матери и отрубилъ себѣ палецъ, но прибавляетъ, что подлѣ этого мѣста, называв-

Digitized by Google

шагося *Δάκτυλου μνῆμα*, было другое мѣсто *Ἄκη*, гдѣ Орестъ былъ изцѣленъ отъ безумія. Такимъ образомъ и здѣсь встрѣчается такая же двойственность, какая была замѣчена въ миѳѣ о Ликаонѣ и въ самомъ поклоненіи ликейскому Зевсу. Горалъ безумствуетъ, но и исцѣляется отъ безумія.

Въ заключеніе разсужденія о ликейскомъ поклоненіи я приведу очень важное мѣсто Цицерона объ отличіи аркадскаго Зевса отъ критскаго. Оно находится въ сочиненіи de natura deorum III, 21. и гласитъ такъ: »Юпитеровъ насчитываютъ такъ называемые богословы, трехъ: изъ нихъ первый и второй родились въ Аркадіи, одинъ отъ эѳира и его дѣтьми называютъ Прозерпину и Либера, другой отъ Неба и, какъ говорятъ, произвелъ Минерву, считающуюся начальницею и изобрѣтательницею войны; третій есть критскій, сынъ Сатурна, котораго гробница показывается на томъ островѣ.« Изъ этого мѣста выводятся слѣдующія двѣ генеалогическія таблицы для аркадскаго Зевса:

Эѳиръ
|
Зевсъ
|
Кора

и для другаго:

Уранъ
|
Зевсъ
|
Аѳина.

Замѣчательно отсутствіе Кроноса (Сатурна), которое бы могло вести къ предположенію, что аркадскіе Пеласги перешли къ Зевсу мимо Кроноса. Но этому противорѣчитъ упоминаніе Реи въ аркадскихъ сказаніяхъ, показывающее, что устраненіе Кроноса изъ Аркадіи есть дѣло тео-

Digitized by Google

ретиковъ - миѳологовъ. Рея такъ тѣсно связана съ Кроносомъ, что гдѣ она есть, тамъ непремѣнно долженствовалъ быть и Кроносъ. Впрочемъ нѣкоторые миѳологи не устраняли Кроноса изъ Аркадіи. Это видно изъ мѣста Климента Александрійскаго (Protr. p. 8), которое Крейцеръ приводитъ въ комментаріи къ Цицерону. Климентъ говоритъ, что нѣкоторые различаютъ трехъ Зевсовъ: одного въ Аркадіи, сына Эѳира, и двухъ, сыновей Кроноса, изъ которыхъ одного въ Критѣ, другаго опять въ Аркадіи. Изъ сличенія этого мѣста съ Цицероновымъ и многими другими, собранными въ комментаріи къ нему необыкновенною ученостью Крейцера, кажется, можно заключить, что производство Зевса отъ Эѳира и Неба есть не что иное, какъ позднѣйшая теорема, основывавшаяся на характерѣ ликейскаго поклоненія, которое, какъ мы видѣли, приводило Зевса въ связь съ верхними слоями атмосферы. По крайней мѣрѣ на подобныя мѣста нельзя опираться, чтобъ отрицать историческую послѣдовательность, имѣвшую мѣсто для всѣхъ Грековъ между поклоненіемъ Кроносу и Зевсу, и самый важный выводъ, который можно изъ нихъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, что они приписываютъ аркадскому Зевсу преимущественно небесное значеніе. Съ *этимъ* выводомъ согласно все, что мы знаемъ о ликейскомъ поклоненіи.

Что же касается до Коры и Аѳины, которыя даются въ дочери именно аркадскому Зевсу, то мы ихъ дѣйствительно встрѣчаемъ въ Аркадіи въ связи съ Зевсомъ. Это можно видѣть отчасти и изъ приведенныхъ выше мѣстъ Павзанія о мегалопольскомъ храмѣ великихъ богинь и тегейскомъ жертвенникѣ Аѳины. Но дальнѣйшее изслѣдованіе этого вопроса сюда не относится.

Digitized by Google

Зевсъ лѣсной, высочайшій, исполинскій, треглазый.

Додонскій дубъ и ликейская атмосферная высота были первыми символами происходившаго Зевса. Естественно, что этѣ символы пріобрѣли черезъ то большую важность въ древней исторіи греческихъ религіозныхъ системъ, и что подъ ихъ вліяніемъ образовалось поклоненіе Зевсу во многихъ другихъ мѣстахъ Греціи. О додонскомъ дубѣ болѣе всего напоминаетъ дубъ, также называемый *φηγός*, находившійся подъ Троей и упоминаемый Гомеромъ. Въ Иліадѣ (VII, 60) разсказывается, что однажды во время отдыха Ахеевъ, »Аѳина и Аполлонъ, принявъ видъ птицъ коршуновъ, сѣли на высокой дубъ отца Зевса эгидодержца, любуясь мужами.« На поклоненіе этому дубу указываетъ имя Фегея, брата Идеева, сына Дареса, жреца Гефестова, (Hom. Il. V, 9. 11). Зевсъ, которому троянскій дубъ былъ посвященъ, назывался *идейскимъ*, что значитъ лѣсной, потому что *ἴδη* не только было имя горы въ Троадѣ, но и вообще значитъ лѣсъ, боръ, см. Henrici Stephani Lexicon s. v. У Виргилія (Aen. IX, 673) упоминается роща идейскаго Зевса; она находилась, какъ намъ извѣстно изъ другихъ писателей, на горѣ Гаргарѣ, самой высокой въ Идейскомъ-хребтѣ (теперь Касдагъ). Тамъ было святое мѣсто, *τέμενος*, идейскаго Зевса, и его курящійся жертвенникъ. Il. VIII, 48. Изъ Эсхила (fragm. Niob. 146) мы узнаёмъ, что этотъ жертвенникъ стоялъ на открытомъ воздухѣ, *ἐν αἰθέρι*. Уже отсюда можно заключить, что въ идейскомъ Зевсѣ соединились принадлежности додонскаго и аркадскаго. Но это еще болѣе подтверждается описаніемъ Гаргары, сдѣланнымъ англійскимъ путешественникомъ Кларкомъ (Travels II, 1, p. 127—28; это мѣсто перепечатано у Клаузена Aeneas und die Penaten I, p. 557). »До самой вершины этой горы ведетъ дорога въ 16 лок-

Digitized by Google

тей ширины, античной работы. На вершинѣ находится дубовая роща и въ ней ограда киклопической работы, образующая четыреугольникъ въ 6 локтей длины и 2 ширины.« Очевидно, что это эсхиловскій *ἰδαῖος πάγος Διὸς πατρῷου* или *τέμενος Διός* Гомера, и что они находились не только въ лѣсу и на горѣ подъ открытымъ небомъ, — это слѣдуетъ уже изъ Гомера и Эсхила, — но и на вершинѣ горы, что̀ ясно напоминаетъ ликейское поклоненіе.

Гора Ида была обильна источниками, *πολυπῖδαξ*, и это обиліе приводилось въ зависимость отъ Реи, матери Зевса. Какъ на Ликейской-горѣ она произвела Неду, такъ на Идѣ о ней разсказывали на оборотъ, что однажды въ гнѣвѣ она высушила всѣ тамошніе источники см. Eurip. Helen. 1335.

Нѣтъ сомнѣнія, что страна около Иды была первоначально обитаема племенемъ очень родственнымъ древнимъ туземнымъ обитателямъ Греціи, которыхъ мы вслѣдъ за Геродотомъ привыкли называть Пеласгами. Этѣмъ объясняется пеласгическій характеръ нѣкоторыхъ сторонъ тамошняго поклоненія Зевсу; но такъ какъ не менѣе достовѣрно, что Эолійцы очень рано гелленизовали жителей Троады, то трудно взяться разграничить въ идейскомъ поклоненіи древній элементъ отъ позднѣйшаго.

Къ чертамъ, которыхъ древность сомнительна, относятся слѣдующія:

1. Священный бракъ Зевса и Геры на горѣ Идѣ; когда Гера, украшенная всѣми прелестями, пришла къ Зевсу, сидѣвшему на Идѣ, чтобъ заманить его въ свои объятія и усыпить на своемъ лонѣ, прельщенный же Зевсъ ее обнялъ, а земля произвела для ихъ ложа зелень и цвѣты. Hom. Il. XIV, 153 353.

2. Рожденіе отъ Электры Дардана, котораго Зевсъ любилъ больше всѣхъ своихъ сыновей, родившихся у него отъ смертныхъ женъ. Въ миѳологіи Дарданъ пред-

Digitized by Google

ставляетъ эпоху происхожденія отдѣльныхъ боговъ, и миѳъ выражаетъ это тѣмъ, что заставляетъ Зевса дарить Дардану изображенія боговъ. Такого происхожденія былъ знаменитый Палладій троянскій (по Арктину у Dion. Hal. A. R. I, 68, 69; обыкновенное сказаніе признаетъ Палладій приданымъ, принесеннымъ Дардану Хрисой, которая, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, сама не что иное, какъ Аѳина) и еще одно замѣчательное изображеніе Діониса Эсимнета, которое было сначала виною сумасшествія Эврипила, получившаго его въ добычу, но потомъ послужило къ освобожденію жителей Арои въ Ахаіи отъ господствовавшаго тамъ принесенія людей въ жертву Артемидѣ Трикларіи. Paus. VII, 19—21.

Но какова бы ни была древность этѣхъ сказаній, несомнѣнно то, что идейское поклоненіе моложе додонскаго и ликейскаго и приняло въ себя элементы обоихъ, съ преобладаніемъ однакожъ додонскихъ древесныхъ и рѣчныхъ символовъ.

Напротивъ того къ ликейскому поклоненію въ атмосферѣ ближе подходитъ поклоненіе Зевсу *высочайшему*, *Ζεὺς ὕπατος*, котораго установленіе приписывается аѳинскому герою Кекропсу. Павзаній, который говоритъ о томъ (VIII, 2, 2.), считаетъ Кекропса современникомъ Ликаона, но прибавляетъ, что мудрость ихъ въ божественныхъ дѣлахъ была очень различна. Въ самомъ дѣлѣ Ликаонъ однажды принесъ въ жертву младенца, тогда какъ Кекропсъ, назвавъ первый Зевса именемъ высочайшаго, узаконилъ, чтобы ничто, имѣющее душу, не было ему закалаемо, но чтобы жертвоприношеніе состояло въ пирогахъ, возлагаемыхъ на жертвенникъ (въ такъ называемыхъ пелонахъ).

Значеніе этого Зевса ясно изъ самаго его имени; онъ принадлежитъ къ ряду боговъ, называвшихся *ὕπατοι*, *ἕκατοι*, и до которыхъ, по мнѣнію людей, было или до-

Digitized by Google

леко или высоко. О поклоненіи извѣстно не много. Передъ Эрехѳеономъ въ Аѳинахъ былъ жертвенникъ Зевса высочайшаго, на которомъ не допускалось ни крови, ни вина. Paus. I, 26, 5. На дорогѣ изъ Ѳивъ въ Авлиду была гора съ храмомъ Зевса высочайшаго, называвщаяся потому и сама Гипатомъ. Paus. IX, 19, 3. Болѣе открывается изъ миѳическаго значенія Кекропса, который былъ, по Павзанію, современникомъ Ликаона, и при которомъ, какъ говоритъ Аполлодоръ III, 14, 1, богамъ вздумалось разобрать себѣ города, въ которыхъ имъ слѣдовало каждому имѣть особенныя почести. Кекропсъ принадлежитъ поэтому пеласгическому времени (времени Ликаона) и служитъ его представителемъ въ Аттикѣ, какъ Ликаонъ, сынъ Пеласга, въ Аркадіи. Онъ считается автохѳономъ вслѣдствіе извѣстнаго мнѣнія Аѳинянъ о ихъ исконной туземности (съ чѣмъ согласно, что Геродотъ называетъ аттическій народъ Пеласгами, I, 57). Apollod. III, 4, 1. Но съ высокимъ значеніемъ Аѳинъ въ греческой исторіи совершенно сообразно, что Кекропсу приписывается самый кроткій обычай жертвоприношеній. Аѳинскій народъ произошелъ изъ смѣси разныхъ племенъ, находившихъ въ Аттикѣ убѣжище, но можно допустить, что уже то племя, которое образовало ядро народонаселенія, и котораго представитель Кекропсъ, отличалось мягкостью и наклонностью къ лучшей жизни. Въ аттическихъ миѳахъ нѣтъ преданій о горестныхъ насиліяхъ мѣднаго времени. Рядъ туземныхъ героевъ (или по позднѣйшему царей) открываетъ или Кекропсъ или Эрихѳоній. И тотъ и другой уже находятся въ отношеніяхъ къ олимпійскимъ богамъ. Кекропсъ именно означаетъ время, когда олимпійскіе боги начали отдѣляться отъ Зевса и обособляться и выбирать себѣ особенные города. Онъ въ этомъ отношеніи для Аѳинъ и Беотіи, гдѣ онъ также царствовалъ, тоже самое, что для Троады Дарданъ. Въ Аѳинахъ въ его время спорили Аѳина и Посидонъ за обладаніе городомъ. Кромѣ

Digitized by Google

того, къ его же времени относится изображеніе Гермеса, стоявшее въ Эрехѳеонѣ въ Аѳинахъ и считавшееся даже его подаркомъ. Оно было сдѣлано изъ дерева и все обвито миртовыми листьями, такъ что его почти нельзя было видѣть. Paus. I, 27, 1. Значеніе этого повѣрья, кажется, слѣдующее: Кекропсъ подарилъ изображеніе Гермеса, но оно было еще такъ закрыто, что поклонявшійся не видѣлъ, чему кланяется. Въ этомъ видна и недавность поклоненія Гермесу и его смутность. Прежде Кекропса всѣ этѣ существа вѣроятно еще были или вовсе не обособлены или по крайней мѣрѣ менѣе обособлены, и чѣмъ древнѣе время, тѣмъ болѣе они были слиты съ Зевсомъ. Въ Додонѣ было ясное воспоминаніе того времени, когда еще не было Діоны возлѣ Зевса, когда Зевсъ еще одинъ обнималъ все. Такое же состояніе имѣло мѣсто и въ Аттикѣ прежде процесса происхожденія множества отдѣльныхъ боговъ, обозначаемаго временемъ Кекропса, и Штуръ чрезвычайно остроумно предполагаетъ, что вѣроятно это древнее время представляется въ аттическихъ миѳахъ Пандіономъ, имя котораго показываетъ, что для него Зевсъ былъ все. См. Stuhr Religionssysteme der Hellenen. p. 66—72.

Къ высочайшему Зевсу долженъ быть близокъ по понятію Зевсъ *исполинскій*, *πελώριος*. Ему покланялись въ странѣ, которая, наряду съ Аркадіей и Аттикой, имѣетъ наибольшія притязанія на пеласгическій характеръ своего древняго народонаселенія. Я говорю о Ѳессаліи. Страбонъ (V, p. 221) свидѣтельствуетъ, что вся она нѣкогда называлась *πελασγικὸν Ἄργος*, и всѣмъ извѣстно, что значительная ея часть и въ позднее время носила имя Пеласгіотиды. Поэтому понятно, что въ Ѳессаліи, также какъ въ Аркадіи, мы находимъ сказаніе о туземномъ героѣ Пеласгѣ. Здѣсь онъ учредилъ исполинскому Зевсу праздникъ *Πελώρια*. Изъ нѣкото-

Digitized by Google

рыхъ мѣстъ древнихъ писателей слѣдуетъ, что онъ моложе другихъ Пеласговъ (о чемъ см. Palmerii Exercit p. 527 и Швейггейзера ad Athen. XIV, 45), но все-таки онъ былъ Пеласгъ, и съ этѣмъ согласенъ неопредѣленный характеръ поклоненія, имъ установленнаго. Оно отличалось съ одной стороны кротостью: праздникъ Пелорій близко подходилъ къ Кроніямъ или Сатурналіямъ, потому что и въ Пелоріяхъ угощались всѣ странники, освобождались узники, и господа служили за обѣдомъ своимъ рабамъ. Единственное мѣсто, изъ котораго мы узнаёмъ, какъ объ устройствѣ этого праздника, такъ и о томъ, что онъ былъ главнымъ праздникомъ Ѳессаліи, находится у Аѳенея въ Дипнософистахъ (XIV, 43) и выписано имъ изъ сочиненія о Ѳессаліи и Гемоніи ретора Батона Синопскаго. По Батону, поводомъ къ учрежденію Пелорій была вѣсть, принесенная Пелоромъ объ отторженіи Олимпа отъ Оссы, образованіи Темпейскаго-ущелія и осушеніи долины Пенея. Лице Пелора въ этомъ сказаніи очевидно вымышлено миѳологами историческаго направленія, для объясненія прозвища Зевса исполинскаго (Пелорія) и для большей естественности разсказа; но связь происхожденія поклоненія Зевсу въ Ѳессаліи съ великимъ геологическимъ событіемъ очень вѣроятна, какъ сама по себѣ, потому что естественно приписать невиданное событіе новому богу, о могуществѣ котораго могли доходить слухи, и который легко могъ принять подъ вліяніемъ этѣхъ обстоятельствъ имя исполинскаго, такъ и потому, что ѳессалійскій исполинскій Зевсъ отождествляется у Геродота (VII, 129) съ Посидономъ, — это другая сторона исполинскаго Зевса, — а Посидонъ, какъ извѣстно, былъ богъ, потрясающій землю, ἐρυσίχθων.

Древность поклоненія исполинскому Зевсу лучше всего доказывается тождествомъ этого Зевса съ Посидономъ. Посидонъ одинъ изъ древнѣйшихъ боговъ; его поклоненіе предшествовало почти вездѣ въ Греціи покло-

Digitized by Google

ненію другимъ Олимпійцамъ. Онъ господствовалъ въ Дельфахъ прежде Аполлона, съ нимъ боролась Аѳина за Аѳины, Гера за Аргосъ, Аполлонъ за Делосъ. Какъ близокъ онъ былъ въ древности къ Зевсу, видно изъ стараго сказанія, что Аѳина произошла не отъ Зевса, а отъ него, см. Paus I, 14, 5. Какъ Діона въ Додонѣ, Аполлонъ, Аѳина, Гермесъ и другіе боги въ другихъ мѣстахъ, такъ въ Ѳессаліи Посидонъ отдѣляется отъ Зевса съ теченіемъ времени, и притомъ такъ, что Зевсъ передъ тѣмъ самъ принимаетъ посидоническій характеръ.

Раздѣлъ міра между богами произошелъ, по миѳологіи, какъ мы увидимъ ниже, въ древнемъ Сикіонѣ, когда еще онъ назывался *Μηκώνη*. Прежде этого событія боги были смѣшаны и чѣмъ ближе къ эпохѣ происхожденія поклоненія Зевсу, тѣмъ они менѣе отъ него отдѣлены. Понятно, что это еще болѣе, чѣмъ къ другимъ богамъ, относится къ тѣмъ двумъ его братьямъ, съ которыми онъ въ послѣдствіи раздѣлилъ три такъ называемыя доли міра. Какъ ихъ обособленіе должно было предшествовать отдѣленію другихъ юнѣйшихъ боговъ, такъ и въ самомъ Зевсѣ должны были прежде всего съ опредѣленностью выказаться черты, свойственныя ихъ характеру. Такъ мы видимъ въ исполинскомъ Зевсѣ тождество съ Посидономъ (у Аѳенея (VIII, 18) упоминается даже *Ζηνοποσειδών*, но изъ египетскаго г. Милона). Преобладаніе характера Плутона или Ада видно, можетъ быть, въ Зевсѣ Скотитѣ или мрачномъ, котораго святилище было въ сѣверной Лаконикѣ въ густомъ дубовомъ лѣсу, Paus III, 10, 6, [1]) и совершенно достовѣрно въ Зевсѣ подземномъ, *χθόνιος*, *καταχθόνιος*, который не разъ упоминается у древнихъ писателей.

---

[1]) Этотъ мрачный Зевсъ есть также одно изъ древнихъ явленій Зевса. У него не было храма; мѣстомъ поклоненія служила роща, конечно приводившая своей мрачностію въ религіозный трепетъ и принадлежавшая къ числу тѣхъ, о которыхъ Римляне говорили, что онѣ numen habent.

Digitized by Google

Пока Посидонъ и Плутонъ еще не отдѣлялись отъ Зевса, Зевсъ былъ одинъ и еще не распадался на ту тріаду, которая послѣ, по греческимъ понятіямъ, господствуетъ надъ міромъ, и лица которой съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе обособлялись и разъединялись до тѣхъ поръ, когда нѣкоторые поздніе философы, особенно неоплатоники, стали думать о возстановленіи прежняго единства. Такъ неоплатоникъ Проклъ въ комментаріи къ Платонову Кратилу, въ мѣстѣ, приведенномъ у Крейцера къ Cic. N. D. p. 584, говоритъ о демiургической (зиждительной) тріадѣ, состоящей изъ трехъ Зевсовъ: *ὁ μὲν πρῶτος Ζεύς, ὁ δε δεύτερος Ζεύς, ὁ δὲ τρίτος Ζεύς*, и въ которой Зевсъ есть отецъ, Посидонъ сила, Плутонъ разумъ. Въ противоположность къ этому позднѣйшему ученію, носящему ясные слѣды вліянія христіанства, въ немъ искаженнаго, но отчасти и въ его подтвержденіе слѣдуетъ привести соотвѣтствующій ему фактъ древняго поклоненія Зевсу въ Греціи.

Павзаній разсказываетъ (II, 24, §. 4), что въ храмѣ Аѳины въ аргосской Ларисcѣ находилось деревянное изваяніе Зевса съ двумя глазами на обыкновенномъ мѣстѣ и съ третьимъ глазомъ на лбу. Объ этомъ Зевсѣ утверждали, что онъ былъ семейный богъ Пріама, сына Лаомедонтова, и стоялъ въ гипеѳрѣ (средней комнатѣ, снабженной большимъ отверстіемъ сверху) его дворца и что къ его жертвеннику Пріамъ прибѣгнулъ во время взятія Трои Гелленами. Въ числѣ добычи онъ достался Сѳенелу, сыну Капанея, который поставилъ его въ храмѣ Аѳины въ Ларисcѣ. По мнѣнію Павзанія, у него три глаза отъ того, что »Зевсъ господствуетъ не только на небѣ, о чемъ говорятъ всѣ, но и подъ землею, какъ видно изъ Гомеровскаго стиха:

Ζεύς τε καταχθόνιος καὶ ἐπαινὴ Περσεφόνεια,

а Эсхилъ, сынъ Эвфоріона, зоветъ Зевсомъ и бога моря. Поэтому изваявшій это изображеніе сдѣлалъ Зевса съ

Digitized by Google

тремя глазами, какъ бога, царствующаго надъ тремя долями міра.«

Этотъ Зевсъ, еще обнимавшій въ себѣ и Посидона и Ада, назывался *треглазый*, *τρίσπας*, *τριόφθαλμος*. Онъ приводится въ связь съ идейскимъ поклоненіемъ, и потомъ еще, по разрушеніи Трои, его изваяніе ставится въ храмѣ Аѳины, богини, которой идолъ былъ подаренъ Зевсомъ Дардану, и о рожденіи которой отъ Зевса говорило аркадское сказаніе. Все это указываетъ на пеласгической характеръ этого треглазаго Зевса и на близость поклоненія ему къ поклоненію идейскому и ликейскому Зевсу.

Дальнѣйшее развитіе греческой религіи повело, какъ уже не разъ было замѣчено, къ великому множеству боговъ, происшедшихъ отчасти чрезъ распаденіе Зевса на многихъ боговъ и обособленіе отдѣльныхъ сторонъ его существа. Это происходило, какъ мы можемъ заключить изъ приведенныхъ данныхъ, такъ, что сначала одна сторона существа Зевсова получала преобладаніе надъ другими въ самомъ Зевсѣ, вслѣдствіе чего происходили проявленія Зевса, вовсе не похожія одно на другое; потомъ этѣ одностороннія проявленія, все болѣе и болѣе обособляясь и пріобрѣтая самостоятельность, постепенно переходили въ отдѣльныхъ боговъ, которыхъ можно было уже противополагать Зевсу.

Въ срединѣ этого процесса обособленія, когда самостоятельность боговъ еще не дошла до послѣдней степени, мысль о единствѣ Зевса могла еще сохраняться, но тутъ могла быть рѣчь уже не объ единомъ Зевсѣ треглазомъ, а только о Зевсѣ тройственномъ. На такой степени мы находимъ понятіе о Зевсѣ въ замѣчательномъ памятникѣ этой средней эпохи процесса обособленія, упоминаемомъ у Павзанія (II, 2, 8) и находившемся въ Коринѳѣ. Тамъ въ одномъ мѣстѣ города, подъ открытымъ небомъ, между изображеніями другихъ бо-

Digitized by Google

говъ, стояли три идола Зевса, изъ которыхъ у одного не было прозвища, другой назывался земнымъ, а третій высочайшимъ.

Это тройственное явленіе Зевса представляетъ туже самую мысль, какъ и треглазый Зевсъ, только на слѣдующей степени развитія, на степени болѣе гелленской съ чѣмъ согласно, что идолы тройственнаго Зевса стояли въ Коринѳѣ. Чѣмъ далѣе слѣдить за поклоненіемъ Зевсу, тѣмъ сильнѣе становится обособленіе отдѣльныхъ боговъ и тѣмъ болѣе опредѣляется частное понятіе Зевса.

Тѣ степени развитія этого понятія, которыя мы прослѣдили до сихъ поръ, были пройдены Пеласгами въ первыя времена ихъ гелленизаціи. Мы встрѣтили слѣды гелленизма въ имени Селловъ, въ связи Додоны съ Девкаліономъ и Ахилломъ, но этѣ слѣды еще такъ слабы, что преобладающимъ элементомъ долженъ быть признанъ пеласгическій, и этѣмъ объясняется, что до сихъ поръ не было случая говорить о племенахъ собственно-гелленскихъ. Ихъ появленіе сдѣлало эпоху въ исторіи Греціи; мы увидимъ, какія измѣненія встрѣчаются въ тѣхъ обрядахъ поклоненія Зевсу, которые находятся въ тѣсной связи съ отдѣльными гелленскими племенами, и это заставитъ насъ придти къ заключенію, что происхожденіе отдѣльныхъ племенъ совпадаетъ съ новой эпохой въ исторіи поклоненія Зевсу, хотя, конечно, первыя гелленскія племена, выступающія на поле исторіи, и боги, которымъ они покланяются, еще довольно близки къ старому времени, чего иначе и не могло быть.

Ежели мы соединили всѣ вышеописанныя поклоненія подъ рубриками времени Пеласговъ и первой ступени въ исторіи поклоненія Зевсу, то мы руководились притомъ съ одной стороны внутренними доказательствами древности этѣхъ поклоненій, съ другой

Digitized by Google

стороны связью главнѣйшихъ изъ нихъ съ именемъ Пеласговъ, на которую также было указано выше. Особенную важность между описанными поклоненіями имѣютъ тѣ два изъ нихъ, которымъ мы дали первое мѣсто въ нашемъ изложеніи, именно додонское и ликейское. Первое, съ его Селлами-толковниками, спящими наземи и необутыми, съ его жрецами-томурами, которые были или обрѣзанные или скопцы, съ его голубицами-пророчицами, которыя только пассивно истолковывали думу великаго и превосходнаго всемірнаго зодчаго по движеніямъ высокой верхушки питательнаго дуба и по теченію чудеснаго источника; второе, съ его горною неприступностію и свѣтозарностію, съ его вліяніемъ на атмосферическія явленія, съ его символами волка и орла и страшными обычаями принесенія людей въ жертву, — ясно носятъ характеръ глубокой древности и оба очевидно древнѣе всѣхъ прочихъ мѣстныхъ поклоненій Зевсу. Прочія служенія, которыя мы разсмотримъ всѣ въ продолженіи этого сочиненія, никакъ не могутъ быть поставлены на ряду съ додонскимъ и ликейскимъ, и далеко не достигаютъ ихъ древней и мрачной простоты. Потому-то мы дѣйствительно видимъ, что сравнительно-бо́льшая древность додонскаго и ликейскаго поклоненія признается всѣми учеными. Но съ той точки зрѣнія, на которую мы стали въ первой главѣ, намъ нельзя довольствоваться такимъ заключеніемъ объ относительной древности обрядовъ; мы должны перейти къ предположенію, что съ додонскимъ и ликейскимъ святилищемъ было связано и самое происхожденіе поклоненія Зевсу. Убѣдившись, что поклоненіе Зевсу не существовало искони въ Греціи, но произошло на памяти миѳологіи, мы естественно должны искать слѣдовъ его происхожденія въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя оказываются древнѣйшими его представителями. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь намъ невозможно дойти до удовлетворительнаго

Digitized by Google

рѣшенія вопроса, въ одномъ ли мѣстѣ произошло поклоненіе Зевсу, или оно явилось вдругъ во многихъ мѣстахъ, и было ли его явленіе слѣдствіемъ одного внутренняго развитія греческихъ туземцевъ, или ему содѣйствовали и его условливали чужеземныя вліянія, въ родѣ того, которому Геродотъ приписываетъ основаніе Додонскаго Оракула. Но, сличивъ представленныя нами данныя между собою и съ нѣкоторыми другими фактами древнѣйшей греческой исторіи и миѳологіи, мы будемъ въ состояніи хотя сколько нибудь уяснить себѣ обстоятельства, сопровождавшія происхожденіе додонскаго и ликейскаго поклоненія, и хотя сколько нибудь приблизимся къ рѣшенію предложенныхъ вопросовъ. У Стефана Византійскаго (s. v. *Ἀμβρακία* и *Ἔφυρα*) говорится объ Амбраксѣ, основателѣ извѣстной эпирской Амбракіи, и онъ называется сыномъ Ѳеспрота, внукомъ Ликаона, правнукомъ Пеласга, праправнукомъ Аркада, рожденнаго отъ земли. Эта генеалогія приводитъ въ связь Ѳеспрота, представителя Эпира, съ Ликаономъ и Аркадомъ, представителями Аркадіи, и указываетъ на тѣсное сродство жителей Эпира и Аркадіи. Но, кромѣ свидѣтельства этой генеалогіи, которое и не можетъ имѣть большаго авторитета, и во всякомъ случаѣ только приводитъ въ нѣсколько болѣе близкое соотношеніе страны, родственныя между собою уже по пеласгическому народонаселенію, мы находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ, сохранившихся на почвѣ этѣхъ странъ отъ древняго времени пеласгической образованности, неоспоримыя указанія на значительное соотвѣтствіе въ развитіи пеласгической жизни, имѣвшемъ мѣсто въ этѣхъ двухъ странахъ. Я говорю о такъ называемыхъ киклопическихъ сооруженіяхъ, которыя, на основаніи многихъ данныхъ, общимъ голосомъ ученыхъ приписываются Пеласгамъ. Это были исполинскія стѣны высокихъ акрополей (потому: подобныя киклопсія стѣны, *Κυκλόπεια οὐράνια τείχη*, Еврip.

Electra 1167.) многихъ греческихъ городовъ, обыкновенно называвшіяся киклопическими, но въ Аѳинахъ носившія имя Пеласговъ (πελασγικὸν или πελαργικὸν τεῖχος). Онѣ были сложены безъ помощи извести изъ огромныхъ многоугольныхъ (отсюда наименованіе: полигонныя сооруженія), или вовсе необтесанныхъ, или мало обтесанныхъ камней, требовали удивительныхъ усилій со стороны народа, ихъ соорудившаго, и теперь составляютъ лучшее и самое достовѣрное свидѣтельство о степени его образованности. Въ нихъ вовсе невидно слѣдовъ стремленія къ изящному; онѣ состоятъ изъ камней невѣроятной величины (въ длину 7 — 9, въ вышину около 4 футовъ), хаотически взвороченныхъ другъ на друга, и не имѣютъ притязанія на другое достоинство, кромѣ твердости и громадности (тиринѳскія стѣны имѣютъ 20 — 24½ футовъ въ толщину и до 60 футовъ въ вышину). Но для того, чтобы сдвинуть съ мѣста и перенести на скалы акрополей такія огромныя массы, была нужна значительно развитая техника, а потому причину, почему Пеласги не давали камнямъ правильной формы, нельзя искать въ недостаткѣ умѣнья. Причина лежала, какъ кажется, въ томъ, что Пеласги не чувствовали потребности въ порядкѣ, потому что порядка еще не было въ ихъ сознаніи. Геллѣнъ позднѣйшаго, лучшаго времени никакъ не могъ бы смотрѣть на свою работу, еслибы она имѣла такой безпорядочный видъ. Его внутреннее проясненное состояніе требовало, чтобы ясность, порядокъ и правильность были напечатлѣны на всемъ, что выходило изъ его рукъ. У Пеласговъ такой душевной настроенности еще не было; какъ боги представлялись имъ еще въ хаотической неясности и потому не имѣли именъ, такъ и все ихъ міросозерцаніе должно было отличаться смутностью и неопредѣленностью и запечатлѣть этою своею особенностію тѣ вѣковѣчные памятники, которые Пеласги оставили по себѣ въ такъ называемыхъ киклопическихъ

Digitized by Google

сооруженіяхъ [1]). Но съ другой стороны уже одно сооруженіе городскихъ стѣнъ предполагаетъ значительное развитіе пеласгической жизни, значительное измѣненіе родоваго быта на пути къ государству. Поэтому для насъ очень важно то обстоятельство, что киклопическія стѣны находятся именно въ тѣхъ частяхъ Греціи, гдѣ сохранились слѣды древнѣйшаго поклоненія Зевсу, гдѣ слѣдовательно пеласгическое народонаселеніе достигло высшей степени своего развитія и наиболѣе приблизилось къ переходу въ Гелленовъ. Этѣ части Греціи суть Эпиръ, Аркадія и Арголида [2]). Послѣдняя страна не менѣе двухъ первыхъ замѣчательна своимъ древнимъ поклоненіемъ Зевсу и Герѣ, и ежели мы ея не помѣстили на ряду съ Эпиромъ и Аркадіей въ описаніи мѣстныхъ поклоненій Зевсу, ведущихъ начало изъ времени Пеласговъ (хотя треглазый Зевсъ упомянутъ, стр. 121 сл.), такъ это только потому, что въ Арголидѣ пеласгическая основа была значительно закрыта позднѣйшими пластами времени Ахеевъ и Дорійцевъ. Поэтому мы сочли приличнѣе говорить объ аргивскомъ поклоненіи ниже, хотя этѣмъ нисколько не отрицается глубокая древность его первоначальныхъ основъ. И такъ, мы находимъ киклопическія построенія, свидѣтельствующія о соединеніи людей въ городахъ, именно въ тѣхъ странахъ Греціи, которыя мы должны признать за древнѣйшія мѣста поклоненія Зевсу. Непоколебимые, вѣковѣчные памятники свидѣтельствуютъ своимъ неоспоримымъ языкомъ, что соединеніе людей въ города, высшая степень развитія пеласгической жизни, имѣло мѣсто именно тамъ, гдѣ произошло поклоненіе Зевсу.

---

[1]) Кромѣ стѣнъ, къ киклопическимъ сооруженіямъ относились и лабиринѳы, напр. лабиринѳъ въ Навпліи: *σπήλαια καὶ ἐν αὐτοῖς οἰκοδομητοὶ λαβύρινθοι*. Strab. VIII, p. 369. 373. Müller Arch. d. Kunst §. 46.

[2]) Припомнить можно еще троадскую Гаргару; см. выше стр. 115.

Digitized by Google

Мы говорили выше въ заключеніи первой главы (стр. 74 и 75 и еще выше стр. 51) о тѣхъ многихъ степеняхъ, которыя долженъ былъ пройти греческой народъ до происхожденія поклоненія Зевсу и связаннаго съ нимъ героическаго быта. Упоминаніе киклопическихъ сооруженій побуждаетъ насъ еще немного остановиться на этомъ важномъ предметѣ, чтобы въ тоже время уяснить себѣ смыслъ отождествленія Киклоповъ съ Пеласгами. Всѣмъ извѣстно, какимъ патріархальнымъ народомъ изображаетъ Киклоповъ Гомеръ въ Одиссеѣ, IX, 112. У нихъ не было ни вѣча, ни права, но главы семействъ сами судили своихъ дѣтей и женъ, вовсе не заботясь другъ о другѣ. При такомъ образѣ жизни, очевидно, не было потребности въ городскихъ стѣнахъ, которыя могли произойти только во время гораздо болѣе развитое. Между Киклопами Одиссеи и Пеласгами, построившими городъ Ликосуру на Ликейской-горѣ, есть то огромное различіе, которое раздѣляетъ простое семейство отъ соединенія многихъ колѣнъ въ одномъ городѣ. Степени, лежащія между этѣми двумя формами жизни, древніе наблюдатели родоваго быта (см. Дикеарха у Стефана Византійскаго s. v. πάτρα) обозначали въ слѣдующемъ порядкѣ: родъ, γένος или πάτρα [1]), соединеніе людей, происшедшихъ отъ одного родоначальника, образовавшееся на основаніи соединенія родителей съ дѣтьми (συγγένεια γονέων σὺν τέκνοις καὶ τέκνων σὺν γονεῦσι); фратрія, φρατρία, соединеніе нѣсколькихъ родовъ, допускающихъ браки между собою, слѣдовательно соединеніе, основанное уже не на родствѣ, а на свойствѣ, при чемъ братья жены считали ея мужа себѣ за брата (φρατρία δὲ ἐγένετο ἐκ τῆς

---

[1]) Отъ πάτρα, родъ, Зевсъ получилъ имя πατρῴος, которое давалось между прочимъ и упомянутому выше идейскому Зевсу, см. выше стр. 115, что указываетъ на его тѣсную связь съ родовымъ бытомъ жителей Троады.

Digitized by Google

συγγενείας τῆς τῶν ἀδελφῶν); наконецъ колѣно, *φυλή*, которое образовалось, когда для отдѣльныхъ фратрій, съ увеличеніемъ народонаселенія, оказалась необходимость вступить въ правомѣрныя отношенія между собою, — поэтому въ немъ слѣдуетъ видѣть соединеніе болѣе гражданское, нежели предшествовавшія. Дальнѣйшимъ соединеніемъ, уже совершенно переходящимъ за границы родоваго быта, былъ городъ, *πόλις*, по опредѣленію Аристотеля, соединеніе людей, имѣющее цѣлію совершенно удовлетворительное и независимое благосостояніе (*ζωὴ τελεία καὶ αὐτάρκης, τὸ ζῆν εὐδαιμόνως καὶ καλῶς*. Polit. III: 5. 14). Исторически городъ образовался въ Греціи изъ соединенія родовъ и селеній, *συνοικισμός*, вслѣдствіе чего Аристотель l. l. называетъ городъ *ἡ γενῶν καὶ κωμῶν κοινωνία*. Честь устроенія городскаго быта обыкновенно приписывается героямъ (въ Аѳинахъ напр. Ѳезею); въ этомъ представленіи образованія городскаго быта видна противуположность его съ бытомъ родовымъ. Но родовое начало было еще такъ сильно, что и въ городскомъ (политическомъ) соединеніи людей средоточіе составлялъ пританей или священный очагъ, подражаніе очагу домашнему, и формою правленія была патріархальная монархія или господство одного изъ родоначальниковъ (см. Arist. Polit. I, 1, 7. *διὸ καὶ τὸ πρῶτον ἐβασιλεύοντο αἱ πόλεις καὶ νῦν ἔτι τὰ ἔθνη· ἐκ βασιλευομένων γὰρ συνῆλθον· πᾶσα γὰρ οἰκία βασιλεύεται ὑπὸ τοῦ πρεσβυτάτου ὥστε καὶ αἱ ἀποικίαι διὰ τὴν συγγένειαν*). Основаніе городовъ, кажется, непосредственно предшествовало процвѣтанію героической жизни. Это видно изъ большей части повѣствованій о героическихъ подвигахъ и подтверждается тѣмъ, что героическая жизнь могла процвѣтать только тамъ, гдѣ была возможность отдѣльному человѣку отличиться передъ другими, а этой возможности почти вовсе не представляли соединенія людей, предшествовавшія городскимъ.

Digitized by Google

Изъ сказаннаго ясно, что сооруженіе киклопическихъ стѣнъ не можетъ быть приписано тѣмъ Киклопамъ, которыхъ бытъ описываетъ Гомеръ въ Одиссеѣ, но относится къ самому позднему времени пеласгическаго періода. Этотъ выводъ даетъ особенную важность извѣстію, что Ликаонъ, учредитель ликейскаго поклоненія Зевсу, есть вмѣстѣ и основатель Ликосуры, по сказанію Аркадійцевъ, древнѣйшаго изъ городовъ, видѣнныхъ солнцемъ. Стѣны этого города были киклопическія; онѣ описаны Павзаніемъ и отчасти сохранились до нашего времени. См. Müller Handb. d. Arch. §. 45. 2. Ихъ сооруженіе совпадало съ происхожденіемъ ликейскаго служенія Зевсу, потому что оба событія были слѣдствіемъ одной и той же причины, — значительнаго успѣха во внутреннемъ развитіи пеласгической жизни. Въ Аркадіи основаніе городовъ и учрежденіе поклоненія Зевсу сближены самимъ миѳомъ. Что подобное сближеніе имѣетъ силу и для прочихъ мѣстъ древнѣйшаго поклоненія Зевсу, и для Арголиды, и для Эпира, слѣдуетъ изъ приведеннаго выше факта, что киклопическія стѣны особенно распространены именно въ этѣхъ странахъ.

Но ежели происхожденіе додонскаго и ликейскаго поклоненія имѣетъ то общаго, что совпадало съ послѣднею фазою въ развитіи пеласгической жизни, съ тою фазою, которая непосредственно предшествовала появленію героическаго быта, то въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ это событіе въ обѣихъ мѣстностяхъ, еще могло быть большое различіе. Въ Додонѣ явленіе поклоненія Зевсу совершилось, кажется, мирно, безъ особенно трудной борьбы, вслѣдствіе чего тамъ вовсе не осталось мѣстныхъ сказаній ни о Титаномахіи, ни о Гигантомахіи. Можно бы даже было попасть на мысль, что въ Додону поклоненіе Зевсу было принесено въ готовомъ видѣ откуда нибудь извнѣ, въ родѣ того, какъ разсказываетъ Геродотъ. Но тому, кажется, противорѣчитъ

Digitized by Google

присутствіе въ Эпирѣ киклопическихъ сооруженій, свидѣтельствующихъ о самородной пеласгической образованности этой страны [1]), по крайней мѣрѣ что касается до главнаго ея характера, съ которымъ необходимо должно быть связано такое великое событіе, какъ происхожденіе додонскаго поклоненія. Въ Аркадіи, какъ сказано, замѣтно болѣе слѣдовъ борьбы. На восточной сторонѣ Ликейской-горы былъ горный ручей, называвшійся Олимпійскимъ (*Ὀλυμπιάς*); онъ попеременно одинъ годъ текъ, другой изсякалъ; подлѣ него было мѣсто, гдѣ изъ земли показывалось пламя. Въ этомъ мѣстѣ Аркадійцы приносили жертву молніи, грому и бурѣ и утверждали, что тутъ происходила борьба Гигантовъ противъ Зевса и олимпійскихъ боговъ. Мы видѣли выше (стр. 79), что Гиганты были послѣдними врагами Олимпійцевъ. По Ѳеогоніи вмѣстѣ съ ними произошли Мелійскія Нимфы и Эринніи (Эвмениды). Первыя суть существа загадочныя. По имени онѣ ясеневыя, эпитетъ, который Крейцеръ считаетъ собирательнымъ (Creuzer II, 431. 2-te Ausg.). У Каллимаха въ гимнѣ въ честь Зевса (ст. 47) онѣ называются кормилицами Зевса, что̀ противорѣчило бы ихъ родству съ Гигантами и Эринніями. Можетъ быть, онѣ стоятъ въ миѳической связи съ мѣднымъ поколѣніемъ, которое было страшно своимъ ясеневымъ оружіемъ, *ἐκ μελιᾶν δεινόν τε καὶ ὄβριμον*. Въ этомъ смыслѣ онѣ могли быть названы кормилицами Зевса, потому что поклоненіе ему начало распространяться во время мѣднаго поколѣнія; ихъ, какъ кормилицъ Зевса, можно сравнить съ Никтимомъ, сыномъ Ликаона и современникомъ Девкаліонова потопа, пощаженнымъ Зевсомъ по просьбѣ земли. Въ Эринніяхъ яснѣе враждебный Олимпійцамъ характеръ. Онъ ясенъ даже въ ихъ явленіи въ извѣстной трагедіи Эсхила, гдѣ онѣ осыпаютъ упреками

[1]) Извѣстно, что киклопическія сооруженія кромѣ Греціи встрѣчаются только въ Италіи, между Арномъ и Вультурномъ, гдѣ также обитали Пеласги.

Digitized by Google

олимпійскихъ боговъ и зовутъ ихъ младшими [1]). Эринніямъ, подъ именемъ *Μανίαι*, покланялись близъ Мегалополя, лежавшаго, какъ извѣстно, у подошвы Ликейской горы. Неподалеку отъ ихъ святилища былъ холмъ, гдѣ Орестъ началъ бѣсноваться, и другое мѣсто, гдѣ онъ былъ исцѣленъ отъ безумія, и гдѣ также находился храмъ Эвменидъ, см. выше стр. 111, Павз. VIII, 34, 1. 2. Страхъ Эринній и другихъ подземныхъ существъ, увлекающихъ человѣка въ объятія смерти, продолжался еще и во время поклоненія Олимпійцамъ и прекратился только вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мистеріи научили посвященныхъ видѣть въ смерти меньшее несчастіе, нежели какъ видѣли прежде. Но распространеніе поклоненія Эринніямъ въ Аркадіи свидѣтельствуетъ о томъ же, о чемъ и аркадскія сказанія о Стиксѣ (Hes. Theog. 361. 388 sqq. 775 sqq. Herod. II, 74. Paus. VIII, 17, 5 и VIII, 18, 2.) и ликейскія страшныя жертвоприношенія, именно о томъ, что поклоненіе олимпійскимъ богамъ встрѣтило въ Аркадіи большія трудности.

Въ заключеніе этой главы я еще прибавлю одно замѣчаніе. Всѣ данныя, собранныя нами до сихъ поръ о внутренней исторіи Пеласговъ, вели къ тому заключенію, что между Пеласгами и Гелленами не было кровнаго различія, и что въ самой исторіи Пеласговъ можно указать нѣкоторыя степени развитія, приближавшія ихъ къ Гелленамъ. Такое воззрѣніе принято теперь большею частію ученыхъ и ведетъ начало отъ Геродота (см. выше стр. 83). Оно видитъ въ распространеніи гелленизма слѣдствіе внутренняго поворота пеласгической жизни,

[1]) Вообще о значеніи Эринній, какъ подземныхъ хеоническихъ богинь, и о ихъ подчиненіи олимпійскимъ верхнимъ небеснымъ богамъ въ Элевзинскихъ Мистеріяхъ см. превосходную статью Бёймлейна: Pelasgischer Glaube und Homers Verhältniss zu demselben въ Zeitschrift für die Alterthumswissenschaft. 1839. p. 1182 sqq.

Digitized by Google

слѣдствіе того, что̀ Геродотъ такъ выразительно назвалъ *μεταβολὴ ἐς Ἕλληνας* (Herod. II, 50). Оно предполагаетъ, что изъ среды народа, который мы вслѣдъ за Геродотомъ называемъ общимъ именемъ Пеласговъ, съ теченіемъ времени возникли элементы, ставшіе представителями новой гелленской жизни. Но это воззрѣніе не исключаетъ возможности допустить нѣкоторое чужеземное вліяніе на развитіе пеласгической жизни (ср. выше стр. 68). Оно исключаетъ только мнѣніе, будто бы элементы чужеземной образованности остались въ Греціи непереработанными, и будто бы *всѣми* начатками своей образованности Греки обязаны иностраннымъ колонистамъ. Такому мнѣнію противорѣчитъ не только главный памятникъ пеласгической жизни, киклопическія сооруженія, такъ рѣзко отличающіяся отъ построеній другихъ народовъ; ему противорѣчитъ вся позднѣйшая исторія Грековъ, органическая правильность которой была бы совершенно невозможна, если бы вся греческая жизнь дѣйствительно сложилась изъ разнородныхъ элементовъ, заимствованныхъ отъ чужеземныхъ народовъ. Такое мнѣніе поэтому никакъ не можетъ быть принято, хотя съ другой стороны было бы неосновательно, вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными, совершенно отрицать всякое чужеземное вліяніе на Грецію. Нѣтъ сомнѣнія, что греческій народъ уже въ самое древнее время получилъ отъ иностранныхъ колонистовъ много возбужденій къ развитію, и, кажется, очень вѣроятно предполагать, что они много содѣйствовали тому развитію пеласгической жизни, которое, какъ мы видѣли, предшествовало героическому времени. Очень возможно даже, чтобы и Додонскій Оракулъ, если не при самомъ учрежденіи, то по крайней мѣрѣ нѣсколько послѣ, отчасти подчинился вліянію колонистовъ, потому что иначе, кажется, нельзя объяснить себѣ его отношенія, уже упомянутаго нами, къ кабирическимъ таинствамъ. Лобекъ въ Аглаофамѣ и Велькеръ въ сочиненіи объ Эсхиловой три-

Digitized by Google

логіи отрицаютъ правда всякую мысль объ иностранномъ происхожденіи Кабировъ, но предложенныя ими истолкованія миѳа не въ состояніи объяснить мистической стороны служенія Кабирамъ, и потому, кажется, надобно вмѣстѣ съ Шеллингомъ (Ueber die Götter von Samothrake) и Крейцеромъ (Symb. II, 302 ff. 2-te Ausg.) допустить ихъ восточное происхожденіе. См. также Бёймлейна l. l. Народъ-Кабиры, совершавшій кабирическія таинства и обитавшій въ Кабирейской-землѣ, будетъ вѣроятно тождественъ съ Кадмеями или ѳивской колоніей Финикіянъ, и въ одобреніи Пеларги Додонскимъ Оракуломъ за возстановленіе кабирическихъ таинствъ будетъ надобно видѣть слѣдствіе вліянія кадмейской религіи на Додонскій Оракулъ. Кромѣ того въ томъ обстоятельствѣ, что Кабиреи или Кадмеи, изгнанные изъ Ѳивъ Эпигонами, потомъ, вслѣдствіе возстановленія кабирическихъ таинствъ Пеларгою (т. е. Пеласгами), возвращаются въ Кабирейскую-землю, надобно видѣть указаніе на сближеніе Кадмеевъ съ Пеласгами, съ чѣмъ совершенно согласно мнѣніе К. О. Мюллера, что Кадмеи и Тирренскіе Пеласги [1]) одинъ

[1]) Кажется, надобно ограничиться отождествленіемъ Тирренскихъ или правильнѣе Тирсенскихъ Пеласговъ съ восточными выходцами, а прочія племена, называемыя иногда у древнихъ писателей Пеласгами, принимать за туземцевъ арійскаго племени, поселившихся въ Греціи во времена глубокой древности. Поэтому, кажется, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Рота, высказаннымъ въ первомъ томѣ его Исторіи Философіи, будто бы всѣ Пеласги не что иное, какъ Финикіяне, и будто бы ихъ имя происходитъ отъ имени Филистеевъ (= *Φοίνικες ἀλλόφυλοι* LXX толк.). Кромѣ множества историческихъ данныхъ этому мнѣнію противится и самое имя Пеласговъ. По крайней мѣрѣ Поттъ, ученый, котораго авторитетъ въ лингвистическихъ вопросахъ несомнѣненъ, утверждаетъ, что переходъ имени Пеласговъ въ имя Пеларговъ былъ бы противъ аналогіи греческаго языка, если бы имя Пеласговъ не было сложное изъ *πελας—γοι*. См. Pott Etymol. Forsch. I, XL.

Digitized by Google

и тотъ же народъ. (Только Мюллеръ не признаетъ Кадмеевъ за Финикіянъ, противъ всѣхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей, называющихъ Кадмеевъ не иначе какъ *οἱ μετὰ Κάδμου Φοίνικες.*) Тирренскіе Пеласги были, какъ кажется, племя, происшедшее изъ смѣшенія Финикіянъ съ Пеласгами, и этѣмъ бы объяснилось удивительное несходство этого скитальческаго племени съ собственными Пеласгами, автохѳонами въ Греціи и Италіи. Доказательства этой мысли не могутъ входить въ предѣлы этого сочиненія, и потому мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ на вѣроятность мнѣнія, допускающаго вліяніе иностранныхъ колонистовъ даже на Додонскій Оракулъ. Это указаніе было здѣсь тѣмъ болѣе на своемъ мѣстѣ, что мы тотъчасъ же увидимъ еще болѣе ясные слѣды иностраннаго вліянія въ обрядахъ поклоненія Зевсу на островѣ Критѣ. Ежели въ самой Греціи благодѣтельныя послѣдствія иностраннаго вліянія могутъ быть только предполагаемы, то на островѣ Критѣ они несомнѣнны, ибо самое процвѣтаніе этого острова условливалось разнообразнымъ взаимнодѣйствіемъ многихъ племенъ.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ ВЪ ИСТОРІИ ПОКЛОНЕНІЯ ЗЕВСУ ВЪ ГРЕЦІИ. ВРЕМЯ ГЕРОЕВЪ.

Критскій Зевсъ.

Критъ, по своему положенію въ углу Средиземнаго Моря между тремя частями свѣта и по своему пространству и очертанію, былъ особенно способенъ пріобрѣсти въ началѣ историческаго времени очень большое значеніе. Аристотель указываетъ на выгоды его положенія и говоритъ, что этотъ островъ какъ будто созданъ для гелленскаго владычества. Polit. II, 10. Находясь близко къ Греціи и Малой Азіи, онъ какъ бы самой природой назначенъ служить перепутьемъ оттуда въ Сирію и Египетъ. Поэтому во времена глубокой древности, когда столкновенія народовъ по своей рѣдкости уже были такъ важны

Digitized by Google

и давали особенное значеніе землямъ, гдѣ происходили, Критъ возвысился бы легко надъ сосѣдними странами и безъ богатыхъ рудниковъ, которые на немъ находились; но ихъ открытіе еще болѣе увеличило стеченіе къ нему со всѣхъ сторонъ дѣятельныхъ и возбужденныхъ людей и племенъ. Уже Гомеръ знаетъ о его процвѣтаніи; онъ его называетъ прекраснымъ и тучнымъ островомъ съ сотнею городовъ и упоминаетъ о господствовавшемъ тамъ смѣшеніи языковъ [1]).

Между многочисленными племенами, издревле поселившимися на островѣ Критѣ, упоминаются и Пеласги, см. Diodor. Sic. V, 80. Dionys. Hal. 1, 18. Strab. X, p. 729. Höckh Kreta I, 147 ff. Павзаній (VIII, 53) упоминаетъ о мѣстномъ тегейскомъ сказаніи, что сыновья Тегеата, Кидонъ, Катрей и Гортисъ, отправились въ Критъ и основали города Кидонію, Катрею, и Гортину. Это извѣстіе, наименѣе вѣроятное относительно Кидоніи и наиболѣе относительно Гортины, указываетъ ежели и не на дѣйствительную колонизацію Крита изъ аркадской Тегеи, то по крайней мѣрѣ на господствовавшее мнѣніе о сродствѣ Тегеи съ

---

[1]) Одисс. XIX, 172—177.

Κρήτη τις γαῖ' ἐστι μεσῷ ἐνὶ οἴνοπι πόντῳ
Καλὴ καὶ πίειρα, περίῤῥυτος. ἐν δ' ἄνθρωποι
Πολλοί, ἀπειρέσιοι, καὶ ἐννήκοντα πολῆες,
Ἄλλη δ' ἄλλων γλῶσσα μεμιγμένη. Ἐν μὲν Ἀχαιοί,
Ἐν δ' Ἐτεόκρητες μεγαλήτορες, ἐν δὲ Κύδωνες
Δωριέες τε τριχάϊκες δῖοί τε Πελασγοί.

Odyss. XIX, 172—177. *Ἑκατόμπολις* называется Критъ въ каталогѣ кораблей Il. II, 649. О діалектическихъ отличіяхъ кидонскаго языка см. Höckh Kreta I p. 146 и II, p. 5 n. f. ср. Müller Dorier II, p. 506 2-te Ausg. (530 1-te A). Для насъ очень замѣчательна та особенность этого діалекта, что въ немъ *λ* иногда переходитъ въ полугласное *υ*, какъ у Словаковъ твердое *л*: *αὖσος, αὖμα* вм. *ἄλσος, ἅλμα*; *θεύγεσθαι, εὐθεῖν* вм. *θέλγεσθαι, ἐλθεῖν*.

Digitized by Google

поименованными городами этого острова. На это сродство есть и другія указанія. Такъ мы находимъ въ Аркадіи недалеко отъ Ликейской-горы (нѣсколько на сѣверъ) городъ Гортисъ, отъ котораго Платонъ (Leg. IV, 3), производитъ критскую Гортину, также какъ Павзаній производитъ ее отъ Тегеи. Изъ другихъ источниковъ мы узнаёмъ, что критская Гортина называлась также Лариссой (Stephan. Byz. s. v. *Γόρτυν*), а извѣстно, что гдѣ это имя Лариссы встрѣчается, вездѣ находятся слѣды Пеласговъ (о другихъ указаніяхъ на сродство см. ниже въ концѣ этого отдѣла).

Это пеласгическое народонаселеніе, котораго одна часть зашла, можетъ быть, на Критъ еще до его вѣроятнаго отторженія отъ материка Малой Азіи, носило въ себѣ сѣмена гелленизма и тѣхъ новыхъ боговъ, которыхъ постепенное происхожденіе мы до сихъ поръ прослѣдили. Съ этѣми задатками оно пришло здѣсь въ соприкосновеніе съ разными племенами ему чуждыми и получило еще кромѣ того новое возбужденіе отъ открытія металловъ и особенно мѣди, давшей возможность мѣдному поколѣнію сражаться оружіемъ болѣе страшнымъ, нежели прежніе камни и дубины. Все это должно было оставить сильныя впечатлѣнія въ душѣ критскихъ Пеласговъ и сдѣлать ихъ способными къ болѣе быстрому развитію своихъ силъ, нежели какое было возможно въ собственной Греціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ произвести, по крайней мѣрѣ на время, нѣкоторую запутанность въ ихъ понятіяхъ. Мы уже имѣли случай говорить выше объ этой запутанности, тамъ, гдѣ для объясненія Титаномахіи мы старались показать въ миѳахъ переходъ отъ Гезіодовскаго мѣднаго поколѣнія къ героическому. Мы видѣли, что критскій миѳъ глубокомысленно изобразилъ это душевное состояніе въ вымышленномъ кносскомъ лабиринѳѣ, и имѣли случай сдѣлать нѣсколько замѣчаній о значеніи быка или быкообразнаго человѣка во всемъ кругѣ этѣхъ сказаній (см. выше стр. 64—72).

Digitized by Google

Теперь слѣдуетъ прибавить, что подъ этѣмъ животнымъ, прельстившимъ Миноса и Пасифаю, принесшимъ Криту такую ужасную бѣду, какъ Минотавръ, и, повидимому, такъ противнымъ олимпійскимъ богамъ, нѣкоторые критскіе миѳы разумѣютъ—horribile dictu—самого Зевса. Такое смѣшеніе понятно только въ Критѣ, островѣ лабиринѳа, и рѣзко характеризуетъ критскую миѳологію.

Всѣмъ извѣстенъ прекрасный, хотя и чувственный, миѳъ о любви Зевса къ Европѣ, разсказанный Мосхомъ въ 1-й Идилліи и Овидіемъ въ Метаморфозахъ II, 833. Зевсъ, полюбивъ Финикіянку Европу, принимаетъ образъ прекраснаго, снѣжно-бѣлаго быка, вмѣшивается въ стадо, пасущееся на берегу, гдѣ гуляетъ Европа, и прельщаетъ ее своей красотою и кротостью до того, что финикійская дѣва послѣ долгаго ласканія наконецъ садится къ нему на спину. Какъ скоро она сѣла, Зевсъ-быкъ бросается изъ стада, пускается въ море и приноситъ Европу въ Критъ. Тамъ онъ всплываетъ съ ней по рѣкѣ Леѳейской до города Гортины и, въ его окрестностяхъ, сложивъ ее съ себя подъ платаномъ, отличавшимся неопадавшими листьями, производитъ съ ней Миноса, Радаманѳа и Сарпедона.

У Гомера, въ знаменитомъ мѣстѣ *о Зевсѣ и Герѣ на горѣ Идѣ*, Зевсъ вспоминаетъ о своей любви къ Европѣ, называя ее дочерью далеко-славнаго царя Феникса (Финика по итацизму), родившею ему Миноса и божественнаго героя Радаманѳа, Il. XIV, 316. О быкѣ въ этомъ мѣстѣ Гомера не упоминается, но Гезіодъ уже зналъ о превращеніи (Schol. ad Hom. Il. XII, 397), и монеты Гортины особенно часто изображаютъ быка, уносящаго Европу: см. Mionnet T. II. p. 278 sqq.

Въ мѣстномъ поклоненіи отъ вѣры въ этотъ миѳъ остался праздникъ Геллотій, о которомъ Гезихій (I, p. 1182) говоритъ: *Ἑλλώτια ἑορτὴ Εὐρώπης ἐν Κρήτῃ*. За-

Digitized by Google

мѣчательно имя этого праздника, указывающее въ пеласгическомъ городѣ на Гелленовъ, и тѣмъ напоминающее Гелловъ или Селловъ, жрецевъ додонскаго также пеласгическаго Зевса. Европа сама также называлась Геллотіей или Геллотидой, и во время Геллотій ея кости, какъ увѣряла молва, были носимы въ торжественной процессіи въ огромномъ миртовомъ вѣнкѣ, имѣвшемъ 20 локтей въ окружности [1]). Этотъ вѣнокъ также звали Геллотидой. См. Селевка у Аѳенея XV, 22. Что этотъ праздникъ Геллотій дѣйствительно имѣетъ связь съ гелленизмомъ, можно заключить изъ того, что они праздновались и въ Коринѳѣ въ честь Аѳины. См. Schol. Pind. Ol. B.

Быкообразный Зевсъ, полюбившій Финикіянку Европу и принесшій ее на себѣ въ пеласгическую Гортину, есть богъ зооморфическій, подобный Аммону-барану [2]). Онъ принялъ въ себя животный элементъ, чуждый и древнимъ Пеласгамъ и позднѣйшимъ Гелленамъ и надѣлавшій много зла на островѣ Критѣ, но потомъ поведшій однакожь къ человѣкообразности боговъ. Въ этомъ отношеніи животнообразность стоитъ въ срединѣ между древней неопредѣленностью и истинно-гелленскимъ анѳропоморфизмомъ и служитъ переходомъ отъ первой къ послѣднему. Поэтому Зевсъ могъ принять ее въ своемъ временномъ явленіи. Но съ другой стороны она такъ противна и тому, къ чему были привычны издревле Пеласги, и тому, къ чему потомъ привыкли Геллены, что естественно было миѳу изображать допущеніе ея, какъ преступленіе со стороны Миноса. Во всякомъ случаѣ, кажется, не-

---

[1]) Критъ особенно изобилуетъ миртовыми лѣсами. См. Savari Lettres sur la Grèce n. 34.

[2]) Близокъ къ критскому быкообразному Зевсу извѣстный Зевсъ-жукъ (Скарабей), къ которому относится воззваніе Памфа: »Зевсъ превосходнѣйшій, величайшій, завернутый въ калѣ овецъ, лошадей и муловъ«; но въ Греціи не находится слѣдовъ поклоненія ему.

Digitized by Google

сомнѣнно, что она явилась въ Критѣ подъ вліяніемъ восточныхъ религій. Это видно уже изъ того, что Европа всѣми согласно считается за Финиціянку; это же подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ Лукіана de dea Syria c. 4: »Въ Финикіи находится еще другой большой храмъ, которымъ владѣютъ Сидонцы и говорятъ, что онъ храмъ Астарты. Астарту я считаю за Селену (луну); но, какъ мнѣ сказывалъ одинъ жрецъ, это былъ храмъ Европы, сестры Кадма и дочери Агенора. Послѣ того какъ она скрылась, Финиціяне чтили ее храмомъ и повѣствовали о ней священное сказаніе, что такъ какъ она была очень хороша собой, то Зевсъ ее полюбилъ, похитилъ, принявъ образъ быка, и унесъ въ Критъ. Это я, правда, слышалъ и отъ другихъ Финикіянъ, и монеты, которыя ходятъ у Сидонцевъ, изображаютъ Европу, сидящую на быкѣ-Зевсѣ; но что тотъ храмъ есть храмъ Европы, съ этѣмъ согласны не всѣ [1].«

По принятію въ себя чужеземныхъ элементовъ можно поставить наряду съ Зевсомъ, любящимъ Европу, Зевса Талейскаго, *Ζεύς Ταλαῖος*. О Талосѣ, мѣдномъ исполинѣ, три раза каждый день обходившемъ весь островъ и прижимавшемъ къ своей груди чужеземцевъ, уже было упомянуто выше. Ежели вѣрить свидѣтельству Гесихія II, p. 1343 Albert *Τάλως ὁ ἥλιος*, то онъ имѣлъ солнечное значеніе, хотя съ другой стороны его тождество съ Молохомъ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію и допускается Крейцеромъ въ Символикѣ I, 37 ff. 3-te Ausg. Какъ Европа привозится изъ Финикіи, такъ и онъ, безъ всякаго сомнѣнія, принесенъ въ Критъ съ востока, но какъ та заставила гортинскаго Зевса обратиться въ быка, такъ и Талосъ имѣлъ вліяніе на религіозныя понятія критскихъ Грековъ, и подъ этѣмъ вліяніемъ образовалось

---

[1]) Вообще о миѳѣ Европы см. Hœckh. Kreta I, 83—109. Bœttiger Ideen zur Kunstmythologie I, 299—332.

Digitized by Google

смѣшеніе представленій о Зевсѣ и Талосѣ, приведшее къ поклоненію Талейскому Зевсу. Притомъ замѣчательно, что это смѣшеніе Талоса съ Зевсомъ, какъ кажется, повело къ смягченію понятій объ этомъ существѣ, и первоначальное сказаніе о страшномъ Талосѣ, ясно указывавшее на принесеніе въ жертву людей, приняло новую форму, состоящую въ томъ, что будто бы Талосъ трижды въ годъ обходилъ селенія острова, охраняя въ нихъ законы, носимые имъ на мѣдныхъ доскахъ (отъ чего онъ и назывался мѣднымъ человѣкомъ). Эта новая форма миѳа о Талосѣ сообщается въ Миносѣ, приписываемомъ Платону, p. 320, и ея подлинность, опровергаемая Бёкомъ in Platonis Minoem p. 21, съ достаточной вѣроятностью доказывается Крейцеромъ l. l., который вообще разсуждаетъ подробно и о Талосѣ и о Зевсѣ Талейскомъ. Крейцеръ же указываетъ въ подтвержденіе мягкаго характера Талоса на отождествленіе его съ Зевсомъ, на тѣлесныя состязанія, совершавшіяся въ честь ему, и на позднѣйшее употребленіе миѳа о Талосѣ сюжетомъ пантомимныхъ плясокъ.

Но, какъ сказано, запутанность и темнота представленій о Зевсѣ со временемъ прояснились, и на островѣ Критѣ положено начало анѳропоморфическому поклоненію Зевсу и пластическому его изображенію въ идолахъ школы Дедала. Средоточіемъ этого новаго поклоненія былъ городъ Кноссъ, лежавшій близь сѣверныхъ отлогостей горы Иды, недалеко отъ моря, и считавшійся столицей Миноса. Онъ упоминается съ особеннымъ уваженіемъ въ Одиссеѣ (XIX, 175), какъ большой городъ, въ которомъ царствовалъ Миносъ, »въ девятилѣтніе періоды собесѣдникъ великаго Зевса.«

Τῆσι δ' ἐνὶ Κνωσὸς, μεγάλη πόλις, ἔνθα τε Μίνως
Ἐννέωρος βασίλευε Διὸς μεγάλου ὀαρίστης.

Кноссъ былъ построенъ Куретами, т. е. племенемъ, особенно поклонявшимся Зевсу, и нетолько заключалъ въ

Digitized by Google

своихъ окрестностяхъ знаменитый храмъ Зевса, но и славился пещерой, гдѣ Зевсъ родился, и гробницей, гдѣ онъ былъ погребенъ, находившимися также отъ него неподалеку. Онъ былъ первымъ городомъ острова, и по процвѣтанію и по обширности, и имѣлъ въ историческое время 30 стадій (около 5 верстъ) въ окружности.

Кноссъ лежалъ, можно сказать, въ серединѣ между отлогостями горъ Дикты и Иды, которыя обѣ были посвящены Зевсу и играютъ важную роль въ его миѳологіи. Дикта считается Гезіодомъ за мѣсторожденіе Зевса, Theog. 477—484. »Во время быстрой черной ночи беременная Рея пришла въ Ликтосъ, по совѣту исполинской земли, и, взявъ руками новорожденнаго Зевса, скрыла въ обрывистой пещерѣ на Эгейской-горѣ, покрытой густымъ лѣсомъ.« Имя Ликтосъ (города на Диктѣ) въ этомъ сказаніи напоминаетъ ликейскаго волка, а названіе Эгейской-горы указываетъ на козу, которой значеніе мы увидимъ ниже. (Другія рукописи читаютъ: *Ἀργείῳ ἐν ὄρει*, варіантъ, отвергнутый Вольфомъ и Гёттлингомъ; впрочемъ см. Heeckh Kreta, 1 p. 174. n. e.). Эпитетъ »диктейскій« принадлежитъ къ самымъ знаменитымъ эпитетамъ Зевса; Каллимахъ въ своемъ гимнѣ колеблется сначала, какого Зевса ему пѣть, диктейскаго или ликейскаго. Въ диктейской пещерѣ Зевсъ родился и по Аполлодору I, 1, 6, и съ тѣмъ же согласенъ Diodor. Sic. V, 70 и другіе.

На горѣ Идѣ, на ея сѣверной отлогости, обращенной къ Кноссу, была также священная пещера Зевса, извѣстная подъ именемъ Идейской-пещеры, *Ἰδαῖον ἄντρον*. Съ нею связаны сказанія болѣе о воспитаніи Зевса, нежели о его рожденіи. Въ древнѣйшей своей формѣ они вѣроятно повѣствовали, какъ Зевсовыми кормилицами были пчела и коза (Virg. G. IV, 149 Eratosth. Catast. c. 13 и Winckelmann Mon. ined. n. 12. 13. Mus. Cap. IV, 1. 7). Участіе этѣхъ животныхъ отчасти объясняется мѣстностью. Гёкъ приводитъ (1 p. 179) повѣствованіе Антенора изъ

Digitized by Google

Эліана (hist. anim. XVIII, c. 36), что жители критскаго Равка были однажды попущеніемъ боговъ выгнаны изъ своего города мѣдновидными (χαλκοειδεῖς) пчелами, изъ чего можно заключить, что и въ другихъ мѣстахъ Крита подобное явленіе мѣдновидныхъ пчелъ могло сильно поразить воображеніе жителей. Въ Зевсовой пещерѣ на горѣ Идѣ летали также постоянно пчелы. Все это достаточно указываетъ на чисто мѣстную, какъ видно, причину сближенія пчелы съ воспитаніемъ Зевса. Труднѣе объяснить отношеніе козы къ этому событію, потому что она не только была перенесена древними на небесную твердь, и въ этомъ качествѣ созвѣздія, по ихъ мнѣнію, управляла съ неба бурями (см. Буттманна у Иделера, Untersuchungen über den Ursprung und die Bedeutung der Sternennamen p. 309), но и дала Зевсу эпитетъ αἰγίοχος, связанный съ страшнымъ орудіемъ, которымъ онъ по временамъ встряхиваетъ на небѣ и тѣмъ производитъ бурю, именно съ эгидой, αἰγίς. Эгида впрочемъ, по Гесихію, значитъ ὀξεῖα πνοή, и, такъ какъ это объясненіе напоминаетъ значеніе однозвучнаго глагола αἴσσω, стремлюсь, то можетъ казаться, что наивное эпическое міросозерцаніе соединило въ греческомъ языкѣ горную козу съ горными бурями и горнымъ Зевсомъ, и что это сближеніе было причиною введенія козы въ миѳъ о воспитаніи Зевса.

Пчела и коза кормили Зевса младенца медомъ и молокомъ. Это было первоначальное сказаніе, которое потомъ, когда анѳропоморфизмъ распространился всюду, было преобразовано въ позднѣйшее сказаніе о Нимфахъ, Мелиссѣ и Амалѳеѣ, дочеряхъ медоваго человѣка Мелиссея, см. Lactant. I, 22. Этотъ медовой человѣкъ былъ царемъ въ Критѣ и первый ввелъ на островѣ новые обряды и торжественныя священнодѣйствія. Такъ свидѣтельствовалъ Дидимъ въ книгахъ Πινδαρικῆς ἐξηγήσεως, приводимыхъ Лактанціемъ l. l. Причину участія Мелиссея и его дочери

Digitized by Google

Мелиссы при водвореніи служенія Зевсу указать съ достовѣрностью трудно. Мелиссами, пчелами, назывались жрецы великой матери боговъ, подобно тому какъ главный жрецъ эфесской Артемиды звался пчелиной маткой, ἐσσήν. Поэтому довольно правдоподобно предположеніе Гёка, I, p. 188, что въ основаніи этого поздняго сказанія о нимфѣ Мелиссѣ, лежитъ мнѣніе о происхожденіи поклоненія критскому Зевсу подъ вліяніемъ жрецовъ великой богини (Кибелы). Хотя съ другой стороны и Мелиссей и Мелисса могутъ прямо относиться къ пчеламъ Зевсовыхъ гроттовъ, и это объясненіе даже, кажется, вѣроятнѣе. Значеніе имени другой нимфы »Амалѳея« совершенно темно: мы только знаемъ, что имъ звалась и коза и нимфа. Оно сохранилось еще въ Амалѳеевомъ рогѣ, κέρας Ἀμαλθείας, который служилъ въ первоначальномъ сказаніи орудіемъ для питья Зевсу, а потомъ считался за одно съ извѣстнымъ рогомъ изобилія, cornu copiae. Коза разъ отшибла у себя рогъ объ дерево, а нимфа, нашедшая его, обернула зеленью, наполнила плодами и принесла Зевсу, который въ благодарность далъ ему мѣсто между небесными созвѣздіями. Ovid. Fast. V, 121 sqq.

У Аполлодора I, 1, 6 мы находимъ другія два имени нимфъ, кормившихъ Зевса. У него онѣ — Адрастея и Ида, дочери также медоваго человѣка Мелиссея. Первая упоминается и Каллимахомъ l. l. Ида очевидно нимфа горы Иды; ея имя уже встрѣчено нами на тегейскомъ жертвенникѣ Аѳины. Адрастея по имени значитъ »*неизбѣжная*« (отъ διδράσκω), эпитетъ Немесиды, которой участіе очень прилично въ воспитаніи высочайшаго бога. Важное мѣсто для объясненія ея значенія и мѣстныхъ отношеній находится у Стефана Византійскаго s. v. Ἀδράστεια. Изъ него мы узнаёмъ, что Адрастеей назывался одинъ городъ между Пріапомъ и Паріономъ въ Пропонтидѣ по царю Адрасту, первому основателю храма Не-

Digitized by Google

месиды, а равно и одно мѣсто въ Троадѣ—по Адрастѣ, дочери Мелисса (опять — Мелиссъ), царствовавшей въ Троѣ. У Схоліаста къ Аполлонію Родосскому I, 1129 сохранился кромѣ того отрывокъ изъ эпоса »Форонисъ,« называющій Идейскихъ Дактиловъ (пять пальцевъ искусниковъ) искусными служителями живущей въ горахъ Адрастеи. Изъ этѣхъ мѣстъ видно, что нимфа Адрастея, кормившая Зевса по Каллимаху и Аполлодору, родственна по значенію Немесидѣ и стояла въ особенныхъ мѣстныхъ отношеніяхъ къ окрестностямъ троадской Иды. Вотъ, кажется, все, что можно сказать о ней съ достовѣрностью.

Вмѣстѣ съ нимфами и еще болѣе, нежели онѣ, принимали участіе въ возрастаніи Зевса Куреты, охранявшіе Зевса въ пещерѣ и заглушавшіе стукомъ своего оружія его крики, чтобы ихъ не слыхалъ Кроносъ. Миѳъ о Куретахъ, пляшущихъ около младенца Зевса, стоитъ въ тѣсной связи съ военными плясками, совершавшимися въ Критѣ при служеніи Зевсу. Главное мѣсто о всемъ этомъ находится у Страбона X, 3. Мы его выпишемъ: »У всѣхъ Гелленовъ, говоритъ Страбонъ, поклоненіе Діонису, Аполлону, Гекатѣ, Музамъ, Деметрѣ и Зевсу соединено съ оргіастическими, бакхическими, хорическими и мистическими обрядами, при чемъ каждому изъ этѣхъ боговъ приписываются свои спутники, *πρόπολοι*: Діонису—Силены, Сатиры, Бакханки, Лены, Ѳіи, Мималлоны, Нанды, Нимфы и Титиры; Музамъ—всѣ образованные и въ особенности музыканты; Аполлону—кромѣ нихъ еще предвѣщатели. Въ Критѣ кромѣ того совершались и Зевсовы священнослуженія съ оргіазмомъ и съ спутниками, подобными Діонисовымъ Сатирамъ. Этѣхъ юношей, исполняющихъ воинскія движенія съ пляской, Критяне называли Куретами, прибавивши миѳъ о рожденіи Зевса, въ которомъ выводятъ Кроноса привыкшимъ проглатывать дѣтей тотчасъ по рожденіи и Рею старающуюся скрыть роды и спасти ребенка и взявшую для того на помощь

Digitized by Google

Куретовъ, которые, съ звуками тимпановъ и другихъ подобныхъ орудій, съ пляскою во всеоружіи и съ шумомъ окружая богиню, обманули Кроноса и скрыли ребенка.«

Этѣ Куреты, участвовавшіе въ служеніи Зевсу и давшіе по Страбону поводъ къ прибавленію миѳа о Куретахъ, пляшущихъ около младенца Зевса, по мнѣнію Страбона и писателей, на которыхъ онъ ссылается, очень близки »къ Корибантамъ, Кабирамъ, Идейскимъ Дактиламъ и Тельхинамъ и вообще ко всѣмъ лицамъ (τινάς) энтузіастическимъ и бакхическимъ и въ воинскомъ движеніи съ звуками кимваловъ, тимпановъ, оружія и флейты, съ шумомъ и криками изумляющимъ народъ при священнодѣйствіяхъ.« »Всѣ они соединяются въ одно и въ повѣствованіи о нихъ есть нѣчто ѳеологическое (ϑεολογία). Потому что и у Гелленовъ и у варваровъ принято, чтобы священнодѣйствія совершались въ праздничномъ восторгѣ, одни съ энтузіасмомъ, другія безъ него, тѣ съ музыкой, этѣ безъ музыки, нѣкоторыя таинственно, другія открыто, и этому научаетъ сама природа. Восторгъ отводитъ разумъ отъ человѣческихъ заботъ и обращаетъ истинный разумъ къ божественному; энтузіасмъ же заключаетъ въ себѣ, какъ кажется, какое-то божественное вдохновеніе и приближается къ пророческому состоянію, а мистическая таинственность богослуженія увеличиваетъ уваженіе къ божественному, соотвѣтствуя его природѣ, ускользающей отъ нашихъ чувствъ; наконецъ музыка, находящаяся въ связи съ пляской, тактомъ и мелодіей, наслажденіемъ, которое доставляетъ, и своей художественностью соединяетъ съ божествомъ. Хорошо сказано и то, что люди тогда наиболѣе подражаютъ богамъ, когда благодѣтельствуютъ, но еще лучше бы сказалъ кто нибудь: когда счастливы, а счастіе состоитъ въ томъ, чтобы радоваться, праздновать, философствовать и любить музыку.«

Я нарочно привелъ это мѣсто, чтобы истинный ха-

Digitized by Google

рактеръ гелленскихъ восторженныхъ священнодѣйствій представился читателю въ яркихъ чертахъ. Но въ критскомъ служеніи Зевсу онъ появился въ первый разъ въ Греціи и притомъ подъ вліяніемъ чужеземныхъ восторженныхъ обрядовъ. Поэтому въ Критѣ еще не находимъ гелленскихъ празднествъ во всей ихъ чистотѣ.

На этомъ островѣ, какъ уже было замѣчено, Греки имѣли случай познакомиться съ фригійскимъ поклоненіемъ Кибелѣ, великой матери боговъ, и Аттису, въ праздникахъ котораго вѣроятно торжествовалось воскресеніе природы весною и оплакивалась ея смерть осенью подъ образомъ рожденія и смерти этого бога. Они видѣли, какъ Галлы и Корибанты, жрецы Кибелы и Аттиса, совершали свои буйные, оргіастическіе обряды, какъ они, изступленные, во время своего священнодѣйственнаго бѣснованія, предавались самому опьянѣлому разгулу священной ярости, furoris sacri, страшно вопя и искажая себѣ лице и тѣло, при рѣзкихъ звукахъ музыки и въ бѣшеныхъ пляскахъ.

Знакомство съ этѣми фригійскими обрядами доставило критскимъ Грекамъ *одинъ* элементъ для обрядовъ новообразовавшагося ликующаго поклоненія ихъ великому новорожденному богу; другимъ элементомъ послужило, появившееся, какъ видно, около того же времени, употребленіе мѣди для оружія и другихъ вещей, давшее большое значеніе пяти идейскимъ пальцамъ (дактиламъ), умѣвшимъ обработывать этотъ металлъ [1]) и упоминаемымъ какъ на троадской, такъ и на критской Идѣ. Мѣдное вооруженіе, какъ остроумно замѣчаетъ Бёттигеръ Kunstmythologie II, p. 1 ff., должно было сдѣлать такой же

---

[1]) Имена этѣхъ Идейскихъ Дактиловъ, сохраненныя въ отрывкѣ изъ эпоса »Форонисъ« у Схол. Аполл. Pod. I, 1129: *Κέλμις, Δαμνομενεύς τε μέγας καὶ ὑπέρβιος Ἄκμων*, указываютъ ясно на кузнечное дѣло.

Digitized by Google

переворотъ въ образѣ веденія войны, какъ потомъ изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія. Люди, вооруженные одними дубинами, должны были съ такимъ же страхомъ смотрѣть на вооруженныхъ мѣдью, съ какимъ туземные Американцы смотрѣли на Испанцевъ или Сибиряки на Русскихъ, ихъ покорявшихъ безъ большаго сопротивленія.

Куреты по Страбону были юноши, служившіе Зевсу своими воинскими движеніями и пляской. Въ обрядахъ, которые ими совершались, можно ясно различить два указанные нами элемента. Фригійскій элементъ изступленнаго поклоненія виденъ въ употребленіи кимваловъ, тимпановъ и флейты и въ свидѣтельствѣ эпоса »Форописъ,« что Куреты были Фригійцы, подтверждаемомъ критскимъ повѣрьемъ, что Куреты, воспитатели и охранители Зевса, были присланы Реей въ Критъ изъ Фригіи (Strabo X, 3, p. 723). Но надобно утверждать, что преобладающій элементъ въ характерѣ Куретовъ былъ воинственный и преимущественно мѣдноружный. По этому они называются *χαλκόκροτοι* и на памятникахъ образовательныхъ художествъ всегда являются вооруженными, а пляска, которую они пляшутъ, называется *πρύλις*, а послѣ *πυρρίχη*, т. е. военная пляска. Съ воинственнымъ характеромъ согласно и ихъ имя, потому что очевидно тождество словъ *Κουρῆτες*, Куреты, и *Κούρητες*, молодцы [1]).

Эта сторона характера Куретовъ показываетъ, какое огромное различіе было между ними и изступленными жрецами-скопцами нѣкоторыхъ азіатскихъ божествъ. Радость Куретовъ о рожденіи Зевса была бодрая, молоде-

---

[1]) Послѣднее употребляется у Гомера:

Κρινάμενος Κούρητας ἀριστῆος Παναχαιῶν

и въ другомъ мѣстѣ:

Δῶρα φέρον Κούρητες Ἀχαιοί.

Страбонъ опредѣлительно говоритъ, что Куреты были юноши, *νέοι*.

Digitized by Google

ческая радость; они были юноши, полные силы, и ежели они и приходили въ изступленный восторгъ при мысли о Зевсѣ, то въ ихъ изступленности преобладало веселье. Поэтому нетолько всѣ жители Крита назывались по нимъ пляшущимъ народомъ, но и Зевсъ въ киклической Титаномахіи выводился самъ пляшущимъ, чего конечно никто никогда не говорилъ ни о Фригійской великой Матери, ни объ Аттисѣ. См. Athen. I, 40 и XIV, 28.

Рожденіе и воспитаніе Зевса и его охраненіе радостными и воинственными плясками Куретовъ составляли главное содержаніе служенія Зевсу на Критѣ. Ipsius Iovis Cretici sacra quid aliud quam quomodo sit aut subtractus patri, aut nutritus ostendunt, говоритъ Лактанцій inst. div. I, 21. Этѣ событія представлялись народу мимически и потому имѣли видъ мистерій, но отличались отъ нихъ публичностью. Діодоръ Сицилійскій, V, 77, говоритъ, что въ критскомъ Кноссѣ издревле установлено, чтобы этѣ посвященія были сообщаемы всѣмъ открыто и чтобы то, что у другихъ передается таинственно, у нихъ никто не скрывалъ отъ желающихъ узнать. Имена Куретовъ, сообщаемыя Нонномъ (Dionys. XIII, 143), указываютъ на этѣ обряды. По Нонну, Куретовъ шесть, и ихъ имена слѣдующія: Prymneus, Damneus, Mimas, Sakespalos, Idaeos, Melisseus. Два послѣднихъ очевидно взяты изъ сказаній о рожденіи Зевса и тождественны съ нимфами Идой и Мелиссой или ихъ отцемъ Мелиссеемъ; Сакеспалъ относится къ ношенію щита, а Мимасъ къ мимическимъ представленіямъ событій, относящихся къ рожденію Зевса. Дамневсъ напоминаетъ Дактила Дамнаменея; Примневсъ есть кормчій и означаетъ вѣроятно главнаго Курета, — распорядителя. Вѣроятно впрочемъ, что показывавшихъ народу священныи вещи (*φαινόμενα*) и представлявшихъ священныя событія (*δρόμενα*) было болѣе нежели шесть человѣкъ. — О самыхъ представленіяхъ мы не знаемъ ничего подробнаго; ибо извѣстія ограничиваются общимъ обозначеніемъ

Digitized by Google

ихъ содержанія, какъ въ приведенномъ мѣстѣ Лактанція. Между вещами, показывавшимися, какъ свидѣтельствуетъ Климентъ Александрійскій Protr. p. 12, были Зевсовы пеленки, σπάργανα, и мячь, σφαῖρα, которымъ Зевсъ игралъ, и который потомъ часто давался художниками въ руку Зевсу, какъ указаніе на владычество міромъ, и римскимъ императорамъ, какъ указаніе на владычество orbis terrarum. Объ обрядахъ посвященій мы узнаёмъ отъ Порфирія въ жизни Пиѳагора с. 17 по поводу разсказа о посвященіи этого философа въ критскія таинства. »Прибывъ въ Критъ, Пиѳагоръ отправился къ посвященнымъ Морга, одного изъ Идейскихъ Дактиловъ (τοῖς Μόργου μύσταις προσῄει ἑνός τῶν Ἰδαίων Δακτύλων), и былъ ими очищенъ съ помощію громоваго камня (κεραυνίᾳ λίθῳ); утромъ онъ лежалъ ничкомъ на морскомъ берегу, а ночью на рѣчномъ, имѣя на головѣ повязки изъ шерсти чернаго барана; въ такъ называемую Идейскую-пещеру онъ сходилъ завернутый въ черныя овчины, провелъ тамъ установленные трижды девять дней, совершилъ по Зевсѣ жертвоприношеніе (καθήγισε τῷ Διΐ) и видѣлъ сѣдалище, которое ему ежегодно стелется (τὸν στορνύμενον αὐτῷ κατ' ἔτος θρόνον).«

Идейская-пещера, здѣсь упоминаемая, находилась у подошвы горы Иды недалеко отъ Кносса; дорога къ ней, съ ея кипарисами и лужайками, описывается у Платона въ первой главѣ первой книги Законовъ (см. переводъ В. И. Оболенскаго стр. 3.). Эту пещеру, Ἰδαῖον ἄντρον, считали средоточіемъ критскаго поклоненія Зевсу и потому устроивали вездѣ, гдѣ допускали подражаніе критскимъ обрядамъ или повтореніе критскихъ миѳовъ, напр. въ Элидѣ (можетъ быть и мѣсто Κρητέα упоминаемое Павзаніемъ XIII, 38. на Ликейской-горѣ въ Аркадіи было также пещера). Изъ »большаго словаря« мы узнаёмъ, что въ Критѣ она называлась ἀρκέσιον, (вѣроятно мѣсто помощи). Ѳеофрастъ разсказываетъ, что при

Digitized by Google

ея входѣ стоялъ одинъ изъ критскихъ плодовитыхъ черныхъ тополей, и что на него вѣшались приношенія. Theophr. Hist. Plant. III, 5.

Очищенія и обряды, о которыхъ Порфирій упоминаетъ, кажется, противорѣчатъ публичности священнодѣйствій, о которой свидѣтельствуетъ Діодоръ l. l. Поэтому Гёкъ предполагалъ, что публичность имѣла мѣсто только въ самыя древнія времена (въ такъ называемую имъ до-миносовскую эпоху) и что потомъ, подъ вліяніемъ распространившихся по Греціи мистерій, и поклоненіе Зевсу приняло мистическій характеръ. Этѣмъ Гёкъ старался согласить кажущееся противорѣчіе извѣстій Порфирія и Діодора. Но это противорѣчіе, можетъ быть, вовсе не такъ велико. Публичное богослуженіе, очень могло быть соединено съ трудными и продолжительными очищеніями, и кромѣ того обряды, изображавшіе рожденіе и охраненіе Зевса, могли оставаться публичными при существованіи рядомъ съ ними другихъ мистерій, въ которыхъ даже могли принимать участіе жрецы Зевса.

Островъ Критъ, какъ уже нѣсколько разъ было замѣчено, отличается смѣшеніемъ религіозныхъ понятій. Мы видѣли, что тамъ Зевсъ принялъ видъ быка, который въ другихъ миѳахъ, на томъ же островѣ возникшихъ, изображается противнымъ Зевсу. Мы привели также свидѣтельства, показывающія, что поклоненіе фригійской великой богинѣ имѣло большое вліяніе на служеніе Зевсу. Теперь, по поводу объясненія мѣста Порфиріева, слѣдуетъ упомянуть о самомъ странномъ плодѣ смѣшенія религіозныхъ понятій на островѣ Критѣ. У Порфирія упоминается, что Пиѳагоръ въ Идейской-пещерѣ принесъ по Зевсѣ жертвоприношеніе, *καθήγιϛε τῷ Διΐ*. Это относится къ критскому сказанію о смерти Зевса. Это сказаніе было вѣроятно перенесено въ кругъ Зевсовой миѳологіи изъ миѳовъ объ Аттисѣ, которые были выше упомянуты (стр. 148). Оно такъ противно гелленской ре-

Digitized by Google

лигіи, что заставило Каллимаха съ негодованіемъ воскликнуть въ гимнѣ къ Зевсу (ст. 8): »Критяне всегда лжецы и построили даже гробницу тебѣ, владыка; ты же не умиралъ, ибо ты вѣченъ.« Гробница Зевса, вѣроятно, находилась, или въ самой Идейской-пещерѣ, или подлѣ нея, и упоминается многими писателями. Эвгемеру она подала очень благопріятное подтвержденіе его страннаго миѳологическаго ученія. Въ позднѣйшія времена на ней даже была надпись: »Зевсъ сынъ Кроноса«, и еще другая, приписываемая Пиѳагору:

Ὧδε θανὼν κεῖται Ζᾶν, ὃν Δία κικλήσκουσι.

Потомъ эта гробница Зевса, происшедшая, какъ кажется, подъ вліяніемъ поклоненія Аттису, была приведена въ связь съ служеніемъ Діонису Загрею, которое также распространилось между критскими Греками и по общей судьбѣ критскихъ религіозныхъ обрядовъ нетолько существовало рядомъ съ служеніемъ Зевсу, но и смѣшалось съ нимъ.

Замѣчательное мѣсто объ этомъ смѣшеніи различныхъ служеній и вообще главный источникъ нашихъ познаній объ обрядахъ критскаго поклоненія въ эпоху процвѣтанія греческихъ государствъ находится у Порфирія de abstinentia IV, 19, p. 172 sq. Порфирій приводитъ тамъ слѣдующій отрывокъ изъ трагедіи Эврипида »Критяне.« Это слова хора, обращенныя къ Миносу.

»О чадо финикородной тирской Европы и великаго Зевса, царь стограднаго Крита, я пришелъ, оставивъ священные храмы, для которыхъ туземный кипарисъ, срубленный халибской сѣкирой, и крѣпко сплоченный бычачьимъ клеемъ, далъ крѣпкія стропилы. Чистую жизнь ведемъ мы, съ тѣхъ поръ какъ я сталъ посвященнымъ идейскаго Зевса, и, совершивъ обычаи Загрея, ночью блуждающаго, и пожравъ сырое мясо и поднявъ факелы горной Матери, былъ наименованъ, очищенный, вакханствующимъ Куретомъ. Нося бѣлую одежду, я избѣгаю

Digitized by Google

случая присутствовать при родахъ и прикасаться ко гробу умершихъ и воздерживаюсь отъ животныхъ яствъ.«

Привести это мѣсто, кажется, достаточно, чтобы болѣе не распространяться о смѣшеніи поклоненій разнымъ богамъ (здѣсь: Зевса, Діониса Загрея и Фригійской Матери), господствовавшемъ въ Критѣ гораздо прежде, нежели въ другихъ странахъ. Въ другихъ странахъ Греціи оно, какъ извѣстно, было современно упадку язычества. На островѣ же Критѣ гелленская религія и явилась и увяла прежде, нежели въ другихъ мѣстахъ. По этому Критъ сталъ рано прибѣжищемъ Эвгемеристовъ, а критскіе миѳы — сокровищницею для нападеній на язычество.

Это смѣшеніе, впрочемъ, не такъ велико, чтобы вовсе нельзя было опредѣлить характеръ поклоненія критскому Зевсу. Можно, кажется, съ достовѣрностью сказать, что въ критскомъ Зевсѣ, болѣе нежели въ тѣхъ явленіяхъ Зевса, которыя мы видѣли до сихъ поръ, преобладаетъ анѳропоморфизмъ и что вліяніе критскаго Зевса рѣшительнѣе направлено на водвореніе между людьми гражданственности и кроткихъ нравовъ.

Анѳропоморфизмъ критскаго Зевса виденъ ясно во всѣхъ сказаніяхъ о немъ, связанныхъ съ горами Диктой и Идой; Зевсъ былъ въ нихъ такъ человѣкообразенъ, что эвгемеризмъ нигдѣ не могъ найти себѣ столько подтвержденій, сколько въ миѳахъ о критскомъ Зевсѣ, и даже въ недавнее время человѣкъ, замѣчательный и ученостью и широкимъ соображеніемъ, знаменитый археологъ Бёттигеръ, могъ считать критскаго Зевса за царя дружины Куретовъ, покорившей островъ Критъ и установившей тамъ болѣе мягкое богопоклоненіе по устраненіи служенія Кроносу. Объясненіемъ происхожденія критскаго анѳропоморфизма служитъ указанное выше (стр. 70) обстоятельство, что пластическое искусство Грековъ ведетъ свое начало съ острова Крита.

Digitized by Google

Съ другой стороны анѳропизмъ критскаго Зевса не препятствовалъ ему являться въ безпредѣльномъ міровомъ значеніи царя неба. Это видно (хотя и тутъ есть примѣсь анѳропическаго) въ критскихъ сказаніяхъ о бракѣ его съ Герой на Кносскомъ полѣ, о такъ называемомъ ἱερὸς γάμος, праздновавшемся вѣроятно въ Герохіяхъ (праздникъ обниманія Геры [1])) и напоминающемъ космическое соединеніе Зевса съ Герой на горѣ Идѣ (выше стр. 115). Діодоръ Сицилійскій V, 72 говоритъ, что, по словамъ нѣкоторыхъ, бракосочетаніе Зевса и Геры произошло въ странѣ Кносской въ одномъ мѣстѣ неподалеку отъ рѣки Ѳерена, »гдѣ теперь есть святилище и приносятся тамошними жителями ежегодно священныя жертвы.«

Вліяніе критскаго Зевса на распространеніе гражданственности особенно видно въ его отношеніи къ Миносу, его сыну отъ Европы, царю Крита, укротившему, какъ мы видѣли, морскихъ разбойниковъ и знаменитому своимъ правосудіемъ. По преданію Миносъ каждыя 9 лѣтъ сообщался съ Зевсомъ. Это утверждаетъ Гомеръ въ Одиссеѣ XIX, 178, и тоже самое преданіе, только обстоятельнѣе, излагаетъ Валерій Максимъ 1, 2. »Minos Cretensium rex nono quoque anno in quoddam praealtum et vetusta religione consecratum specus secedere solebat, et in eo moratus, tanquam a Iove, quo se ortum ferebat, traditas sibi leges prorogabat.« Очевидно, что упоминаемая этѣмъ писателемъ, очень глубокая и освященная древнимъ поклоненіемъ, пещера есть Идейская-пещера, Ἰδαῖον ἄντρον, и что о Миносѣ ходило такое же преданіе, какъ о Нумѣ Помпиліи, посѣщавшемъ пещеру нимфы Эгеріи также для принятія отъ нея законовъ. Миносъ сходилъ въ Идейскую-пещеру по истеченіи каждыхъ 9 лѣтъ, или, вѣроят-

[1]) Это имя упоминается у Гесихія I, p. 1656 и было возстановлено Чишулемъ въ одной надписи ant. asiat. p 131, гдѣ впрочемъ послѣ того Бёкъ C. I. n. 2556. предложилъ читать Ἡρωϊκά вм. Ἡρόχια.

Digitized by Google

нѣе, каждый 9-й годъ, потому что самое обыкновенное лѣтосчисленіе у Грековъ было по восьмилѣтіямъ, ἐνναετηρίδες. Изъ этой пещеры, говорило преданіе, онъ выносилъ законы, по которымъ царствовалъ, подобно тому, какъ прежде Талосъ обходилъ островъ съ своими мѣдными досками. Поэтому же и скипетръ, которымъ Миносъ управлялъ многими городами, называется Зевсовымъ скипетромъ, см. Hesiodi fragm. CXII Gotling. Этѣмъ вообще указывается на связь монархической власти героическаго періода съ религіей Зевса. Миносова монархія можетъ считаться первымъ явленіемъ того образа правленія, который господствовалъ въ героическій періодъ во всей Греціи, и который вездѣ приводили въ зависимость отъ Зевса. Извѣстно знаменитое выраженіе Гезіода: ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες, отъ Зевса цари; Гомеръ безпрестанно зоветъ ихъ питомцами Зевса или его потомками, Διογενεῖς, Διοτρεφεῖς. Одиссей во второй книгѣ Иліады ст. 203 совѣтуетъ повиноваться Агамемнону, убѣждая такъ: »не всѣмъ намъ Ахеямъ можно здѣсь царствовать; не хорошее дѣло многоначаліе: пусть будетъ одинъ глава, одинъ царь, которому далъ сынъ криводумнаго Кроноса скипетръ и законы, чтобы онъ царствовалъ.«

Οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη· εἷς κοίρανος ἔστω,
Εἷς βασιλεὺς ᾧ ἔδωκε Κρόνου παῖς ἀγκυλομήτεω
Σκῆπτρον ἠδὲ θέμιστας, ἵνα σφίσι βασιλεύῃ.

Вездѣ царское достоинство приводится въ соприкосновеніе съ Зевсомъ, какъ потомъ иногда демократія съ Діонисомъ, и потому нисколько не удивительно, что Миносъ, первый основатель героической монархіи, признается особеннымъ любимцемъ и собесѣдникомъ Зевса.

Очень замѣчателенъ другой собесѣдникъ критскаго Зевса, многимъ позднѣйшій, Эпименидъ (онъ жилъ около 46 Ол.). О немъ ходили странныя сказанія; говорили, что онъ проспалъ первыя 57 лѣтъ своей жизни въ диктейской пещерѣ Зевса и что въ тоже время собиралъ корни

Digitized by Google

(занимался ризотоміей); утверждали, что потомъ никто никогда не видывалъ, когда онъ ѣлъ, и что его могла оставлять его душа, когда и на сколько времени онъ хотѣлъ, а потомъ опять возвращалась въ него. Огромную знаменитость онъ пріобрѣлъ по всей Греціи за свое искусство примирять преступниковъ съ богами. Цѣлые города, напр. Аѳины, Делосъ, прибѣгали къ нему съ просьбой объ очищеніи. Въ Аѳинахъ онъ велѣлъ согнать бѣлыхъ и черныхъ овецъ на Ареопагъ и пустилъ ихъ оттуда во всѣ стороны. На томъ мѣстѣ, гдѣ овцы останавливались, онъ велѣлъ приносить ихъ въ жертву надлежащему богу, *τῷ προσήκοντι θεῷ*, не называя никакого по имени. Кромѣ того онъ основалъ въ Аѳинахъ храмъ Эвменидъ, который отличался тѣмъ, что ихъ изображенія не имѣли ничего страшнаго. Это извѣстіе очень важно, потому что понятіе объ Эвменидахъ имѣетъ большое значеніе въ греческой религіи и гражданственности. Прежде за убійство платилось убійствомъ по праву и обязанности кровавой мести со стороны родственниковъ убитаго, или дѣлалась съ родственниками сдѣлка, и платилась пеня, *ποινή*, принятіе которой связывало сердце и надменный духъ у родственниковъ, какъ говоритъ Гомеръ Il. IX. 635, и убійца безнаказанно оставался въ мѣстѣ своего жительства. Но потомъ распространилось ученіе, что по совершеніи убійства совершенно откупиться нельзя, и что убійцы непреслѣдуемые родственниками, преслѣдуются Эринніями, Эвменидами Съ этѣмъ ученіемъ было естественно связано ученіе, что гнѣвъ Эвменидъ можетъ быть успокоенъ при извѣстныхъ условіяхъ. Въ этомъ состоитъ искусство очищенія, *καθαρτική*, приводимое чрезъ Эпименида въ связь съ критскимъ Зевсомъ.

У насъ, въ самомъ дѣлѣ, есть очень много свидѣтельствъ, показывающихъ, что Эпименидъ стоялъ въ очень близкой связи съ служеніемъ критскому Зевсу. Однажды, когда онъ хотѣлъ построить храмъ Нимфамъ,

Digitized by Google

онъ услышалъ голосъ съ неба: »не Нимфамъ, а Зевсу« (Diog. Laert. I, 115.). У Критянъ онъ пользовался прозваніемъ Курета, что указываетъ на его усердное поклоненіе Зевсу. Другое сказаніе говорило, что онъ вмѣстѣ съ Пиѳагоромъ сходилъ въ Идейскую-пещеру. Diog. Laert. l. l. и VIII, Pythag. 3 [1]). Все это заставляетъ заключить, что Эпименидово ученіе объ Эвменидахъ и очищеніи произошло подъ большимъ вліяніемъ понятій, стоявшихъ въ связи съ критскимъ поклоненіемъ Зевсу.

Но такъ какъ естественно, что очищать отъ проклятія, наводимаго преступленіемъ, можно только именемъ того, кто соединяетъ съ милующею властію и власть карательную (вслѣдствіе чего очиститель Эпименидъ не забывалъ строить храмы Эвменидамъ), то критскій Зевсъ καθάρσιος или μειλίχιος долженъ былъ имѣть и страшный, мрачный характеръ бога мстящаго, гнѣвнаго [2]). Съ этѣмъ согласно, что ему, какъ божествамъ подземнымъ, была особенно посвящена свинья, и что потому это животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ у Критянъ. См. Athen. Dipnosoph. IX, 18, гдѣ между прочимъ говорится, что на горѣ Диктѣ, считавшейся мѣсторожденіемъ Зевса, совершалось богослуженіе тайно, ἐν ἀπορρήτῳ, слѣдовательно также, какъ на Ликейской-горѣ въ Аркадіи. Изъ этого слѣдуетъ, что критскій Зевсъ могъ имѣть нѣкоторыя черты характера плутоническаго. И этѣмъ объясняется, что въ понятіяхъ нѣкоторыхъ Критянъ, особенно въ позднія времена, онъ могъ быть сближаемъ съ подземнымъ Діонисомъ Загреемъ [3]), и что нѣкото-

---

[1]) Болѣе объ этомъ курьезномъ человѣкѣ см. у Heinrich Epimenides. 1801. Leipzig. и Höckh Kreta III, 246—286.

[2]) Поэтому же въ Олимпіи не далеко отъ жертвенника олимпійскаго Зевса находились рядомъ одинъ подлѣ другаго жертвенники Зевса очистительнаго и подземнаго, καθάρσιος и χθόνιος см. Paus. I, 14, 6.

[3]) О его смерти въ этомъ значеніи могла быть рѣчь очевидно

Digitized by Google

рые смѣшивали его съ самимъ Кроносомъ, низверженнымъ имъ же въ тартаръ. См. Höckh. Kreta I, 240, n. 3.

Но какъ бы ни склонялся критскій Зевсъ одною стороною своего существа къ древнему Кроносу, богу кровожадному и враждебному людямъ, и какъ бы ни приближался онъ въ этомъ отношеніи къ ликейскому недоступному Зевсу, въ поклоненіи которому мы встрѣтили поползновенія къ сохраненію страшныхъ религіозныхъ обычаевъ времени Кроноса, все-таки онъ безспорно выше всѣхъ предшествовавшихъ явленій Зевса, какъ по его анѳропоморфизму, опредѣлившемуся въ борьбѣ съ зооморфическими представленіями, такъ и по его вліянію на государственную и субъективно-нравственную сторону человѣческой дѣятельности, вліянію, замѣчаемому въ его отношеніи къ Миносу и Эпимениду. Въ Критѣ болѣе, нежели въ тѣхъ мѣстахъ, которыя нами разсмотрѣны прежде, Зевсъ явился въ связи съ героическимъ бытомъ, олицетворенномъ не только въ Миносѣ, но отчасти и въ Куретахъ. Согласно съ этѣмъ, въ Критѣ явственнѣе оказались всѣ сѣмена позднѣйшаго развитія, приведшаго къ гелленскому поклоненію Зевсу, и анѳропоморфизмъ, и связь религіи съ искусствомъ, и обиліе миѳовъ. Критское поклоненіе есть какъ бы узелъ, соединившій (отчасти, можетъ быть, только механически) разномѣстные начатки поклоненія Зевсу, въ то время, когда оно еще было недавнимъ явленіемъ, и служащій первою твердою точкою отправленія для послѣдующихъ развитій. Какъ критское государственное устройство есть исторически-первое между гелленскими государственными устройствами, заслу-

---

только въ мистеріяхъ, потому что открыто нельзя было учить, что Зевсъ умеръ для того, чтобы возсталъ юный Діонизъ; народное критское сказаніе о смерти Зевса относилось напротивъ только къ ежегодному круговороту природы, какъ и сказаніе о смерти Аттиса.

Digitized by Google

жившими особенную похвалу, такъ точно и критское поклоненіе Зевсу есть первое изъ поклоненій этому богу, замѣчательныхъ по полнотѣ, многосторонности и опредѣленности.

Смотря съ этой точки зрѣнія на критское поклоненіе Зевсу, очень интересно замѣтить, что Критъ приводится миѳологіей въ связь почти со всѣми мѣстами поклоненія Зевсу, разсмотрѣнными нами выше подъ рубрикою времени Пеласговъ. Съ *Додоной* соединяетъ его извѣстіе Акестодора, что Додонъ былъ сынъ Зевса и Европы, находящееся у Стефана Византійскаго s. v. *Δωδώνη* (въ изданіи Мейнеке, Berolini, 1849, стр. 247, 13.). На *Аркадію* указываютъ города *Ἀρκαδία* или *Ἀρκάδες* и *Τεγέα*, упоминаемые на Критѣ также Стефаномъ Византійскимъ s. vv. *Ἀρκάδες* и *Τεγέα*, мѣсто *Κρητέα*, упомянутое нами выше (стр. 151.) и находившееся на Ликейской-горѣ, наконецъ Ликтосъ, миѳическій представитель критскаго города Ликтоса, называемый сыномъ Ликаона, см. Стеф. Виз. s. v. *Λύκτος*. Этотъ городъ лежалъ также на высокомъ мѣстѣ, *ἐν μετεώρῳ τόπῳ*, какъ говоритъ Павзаній, и въ немъ также какъ на Ликейской-горѣ, сохранился обычай приносить людей въ жертву, какъ свидѣтельствуетъ Антиклидъ у Климента Александрійскаго, Protr. 3, p. 36 [1]). Это ясно указываетъ, что на островѣ Критѣ существовалъ также страшный символъ волка, который на Ликейской-горѣ находился въ связи съ принесеніемъ людей въ жертву (вкусившіе тамъ человѣческаго мяса обращались въ волковъ). Кромѣ этѣхъ указаній на связь Аркадіи съ Критомъ, Павзаній (VIII, 53) прямо свидѣтельствуетъ, что три сына Тегеата перешли на Критъ и основали тамъ три города, которые и назвали по своимъ именамъ: Ки-

---

[1]) На тотъ же обычай указываетъ покушеніе Идоменея, внука Миносова, властителя Ликтоса, принесть своего сына въ жертву Посидону, см. Serv. V. A. 3, 124, 401, 531; 11, 204.

Digitized by Google

доніей, Катреей и Гортиной. Послѣдній городъ, если вѣрить Стефану Византійскому s. v. *Γόρτυν*, мѣнялъ нѣсколько разъ свое имя и назывался то *Ἑλλωτίς*, то *Λάρισσα*, то *Κρημνία*. Первое изъ этѣхъ именъ указываетъ, какъ кажется, на Гелленовъ, второе принадлежитъ Пеласгамъ, вездѣ основывавшимъ Лариссы, и потому въ соединеніи обоихъ слѣдуетъ видѣть фактъ, подобный тому, что въ Додонѣ пеласгическому Зевсу служатъ Селлы. Съ *Арголидой* связывается Критъ городомъ *Λάμπη*, находившимся и тамъ, и тутъ; на островѣ Критѣ онъ былъ, по преданію, основанъ Агамемнономъ, возвращавшимся изъ-подъ Трои, см. Стефана Визант. s. v. *Λάμπη*. Съ *Троадой* сближаетъ городъ Пергамъ упоминаемый на Критѣ напр. Виргиліемъ Aen. III, 133, и сказаніе о колоніи, будто бы выведенной Тевкромъ изъ Крита въ Троаду, вслѣдствіе чего городъ Дарданъ назывался прежде *Τευκρίς*, см. Стефана Визант. s. v. *Δάρδανος* и другія свидѣтельства у Рауль-Рошетта Histoire critique de l'établissement des colonies grecques I, p. 266, гдѣ приводится другое сказаніе, производящее колонію Тевкра изъ Аѳинъ и такимъ образомъ ставящее на ряду съ Критомъ *Аѳины*, отношеніе которыхъ къ Криту было отчасти упомянуто выше (стр. 71.) по поводу Дедала. Къ этому теперь можно присовокупить, что какъ въ Критѣ былъ одинъ городъ, такъ въ Аттикѣ одинъ демъ, носившій имя *Δαίδαλα*, см. Стеф. Виз. s. v.

Изъ этѣхъ фактовъ слѣдуетъ, что положеніе острова Крита, предназначеннаго, какъ говорилъ Аристотель, для гелленскаго господства, соединило на немъ элементы, находившіеся уже въ собственной Греціи въ связи съ происхожденіемъ поклоненія Зевсу. Этѣ элементы были представителями жизни, движенія, и потому вовсе не удивительно, что они преимущественно пришли въ броженіе на почвѣ собственной Греціи и отчасти оставили ее, чтобы переселиться на островъ Критъ. Здѣсь они получили

Digitized by Google

новый толчекъ къ развитію въ слѣдствіе вліянія иностранцевъ, во множествѣ переселявшихся на тотъ же островъ съ востока и юга, — и это дало возможность религіи Зевса раскрыться въ нѣкоторой полнотѣ на островѣ Критѣ скорѣе, нежели на греческомъ материкѣ, такъ что Критъ уже очень рано могъ имѣть весьма важное обратное вліяніе на Грецію.

Но Критъ, средоточіе первыхъ движеній къ гелленизму, былъ потомъ еще разъ колонизованъ изъ Греціи; этому позднѣйшему поселенію колонистовъ, преимущественно дорійскаго племени, принадлежитъ окончательная гелленизація острова и распространеніе тамъ служенія Аполлону. Многимъ ученымъ, писавшимъ о Критѣ, дѣлала большія затрудненія эта двойная колонизація, и они не знали, которымъ колонистамъ приписать гелленизацію острова и гелленскій характеръ критскихъ учрежденій. Нѣкоторые даже отрицали присутствіе Дорійцевъ на островѣ Критѣ прежде второй колонизаціи. Но Гомеръ уже упоминаетъ тамъ не только Пеласговъ, но и Ахеевъ и Дорійцевъ, Odyss. XIX, 175—177. Этого свидѣтельства отрицать нельзя, тѣмъ болѣе, что Гомеръ вообще рѣдко упоминаетъ Дорійцевъ. Поэтому надобно предположить, что гелленскій бытъ принадлежалъ уже первымъ колонистамъ, и что вторыми онъ былъ только видоизмѣненъ и окончательно выработанъ. Въ религіозномъ отношеніи направленіе первыхъ колонистовъ можно назвать зевсовскимъ, направленіе вторыхъ колонистовъ — аполлоновскимъ. Въ племенномъ отношеніи у первыхъ можно предполагать преобладаніе ахейскаго элемента, вторымъ приписывать болѣе чистый доризмъ.

Въ какомъ смыслѣ мы приписали первымъ колоніямъ ахейскій и зевсовскій характеръ, это будетъ ясно только послѣ изслѣдованій объ ахейскомъ поклоненіи Зевсу, которыя будутъ изложены ниже. Теперь, въ подтвержденіе сказаннаго и въ заключеніе разсужденія о

Digitized by Google

критскомъ поклоненіи Зевсу, мы приведёмъ только тотъ фактъ, что колоніи, вышедшія изъ Крита прежде прибытія дорійскихъ колонистовъ, по большей части сохранили и совершали съ особеннымъ уваженіемъ поклоненіе Зевсу. Не говоря о переселеніи многихъ Критянъ въ Ликію, загадочную страну, уже своимъ именемъ напоминающую символъ волка и аркадскую Ликейскую-гору вмѣстѣ съ критскимъ Ликтосомъ, критскія колоніи, выведенныя въ Сицилію, какъ говорило преданіе, самимъ Миносомъ, и положившія основаніе позднѣйшему Агригенту и Энгіону, въ этомъ отношеніи очень замѣчательны. Древнее имя Агригента было Миноя, и вѣроятно древней миносовой колоніи обязано происхожденіемъ агригентское поклоненіе Зевсу, столь славное храмомъ Зевса олимпійскаго (pseudoperipteros, 340 x 160, внутри съ пилястрами вмѣсто колоннъ и съ гипеѳромъ, въ которомъ вмѣсто пилястровъ стоятъ статуи гигантовъ и подпираютъ крышу въ храмѣ своего побѣдителя). Въ Энгіонѣ же было замѣчательное поклоненіе Матерямъ, *ματέρες*. Ихъ храмъ былъ основанъ Критянами (Plut. Marc. c. 20). Діодоръ (IV, 79) говоритъ о его славѣ и о томъ, что этѣ Матери воспитали Зевса тайно отъ Кроноса. Потомъ онѣ были превращены въ медвѣдицъ и, какъ созвѣздіе, помѣщены на небѣ. Онѣ конечно тождественны съ критскими и аркадскими нимфами, кормилицами Зевса.

Поклоненіе Зевсу въ Сикіонѣ.

Городъ Сикіонъ относится хронографами единогласно къ самымъ древнимъ въ Пелопоннесѣ. Извѣстно, что уже въ началѣ героическаго времени онъ потерялъ самостоятельность и былъ присоединенъ къ Аргосу.

Въ исторіи поклоненія Зевсу и вообще въ исторіи греческаго богопоклоненія онъ занимаетъ важное мѣсто подъ своимъ первымъ именемъ, подъ именемъ Меконы: см.

Digitized by Google

Strabo VIII, 6, p. 382. Здѣсь, говорило преданіе, происходилъ раздѣлъ почестей и властей между богами. Здѣсь также былъ введенъ новый обычай относительно жертвоприношеній.

Этотъ новый обычай заслуживаетъ большаго вниманія, потому что въ немъ видно значительное освобожденіе отъ прежняго отношенія къ богамъ. Извѣстно, что въ свое цвѣтущее время Греки сами потребляли лучшія части приносимыхъ въ жертву животныхъ, объявляя себя гостями боговъ, и, можетъ быть, не безъ ироніи пользовались ихъ гостепріимствомъ въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что богамъ оставались почти только что части негодныя для потребленія человѣку. Этотъ обычай уже вполнѣ господствовалъ въ героическое время, описываемое Гомеромъ, см. Nägelsbach homer. Theologie p. 183. Происхожденіе его разсказываетъ Гезіодъ въ Ѳеогоніи и относитъ къ Промеѳею, а по мѣстности къ Меконѣ, Hes. Theog. стр. 535. Вотъ мѣсто Гезіода:

»Когда боги и смертные люди судились между собой въ Меконѣ, Промеѳей услужливо раздѣлилъ большаго быка и предложилъ части, въ намѣреніи обмануть умъ Зевса; съ одной стороны онъ наклалъ мясо и жирныя внутренности въ кожѣ и закрылъ бычачьимъ желудкомъ; съ другой же съ хитрымъ художествомъ хорошо уложилъ бѣлыя кости и закрылъ свѣтлымъ жиромъ. Тогда къ нему обратился съ рѣчью отецъ и мужей и боговъ: сынъ Іапетовъ, знаменитѣйшій изо всѣхъ властителей, какъ ты, другъ, лицепріятно раздѣлилъ доли. Такъ сказалъ съ шуткою Зевсъ, знающій негибнущія мысли, а ему опять отвѣчалъ Промеѳей криводумный, слегка улыбнувшись, и не забылъ хитраго художества: Зевсъ, почтеннѣйшій и величайшій изъ вѣчныхъ боговъ, возьми изъ нихъ ту, которую велитъ тебѣ духъ въ сердцѣ. Сказалъ онъ это, хитря въ своихъ мысляхъ; Зевсъ же, знающій негибнущія мысли, понялъ и не просмотрѣлъ

Digitized by Google

обмана; злое для смертныхъ людей задумалъ онъ въ своемъ духѣ, — а тому слѣдовало сбыться, — и обѣими руками взялъ бѣлый жиръ; распалилась его утроба и гнѣвомъ обнялся духъ, когда онъ увидѣлъ бѣлыя кости быка и хитрое художество. Съ тѣхъ поръ на землѣ поколѣнія людей сжигаютъ безсмертнымъ бѣлыя кости на курящихся жертвенникахъ.«

У Гомера сожигаемыя части бедръ называются *μηρία* или *μῆρα*, что̀ принимаютъ нѣкоторые за цѣлыя бедра съ костью и мясомъ, за *μηροί*, другіе за одни бедренныя кости. Послѣднее объясненіе, кажется, основательнѣе и подтверждается Гесихіемъ II, p. 596. *μηρία — τὰ ἐπὶ τῶν μηρῶν ἐξαιρούμενὰ ὀστά*. Въ новое время оно съ особенной ученостью и жаромъ спора было защищаемо Фоссомъ (Mythologische Briefe II, 39-е письмо) противъ Гейне ad Il. XV, 189. Сравни Hermann Lehrbuch der gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen. Heidelb. 1846. §. 28, 21, p. 131. Достовѣрно, что вообще у Грековъ и Римлянъ лучшія части жертвеннаго животнаго потреблялись людьми и съ этою цѣлію жарились или варились (послѣднее напр. на жертвенникахъ Харитъ) на священномъ огнѣ, въ которомъ сожигались только части или вовсе негодныя или менѣе годныя, съ присоединеніемъ иногда маленькихъ отрѣзковъ отъ всѣхъ прочихъ частей. У Грековъ обыкновенно, кажется, сожигались бедренныя кости, хвостъ и крестецъ, откуда произошло названіе священной кости, *ἱερὸν ὀστοῦν*, sacra spina (см. Isidor. II, 1), сохранившееся еще теперь въ анатоміи въ извѣстномъ названіи крестца: os sacrum.

Это сожиганіе на жертвенникѣ только одной худшей части жертвеннаго животнаго и пожираніе остальнаго людьми въ честь боговъ (вслѣдствіе чего *θύειν* и *ἱερεύειν* получило значеніе *ἑστιᾶν*, ѣсть, также какъ и наше *жрать*) замѣчательно, какъ шагъ впередъ на пути къ гелленизму. Въ прежнія времена вѣроятно господство-

Digitized by Google

вали у Грековъ жертвоприношенія, разрушавшія и уничтожавшія все приносимое богамъ животное. Обычай всесожженій, *τοῦ ὁλοκαυτεῖν*, признается древнѣйшимъ, какъ въ гезіодовомъ разсказѣ, такъ еще и у Гигина Astron. II, 15. Для насъ послѣ того, что сказано выше объ очищеніяхъ и ихъ связи съ поклоненіемъ богамъ въ страхѣ, очень важно свидѣтельство Ксенофонта въ Анабазисѣ VII, 8, что всесожженія были необходимы при жертвоприношеніяхъ Зевсу очистительному, *Ζεὺς Μειλίχιος*. Это свидѣтельство ясно показываетъ, что введеніе пожиранія лучшихъ частей должно быть считаемо шагомъ впередъ къ освобожденію отъ страха передъ богами.

Но съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что героямъ и умершимъ людямъ всегда приносились всесожженія, и что съ признаніемъ героя богомъ было соединено замѣненіе всесожженій сожиганіемъ одной доли животнаго. Это можно видѣть изъ разсказа Павзаніева о поклоненіи Геркулесу въ Сикіонѣ, Paus. II, 10, 1. Поэтому въ приписываемомъ Промеѳею нововведеніи надобно видѣть не одно безстрашіе относительно боговъ, но и слѣдствіе возвысившихся понятій о ихъ требованіяхъ.

Это обстоятельство показываетъ, что устраненіе того страха передъ богами, который побуждалъ къ самымъ дорогимъ жертвамъ, — къ всесожженіямъ людей и животныхъ, произошло вмѣстѣ съ возвышеніемъ понятій о существѣ боговъ и ихъ отличіи отъ второстепенныхъ существъ, посредствующихъ между ними и людьми (героевъ). Кромѣ того Гезіодово мѣсто свидѣтельствуетъ, что это измѣненіе совершилось, когда боги и смертные люди судились между собой въ Меконѣ, см. ст. 535. Въ этомъ заключается указаніе еще на одно современное тому событіе. Значеніе помянутаго стиха: *καὶ γὰρ ὅτ' ἐκρίνοντο θεοὶ θνητοί τ' ἄνθρωποι Μηκώνῃ*, темно; но при его объясненіи можетъ быть помощью одно мѣсто схолій къ

Digitized by Google

Пиндару (Нем. IX, 123). По поводу того, что Пиндаръ называетъ Сикіонъ святымъ, схоліастъ замѣчаетъ, что онъ это дѣлаетъ прилично, *οἰκείως*, потому что въ Немонѣ боги *раздѣлили между собою почести*, *διεβάβαντο τὰς τιμάς*. Почести, *τιμαί*, здѣсь значитъ тоже, что кругъ дѣйствія, доли, *λήξεις*, и потому ежели принять слова схоліаста за поясненіе дѣла, то ограниченіе жертвоприношеній должно быть признано событіемъ одновременнымъ и одномѣстнымъ съ опредѣленіемъ круга дѣйствія отдѣльныхъ греческихъ боговъ.

Это даетъ Сикіону очень важное мѣсто въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ.

Какъ происходилъ этотъ раздѣлъ, миѳы повѣствуютъ различно. Въ Иліадѣ XV, 184 ст. самъ Посидонъ разсказываетъ, что онъ съ Адомъ и Зевсомъ бросалъ жребій о раздѣлѣ трехъ долей міра. »На три доли раздѣлено все существующее, и каждый получилъ свою почесть: мнѣ въ вѣчное обиталище дано жребіемъ сѣдое море; Адъ получилъ тьму, а Зевсъ — широкое небо въ эѳирѣ и облакахъ; земля же осталась общею всѣмъ, а равно и великій Олимпъ.« Но очевидно, что это миѳъ, только объясняющій существовавшее въ вѣрованіи Грековъ раздѣленіе, а не современный происхожденію этого вѣрованія. Каллимахъ, съ своей точки зрѣнія, хорошо опровергаетъ его вопросомъ: кто станетъ бросать жребій о мрачномъ адѣ?

τίς δέ κ' ἐπ' Ὀυλύμπῳ τε καὶ ἄϊδι κλῆρον ἐρύσσαι
ὅς μάλα μὴ νενίηλος;

Гезіодъ ближе къ истинному ходу дѣла говоритъ, что боги судились съ людьми; а это означаетъ, что споръ происходилъ въ человѣческомъ сознаніи и зависѣлъ отъ человѣческаго рѣшенія. Одержалъ верхъ въ этомъ спорѣ тотъ изъ боговъ, о которомъ люди составили себѣ самое высокое понятіе, и подъ вліяніемъ этого понятія о могущественнѣйшемъ изъ боговъ совершили

Digitized by Google

ся раздѣлъ. А такъ какъ могущественнѣйшій богъ назывался для Грековъ этого времени Зевсомъ, то можно было также сказать, что раздѣлъ почестей между богами произошелъ подъ вліяніемъ Зевса или просто по его волѣ. Таково дѣйствительно сказаніе Гезіода въ другомъ мѣстѣ Ѳеогоніи, ст. 881—885. »Когда блаженные боги совершенно окончили свой трудъ и силою сразились съ Титанами за почести, тогда они по совѣту земли позвали царствовать и владычествовать надъ безсмертными олимпійскаго широкогласнаго Зевса; а онъ справедливо раздѣлилъ между ними почести.«

Этотъ раздѣлъ почестей чрезвычайно важенъ въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ; имъ была завершена побѣда Зевса надъ Кроносомъ, ибо только послѣ него боги, которыхъ Кроносъ скрывалъ въ своихъ внутренностяхъ, предстали греческому сознанію во всей ясности и опредѣленности. Кромѣ того очень вѣроятно, что онъ имѣлъ вліяніе и на образованіе отдѣльныхъ племенъ.

Это предположеніе основано на глубокой мысли, которую въ научной формѣ первый высказалъ Шеллингъ, что раздѣленіе народовъ зависѣло болѣе всего отъ различій, образовавшихся въ религіозныхъ понятіяхъ у первоначально согласнаго и одному существу покланявшагося человѣчества. Въ греческой исторіи оно подтверждается тѣмъ, что каждое изъ греческихъ племенъ историческаго времени особенно покланялось одному какому-либо богу.

Такъ мы видимъ, что Эолійцы, прежде другихъ выступившіе на поприще исторіи, особенно преданы поклоненію преисподнимъ богамъ и преисподнему Зевсу, или, что̀ тоже, Плутону или Аду. Посидонъ или Зевсъ съ посидоническимъ характеромъ составляетъ предметъ особеннаго поклоненія у Іонійцевъ. Наконецъ въ государствахъ, основанныхъ ахейскими династіями, процвѣтаетъ поклоне-

Digitized by Google

ніе собственному Зевсу, богу верхней доли міра. По окончаніи героическаго времени, послѣ возвращенія Гераклидовъ, является въ челѣ греческой исторіи дорійское племя, которое честитъ болѣе другихъ боговъ Аполлона, самаго яснаго и свѣтлаго изъ греческихъ боговъ, самаго любимаго сына Зевса. Въ Аѳинахъ, средоточіи греческой жизни и греческаго художества, въ городѣ, пріобрѣтшемъ первенство послѣ Спарты, древній іонійскій Посидонъ, еще въ самомъ началѣ исторіи, былъ принужденъ уступить свое мѣсто разсудительной художницѣ, Палладѣ-Аѳинѣ, насадившей тамъ оливковое дерево и научившей жителей Аттики многимъ искусствамъ. Наконецъ въ послѣдствіи времени, какъ въ Аѳинахъ, такъ и въ прочихъ городахъ, особенно іокійскихъ, находитъ восторженный пріемъ служеніе могущественному и милостивому Діонису, великому богу мистерій, самому позднѣйшему изъ боговъ греческихъ, служеніе имѣвшее своимъ средоточіемъ аттическій Элевзинъ, который можно назвать священными Аѳинами, и въ которомъ греческая религіозная жизнь была доведена до послѣдней степени своего развитія, точно такъ какъ свѣтская жизнь въ свѣтскихъ Аѳинахъ.

Въ Сикіонѣ, какъ было показано, былъ сдѣланъ шагъ, который приготовилъ это раздѣленіе греческихъ боговъ между греческими племенами. Уже у Пеласговъ былъ нами встрѣчаемъ Зевсъ, то еще ребенкомъ, то страшнымъ богомъ титаномахіи, и вмѣстѣ съ нимъ можно было найти начатки новаго быта и новаго наименованія греческаго народа. Но это были только начатки, и на ряду съ появляющимся именемъ Гелленовъ мы вездѣ до сихъ поръ могли найти имя Пеласговъ связаннымъ съ поклоненіемъ Зевсу, между тѣмъ какъ у насъ еще не было повода упоминать тѣхъ племенъ, которыя въ собственномъ смыслѣ называются гелленскими. Этѣ племена, именно: Эолійцы, Ахеи, Іонійцы, Дорійцы, являются въ исторіи только съ рѣшительнымъ наступленіемъ героическаго вре-

Digitized by Google

мени по совершенномъ окончаніи въ греческомъ религіозномъ сознаніи титаномахіи и ясномъ обособленіи олимпійскихъ боговъ.

Но такъ какъ ѳеогоническимъ обособленіемъ боговъ въ древней Меконѣ событіе обособленія племенъ было только что подготовлено, то тамъ еще нельзя искать господства одного какаго либо гелленскаго племени. Тамъ можно только встрѣтить, подобно тому какъ въ Додонѣ, общее указаніе на имя Гелленовъ, и въ этомъ отношеніи необыкновенно важно извѣстіе, что Сикіонъ въ древности назывался Гелладой (оно приведено у Мюллера Aegin. p. 156). Не менѣе замѣчательно и другое имя страны, сохраненное Стефаномъ Византійскимъ, — Тельхинія; оно указываетъ на участіе искусства въ умственной жизни древняго Сикіона и оправдываетъ то мѣсто, которое мы ему дали послѣ Крита, первой колыбели греческаго искусства. О Тельхинахъ говоритъ Діодоръ V. 55, что они первые сдѣлали изображенія боговъ; ихъ присутствіе въ Сикіонѣ очень вѣроятно, потому что безъ содѣйствія искусства едвали могло произойти совершившееся тамъ, какъ мы видѣли, обособленіе боговъ. Всѣмъ извѣстно, что миѳы приписывали художественную дѣятельность и Промеѳею (Фульгенцій Myth. 2, 9. приводитъ мнѣніе Никагора, что Промеѳей былъ первый, сдѣлавшій идолъ), обманувшему боговъ въ древней Меконѣ. Къ тому же въ Сикіонѣ была уже въ довольно древнее время знаменитая школа художниковъ, которую имѣетъ въ виду Плиній, когда (H. N. 36, 3, 4.) называетъ Сикіонъ officinarum omnium metallorum patria. Въ эпоху развитія ваянія въ Сикіонѣ былъ знаменитый художникъ — Канахъ. См. Thiersch Epochen der bildenden Kunst. II, 26, ff. Съ именами Геллады и Тельхиніи, приписываемыми древнему Сикіону, надобно еще сравнить извѣстіе, что въ древности Сикіонъ былъ обитаемъ Куретами, см. Raoul-Rochette I, p. 156. Въ этомъ извѣстіи Куреты являются уже не юно-

Digitized by Google

шественными служителями Зевса, какъ на островѣ Критѣ, но цѣлымъ племенемъ, какъ въ Этоліи и Эвбеѣ. Можно было бы отрицать всякую связь между этѣми двумя явленіями имени Куретовъ, но присутствіе ихъ въ Сикіонѣ дѣлаетъ правдоподобнымъ, что они, и какъ племя, имѣютъ значеніе въ исторіи поклоненія. Въ этомъ предположеніи укрѣпитъ насъ связь Куретовъ эвбейскихъ съ религіей Зевса, о которой будетъ говорено ниже. Тогда станетъ вѣроятнымъ соотношеніе сикіонскаго, эвбейскаго и этольскаго племени Куретовъ съ критскими Куретами, служителями Зевса.

Зевсъ у эолійскихъ племенъ.

Беотія.

Въ Беотіи, странѣ нагорныхъ озеръ, подземныхъ рѣкъ и мрачныхъ пещеръ, обитаемой народами эолійскаго племени, господствовало поклоненіе преисподнему, плутоническому Зевсу. Тамъ было нѣсколько знаменитыхъ оракуловъ, имѣвшихъ подземное, хтоническое значеніе, каковы оракулъ Амфіарая, оракулъ Трофонія. Они принадлежали существамъ, считавшимся въ позднѣйшее время въ обыкновенномъ мнѣніи за героевъ, но, первоначально, тождественнымъ съ Зевсомъ. Это показываютъ свидѣтельства древнихъ о Зевсѣ Трофоніи и Зевсѣ Амфіараѣ.

Трофоніевъ Оракулъ находился близъ города Лебадеи (города замѣчательнаго тѣмъ, что въ немъ сохранились остатки древнѣйшихъ поклоненій, напр. поклоненія Кроносу, которому долженъ былъ приносить жертву каждый вопрошавшій Трофонія, см. ниже стр. 174) на сѣверной отлогости Геликона недалеко отъ границы съ Фокидой. Ливій (45, 27) называетъ его оракуломъ *Зевса* Трофонія, oraculum *Iovis* Trophonii, а Гесихій и самый городъ Лебадію — оракуломъ Зевса, *μαντεῖον Διός*. Наконецъ Страбонъ, писатель очень основательный, говоритъ слѣдующее

Digitized by Google

(IX, 2, p. 414): »Лебадія — мѣсто, гдѣ находится оракулъ *Зевса* Трофонія со сходомъ въ подземное отверстіе, въ которое спускается самъ вопрошающій; лежитъ же она между Геликономъ и Херонеей близъ Коронеи.« К. О. Мюллеръ (Orchomenos und die Minyer. 146. 2-te Ausg.) предполагаетъ, что этотъ Зевсъ Трофоній тотъ же самый, что и Зевсъ царь, которому праздновались въ Лебадіи со времени битвы при Левктрахъ Басиліи, праздникъ, *πανήγυρις*, соединенный съ состязаніями за вѣнокъ, *ἄγων στεφανίτης* (см. Diodor. Sic. XV, 53). Это предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что одна надпись (C. I. n. 1068.) называетъ этѣ Басиліи Трофоніями и вмѣстѣ служитъ подтвержденіемъ тождества Трофонія съ Зевсомъ. Кромѣ того извѣстно, что Трофоній изображался очень сходно съ Асклепіемъ (Эскулапомъ), слѣдовательно въ зевсовомъ характерѣ, см. Paus. IX, 39, 4. Поэтому его тождество съ Зевсомъ не можетъ подлежать сомнѣнію. (Дальнѣйшія доказательства см. въ статьѣ Панофки въ Gerhard's Archäologische Zeitschrift 1843. № 1.).

Но что этотъ Зевсъ Трофоній былъ подземный Зевсъ, — это для насъ важнѣе его общаго тождества съ Зевсомъ, — тому доказательствомъ служатъ слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, самое имя Трофоній или Трефоній значитъ бога кормильца, посылающаго изъ земли хлѣбъ. Но кромѣ того есть положительныя указанія. Трофоній именуется *εὔβουλος*, точно такъ какъ Плутонъ, *εὐβουλεύς*. Храмъ Зевса близъ Трофоніева Оракула былъ посвященъ вмѣстѣ съ нимъ Геркинѣ, а эта *Ἔρκυνα*, называемая и дочерью Трофонія, есть богиня преисподняя, тоже что по латини Orcina, отъ Orcus, *ὅρκος*, *ἕρκος*. По Цицерону (N. D. III, 22, 56), самъ Трофоній не что иное, какъ Гермесъ, только въ преисподней.

Этѣмъ подземнымъ значеніемъ Трофонія объясняются и миѳы, происшедшіе о немъ въ Лебадіи и въ послѣдствіи давшіе поводъ принимать его за героя. Выше

Digitized by Google

уже было упомянуто о его пещерѣ; ниже мы увидимъ, что въ ней было много чудесныхъ особенностей. Что Трофоній въ ней господствовалъ, было общее давнишнее вѣрованіе; потомъ легко было сказать, что Трофоній ее устроилъ, и, такъ какъ его пещера дѣйствительно приводила въ удивленіе, провозгласить его удивительнымъ зодчимъ. Еще позднѣе того, по образцу этой пещеры, приписали Трофонію и построеніе подземной кладовой царя Гирія въ Гиріи, что въ Беотіи. Объ этомъ-то послѣднемъ построеніи разсказываетъ Павзаній, IX, 37, 3 странный миѳъ: »Трофоній и Агамедъ устроили въ стѣнѣ этой кладовой одинъ камень такъ, что его можно было легко вынуть снаружи. Съ помощію этой хитрости они потомъ вошли въ кладовую царя и обокрали ее. Тогда Гирій, видя, что, замокъ нетронутъ, разставилъ внутри кладовой сѣти и въ нихъ поймалъ Агамеда, пришедшаго воровать въ другой разъ. Но Трофоній, чтобы не быть выдану Агамедомъ, отрубилъ ему голову. Потомъ Трофонія поглотила земля въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи былъ устроенъ оракулъ Трофонія.« Въ этомъ сказаніи замѣчательно, что Трофоній объявляется воромъ. Это указываетъ на подобное качество другаго бога, — именно Гермеса, котораго къ тому же Цицеронъ l. l., какъ мы видѣли, отождествляетъ съ Трофоніемъ. Извѣстно, что Гермесъ обыкновенно изображается изворотливымъ, ловко обманывающимъ богомъ, что ему приписываются разбои, ночное соглядатайство, угоны быковъ и другія подобныя продѣлки, *κλυτὰ ἔργα*, знаменитые подвиги, по выраженію гомерическаго гимна. Воровство вообще приписывается богамъ, дающимъ и отнимающимъ богатство, потому что оно иногда исчезаетъ совершенно незамѣтно, уходитъ, какъ говорится, между пальцевъ. Подземнымъ же богамъ оно приписывается еще и въ томъ значеніи, что они тайно держатъ у себя сокровища земли и даже похищаютъ зерно, влагаемое въ землю сѣятелемъ.

Digitized by Google

Что касается до убійства, совершеннаго Трофоніемъ надъ Агамедомъ, который иногда зовется его братомъ, иногда его сыномъ, то его объяснить труднѣе. Мюллеръ (l. l. p. 151) сближаетъ его съ убіеніемъ одного изъ Кабировъ и съ разорваніемъ на части Діониса. Можетъ быть, оно относится къ мрачному характеру Трофонія въ томъ смыслѣ, что подземные боги, снизойдя въ адъ и принявъ такую мрачную долю, убили сами себя. Но, какъ бы то ни было, намъ нѣтъ необходимости останавливаться долѣе на объясненіи этого миѳа, потому что онъ не стоитъ въ особенно тѣсной связи съ поклоненіемъ. Мы переходимъ къ обрядамъ, соблюдавшимся при Трофоніевомъ Оракулѣ.

Главное мѣсто объ этѣхъ обрядахъ находится у Павзанія IX, 39, 5, послѣ того какъ особенныя сочиненія о Трофоніевомъ Оракулѣ, писанныя Дикеархомъ и Плутархомъ, не дошли до нашего времени. Павзаній описываетъ обряды и порядокъ нисхожденія въ пещеру слѣдующимъ образомъ:

»Когда какому нибудь мужу вздумается низойти въ пещеру Трофонія, прежде всего онъ проводитъ назначенное число дней въ жилищѣ, посвященномъ доброму духу и доброму счастію (*Δαίμονος ἀγαθοῦ καὶ Τύχης ἀγαθῆς ἱερόν*). Тутъ онъ очищается разными способами и воздерживается отъ теплой купальни. Онъ моется водой рѣки Геркины и ѣстъ, сколько хочетъ, мяса отъ жертвоприношеній. Потому что нисходящій приноситъ жертвы самому Трофонію, его дѣтямъ, Аполлону, Кроносу, Зевсу по прозванію царю, Герѣ, держащей возжи, (*Ἡνιόχῃ*) и Деметрѣ, которую называютъ Европой и говорятъ, что она была Трофоніевой кормилицей. Послѣ каждаго жертвоприношенія мужъ-пророкъ, *μάντις*, смотритъ внутренности жертвеннаго животнаго и изрекаетъ нисходящему, благосклонно ли и милостиво его приметъ Трофоній. Жертвенныя животныя неодинаково показываютъ

Digitized by Google

образъ мыслей Трофонія, но въ самую ночь нисхожденія приносится въ жертву баранъ, κριος, надъ самой ямой, и притомъ призывается Агамедъ; ежели внутренности этого барана не скажутъ того же, что̀ внутренности прежнихъ жертвъ, то всѣ этѣ жертвы не имѣютъ никакого значенія; ежели же замѣчается согласіе, тогда нисходятъ съ доброй надеждой, а это происходитъ такъ: сначала нисходящаго отводятъ ночью къ рѣкѣ Геркинѣ и тамъ умащаютъ масломъ и омываютъ два тринадцати-лѣтнихъ мальчика изъ гражданъ, которыхъ зовутъ Гермесами; они ему служатъ во всемъ, какъ слуги. Послѣ того поведутъ жрецы, но еще не къ оракулу, а къ источникамъ воды, которыхъ два, и которые лежатъ одинъ возлѣ другаго. Изъ одного онъ долженъ пить такъ называемую воду Леѳы (забвенія), чтобы забыть все, что̀ ему прежде причиняло заботу, а потомъ воду Мнемосины (памяти), чтобы помнить все, что̀ увидитъ въ оракулѣ. Потомъ ему показываютъ идолъ Трофонія, сдѣланный, какъ говорятъ, Дедаломъ и не показываемый никому кромѣ тѣхъ, которые намѣрены идти къ Трофонію. Увидѣвъ этотъ идолъ и поклонившись ему и совершивъ обѣты, онъ идетъ къ оракулу, одѣтый въ льняной хитонъ, опоясанный священными повязками и обутый по обычаю той страны. Оракулъ находится выше рощи на горѣ. Ограда въ видѣ круга обложена изъ бѣлаго камня, ея объемъ приближается къ гумну самой малой величины, а въ вышину она менѣе двухъ локтей. На оградѣ поставлены обелиски, сдѣланные изъ мѣди, какъ сами, такъ и соединяющіе ихъ поясы; между же ними сдѣланы входы. Внутри обнесеннаго пространства есть отверстіе въ землѣ, не натуральное, но сдѣланное съ искусствомъ и съ симметріей очень тщательно. Формою это построеніе похоже на печь, называемую κρίβανος [она имѣла видъ съуживающагося къ верху горшка и при печеньи не наполнялась, а обкладывалась кругомъ угольями]; діаметръ его будетъ около 4 локтей, глубина

Digitized by Google

неболѣе 8. Схода ступенями туда не сдѣлано, но идущаго къ Трофонію снабжаютъ лѣстницею, узкою и удобною. Между низомъ и верхнимъ построеніемъ есть устье пещеры, ὀπή, шириною въ двѣ четверти, въ вышину, кажется, въ одну четверть. Сошедшій ложится на полъ, держа въ рукахъ пироги, намазанные медомъ, вставляетъ въ устье пещеры ноги и подвигается самъ, стараясь вдвинуть туда колѣни; тогда остальное тѣло вдругъ увлекается и быстро слѣдуетъ за колѣнами, какъ бы уносимое сильнымъ и быстрымъ потокомъ. Что же касается до того, что̀ дѣлается послѣ внутри пещеры, то будущее не всегда открывается одинаковымъ образомъ, но одни видятъ его, другіе слышатъ. Возвращаться сошедшимъ нужно черезъ то же устье и ногами впередъ. О смерти нисходившихъ не говорятъ, кромѣ одного случая съ дорифоромъ Димитрія, о которомъ утверждаютъ, что онъ не исполнилъ въ храмѣ ничего узаконеннаго и сходилъ не для вопрошенія бога, а въ надеждѣ похитить изъ пещеры золото и серебро; его трупъ, говорятъ, былъ найденъ въ другомъ мѣстѣ и былъ изверженъ не чрезъ священное устье. Это тотъ изъ разсказовъ о немъ, который я почелъ наиболѣе достойнымъ вниманія. Вышедшаго же отъ Трофонія принимаютъ жрецы и сажаютъ на такъ называемый тронъ Мнемосины, находящійся неподалеку отъ пещеры, и сидящаго тамъ спрашиваютъ, что̀ онъ видѣлъ и что̀ узналъ, и, освѣдомившись, возвращаютъ его своимъ, а они, поднявъ его, относятъ въ то жилище, гдѣ онъ прежде жилъ у добраго духа и добраго счастья; при чемъ онъ еще бываетъ одержимъ страхомъ и не узнаетъ ни себя, ни окружающихъ. Потомъ ему возвращается сознаніе такое же, какое было прежде, и улыбка.«

Въ этомъ разсказѣ Павзанія, который самъ нисходилъ въ пещеру и потому можетъ считаться превосходнымъ свидѣтелемъ, видно, что въ описываемое время жрецы уже позволяли себѣ много обмана и искуственныхъ

Digitized by Google

средствъ для пораженія удивленіемъ нисходившихъ. Въ извѣстіи о дорифорѣ мы видимъ даже примѣръ страшнаго мщенія, ими совершеннаго, вѣроятно, за удавшееся посягательство узнать ихъ тайну. Но какія разнообразныя и сложныя средства они иногда употребляли для поддержанія славы своего оракула, лучше всего видно изъ Плутархова (въ сочиненіи *περὶ Σωκράτους δαιμονίου*) разсказа о посѣщеніи Трофоніева Оракула однимъ молодымъ человѣкомъ Тимархомъ, посвятившимъ себя философіи и очень желавшимъ узнать, что̀ такое былъ Сократовъ демонъ. Онъ оставался въ пещерѣ двѣ ночи и одинъ день, и уже его друзья плакали о немъ, когда онъ на второе утро вышелъ изъ пещеры совершенно веселый. Сначала, какъ онъ разсказывалъ, онъ находился въ совершенной темнотѣ и, помолившись богу, лежалъ на землѣ, не зная хорошенько, спитъ ли онъ или бодрствуетъ. Онъ почувствовалъ однако же потомъ сильное сотрясеніе, такъ что ему казалось, что швы его черепа разступились, и что сквозь нихъ вышла его душа. Легко поднявшись, она искупалась въ морѣ чистаго и прозрачнаго воздуха. Ей было чудесно послѣ долгаго заключенія. Послѣ того онъ слышалъ тихое и пріятно-звучащее жужжаніе около ушей, и когда онъ поднялъ глаза, онъ не видалъ болѣе земли, но безчисленное множество маленькихъ круглыхъ островов различной величины. Они блестѣли матовымъ огнемъ и играли разными цвѣтами. Они двигались кругомъ, и эѳиръ издавалъ отъ ихъ движенія звуки, которые своей легкостью и риѳмомъ соотвѣтствовали движенію островов. Море, по которому острова плавали, также двигалось концентрически. Когда онъ смотрѣлъ дальше внизъ, то передъ нимъ открылась бездна и великій мракъ, волновавшійся подобно морскимъ волнамъ. Потомъ онъ услыхалъ рычаніе, мычаніе и ржаніе будто отъ 10000 звѣрей, крикъ будто отъ 10000 младенцевъ, перемѣшанный съ воплями мужчинъ и

Digitized by Google

женщинъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, кто-то, кого онъ не видалъ, сказалъ ему: Тимархъ, что̀ хочешь ты узнать? Тимархъ отвѣчалъ: все, потому что здѣсь нѣтъ ничего, что̀ не было бы достопримѣчательно. На это невидимый голосъ отвѣчалъ: хорошо; въ томъ, что̀ дѣлается тамъ наверху, мы имѣемъ мало участія, тамъ дѣйствуютъ другіе боги, участокъ же Персефоны, въ которомъ мы властвуемъ, ты можешь видѣть. Тогда Тимархъ увидѣлъ Стиксъ, восходящій изъ преисподней и касающійся до границы свѣта. Мойры явились ему вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, на которомъ души кричали отъ страха, когда къ нимъ приближался Стиксъ, потому что часто многія изъ нихъ оттуда падали и поглощались преисподней, тогда какъ другія принимались мѣсяцемъ изъ воды. Но мѣсяцъ отталкивалъ молніей и громомъ запятнанныя нечистыя души, и онѣ ниспадали и принимали видъ животныхъ. Все это показывалось Тимарху и сопровождалось словеснымъ толкованіемъ. Онъ возражалъ, что не видитъ ничего кромѣ звѣздъ, которыя носятся надъ бездной, однѣ вверхъ, другія внизъ. Ему сказали, что именно онѣ-то и демоны, а за тѣмъ слѣдовало длинное объясненіе, что все то, что̀ мы называемъ разумомъ, духомъ, душою, находится не въ насъ, а внѣ насъ, и называется демономъ. Въ заключеніе было сказано, что онъ черезъ три мѣсяца все это пойметъ яснѣе, а на этотъ разъ довольно. Тогда Тимархъ хотѣлъ оборотиться, чтобъ увидать, кто это ему говорилъ, но получилъ вдругъ такую головную боль отъ механическаго сжатія головы, что послѣ того ничего о себѣ не помнилъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ лежалъ у входа въ пещеру.

Изъ этого повѣствованія мы видимъ, что жрецы для интересныхъ посѣтителей иногда устроивали у себя въ пещерахъ цѣлыя магическія представленія. Объемъ пещеръ былъ очень обширенъ; подъ горами Беотіи черезъ нихъ можно было, вѣроятно, сообщаться съ отдаленными

Digitized by Google

мѣстами. По крайней мѣрѣ объ извѣстномъ мистикѣ Аполлоніи Ѳіанскомъ извѣстно, что онъ, вошедши въ пещеру Трофонія у Лебадіи, вышелъ на морскомъ берегу у Авлиды. Многимъ жрецы давали сильныя впечатлѣнія въ такихъ несоразмѣрныхъ пріемахъ, что охотники на всю жизнь теряли способность улыбаться.

Но этѣ жреческія художества безъ сомнѣнія принадлежатъ позднѣйшему времени; они только объясняютъ долгую славу оракула, въ которой спорили съ нимъ въ позднее время язычества только Дельфы. Въ древности, какъ надобно предполагать, нисхожденіе въ пещеру имѣло цѣлію узнать посредствомъ сновидѣнія отвѣтъ Трофонія, причемъ очень вѣроятно, что физическія особенности пещеры имѣли большое значеніе. Можетъ быть, она отличалась какими нибудь одуряющими испареніями; можетъ быть, она была населена пресмыкающимися, для которыхъ могли быть назначены медовые пироги, которые нисходившіе брали съ собой. Этѣ и подобныя особенности могли давать сновидѣніямъ необыкновенный и чудесный характеръ и тѣмъ способствовать славѣ оракула и безъ жреческихъ обмановъ, происшедшихъ гораздо позднѣе во время жреческаго безвѣрія.

Сонъ въ подземной пещерѣ послѣ многихъ жертвоприношеній и очищеній представлялся такимъ естественнымъ средствомъ узнать волю и думу подземнаго Зевса, что кромѣ Трофоніева Оракула было еще нѣсколько другихъ ему подобныхъ. Таковъ Оракулъ Амфіарая, который, также какъ Трофоній, называется Зевсомъ, въ послѣдствіи же времени также считался за простаго героя. Миѳъ разсказывалъ, что онъ былъ по волѣ Зевса поглощенъ землею вмѣстѣ съ своею колесницей. Главное его святилище находилось близъ Оропа недалеко отъ границы Аттики и Беотіи и описано Павзаніемъ I, 34. Оно отстояло отъ Оропа на 12 стадій и было устроено, какъ

Digitized by Google

увѣряли, именно на томъ мѣстѣ, гдѣ Амфіарай былъ поглощенъ землею. Въ святилищѣ былъ воздвигнутъ храмъ и идолъ изъ бѣлаго камня (мрамора). Жертвенникъ былъ раздѣленъ на доли, изъ которыхъ одна принадлежала Гераклу, Зевсу и Аполлону Пеону; другая героямъ и ихъ женамъ; третья Гестіи, Гермесу, Амфіараю и сыновьямъ Амфилоха; четвертая Афродитѣ Панакіи, Іасо, Гигіеѣ и Аѳинѣ Пеоніи; пятая наконецъ Нимфамъ, Пану и рѣкамъ Ахелою и Кефису. Близъ храма былъ источникъ, называвшійся Амфіараевымъ; ему не приносили жертвъ и не употребляли его воды для очищеній и омовеній, но тѣ, которые получали исцѣленіе болѣзни отъ оракула, бросали туда чеканенное золото и серебро, ибо черезъ этотъ источникъ, какъ говорили, вышелъ Амфіарай, ставши уже богомъ. Желающіе получить оракулъ прежде всего очищались; очищеніемъ же служила жертва, приносимая Амфіараю и нѣкоторымъ другимъ существамъ (текстъ Павзанія въ этомъ мѣстѣ испорченъ). Потомъ совершалось закланіе Амфіараю барана, и вопрошающій, разостлавъ шкуру послѣдняго, ложился на ней спать, ожидая сновидѣній.

Кромѣ этого оропскаго святилища было святилище Амфіарая на дорогѣ изъ Ѳивъ въ Потніи. Это было священное мѣсто, обнесенное оградой, съ колоннами внутри, на которыхъ, какъ увѣряли, никогда не садились птицы, равно какъ ни ручныя, ни дикія животныя не прикасались къ травѣ, которая росла внутри ограды (Paus. 8, 3). Оракула при этомъ святилищѣ не было.

Первоначально, какъ этотъ Амфіарай, такъ и Трофоній, были существа тождественныя съ подземнымъ Зевсомъ, пользовавшимся особеннымъ поклоненіемъ въ Беотіи и вообще у эолійскаго племени. Потомъ, когда, съ распространеніемъ знаменитости дельфійскаго Аполлона, всѣ оракулы испытали дельфійское вліяніе (чего примѣръ мы уже показали въ лавровомъ вѣнкѣ додонскаго Зевса на монетахъ), Амфіарай и Трофоній были

Digitized by Google

объявлены сыновьями Аполлона, и это воззрѣніе должно было много способствовать къ низведенію ихъ со степени боговъ на степень героевъ. Къ тому же понятія о Зевсѣ такъ измѣнились послѣ дѣятельнаго участія въ греческой исторіи племенъ, выступившихъ на поле дѣйствованія послѣ Эолійцевъ, что остатки эолійскаго поклоненія Зевсу были въ совершенномъ разногласіи съ остальнымъ поклоненіемъ и естественно должны были упасть въ народномъ мнѣніи и выродиться.

Древнѣйшимъ эолійскимъ племенемъ, обитавшимъ въ Беотіи и достигнувшимъ значительной степени процвѣтанія, были Миніи. Ихъ главнымъ городомъ былъ Орхоменъ, замѣчательный тѣмъ въ исторіи греческихъ религій, что тамъ впервые стали кланяться Харитамъ (Граціямъ). Этотъ Орхоменъ лежалъ близь Копаиды, главнаго озера Беотіи, и постоянно отличается отъ другаго Орхомена, находившагося въ Аркадіи, эпитетомъ *Μινύειος* [1]). Гомеръ знаетъ его необыкновенно процвѣтающимъ городомъ и ему одному изъ всѣхъ греческихъ городовъ даетъ мѣсто въ этомъ отношеніи наряду съ египетскими Ѳивами. см. Il. IX, 381. Вообще извѣстно, что Миніи вели довольно обширную торговлю и занимались мореплаваніемъ: на это указываетъ миѳъ объ Аргонавтахъ, въ которомъ дѣйствуютъ по большей части герои племени Миніевъ, какъ показалъ К. Ѳ. Мюллеръ въ своемъ сочиненіи: Orchomenos und die Minyer 2-te Ausg. Breslau 1844. Мореплаваніемъ они пріобрѣли богатство, а чрезъ то довольство и украшеніе жизни, олицетворяемое въ Харитахъ. Съ этѣмъ вмѣстѣ у нихъ должны были явиться, какъ въ Критѣ и Сикіонѣ, начала искусства. Но надобно

---

1) Впрочемъ присутствіе Орхомена и въ Аркадіи можетъ все-таки считаться указаніемъ на нѣкоторое сродство жителей Аркадіи съ Миніями. Оно получаетъ еще бо́льшую силу наряду съ сказаніемъ, что Миній, миѳическій родоначальникъ Миніевъ, сынъ Алея, указывающаго на Аркадію. См. Schol. Pind. Isthon. I, 79.

Digitized by Google

предполагать, что Миніи сдѣлали шагъ далѣе нежели жители двухъ помянутыхъ мѣстностей: на это указываетъ ихъ племенная обособленность съ одной стороны, а съ другой ихъ необыкновенное богатство, побудившее ихъ строить уже не киклопическія стѣны или лабиринѳы, а сокровищницы. Изъ послѣднихъ одна сохранилась до нашего времени на мѣстѣ ихъ главнаго города Орхомена, см. Leake north. Gr. II, 149.

Мы имѣли случай коснуться въ первой главѣ стр. 63 одного изъ главнѣйшихъ миѳовъ, принадлежащихъ этому древнѣйшему эолійскому племени. Это миѳъ объ героѣ Аѳамантѣ, сынѣ Эоловомъ, который, какъ мы видѣли, колебался между двумя женскими существами, Нефелой и Иной, и былъ за то жестоко преслѣдуемъ. Теперь, по изложеніи критскихъ миѳовъ, можно замѣтить, что по изслѣдованіямъ Крейцера, Symbolik III, p. 91, эта Ино, жена Аѳаманта, ставшая потомъ послѣ своихъ страшныхъ страданій, такъ называемыхъ *Ἰνοῦς ἄχη*, богиней Левкоѳеей, тождественна съ критской Пасифаей, существомъ, которое въ критскомъ миѳѣ, наклонно къ Зевсу-быку. Поэтому колебаніе Аѳаманта между Нефелой и Иной получаетъ значеніе колебанія между неясными пеласгическими понятіями о богахъ и между зооморфическими представленіями о нихъ, и это открываетъ причину Аѳамантовыхъ несчастій. Его мучили то неопредѣленно-облачныя, то грубо-животныя представленія о богахъ. Послѣднія требовали отъ него, также какъ и отъ Миноса, человѣческихъ жертвъ, и только чудесный овенъ, посланный Нефелой, спасъ его сына Фрикса отъ кровожадныхъ требованій, которыя объявляла Ино. Съ этой точки зрѣнія можно сдѣлать важные выводы изъ Крейцерова сближенія Ино съ Пасифаей и ими подтвердить не только заключенія о связи Беотіи съ Критомъ (на это указываетъ уже родство Ино, дочери Кадма, съ критской Европой, его сестрою), но и общее положеніе, что поклоненіе зоо-

Digitized by Google

морфическимъ богамъ обыкновенно носитъ жестокій и кровавый характеръ. Вообще, сколько мы можемъ судить по миѳамъ, религіозное сознаніе племени Миніевъ было, несмотря на поклоненіе Харитамъ, не только запутанное и раздвоенное между неясными и неудовлетворительными и между животнообразными и страшными богами, но и, можно сказать, совершенно разбитое и разрушенное. Дочери Минія, Левкиппа, Арсиппа, Алкаѳоя, жили въ то время, когда явился Діонисъ въ Греціи, т. е. въ то время, когда въ Греціи стало распространяться поклоненіе Діонису, богу, котораго, по словамъ Геродота (II, 52), Греки узнали многимъ позднѣе, нежели другихъ боговъ. Дочери Минія, презирая новаго бога, оставались дома и не принимали участія въ вакханствованіи прочихъ женщинъ, поддавшихся вліянію Діониса. Но за то однажды, когда онѣ стояли передъ своими ткацкими станками, все окружавшее ихъ вдругъ стало принимать вакхическій видъ и превращаться въ аттрибуты бога вина. Діонисовская изступленность вошла въ ихъ собственное сердце, и онѣ стали уже спорить между собою, кто изъ нихъ принесетъ Діонису самую разительную жертву. Левкиппа отдала роднаго сына Гиппаса, который былъ ими разорванъ на части. Всѣ онѣ оставили мужей своихъ, бросились въ горы и тамъ вакханствовали въ религіозномъ бѣшенствѣ до тѣхъ поръ, когда богъ обратилъ ихъ въ ночныхъ птицъ. Мужья ихъ надѣли одежду дней горести, которую уже не оставляли, ни они, ни ихъ потомки. Отъ пепла и сажи, которыми они посыпали свои головы, одно изъ знатнѣйшихъ поколѣній города Орхомена, еще во времена Плутарха, носило имя Ψολόεις, напоминавшее еще въ позднія времена о горести, раздиравшей сердца древнихъ Миніевъ. Anton. Lib. 10. Aelian. 3, 42. Plutarch. Q. Gr. 38.

Съ этѣмъ согласно, что въ миѳахъ Миніи приводятся въ особенное отношеніе именно къ тому Зевсу, кото-

Digitized by Google

рый царствуетъ въ тартарѣ или томъ самомъ мѣстѣ, куда низвергнутъ Кроносъ. Подземный, хѳонический Зевсъ, уже по мѣсту своего пребыванія, долженъ быть близокъ къ Кроносу, страшному богу прошлаго времени; поклоненіе подземнымъ богамъ могло господствовать съ особенною силою только вскорѣ послѣ низверженія Кроноса и еще прежде совершенно полнаго явленія олимпійскихъ боговъ въ ихъ небесной ясности. На преисподнія существа указываютъ въ миѳологіи Миніевъ сказанія о Клименѣ, сынѣ Пресбона, внукѣ Фрикса, правнукѣ Аѳаманта (см. изложеніе орхоменійскихъ сказаній у Павзанія 9, 34 sqq.), замѣчательномъ по своему имени, употребляющемуся обыкновенно какъ эпитетъ Ада; о Персефонѣ, будто бы дочери Минія (у Схол. къ Одисс. XI, 284); о другихъ дочеряхъ Минія, Периклименѣ и Этеоклименѣ (у Схол. къ Аполл. Род. I, 230), которыя опять напоминаютъ знаменитый эпитетъ Ада или Плутона и кромѣ того замѣчательны тѣмъ, что, въ качествѣ, конечно, преисподнихъ существъ, не имѣли потомства. Наконецъ самъ Іасонъ, главный вождь Аргонавтовъ былъ внукъ Климены, дочери Минія, по Аполлонію Родосскому:

αὐτὸν Ἰήσονα γείνατο μήτηρ
Ἀλκιμέδη, Κλυμένης Μινυήϊδος ἐκγεγαῦῖα.

Надобно прибавить, что и Агамедъ и Трофоній, которыхъ подземное значеніе и вмѣстѣ тѣсная связь съ Зевсомъ показаны выше, причисляются также къ генеалогіи Миніевъ. У Павзанія l. l. они сыновья Эргина, внуки Климена, упомянутаго нами.

Всѣ этѣ факты свидѣтельствуютъ о близости религіи Миніевъ къ первымъ религіознымъ системамъ, происшедшимъ въ Греціи вслѣдъ за переходомъ отъ Кроноса къ Зевсу. Этѣмъ объясняется связь миніейскаго Орхомена съ аркадійскимъ и Аѳамантовой Ино съ критской Европой; этѣмъ, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить созвучіе имени Миніевъ съ именемъ критскаго представителя Зев-

Digitized by Google

совой религіи, Миноса (не отождествляя его съ индійскимъ Ману, египетскимъ Манесомъ и германскимъ Манномъ, какъ дѣлалъ Буттманнъ въ разсужденіи о Миніяхъ, Mythologus II, p. 194—245). Но съ другой стороны мы видимъ, что у Миніевъ поклоненіе Зевсу приняло уже обособленный, односторонній характеръ религіи одного племени и находится въ связи съ племеннымъ его обособленіемъ, съ племенной индивидуализаціей, составляющей главную принадлежность гелленской исторіи и ея главное отличіе отъ исторіи востока. Было, конечно, время, когда всѣхъ обитателей Греціи одушевляли однѣ мысли, когда между ними еще не происходило тѣхъ различій и противоположностей, которыя легли въ основаніе многочисленныхъ греческихъ племенъ и діалектовъ историческаго времени. Миніи не принадлежатъ болѣе этому древнему времени. Въ нихъ мы видимъ племя, уже обособившееся, племя обозначившееся уже такъ опредѣленно, что мы теперь, по изслѣдованіи относящихся сюда миѳовъ К. О. Мюллеромъ, можемъ говорить даже объ историческомъ характерѣ его. Въ этомъ отношеніи Миніевъ слѣдуетъ считать предшественниками прочихъ гелленскихъ племенъ, точно такъ, какъ ихъ хѳоническій Зевсъ былъ предшественникомъ прочихъ гелленскихъ племенныхъ боговъ. Говоря языкомъ миѳологіи, можно сказать, что Зевсъ Миніевъ могъ явиться только послѣ раздѣла почестей между богами, совершившагося въ Сикіонѣ и окончательно заключившаго титаномахію. Съ этой точки зрѣнія становится понятно извѣстіе, иначе необъяснимое, что Миній имѣлъ женою или матерью Тритогенію, дочь Эола. (Схол. Пинд. 4, 120). Тритогенія обыкновенный эпитетъ Паллады Аѳины, богини, о которой въ другомъ мѣстѣ говорится, что только съ ея рожденіемъ изъ главы Зевса окончилась титаномахія. (Gustath. Il. XX). Она называется дочерью Эола, конечно, потому, что ея явленіе въ религіозномъ сознаніи Грековъ находилось въ винословной связи съ отдѣленіемъ

Digitized by Google

Эоловъ, какъ предшественниковъ новой исторіи и представителей новаго быта, отъ общей массы обитателей Греціи (Пеласговъ). Она мать или жена Минія потому, что происхожденіе Миніевъ условливалось тѣмъ освобожденіемъ сознанія, которое наступило для Грековъ, послѣ того какъ они пережили въ своей душѣ титаномахію, и безъ котораго не было возможно отдѣленіе отъ общаго корня и обособленіе гелленскихъ племенъ, бывшее слѣдствіемъ ослабленія узъ, привязывавшихъ всѣхъ Грековъ къ ихъ общему прошедшему. На обособленіе Миніевъ имѣли, какъ кажется, вліяніе и иностранные колонисты, особенно чрезъ посредство Крита, на что указываетъ выше упомянутая связь Аѳаманта съ Ино-Пасифаей и чрезъ нее съ поклоненіемъ зооморфическимъ богамъ. Очень интересныя указанія на связь Миніейскаго Орхомена съ Египтомъ см. у Бёка Staatsh. d. Ath. II, p. 369. (Beilage).

Теперь мы посмотримъ на другую мѣстность той же Беотіи, гдѣ вліяніе зооморфизма было еще, можетъ быть, сильнѣе, но гдѣ историческое движеніе пошло далѣе. Я говорю о Ѳивахъ. Тамъ Критскій Зевсъ-быкъ встрѣчается какъ самъ, въ образѣ коровы, показывающей Кадму дорогу въ городъ Ѳивы, такъ и его Европа. Равнымъ образомъ сохранилось въ миѳахъ воспоминаніе и о посѣщеніи Ѳивъ Финикіянами.

Дельфійскій Оракулъ сказалъ Кадму, герою, который, несмотря на свое повидимому греческое имя, древними единогласно считается за Финикіянина, и котораго мы необходимо должны признать миѳическимъ представителемъ финикійской колоніи Кадмеоновъ, поселившейся въ беотійскихъ Ѳивахъ, Дельфійскій Оракулъ сказалъ Кадму, чтобы онъ слѣдовалъ за путеводной коровой и основалъ городъ тамъ, гдѣ корова ляжетъ. Такимъ образомъ были основаны Ѳивы, городъ, который, по паденіи Орхомена, сталъ первымъ въ Беотіи.

Digitized by Google

Спутники Кадма, *οἱ μετὰ Κάδμου Φοίνικες*, смѣшались, какъ кажется, съ туземцами, и этѣмъ условливалось происхожденіе двухъ племенъ, которыя часто отождествляются съ Кадмеями, именно тирренскихъ или правильнѣе тирсенскихъ Пеласговъ и Беотійцевъ. И тѣ и другіе много странствовали. Первые встрѣчаются съ одной стороны на островахъ Самоѳракіи и Лемносѣ и даже до Лидіи, съ другой стороны въ Этруріи, которой они дали имя, смѣшавшись, кажется, съ Расенами. Вторые образовались изъ смѣшенія Ѳессалійскихъ Грековъ съ Кадмеями, вытѣсненными изъ Беотіи Ѳракійцами и Пеласгами и обратившимися въ Ѳессалію; потомъ они опять возвратились въ Беотію подъ именемъ беотійскихъ Эолійцевъ и основали беотійскій союзъ, въ главѣ котораго стояли Ѳивы. Поэтому-то въ Ѳивахъ навсегда остались слѣды финикійской колоніи и сказаній о Кадмѣ и его путеводной коровѣ.

Эта Кадмова корова-путеводительница не была обыкновенная корова. Изъ Эврипидовыхъ Финикіянокъ ст. 642 мы узнаёмъ, что у нея на обоихъ бокахъ было по бѣлому знаку, похожему на полумѣсяцъ. Въ этомъ есть ясное указаніе на ея небесное значеніе, на ея родство съ Минотавромъ-Астеріономъ. Ея участіе въ построеніи Кадмомъ Ѳивъ составляло предметъ довольно употребительный въ искусствѣ, и Лукіанъ de Saltat. c. 41. упоминаетъ объ обыкновенномъ балетѣ: *Κάδμου ἐπιδημία καὶ βοὸς ὄκλασις*. По основаніи города Ѳивъ, Кадмъ хотѣлъ принести путеводную корову въ жертву Аѳинѣ, но ему въ томъ воспрепятствовалъ драконъ, сторожившій источникъ Ареса. Онъ нанесъ смерть многимъ изъ людей, посланныхъ Кадмомъ за водой къ источнику, имъ сторожимому; но Кадмъ, по совѣту Аѳины, убилъ дракона и разсѣялъ его зубы. Изъ зубовъ выросли вооруженные люди, которыхъ звали Спартами, и которые всѣ, за исключеніемъ пяти (*Ἐχίων, Οὐδαῖος, Χθόνιος, Ὑπε-*

Digitized by Google

ρήνωρ, Πέλωρ), были умерщвлены Кадмомъ. За этѣ убійства Кадмъ рабствовалъ Аресу цѣлый великій годъ (8 лѣтъ), но потомъ получилъ отъ Аѳины царство, а отъ Зевса въ супруги Гармонію. Apollod. III. 4, 1—2. Аѳинѣ и Зевсу было поэтому пріятно то принесеніе коровы въ жертву, которому сопротивлялся драконъ. Они наградили Кадма царствомъ и, что еще замѣчательнѣе, Гармоніей, т. е. ладомъ, согласіемъ. Гармонія считалась дочерью Ареса и Афродиты, и ея успокоивающее значеніе въ миѳѣ Кадма объясняется, можетъ быть, лучше всего ея связью съ анѳропоморфическимъ поклоненіемъ богамъ. Въ самомъ дѣлѣ Павзаній IX, 16, 13. упоминаетъ о трехъ идолахъ Афродиты (*Οὐρανία*, *Πάνδημος*, *Ἀποστροφία*), сдѣланныхъ изъ дерева и находившихся въ Ѳивахъ, которые считались приношеніемъ Гармоніи.

Европа, сестра Кадма, на островѣ Критѣ привлекшая къ себѣ Зевса въ образѣ быка, была потомъ, какъ говоритъ Аполлодоръ (III, 1, 2), уступлена Зевсомъ Астеріону, о тождествѣ котораго съ Минотавромъ уже было упомянуто. Изъ этого можно заключить, что любовь Зевса къ Европѣ представляетъ собою направленіе, противное позднѣйшимъ понятіямъ о Зевсѣ, и что пока Кадмъ ищетъ ее въ своихъ странствованіяхъ, до тѣхъ поръ онъ преданъ этому направленію [1]). Онъ пересталъ ее искать въ Ѳивахъ, но совершенно его успокоило только умерщвленіе дракона и соединеніе съ Гармоніей. Впрочемъ, какъ глубоко въ немъ остались слѣды родства съ Европой, показываетъ, что и отъ Гармоніи, воздвигающей анѳропоморфическіе идолы, у него однакоже родилась Ино-Пасифая, наклонная къ зоомѳрфизму, доставшаяся изъ кад-

---

[1]) Нѣкоторыя указанія о значеніи Европы находятся у Велькера über eine kretische Kolonie S. 21. Она, кажется, не простое олицетвореніе части свѣта, въ которую отправляется Кадмова колонія. Послѣднее мнѣніе см. у Буттманна Mythologus II, 172 sqq.

Digitized by Google

мейскихъ Ѳивъ въ жены минійскому Аѳаманту и внесшая несчастіе во весь его домъ.

Переходъ къ анѳропоморфизму произошелъ въ беотійскихъ Ѳивахъ не безъ большихъ потрясеній. Труды Кадма свидѣтельствуютъ о томъ, но еще болѣе сказанія о Сфинксѣ. Сфинксомъ называлось существо получеловѣческаго и полуживотнаго образа, посланное на Ѳивы по однимъ Герой, по другимъ Аресомъ въ отмщеніе за умерщвленіе дракона, и свирѣпствовавшее, какъ разсказывалъ миѳъ, противъ тѣхъ, кто не могъ разрѣшить напѣваемыхъ Сфинксомъ загадочныхъ вопросовъ о человѣкѣ. Эдипъ наконецъ разрѣшилъ загадку, и тогда двусмысленное существо бросилось съ утеса, на которомъ сидѣло. Ясно, что въ этомъ миѳѣ описываются внутреннія потрясенія, имѣвшія мѣсто въ Ѳивахъ и причинившія гибель многимъ тамошнимъ жителямъ, прежде нежели наступило время Эдипа, когда въ Ѳивахъ поняли, что такое человѣкъ, и когда зооморфическіе боги, защищаемые дракономъ или за него мстящіе, попадали, чтобы дать мѣсто анѳропоморфическимъ богамъ.

Какъ на островѣ Критѣ анѳропоморфизмъ приводится въ связь съ Дедаломъ, такъ точно и въ Беотіи. Въ Платеяхъ, одномъ изъ первыхъ беотійскихъ городовъ, былъ знаменитый праздникъ, называвшійся Дедаліи и совершавшійся въ воспоминаніе брака Зевса съ Герой. Дедаліями онъ назывался по дедаламъ или деревяннымъ истуканамъ, которые приготовлялись изъ деревьевъ, избираемыхъ въ малыхъ Дедаліяхъ (праздновавшихся каждыя 7 лѣтъ), и сожигались торжественно въ большихъ Дедаліяхъ (каждыя 60 лѣтъ). Объ обрядахъ разсказываетъ Павзаній довольно кратко, но такъ, что изъ его разсказа видно главное значеніе праздника. Оно состояло въ освященіи деревъ, употребляемыхъ для истукана, а это показываетъ, что тогдашніе Греки еще не возвысились до мысли, что боговъ изображаетъ форма идоловъ, а не

Digitized by Google

матеріалъ, и потому требовали для анѳропоморфическихъ изваяній матеріала не простаго, но освященнаго особенно открывшеюся волею боговъ (таковы были прежніе пелазгическіе священные источники и деревья). Вотъ разсказъ Павзанія: »Недалеко отъ Алалькоменъ есть дубовая роща; тамъ есть деревья, самыя большія въ Беотіи. Въ эту рощу приходятъ Платейцы и раскладываютъ куски вареннаго мяса. Прочихъ птицъ они не замѣчаютъ, но съ большимъ раченіемъ стерегутъ вороновъ. И на какое дерево сядетъ первый воронъ, схватившій кусокъ мяса, то дерево они рубятъ и изъ него дѣлаютъ истуканъ. Въ этомъ состоитъ праздникъ малыхъ Дедаловъ, отправляемый Платейцами; въ большихъ же Дедалахъ участвуютъ и всѣ Беотійцы. Для нихъ Платейцы сберегаютъ 14 сказанныхъ деревянныхъ истукановъ, которые и отвѣчаютъ 14 городамъ, и раздаются имъ по жребію. Принявъ истуканы, Беотійцы везутъ ихъ къ рѣкѣ Асопу на колесницахъ, при чемъ возлѣ каждаго истукана стоитъ женщина сваха, *νυμφεύτρια*. Тутъ опять бросаютъ жеребей, въ какомъ порядкѣ колесницамъ ѣхать, и потомъ всѣ вмѣстѣ отправляются на вершину Киѳерона. Тамъ приготовляется на этотъ случай жертвенникъ изъ четвероугольныхъ брусьевъ, которые кладутся, какъ камни, а на самый верхъ кладутъ хворостъ. Тогда приносятся жертвы: каждый городъ даетъ Герѣ корову, а Зевсу быка, и всѣ жертвы вмѣстѣ съ виномъ и ѳиміамомъ и истуканами возлагаются на жертвенникъ и сожигаются. Пламя бываетъ такъ велико, что его можно видѣть очень издалека.« Все это Павзаній 9, 3. знаетъ по собственному опыту. Значеніе этого праздника и его связь съ поклоненіемъ Зевсу въ деревянныхъ истуканахъ (*δαίδαλα*, которыхъ миѳическій представитель Дедалъ) очевидны: Зевсъ являлся тутъ въ человѣческомъ образѣ, хотя еще и въ грубой формѣ, и его анѳропоморфизмъ еще болѣе выставлялся брачнымъ отношеніемъ къ Герѣ. О календарномъ значеніи Дедалій

Digitized by Google

см. K. O. Müller Orchom. p. 217. 2-te Ausgabe и о примиреніи въ нихъ Геры съ Зевсомъ Wieseler въ Pauli Realencyclopädie IV, p. 546. Artikel Iuno.

Ѳессалія.

Въ Ѳессаліи обитали также Эолійцы и Миніи; ими особенно была занята страна, которая послѣ зовется Фѳіотской Ахаіей. Въ этѣхъ мѣстахъ, также какъ въ Орхоменѣ, былъ туземенъ миѳъ объ Аѳамантѣ и преслѣдованіи его потомства богами. Въ здѣшнемъ городѣ Алосѣ сохранился до поздняго времени обрядъ, связанный съ миѳами объ Аѳамантѣ и ясно показывающій характеръ бога, по волѣ котораго совершался.

Этотъ богъ есть Зевсъ Лафистій, Ζεὺς Λαφύστιος, пожиратель народа, Λαίμαργος, по объясненію Свиды II, p. 419 и по глоссѣ Гесихія II, p. 433: (λαφύσσει μετὰ σκυλμοῦ εσθίει, σπαράσσει, λάπτει, καταπίνει). О жестокомъ обычаѣ поклоненія ему мы узнаёмъ по поводу нашествія Ксеркса на Грецію. См. Herodot. VII, 197. Геродотъ разсказываетъ слѣдующее:

»Когда Ксерксъ прибылъ въ Алосъ, городъ Ахаіи, то показывавшіе ему дорогу, желая сообщать все, разсказали и туземное повѣствованіе о томъ, какъ Аѳамантъ, сынъ Эола, вмѣстѣ съ Иной приготовляли гибель Фриксу. Ахеи положили за то по приказанію оракула на его потомковъ слѣдующую тягость. Каждому старѣйшему въ его родѣ они запрещаютъ входить въ ихъ общественный домъ, который они зовутъ τὸ πρυτανήϊον λήϊτον, и держатъ стражу, чтобы, если онъ войдетъ, тотчасъ схватить его и не позволять выдти, но принести въ жертву. Многіе изъ долженствовавшихъ быть закланными оставляли страну и возвращались послѣ продолжительнаго времени; но кто изъ нихъ потомъ входилъ въ пританей, того все-таки прино-

Digitized by Google

сили въ жертву, обвязывая его всего повязками и вынося въ священной процессіи. Этой участи подпадали потомки Китиссора, сына Фриксова, за то, что онъ, возвратившись изъ Эи колхидской, когда Ахеи по приказанію оракула хотѣли заклать Аѳаманта, желалъ освободить своего дѣда и тѣмъ возбудилъ гнѣвъ бога противъ всѣхъ своихъ потомковъ.«

Характеръ бога, требовавшаго принесенія въ жертву людей, принадлежавшихъ къ знаменитому царскому роду страны, виденъ изъ его участія въ миѳѣ о Фриксѣ. Фриксъ самъ долженъ былъ быть принесенъ въ жертву, но на его мѣсто былъ посланъ баранъ. Этотъ баранъ играетъ важную роль въ миѳѣ; извѣстно, что онъ уноситъ Фрикса и Геллу черезъ море въ отдаленную Эю, и что его золотое руно, охраняемое въ Эѣ дракономъ, было цѣлію похода Аргонавтовъ. Богослужебное значеніе барана намъ уже довольно извѣстно; мы знаемъ, что онъ былъ обыкновенною жертвою, приносимою Трофонію и Амфіараю. Вообще онъ пріятенъ преисподнимъ богамъ какъ замѣна людей, и потому его участіе въ миѳахъ о судьбѣ рода Аѳамантова даетъ право заключить о преисподнемъ характерѣ бога, свирѣпствовавшаго (по понятіямъ ахейскихъ жителей Алоса) противъ этого поколѣнія эолійскихъ героевъ. А этотъ характеръ совершенно согласенъ съ общимъ отличіемъ эолійскаго богопоклоненія.

И такъ Минiи, какъ въ беотійской, такъ и въ ѳессалійской Ахаіи, покланяются преимущественно подземному Зевсу. Тоже самое поклоненіе мы находимъ и у другаго эолійскаго племени, образовавшагося, какъ мы видѣли выше, въ Ѳессаліи изъ смѣшенія съ Кадмеями, изгнанными изъ Ѳивъ, и занявшаго потомъ Беотію, получившую отъ него и имя, — у собственно такъ называемыхъ эолійскихъ Беотовъ. Они замѣчательны тѣмъ, что вездѣ, куда ни приходятъ, называютъ свой городъ Арной и учреждаютъ поклоненіе итонской Аѳинѣ, вмѣ-

Digitized by Google

стѣ съ которымъ впрочемъ упоминается и поклоненіе Аду или Гадесу, см. K. O. Müller Orchomenos p. 385 2-te Ausg. Аѳина извѣстна намъ, какъ заключительница титаномахіи, дочь Эола, мать или жена Минія. Что касается до поклоненія Аду, то ему подпадали, какъ видно, всѣ, въ самое древнее время гелленизма обособлявшіяся, племена греческія.

Сыновья Эола.

Мы говорили о двухъ странахъ, въ которыхъ поселились Эолійцы, и изъ сыновей Эола имѣли случай упоминать особенно только одного, — *Аѳаманта*. Но для полноты слѣдуетъ бросить взглядъ, хотя и бѣглый, и на прочія страны, занятыя эолійскимъ племенемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на прочихъ сыновей Эола, представителей другихъ подраздѣленій этого племени.

Въ Ѳессаліи, гдѣ мы упоминали уже Алосъ и Арну, былъ еще городъ, знаменитый въ миѳологіи, принадлежавшій также Миніямъ, бывшій мѣстомъ отправленія Аргонавтовъ. Это Іолкъ, *Ἰωλκός* или *Ἰαόλκος*, котораго основаніе приписывается Эолову сыну *Креѳею*, напоминающему своимъ именемъ островъ Критъ и критскихъ колонистовъ греческаго материка. Креѳей занялъ сѣверный берегъ Пагасейскаго-залива и выгналъ оттуда обитавшихъ тамъ прежде Пеласговъ. Apollod. I, 9, 2. Schol. Il. II, 591. Его братъ *Мимасъ*, по имени подражатель, поселился въ Арнѣ, о которой мы уже говорили, Diodor. Sic. IV, 67. Въ Арнѣ, какъ извѣстно, образовалось поколѣніе эолійскихъ Беотійцевъ, происшедшихъ изъ смѣшенія туземцевъ съ Кадмеями, при чемъ, конечно, не обошлось безъ подражанія иностранцамъ со стороны туземцевъ. Этѣмъ прекрасно объясняется имя Мимаса; въ миѳической исторіи племени Эолійцевъ онъ представитель одного изъ элементовъ, которыми условливалось происхожденіе

Digitized by Google

этого племени, именно элемента подражанія и заимствованія. *Деіонъ*, поселившійся въ Фокидѣ, уже именемъ напоминаетъ Зевса въ формѣ *Δεύς* (перешедшей чрезъ гунированіе въ *Δῆων*), а равно и Деіонея, отца Діи, жены Иксіона, отъ котораго произошли Кентавры (см. выше стр. 58). *Магнетъ* былъ родоначальникъ Магнетовъ, поселившихся въ горахъ, составляющихъ восточную окраину Өессаліи.

Остальные три сына Эоловы обратились въ Пелопоннесъ, потому что не только собственная Геллада, за единственнымъ исключеніемъ Аттики, Мегары и Дориды, была занята Эолійцами, но до нашествія Дорійцевъ и почти весь Пелопоннесъ. Strab. p. 333. *Періеръ* поселился въ Мессеніи, *Сисифъ* въ Эфирѣ (Коринѳъ), *Салмоней* въ Элидѣ. Замѣчательно, что во всѣхъ этѣхъ трехъ мѣстахъ встрѣчается поклоненіе подземному Зевсу, что̀ сильно подтверждаетъ наше положеніе о господствованіи у всего эолійскаго племени поклоненія плутоническому Зевсу. Буттманъ видѣлъ уже въ самомъ имени мессенскаго Нелея указаніе на безжалостнаго Ада (Mythologus II, p. 216 not.). Еще болѣе значительно имя сына Нелеева: Периклименъ, напоминающее *Κλύμενος*, эпитетъ Ада. Въ Пилосѣ трифилійскомъ, гдѣ по Страбону (VIII, p. 340) царствовалъ гомерическій Несторъ было замѣчательное поклоненіе Аду; храмъ его находился у горы Менеы (Strab. 3, p. 344); миѳъ разсказывалъ о пораженіи Ада Геркулесомъ у Пилоса, — черта замѣчательная для исторіи того, какъ одно поклоненіе въ Греціи смѣняло другое [1]). »Стерпѣлъ и исполинскій Адъ, говоритъ Гомеръ (Il. V, 395 sqq.), когда его Геркулесъ, сынъ Зевса эгидодержца, поразивъ

---

[1]) На эту черту указываетъ К. О. Мюллеръ въ письмѣ къ Буттманну у Буттманна l. l., хотя надобно замѣтить, что это мѣсто можно понимать и о дверяхъ тартара, читая: *ἐν πύλῳ*, а не *ἐν Πύλῳ*, какъ читаетъ Павзаній VI, 25, 2.

Digitized by Google

стрѣлой въ Пилосѣ, предалъ страданіямъ.« Въ Трифиліи встрѣчаются опять Агамедъ и Трофоній, которые здѣсь дѣлаютъ тоже самое у Авгія, что въ Беотіи у Гирія. Schol. Aristoph. Nub. 508. У Авгія они были пойманы сѣтями работы Дедала, что очень многозначительно, ибо показываетъ враждебность искусства къ этому мрачному поклоненію подземнымъ богамъ. Поднимаясь изъ Трифиліи далѣе на сѣверъ, мы находимъ въ Элидѣ еще болѣе слѣдовъ поклоненія Аду, и съ этѣмъ очень хорошо гармонируетъ извѣстіе Страбона, что Элейцы говорили самымъ чистымъ эолійскимъ нарѣчіемъ (Str. VIII, p. 333). Павзаній извѣщаетъ насъ, что у Элейцевъ есть священная ограда и храмъ Ада, который отпирается одинъ разъ въ годъ и въ который и тогда бываетъ позволено входить только жрецу. Павзаній прибавляетъ, что Элейцы одни изъ всѣхъ людей покланяются Аду, и какъ причину того приводитъ сказаніе, что когда Геркулесъ воевалъ противъ элидскаго Пилоса, то Адъ жителямъ этого города помогалъ, при чемъ и былъ раненъ. Paus. VI, 25, 2, 3. Въ Элидѣ было также озеро, называвшееся Ахеронтскимъ, какъ въ Эпирѣ и близь аргивской Герміоны, также замѣчательной по поклоненію подземнымъ богамъ и Аду, подъ именемъ Климена, т. е. знаменитаго, см. Paus. II, 35, 10. Изъ Элиды, какъ говорило преданіе, вышли тѣ Эолійцы, которые поселились въ Этоліи и жили тамъ въ постоянныхъ распряхъ съ Куретами. Послѣдніе должны были принадлежать къ ревностнымъ поклонникамъ Зевса, какъ надобно заключить по Куретамъ острова Крита и Эвбеи. Ихъ антипатію къ Этоламъ можно объяснить только тѣмъ, что Зевсъ Этоловъ былъ уже значительно индивидуализованный (плутоническій) Зевсъ и потому долженъ былъ быть противенъ Куретамъ, остановившимся на болѣе первоначальной степени. Съ этѣмъ совершенно согласно, что Страбонъ (IX, p. 429) въ мѣстѣ, на которое указалъ Рауль-Рошетъ, Colon. gr. II, p. 37,

Digitized by Google

приписываетъ Этоламъ жизнь въ городахъ, а Куретамъ жизнь въ колѣнахъ. Но мы возращаемся къ Эолійцамъ Пелопоннеса и изъ Элиды, страны Салмонея, переходимъ въ Коринѳъ, страну Сисифа, чтобы и здѣсь указать на слѣды поклоненія подземному Зевсу. Сюда мы относимъ то изображеніе подземнаго Зевса, о которомъ было говорено выше. стр. 122.

Послѣ всѣхъ данныхъ, приведенныхъ нами въ этомъ отдѣлѣ объ эолійскомъ поклоненіи Зевсу, можно, кажется, считать неоспоримымъ высказанное нами выше положеніе, что эолійское племя покланялось преимущественно преисподнему Зевсу. Эта особенность понятна въ самомъ древнемъ изъ гелленскихъ племенъ, котораго и самый діалектъ стоитъ ближе всѣхъ прочихъ діалектовъ гелленскихъ къ общему корню арійскихъ языковъ, а вслѣдствіе того и къ языку латинскому; съ другой стороны преданностью силамъ земли, посылающимъ богатство, можетъ быть, кажется, объяснена всегдашняя наклонность Эолійцевъ къ физической жизни, особенно поставляемая въ упрекъ Беотійцамъ. Пониманіе главной особенности и историческаго значенія эолійскаго племени открываетъ также смыслъ и тѣхъ удивительныхъ несчастій, которыми, по миѳамъ, судьба преслѣдовала родъ Эола. Объ Аѳамантѣ въ этомъ отношеніи мы говорили нѣсколько разъ выше. Изъ его братьевъ теперь упомянемъ о Салмонеѣ и Сисифѣ.

Оба они знамениты въ миѳологіи тѣми наказаніями, которыя они претерпѣваютъ въ аду по волѣ Зевса. Образъ наказанія Салмонея неизвѣстенъ въ подробности, но за то извѣстно его преступленіе. Онъ ровнялъ себя въ своей надменности съ Зевсомъ, хотѣлъ поддѣлать громъ и молнію и требовалъ поклоненія себѣ. Но Зевсъ умертвилъ его громовымъ ударомъ, разрушилъ его городъ — Сальмону въ Элидѣ — и наложилъ на него тяжкое наказаніе въ тартарѣ.

Digitized by Google

Братъ его, Сисифъ, также совершилъ преступленіе, или противъ Зевса, или вообще противъ боговъ. Онъ былъ царь Эфиры, что̀ послѣ былъ Коринѳъ; у Гомера онъ зовется хитрѣйшимъ изъ мужей, κέρδιστος ἀνδρῶν Il. IV, 153. Въ исторіи поклоненія богамъ онъ приводится въ связь съ Иной и ея сыномъ, Меликертомъ, потому что ему приписывается учрежденіе въ память Меликерта исѳмійскихъ игръ. Извѣстенъ конецъ страданій Ино: она бросилась съ Меликертомъ въ море. Трупъ младенца былъ выброшенъ волнами на берегъ и найденъ Сисифомъ. Для умилостивленія Меликерта, ставшаго богомъ Палемономъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Ино преобразилась въ Левкоѳею, Сисифъ установилъ праздновать на коринѳскомъ перешейкѣ игры, которыя, согласно съ своимъ плачевнымъ происхожденіемъ, всегда носили грустный характеръ. Вѣнокъ, получаемый побѣдителемъ, былъ изъ темнаго плюща или изъ мрачной сосны. Впрочемъ этѣ игры потомъ перешли подъ вліяніе поклоненія Посидону, и Меликертъ-Палемонъ сталъ посидоническимъ существомъ, а Сисифа, по нѣкоторымъ сказаніямъ, умертвилъ Ѳезей, также посидоническій герой. О преступленіи, совершенномъ Сисифомъ и привлекшемъ на него гнѣвъ Зевса, древніе миѳологическіе писатели говорятъ различно; наказаніе, присужденное ему Зевсомъ, описываетъ Гомеръ въ Одиссеѣ XI, 593—600.

Большія несчастія въ жизни и тяжкія наказанія въ тартарѣ, приписываемыя миѳами дѣтямъ Эола, показываютъ, что время этѣхъ героевъ было еще трудное время броженія неустановившихся элементовъ греческой героической жизни. Миѳы говорятъ тоже, что̀ и исторія; они подтверждаютъ, что Эолійцы, люди пестрые по значенію своего имени, αἰολεῖς, и по своей разнохарактерности и распространенію по всей почти Греціи, стоя въ преддверіи греческой исторіи, еще менѣе всѣхъ сво-

Digitized by Google

ихъ собратовъ успѣли возвыситься до свободнаго и спокойнаго быта, возможнаго только послѣ установленія и уравновѣшенія элементовъ жизни и обычая, находимыхъ въ борьбѣ у всѣхъ народовъ въ началѣ исторіи. Борьба и броженіе элементовъ гелленскаго быта составляютъ общее отличіе эолійскаго племени.

Зевсъ у Ахеевъ.

За могучимъ Адомъ, живущимъ въ подземныхъ чертогахъ и имѣющимъ безжалостное сердце, слѣдуетъ у Гезіода въ исчисленіи дѣтей Кроноса (Theog. 456) Посидонъ, сильно стучащій и потрясающій землю. Зевсъ мыслитель рождается послѣ всѣхъ.

Согласно съ этѣмъ, естественно искать въ исторіи греческой религіи поклоненіе Посидону у племени, дѣйствующаго нѣсколько позднѣе, нежели Эолійцы, которые были особенно преданы, какъ мы видѣли, Плутону или Аду. Это ожиданіе вполнѣ оправдывается выводомъ, что Посидону никто такъ усердно не покланялся, какъ Іонійцы, выводомъ, слѣдующимъ изъ несмѣтнаго множества свидѣтельствъ древнихъ писателей о поклоненіи этому богу.

Мѣсто іонійскаго племени довольно загадочно въ греческой исторіи. Іонійцевъ всѣ привыкли противопоставлять Дорійцамъ, и, по изнѣженности и женственности, относить къ времени нѣсколько болѣе позднему, нежели племя дорійское. Но какъ ни основательно можетъ быть такое помѣщеніе Іонійцевъ послѣ Дорійцевъ въ исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей греческой жизни, напримѣръ въ исторіи зодчества, оно однакожъ неприлично во многихъ другихъ сферахъ и особенно въ общемъ обозрѣніи развитія греческаго народа. Какъ въ религіи Посидонъ, богъ іонійскій, былъ несомнѣнно прежде Аполлона, бога Дорійцевъ, такъ и въ поэзіи

Digitized by Google

эпосъ іонійскій гораздо старше дорійской лиры, и время политическаго и коммерческаго процвѣтанія іонійскихъ колоній многимъ ранѣе процвѣтанія Спарты, представительницы доризма.

Что Іонійцы, усердные поклонники Посидона, одного изъ старѣйшихъ между олимпійскими богами, были по происхожденію древнѣе Дорійцевъ, это видно между прочимъ и изъ того, что ихъ Геродотъ называетъ Пеласгами и противополагаетъ Дорійцамъ, какъ Гелленамъ (*τοὺς μὲν τοῦ Δωρικοῦ γένεος, τοὺς δὲ τοῦ Ἰωνικοῦ..... τὸ μὲν πελασγικὸν, τὸ δὲ ἑλληνικὸν ἔθνος.* Herodot. I, 56), а Аристотель прямо отдѣляетъ отъ Гелленовъ, разумѣя подъ Гелленами конечно и Дорійцевъ и Аѳинянъ (*οὕτω γὰρ λέγονται οἱ μὲν Ἕλληνες τὸ γένος, οἱ δὲ Ἴωνες, τῷ οἱ μὲν ἀπὸ Ἕλληνος, οἱ δὲ ἀπὸ Ἴωνος εἶναι πρῶτον γεννήσαντος.* Arist. met. IV, p, 118. 14 Brand.).

Въ хаосѣ свидѣтельствъ древнихъ писателей о взаимномъ отношеніи четырехъ главныхъ греческихъ племенъ: Эолійцевъ, Ахеевъ, Іонійцевъ и Дорійцевъ, есть только то яснаго и опредѣленнаго, что Іонійцы никогда не сближаются съ Дорійцами, но всегда имъ противопоставляются, тогда какъ остальныя два племени нѣкоторыми отдѣляются отъ Іонійцевъ, другими же опять приводятся съ ними въ соприкосновеніе. Ежели къ этому присоединить, что одни Дорійцы считаются Гелленами въ собственномъ смыслѣ, то необходимо будетъ заключить, что остальныя три племени отдѣлились отъ общаго корня прежде нежели Дорійцы и подъ вліяніемъ воззрѣній еще не въ такой степени гелленскихъ, вслѣдствіе чего они съ одной стороны должны быть довольно близки между собой, съ другой легко могли всѣ вмѣстѣ противопоставляться Дорійцамъ.

Этотъ выводъ подкрѣпляется также и героогоніей, въ которой особенно замѣчательны два родословія, по-

Digitized by Google

видимому противорѣчащія одно другому, но соединяющіяся въ признаваніи близкаго родства между Эолійцами, Іонійцами и Ахеями. Одно изъ этѣхъ родословій можетъ быть признано за господствующее, потому что было принято Аполлодоромъ, другое сохранено Эврипидомъ и потому также заслуживаетъ большаго вниманія. Между тѣмъ какъ въ первомъ родословіи, которое Іона и Ахея считаетъ сыновьями Ксуѳа, сына Гелленова и племянниками Эола и Дора, братьевъ Ксуѳовыхъ, лежитъ въ основаніи мнѣніе о тѣсной связи Іонійцевъ съ Ахеями, — другое родословіе, сохранившееся у Эврипида Іон. 63, признаетъ Ксуѳа сыномъ Эола, сына Зевсова, и называетъ его Ахеемъ, слѣдовательно сближаетъ Ахеевъ съ Эолійцами. Всѣ этѣ героогоническія разности причиняли много трудностей ученымъ и представлялись въ видѣ противорѣчій. Но правильное пониманіе взаимныхъ отношеній древнихъ греческихъ племенъ показываетъ, что каждое изъ преданій можетъ быть признано истиннымъ въ своемъ смыслѣ. Дѣло состоитъ въ томъ, что всѣ племена, на которыя распался греческій народъ, вышли изъ одной общей массы пеласгическаго народонаселенія и отдѣлялись одно отъ другаго болѣе временемъ, къ которому относится ихъ происхожденіе, или, что совершенно тоже, степенью ихъ гелленизма, нежели собственно племенными, кровными различіями.

Начало гелленизма, какъ мы видѣли, тѣсно связано съ происхожденіемъ поклоненія Зевсу и, по всему вѣроятію, было имъ обусловлено. Но такъ какъ вмѣстѣ съ Зевсомъ явился греческому сознанію цѣлый міръ боговъ, скрывавшійся до того времени, какъ выражается миѳъ, въ Кроносовыхъ внутренностяхъ, и только послѣ Зевсовой побѣды сдѣлавшійся доступнымъ свободной дѣятельности греческаго миѳологическаго мышленія, то съ воцареніемъ Зевса движеніе не оканчивается, но напротивъ того начинается новый процессъ развитія греческой миѳо-

Digitized by Google

логіи. Этотъ новый процессъ состоялъ отчасти въ совершенно-свободномъ и произвольномъ вымышленіи *поэтическихъ* миѳовъ, что стало возможно послѣ побѣды надъ Кроносомъ, но отчасти и въ выработкѣ такихъ миѳологическихъ образовъ, которые слѣдовали необходимо изъ круга миѳологическихъ понятій, получившаго господство вмѣстѣ съ окончаніемъ титаномахіи въ религіозномъ сознаніи греческаго народа. Греками было исчерпано все обиліе возможнаго въ этомъ отношеніи, и отсюда то богатство мѣстныхъ боговъ и мѣстныхъ миѳовъ, въ которомъ ни одинъ языческій народъ не превзошелъ ихъ. Каждое направленіе, каждая мысль нашли себѣ между ними особыхъ представителей и, такъ сказать, угнѣздились въ одномъ изъ безчисленныхъ мѣстныхъ подраздѣленій греческой земли, или въ собственной Гелладѣ, или на островахъ и въ колоніяхъ малоазіатскихъ и италіянскихъ. Какъ въ языкѣ, въ государственной жизни, въ словесности и искусствѣ, такъ и въ религіи отдѣльныя племена, или даже города Греціи, развивали предпочтительно передъ другими одно какое нибудь изъ направленій, бывшихъ возможными на общей основѣ гелленизма, и по мѣрѣ односторонней вѣрности принятому направленію болѣе и болѣе удалились отъ общаго корня и другъ отъ друга. Но общею связью оставалась первоначальная основа развитія, приходившая съ теченіемъ исторіи все болѣе и болѣе къ сознанію и рѣзко отдѣлявшая Грековъ отъ окружавшихъ ихъ такъ называемыхъ ими варваровъ. Въ религіи этою основою должно считать поклоненіе Зевсу, сохраненное всѣми племенами греческаго народа во всѣ времена язычества, тогда какъ вторые боги были разные въ разныхъ мѣстахъ и даже мѣнялись съ движеніемъ исторіи.

Разнообразная мѣстность, служившая греческому народу для обитанія, и безпрепятственность развитія, происшедшая отъ разныхъ обстоятельствъ, окружавшихъ

Digitized by Google

греческій народъ по мѣсту и времени, сдѣлали возможными необыкновенное обиліе, разнообразіе и несмѣшанную самостоятельность явленій греческой народной жизни и повели къ безконечной почти дробности, въ которой легко запутаться изучающему въ наше время греческую исторію, а при поверхностномъ сравненіи съ исторіей другихъ государствъ, особенно азіатскихъ (напр. китайскаго государственнаго соединенія 400 милліоновъ жителей) можно видѣть что-то мелкое и незначительное. Но задача истинной исторіи должна состоять въ томъ, чтобы разсматривать всю эту дробность явленій не какъ аггрегатъ случайно наросшаго и накопившагося, а какъ организмъ, жившій, во всѣхъ своихъ членахъ одною жизнію, и развивавшійся по своимъ собственнымъ внутреннимъ законамъ. Такое требованіе, теперь всѣми признаваемое въ своихъ правахъ, правда, велико, но въ греческой исторіи оно удобнѣе исполнимо, нежели въ какой-либо другой, потому что едвали какой народъ развивался такъ самостоятельно и безпрепятственно, какъ греческій. Къ тому же главныя точки, сосредоточивавшія въ себѣ развитіе, такъ ясны, что легко увидѣть ихъ послѣ небольшаго труда и потомъ уже отъ нихъ распространять попытки уразумѣнія средъ менѣе ясныхъ.

Въ исторіи греческаго народа, отъ перваго явленія гелленизма до окончанія поступательнаго движенія народной жизни, нельзя не отличить двухъ эпохъ, изъ которыхъ одна была въ своемъ главномъ характерѣ по преимуществу спокойная и самодовольная, другая же напротивъ движимая и возбужденная. Первая есть эпическая эпоха героическихъ монархій; вторая — республиканская эпоха лиры, драмы и пластики. И та и другая имѣли свои особенно свѣтящіяся точки, которыми въ первой были племена, дѣйствовавшія на первомъ планѣ въ героическихъ предпріятіяхъ и ихъ воспѣваніи, а

Digitized by Google

во второй города, ставшіе въ числѣ политической исторіи этого періода. Изъ племенъ времени героически-эпическаго первыя мѣста безспорно принадлежатъ Эолійцамъ, Іонійцамъ и Ахеямъ; между городами политическаго времени начальными были, какъ извѣстно, Спарта и Аѳины. Около этѣхъ средоточій располагаются другія точки въ большемъ или меньшемъ отдаленіи, по мѣрѣ относительнаго родства, и господствуютъ въ большихъ или меньшихъ предѣлахъ въ пространствѣ и времени, по мѣрѣ относительной важности.

Главныя различія между всѣми этѣми болѣе и менѣе важными органами греческой исторіи, развившимися на общей основѣ гелленской народности, были не кровныя, но первоначально заключались въ разностяхъ обычая, образа мыслей и вѣрованій. Это особенно ясно видно на Эолійцахъ и Ахеяхъ, хотя есть нѣсколько основаній принимать тоже и объ Іонійцахъ, см. Uebelen Zur Urgeschichte des ionischen Stamms. Stuttg. 1837. Эолійцы, какъ уже было замѣчено, были, по самому значенію ихъ имени, пестрые люди, съ разныхъ сторонъ сошедшіеся, первоначально стоявшіе, вѣроятно, въ такомъ же кровномъ сродствѣ со всѣми греческими племенами, какъ и между собою. Исторія находитъ слѣды ихъ имени почти вездѣ въ Греціи, и потому очень естественно можно придти къ предположенію, что ихъ имя было собирательное. См. Thiersch in den Abhandlungen der Münchener Akademie. 1813 S. 44. Силою, собравшею Эолійцевъ и отдѣлившею ихъ отъ прочихъ племенъ, были вѣроятно начатки героическаго обычая, который, какъ мы видѣли, у нихъ впервые явился.

Ахеи выступаютъ нѣсколько позже Эолійцевъ и съ другимъ характеромъ. Тогда какъ главные герои, участвовавшіе въ походѣ Аргонавтовъ и въ троянской войнѣ, принадлежатъ по большей части эолійскому племени, Ахеями всегда называется у Гомера вся масса народа,

Digitized by Google

сражавшагося подъ Троею, и окружавшая въ видѣ дружины главныхъ героевъ. Ихъ имя еще менѣе чѣмъ эолійское означаетъ кровное племенное родство. Оно было очень славно въ Гомерово время и безпрестанно упоминается въ гомерическихъ пѣсняхъ, но, въ послѣдствіи времени, почти совсѣмъ исчезаетъ и удерживается только въ имени небольшой части Пелопонесса и Ѳессаліи и въ преданіяхъ нѣкоторыхъ колоній (особенно Кротоны и нѣкоторыхъ другихъ ахейскихъ колоній въ Италіи). Мы даже ничего не знаемъ объ ахейскомъ діалектѣ, что̀ очень замѣчательно, и чего бы не могло быть, ежели бы Ахеи были особымъ племенемъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Поэтому Бёкъ въ своихъ лекціяхъ о греческихъ древностяхъ (читаемыхъ имъ въ берлинскомъ Университетѣ, не напечатанныхъ) вовсе ихъ не признаетъ отдѣльнымъ племенемъ въ такомъ смыслѣ, какъ Эолійцевъ, Іонійцевъ и Дорійцевъ, и мы можемъ прибавить къ этому рѣшенію великаго ученаго, что ихъ именемъ, вѣроятно, обозначалось извѣстное состояніе народа, подчинившагося вполнѣ героическому обычаю.

Нѣкоторый свѣтъ проливаетъ на этотъ вопросъ объ Ахеяхъ слѣдующее мѣсто у Павзанія (VII, 1, 7.). »Когда Архандръ и Архитель, дѣти Ахеевы, говоритъ Павзаній, усилились въ Арголидѣ и Лакедемонѣ, тогда пришлось и жившимъ тамъ людямъ называться Ахеями, *τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐνταῦθα ἐξενίκησεν Ἀχαιοὺς κληθῆναι.* Это у нихъ имя было общее, а Даная́ми назывались одни жители Арголиды.«

Мы видимъ, что въ этомъ мѣстѣ Павзанія Ахеи приводятся въ связь съ сыновьями миѳическаго Ахея, и ихъ имя производится отъ ихъ подчиненія этѣмъ героямъ. Но самъ Ахей есть миѳическое лице, котораго древность очень сомнительна, особенно если исключить Ахеевъ, какъ дѣлаетъ Бёкъ, изъ четверичнаго дѣленія племенъ, производимыхъ отъ Геллена. Съ другой же стороны упо-

Digitized by Google

требленіе ахейскаго имени такъ обще у Гомера, что вовсе непозволительно относить его къ одному отдѣлу Грековъ, ибо у Гомера оно принадлежитъ всѣмъ дружинамъ, пришедшимъ подъ Трою вслѣдъ за героями, ими предводившими.

Изъ этого видно, что ежели Ахеи не были особеннымъ племенемъ, отдѣлявшимся кровнымъ различіемъ отъ прочихъ гелленскихъ племенъ, то ихъ нельзя считать и за небольшую дружину, имѣвшую ограниченное участіе въ героическихъ предпріятіяхъ, но что ихъ значеніе гораздо обширнѣе, и что они могутъ считаться вообще представителями всего греческаго народа въ героическій періодъ. Въ нихъ, какъ они являются у Гомера, дѣйствительно нельзя замѣтить ничего, что̀ сколько нибудь указывало бы на характеръ отдѣльнаго племени, стоящаго наряду съ другими племенами. Племенная отдѣльность можетъ быть приписана только тому маленькому ахейскому народцу, упоминаемому вмѣстѣ съ Мирмидонами и Гелленами въ Ахилловой дружинѣ (*οἱ δ' εἶχον Φθίην καὶ Ἑλλάδα καλλιγύναικα, Μυρμίδονες δὲ καλεῦντο καὶ Ἕλληνες καὶ Ἀχαιοί*, Il. II, 683), съ котораго имя Ахеевъ могло быть перенесено на всю греческую дружину, сражавшуюся подъ предводительствомъ всѣхъ знаменитѣйшихъ героевъ той эпохи, но который самъ по себѣ составлялъ едва замѣтную частицу всей массы ахейскаго войска. Ахеи троянской войны были не племя въ обыкновенномъ смыслѣ, но соединеніе тѣхъ элементовъ всѣхъ греческихъ племенъ, въ которыхъ была наклонность къ героическому образу жизни. Они могли имѣть много общаго между собою не только во внѣшности, но даже и въ способѣ выражаться, и потому могли отличать себя отъ прочихъ настоящихъ племенъ, но племенемъ они отъ того еще не были и напротивъ скорѣе служили средою, въ которой соединялись героическіе элементы всѣхъ племенъ, и въ которой осуществлялась та степень сознанія

Digitized by Google

греческаго народа о своемъ единствѣ, которая была возможна въ героическое время.

При такомъ пониманіи особенностей ахейскаго имени (такъ выразиться вѣрнѣе, нежели сказать: ахейскаго племени) становятся совершенно понятными тѣ противорѣчія въ свидѣтельствахъ объ отношеніи Ахеевъ къ прочимъ племенамъ, о которыхъ мы уже замѣтили, что они весьма затрудняли многихъ ученыхъ. Такъ какъ Ахеи произошли изъ разныхъ племенъ, то они дѣйствительно могутъ называться и Эолійцами и Іонійцами (сравни еще Страбона VIII, p. 514, 13. *οἱ Ἴωνες ἐξέπεσον ὑπὸ Ἀχαιῶν Αἰολικοῦ ἔθνους*), и нѣтъ ничего страннаго, когда Ахеями зовутся и другія менѣе знаменитыя племена. Но этѣмъ еще не уничтожается различіе, дававшее Ахеямъ особый характеръ, не смотря на племенное тождество одной ихъ части съ однимъ племенемъ и другой съ другимъ. Одни гомеровскіе эпитеты Ахеевъ даютъ уже прекрасное понятіе о томъ, чѣмъ Ахеи отличались отъ другихъ Грековъ. Они называются великодушными (*μεγάθυμοι*), героями (*ἥρωες*), бранелюбивыми, (*ἀρηΐφιλοι*), велеславными (*ὑπερκύδαντες*), бойкоглазыми (*ἑλίκωπες*), мѣднохитонными (*χαλκοχίτωνες*), мѣднопоножными (*χαλκοκνήμιδες*). Очевидно, что всѣ этѣ эпитеты лучше относятся къ отборной части многихъ племенъ, нежели къ одному какому-либо отдѣльному и обыкновенному племени, и такимъ образомъ сказанное выше о происхожденіи Ахеевъ подтверждается не только героогоніей, но и гомерическимъ изображеніемъ людей этого имени.

Но еще гораздо важнѣе другое обстоятельство, на которое также проливаетъ неожиданный свѣтъ выше изложенное пониманіе значенія ахейскаго имени, и которое прямо относится къ ряду вопросовъ, занимающихъ насъ въ этомъ сочиненіи. Я хочу сказать о томъ замѣчательномъ явленіи религіозной жизни Ахеевъ, что они не покланялись особенно никакому второму богу, какъ прочія

Digitized by Google

племена и города греческіе, но обращали свои мысли преимущественно къ Зевсу, въ его собственномъ значеніи царственнаго бога, честя прочихъ боговъ почти всѣхъ наровнѣ между собою.

Частое упоминаніе Зевса въ гомерическихъ рапсодіяхъ никогда не укрывалось отъ остроумія ученыхъ, но въ немъ обыкновенно видѣли только общее выраженіе чувства зависимости отъ боговъ и привычки относить къ нимъ все происходящее въ мірѣ. Но историческое пониманіе миѳологіи въ ея развитіи приводитъ къ другимъ воззрѣніямъ при наблюденіи этого замѣчательнаго явленія. Когда ахейскій бытъ устанавливался, поклоненіе Зевсу было еще недавнимъ явленіемъ; Зевсъ былъ еще новымъ богомъ, и его отношенія къ другимъ богамъ и человѣку только что опредѣлялись. Поэтому въ частомъ призываніи и упоминаніи Зевса Ахеями слѣдуетъ видѣть нѣсколько болѣе, нежели простое призываніе и упоминаніе главнаго бога. Къ нему обращались мысли Ахеевъ не только какъ къ главному, но и какъ къ новому богу, особенно *имъ* принадлежащему, а у другихъ родственныхъ племенъ еще не въ такой степени и не въ такомъ царственномъ видѣ прославляемому. Самъ даже Гомеръ, іонійскій пѣвецъ, воспѣвавшій дѣла Ахеевъ, когда ихъ бытъ вѣроятно уже принадлежалъ отчасти къ прошедшему, еще ясно сохранилъ народныя воспоминанія о племенахъ, не хотѣвшихъ знать Зевса. Поэтому и для Гомера еще должно было соединяться много живыхъ мыслей съ однимъ именемъ Зевса, и въ ненасытимомъ желаніи Гомера все приписывать олимпійскимъ богамъ еще никакъ нельзя видѣть заученой привычки и чего-то машинальнаго. Зевсъ и олимпійскіе боги были у него всегда въ мысли, потому что еще были новы, и потому что еще недавни были тѣ великія усилія, которыя привели ихъ господство и вмѣстѣ съ тѣмъ господство новаго быта и новаго обычая. Когда Гомеръ говоритъ, что въ событіяхъ,

Digitized by Google

воспѣваемыхъ Иліадой »*Зевсова* совершилась дума« *Διὸς δ' ἐτελείετο βουλή*, то здѣсь на словѣ Зевсъ лежитъ особенное удареніе и точно то же можно сказать о томъ мѣстѣ Одиссеи, гдѣ Феаки изображаются народомъ любезнымъ богамъ и говорится, что они по *Зевсовой* волѣ умѣютъ шибко бѣгать ногами и сильны на корабляхъ, Od. VIII, 246. Въ гомерическихъ благодареніяхъ Зевсу за счастіе, за богатство, за военный успѣхъ заключается болѣе, нежели простыя благодаренія главному богу; въ словахъ, что судьи держатъ законы отъ Зевса, что царямъ Зевсъ даетъ царскій жезлъ, находится мысль о зависимости дѣйствовавшихъ тогда обычныхъ законовъ и господствовавшей героической монархіи отъ поклоненія именно Зевсу. Но всего яснѣе прямое приведеніе въ связь съ Зевсомъ героическаго быта въ тѣхъ словахъ Одиссея, гдѣ онъ изображаетъ героевъ людьми, »которымъ Зевсъ назначилъ отъ юности и до старческаго возраста усиленно разматывать тяжелыя войны, пока не погибнутъ они всѣ.« Il. XIV, 85—88. По этѣмъ словамъ герои несутъ тяжкій трудъ войны, исполняя волю Зевса. То есть: они служатъ тому направленію народной жизни, которое возникло одновременно и въ условной связи съ распространеніемъ поклоненія Зевсу. Только въ такомъ смыслѣ можно вполнѣ понять отнесеніе Гомеромъ къ Зевсу всѣхъ главныхъ учрежденій героическаго быта.

Но это прославленіе Зевса въ гомерическихъ рапсодіяхъ имѣетъ еще другую сторону. Зевсъ противопоставляется тамъ прочимъ Олимпійцамъ, можетъ быть, не менѣе, чѣмъ своимъ предшественникамъ. Послѣдніе у Гомера почти вовсе не упоминаются, и ежели память о нихъ въ немъ еще довольно жива, то это только побуждаетъ его къ еще большей хвалѣ Олимпійцевъ. Но за то олимпійскій міръ боговъ является у него уже въ значительной ясности; всѣ боги, раздѣлившіе между собою города и святилища Греціи историческаго времени, уже суще-

Digitized by Google

ствуютъ въ гомерическомъ сознанія, но впрочемъ такъ, что ни одинъ изъ нихъ особенно не выдается, и это составляетъ особенность гомерическаго религіознаго сознанія. Зевсъ господствуетъ въ немъ царственно и даетъ каждому изъ главныхъ боговъ, его окружающихъ, равное съ другими мѣсто. Боги спорятъ между собою; въ Иліадѣ даже сражаются; но это отзывается на землѣ только борьбою Ахеевъ и Троянъ; между самыми Ахеями религіозное единство, сдерживаемое Зевсомъ, еще не расколоно, и главные изъ вторыхъ боговъ не спорятъ о дѣлежѣ между собою Ахеевъ. Въ героѣ Одиссеѣ уже замѣтна, правда, особенная преданность Аѳинѣ и какъ бы ея предпочитаніе прочимъ вторымъ богамъ, но такъ какъ это предпочитаніе еще не высказывается рѣзко, то можно утверждать, что общій религіозный характеръ гомерическихъ людей все-таки состоитъ въ такомъ поклоненіи Олимпійцамъ, которое возвышало одного Зевса и потому могло служить единствомъ для всѣхъ тогда уже обозначавшихся особенностей. Болѣе же всего это центральное значеніе ахейскаго поклоненія условливалось тѣмъ, что ахейскій Зевсъ, изображаемый въ гомерическихъ рапсодіяхъ, сталъ верховнымъ богомъ въ собственномъ смыслѣ слова и совершенно освободился отъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ, пересиливавшихъ одинъ другой на прежнихъ степеняхъ явленія Зевса и теперь устраненныхъ, особенно же отъ оттѣнковъ плутоническаго и посидоническаго. Вслѣдствіе этого освобожденія ахейскій Зевсъ сталъ въ полномъ смыслѣ верховнымъ владыкою на Олимпѣ, *ὕπατος κρειόντων*, и могъ привлечь къ себѣ поклонниковъ и изъ Эолійцевъ и изъ Іонійцевъ, что̀ повело многихъ изъ нихъ къ принятію ахейскаго имени и къ выработкѣ ахейскаго, т. е. героическаго въ полнѣйшемъ смыслѣ, обычая.

Ахеевъ мы знаемъ премущественно изъ Гомера; въ историческое время Греціи пора ихъ силы и славы уже

Digitized by Google

прошла: они приняли по большей части имя своихъ побѣдителей, и тѣ изъ нихъ, которые еще сохранили славное старое имя Ахеевъ, не стоятъ во время процвѣтанія Греціи въ челѣ движенія и только послѣ склоненія къ упадку, по какой-то дивной судьбѣ, являются опять съ своимъ прежнимъ значеніемъ соединителей греческаго народа и устроиваютъ извѣстный ахейскій союзъ, благодаря которому имя: »Ахаія«, стало у Римлянъ оффиціальнымъ именемъ цѣлой Греціи. Слѣдить за участіемъ Ахеевъ въ политической исторіи лежитъ внѣ нашей теперешней точки зрѣнія, опредѣляемой исторіей поклоненія Зевсу, и потому мы ограничимся указаніемъ на тотъ замѣчательный и разительный фактъ, что гдѣ только въ историческое время замѣчаются ясные слѣды Ахеевъ, вездѣ мы находимъ и поклоненіе Зевсу, какъ мѣстную принадлежность.

Начнемъ съ отдаленныхъ восточныхъ странъ, въ которыя издавна зашли ахейскіе выходцы. Извѣстно, что одна часть ихъ поселилась на восточномъ берегу Чернаго-моря еще во времена глубокой древности и, оставаясь тамъ безъ сообщенія съ средоточіемъ греческой народности, наконецъ одичала и дошла до ненависти къ Гелленамъ. Мы очень мало знаемъ о тѣхъ трехъ племенахъ, которыхъ происхожденіе возводится къ двукратной колонизаціи этѣхъ странъ Ахеями, сначала во время похода Аргонавтовъ, въ которомъ принимали участіе Фѳіотійскіе Ахеи (Strab. XI, p. 495 D), потомъ во время троянской войны, по окончаніи которой туда были занесены Ахеи орхоменійскіе (см. Рауль-Рошетта II, 210 и 419.). Имена этѣхъ племенъ суть: Тиндариды, Геніохи и Ахеи. Бѣдность извѣстій, сохранившихся о нихъ, дѣлаетъ неудивительнымъ, что мы вовсе ничего не знаемъ о ихъ религіи. Иначе мы, вѣроятно, и у нихъ встрѣтили бы какіе нибудь слѣды поклоненія Зевсу, хотя и помертвѣвшаго. По крайней мѣрѣ это можно предполагать

Digitized by Google

по одному городу, приводимому изъ ихъ страны и носящему имя Діоскуріи.

Гораздо болѣе извѣстно внутреннее состояніе другой страны, также восточной, въ которую, по преданію, выселились Ахеи еще въ болѣе отдаленное время. Я говорю о Каріи. Колонизація ея Ахеями относится къ Тріопу, внуку Эола, и его сыну Форбасу, выведшимъ туда Ахеевъ вмѣстѣ съ Пеласгами (см. Рауль-Рошетта I, 334—344). Имя Тріопа уже намъ извѣстно. Это было прозвище Зевса треглазаго, котораго идолъ былъ найденъ Павзаніемъ въ аргивской Ларисcѣ (см. выше стр. 121). Мы его отнесли къ пеласгическому времени, но найти его въ связи съ Ахеями отнюдь не можетъ быть странно. Ахеи именно тотъ народъ, который удержалъ понятіе Зевса въ его собственномъ значеніи верховнаго бога, слѣдовательно въ его верховности надъ Плутономъ и Посидономъ. Поэтому треглазый Зевсъ могъ быть существомъ, покровительствовавшимъ выведенію ахейской колоніи въ Карію. Его имя могло быть дано колонистами главному мысу страны, на которомъ ими былъ построенъ ихъ главный городъ Книдъ и ихъ главный храмъ Зевса. Этѣ же колонисты основали еще другой городъ въ Каріи, не менѣе знаменитый, чѣмъ Книдъ, именно — Галикарнассъ, и этѣмъ прекрасно объясняется то обстоятельство, что на монетахъ Галикарнасса мы встрѣчаемъ додонскаго Зевса (см. Eckhel D. N. V. II, p. 582). Преданіе говорило, что Тріопъ вышелъ въ Карію изъ Ѳессаліи, именно изъ Дотіона, или изъ страны Перребовъ (Callim. h. in Cer. v. 25. Eustath. ad Il. IV); въ Ѳессаліи же, какъ извѣстно, была своя Додона, стоявшая, конечно, въ связи съ ѳеспротскою Додоною и по служенію Зевсу. Третьимъ важнымъ пунктомъ въ Каріи былъ городъ Миласса съ сосѣдственною Лабрандою. Оба города были знамениты своимъ поклоненіемъ Зевсу. Въ первомъ находился храмъ Зевса по прозвищу Осого, построенный изъ мрамора

Digitized by Google

необыкновенной бѣлизны (нѣкоторые путешественники полагаютъ что нашли его, Richters Wallfahrten p. 545) и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ находился источникъ морской воды, несмотря на то, что Миласса отстояла отъ морскаго берега на 80 стадій (14 верстъ). Павзаній, разсказывающій о такой чудесной особенности (VIII, 10, 3), свидѣтельствуетъ, что подобные тому источники морской воды находились въ аркадской Мантинеѣ въ храмѣ Посидона коннаго (ἵππιος) и въ Аѳинахъ въ Эрехѳеонѣ. Такъ какъ оба послѣднія святилища находятся въ связи съ служеніемъ Посидону, то можно предположить, что и миласскій Зевсъ Осого носилъ посидоническій характеръ. Другой храмъ Зевса находился неподалеку отъ Милассы въ небольшомъ мѣстечкѣ, называвшемся Лабрандою и отстоявшемъ отъ Милассы на 60 стадій (безъ малаго 11 верстъ). Это мѣстечко лежало въ горахъ и до него вела изъ Милассы священная мощеная дорога. Зевсъ, которому покланялись въ лабрандскомъ храмѣ, былъ страшный богъ. Онъ держалъ въ рукахъ двойную сѣкиру и копье и назывался Στράτιος и Λαβρανδεύς. Особенностью его храма былъ бассейнъ, въ которомъ сидѣли рыбы въ золотыхъ ожерельяхъ и кольцахъ, Aelian. V. H. XII, 30. Изображеніе его идола съ четверикомъ на головѣ находится на одной миласской монетѣ временъ императора Геты, см. у Мюллера D. A. K. II, n. 30. Кромѣ Зевса лабрандскаго и Зевса Осого на надписяхъ, собранныхъ въ Каріи въ 1848 году англійскимъ архитекторомъ Фалькенеромъ и уступленныхъ имъ для изданія одному изъ секретарей римскаго археологическаго Института, Генцену, открылся Зевсъ высочайшій, ὕψιστος, соотвѣтствующій тому Зевсу высочайшему, Z. ὕπατος, котораго мы узнали выше (стр. 116). Поэтому въ засѣданіи римскаго археологическаго Института 13-го апрѣля 1849 года, какъ видно изъ Bulletino, Генценъ сообщилъ предположеніе, не покланялись ли Карійцы тремъ Зевсамъ,

Digitized by Google

изъ которыхъ лабрандскій Зевсъ соотвѣтствовалъ бы Плутону, Зевсъ Осого Посидону, Зевсъ ὕψιστος Зевсу въ собственномъ смыслѣ небеснаго бога. Это предположеніе Генцена находитъ значительное подкрѣпленіе въ томъ, что̀ извѣстно намъ изъ преданій объ участіи Тріопа въ выведеніи ахейской колоніи въ Карію. Оно удивительно какъ согласно съ нашимъ положеніемъ о поклоненіи Ахеевъ преимущественно Зевсу, какъ верховному богу, возвысившемуся надъ плутоническою и посидоническою односторонностью и чрезъ то способному стать собирателемъ и соединителемъ греческаго народа. Это соединительное значеніе мы находимъ и въ карійскомъ Зевсѣ, храмъ котораго, отличаемый отъ храмовъ Зевса Осого и лабрандскаго, былъ средоточіемъ союза Карійцевъ, Лидійцевъ и Мисійцевъ. Hdt. I, 171. Strabo XIV, c. 2, p. 659.

Другая часть той же самой колоніи, которая поселилась между Карійцами и принесла туда ахейскаго Зевса, перешла подъ предводительствомъ Форбаса на островъ Родосъ (Рауль Рошеттъ l. l.), и ей-то, вѣроятно, надобно̀ приписать основаніе города Ахаіи, упоминаемаго на этомъ островѣ, а равно и учрежденіе поклоненія Зевсу. Родосскій Зевсъ носилъ прозвище Атабирія по имени горы Ἀταβύριον, главной на цѣломъ островѣ и лежащей на его южномъ берегу, такъ что съ нея виденъ островъ Критъ. Слово Ата́бирій есть восточное слово и тождественно съ именемъ галилейской горы Ѳаворъ, называемой у греческихъ и латинскихъ писателей Атабиріемъ, у Іосифа Флавія Итабиріемъ. Но, несмотря на восточное происхожденіе прозвища родосскаго Зевса, надобно все-таки приписывать принесеніе поклоненія Зевсу на островъ Родосъ Грекамъ (какъ кажется, именно ахейскимъ). По крайней мѣрѣ на то указываетъ преданіе Родосцевъ, что первый жертвенникъ Зевсу Атабирію былъ сооруженъ Алѳеменомъ, сыномъ Катрея, внукомъ Миноса. Diodor. V, 59. Apollod. III, 2, 1. 2.

Digitized by Google

Отъ востока мы переходимъ въ самую Грецію и здѣсь въ историческое время находимъ Ахеевъ только въ С. З. части Пелопонеса, въ такъ называемой Ахаіи. Эта страна была сначала обитаема Іонійцами и называлась Эгіалеемъ или поморьемъ. У Іонійцевъ былъ здѣсь, какъ и вездѣ, храмъ ихъ племеннаго бога, Посидона, сооруженный на скалѣ надъ берегомъ моря, въ городѣ Геликѣ. Когда Дорійцы завладѣли почти всѣмъ Пелопоннесомъ и лишили Ахеевъ ихъ прежняго господства надъ полуостровомъ, то Ахеи, тѣснимые Дорійцами, обратились въ свой чередъ на Іонійцевъ и вытѣснили ихъ изъ Пелопоннеса, принудивъ выселиться въ Аѳины и Малую Азію. Ахеи, какъ видно, были тогда сильнѣе Іонійцевъ, но слабѣе Дорійцевъ, т. е. занимали по силѣ точно такое же мѣсто между этѣми двумя племенами, какое по историческому значенію. Поселившись на мѣстахъ жительства Іонійцевъ, они сохранили сначала геликское поклоненіе Посидону, которое прекратилось вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ весь городъ въ 373 году до Р. Х. обрушился въ море. На ряду съ поклоненіемъ Посидону, наслѣдованному Ахеями отъ Іонійцевъ, они устроили свое племенное поклоненіе Зевсу, по прозвищу Собирателю, Ζ. ὁμαγύριος. Его храмъ находился въ городѣ Эгіонѣ, Αἴγιον, на самомъ берегу моря. Въ храмѣ стояли идолы самаго Зевса [1]), Афродиты и Аѳины; въ немъ совершались обряды, въ которыхъ участвовали жители всѣхъ 12 городовъ Ахаіи. Близь города Эгіона была роща; тамъ собиралось общее ахейское вѣче. Paus. VII, 24. Strab. VIII, 7, p. 385 и 387. (У Страбона приводится имя этой рощи на 385 стр. Ἀρνάριον (такъ въ моск. код.; въ прочихъ Ἀρναρίον), а на 387 стр. Αἰνάριον, изъ чего видно, что оно

---

[1]) На монетахъ Ахаіи этотъ Зевсъ изображается стоя, съ копьемъ въ одной рукѣ и побѣдой на другой. см. Eckhel. D. N. V. II, p. 231 sqq.

Digitized by Google

испорчено. Изъ поправокъ, предложенныхъ учеными, всего болѣе говоритъ за себя предположеніе Куна къ Павз. 7, 7, p. 538, исправляющаго *Ὁμόριον*, основываясь на эпитетѣ Зевса *Ὁμόριος*, употреблявшемся у италійскихъ Ахеевъ, и на чтеніи у Полибія V, 93, 10: *ὑμάριον*). Совѣщанія вѣча, собиравшагося въ этой рощѣ, имѣли, вѣроятно, сначала преимущественно религіозное значеніе; политическими дѣлами вѣче занималось еще мало, и то, конечно, только по отмѣнѣ царскаго достоинства. Но всетаки эгіонская роща служила средоточіемъ, связывавшимъ 12 городовъ въ одно цѣлое, хотя и не ограничивавшимъ верховности каждаго изъ нихъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Этѣмъ объясняется съ одной стороны слабость и незначительность Ахеевъ во времена процвѣтанія Греціи, условливавшаяся раздробленностью и отсутствіемъ крѣпкаго единства, съ другой стороны однакожъ и то обстоятельство, что италійскіе Греки по разрушеніи пиѳагорейскаго союза могли искать въ подражаніи ахейскому устройству спасенія отъ безконечныхъ внутреннихъ распрей (см. Strab. l. l. Polyb. II, 39.). Въ общихъ дѣлахъ Греціи Ахеи почти вовсе не принимали участія; они долго оставались неутральны въ греческихъ междоусобіяхъ и тѣмъ сохраняли свой первоначальный характеръ, заключавшійся, какъ по крайней мѣрѣ намъ кажется, именно въ отрицаніи племенныхъ односторонностей. Такое положеніе сдѣлало ихъ способными къ роли посредниковъ, въ которой мы ихъ дѣйствительно видимъ, при переговорахъ между Лакедемонцами и Ѳивянами послѣ сраженія при Левктрахъ въ большой беотійской войнѣ. Но положительное вліяніе на дѣла Греціи они пріобрѣли, какъ извѣстно, только въ македонское время, когда имъ удалось, подъ руководствомъ Арата и Филопемена, соединить на нѣсколько времени весь Пелопоннесъ и бо́льшую часть остальной Греціи въ одинъ ахейскій союзъ. Слуги Зевса собирателя, они явились послѣдними собирателями

Digitized by Google

греческой земли, и съ паденіемъ ихъ союза совпадаетъ окончательное разрушеніе греческой независимости.

Полибій, переходя во второй книгѣ своей исторіи (II, 38) къ описанію ахейскихъ дѣлъ, говоритъ, что Ахеи обязаны своимъ возвышеніемъ и распространеніемъ своего имени по всему Пелопоннесу не обширности своей страны, не многочисленности городовъ, не богатству и не храбрости жителей, но тому обстоятельству, что равенства правъ между городами, откровенности въ общественныхъ дѣлахъ и вообще истинной демократіи нельзя было нигдѣ найти въ такой силѣ и чистотѣ, какъ у Ахеевъ: *τῆς ἰσηγορίας καὶ παῤῥησίας καὶ καθόλου δημοκρατίας ἀληθινῆς σύστημα καὶ προαίρεσιν εἰλικρινεστέραν οὐκ ἂν εὕροι τις, τῆς παρὰ τοῖς Ἀχαιοῖς ὑπαρχούσης.* У нихъ было два сильнѣйшихъ помощника, продолжаетъ Полибій,—*ἰσότης καὶ φιλανθρωπία*, и замѣчаетъ, что этѣ качества были издревле принадлежностью Ахеевъ. Въ доказательство онъ приводитъ упомянутый уже фактъ, что когда въ Великой Греціи разрушился союзъ Пиѳагорейцевъ, и гелленскія колоніи, находившіяся тамъ, сильно страдали отъ убійствъ, возстаній и волненій всякаго рода, то изо всѣхъ греческихъ государствъ, явившихся примирителями, съ наибольшимъ успѣхомъ удалось дѣйствовать Ахеямъ. И не только на одинъ разъ италійскіе Греки показали тогда уваженіе къ Ахеямъ, но и нѣсколько послѣ по общему согласію опредѣлили устроить свои государственныя дѣла по образцу ахейскихъ. Вслѣдствіе взаимныхъ совѣщаній жители Кротона, Сибариса и Кавлоніи воздвигли единодушно храмъ Зевса Гоморія (*Ὁμόριος*, по другимъ рукописямъ *Ὁμάριος*) и назначили мѣсто для общихъ сходокъ; а равно опредѣлили устроить свои государственныя дѣла по ахейскимъ обычаямъ и законамъ. Polyb. II, 39.

Мы видимъ, что при учрежденіи этого нижне-италіянскаго союза религіознымъ средоточіемъ стало покло-

Digitized by Google

неніе Зевсу, учрежденное по ахейскому обычаю. Есть основаніе думать, что это поклоненіе было тогда только возстановлено послѣ нѣкотораго забвенія. Въ древней исторіи вообще мы еще очень рѣдко встрѣчаемъ заимствованія, основанныя на совершенно-свободномъ произволѣ заимствующихъ; гораздо чаще передача обычаевъ условливается смѣшеніемъ крови. Города Великой Греціи, которые ввели у себя ахейскіе законы, были и первоначально ахейскими поселеніями: они обязаны своимъ основаніемъ, по преданію, ахейскимъ колонистамъ. Кротонъ основанъ Мискелломъ, вождемъ Ахеевъ, отправившимся послѣ троянской войны изъ Риповъ въ Ахаіи. Кавлонія была выведена изъ Кротона; въ ея основаніи принимали участіе также пелопоннесскіе Ахеи. Сибарисъ отчасти также заключалъ въ своихъ стѣнахъ ахейское народонаселеніе, которое производило себя изъ Эговъ или Буры въ Ахаіи. См. о всѣхъ трехъ колоніяхъ Рауль-Рошетта III, 185—192. 240—247. Ахейскому элементу въ этѣхъ трехъ колоніяхъ надобно приписать, какъ кажется, нѣкоторые типы на тамошнихъ монетахъ, именно кротонскаго орла, сибаритскаго быка и кавлонскаго загадочнаго безбородаго, держащаго нѣчто въ родѣ молніи. См. Eckhel D. N. V. I, 160, 167, 170. Извѣстно процвѣтаніе двухъ изъ этѣхъ колоній, Сибариса и Кротона. Первый распространилъ въ послѣднее время римскаго царскаго періода свою власть надъ всей южной Италіей и обратилъ, какъ надобно догадываться, тамошнихъ жителей, Энотровъ или Пеласговъ, въ крѣпостныхъ, *πενέσται*. См. Стефана Визант. s. v. *Χῖος*. Но Сибариты впали въ изнѣженность, и потому, несмотря на обширность своихъ владѣній, должны были претерпѣть пораженіе со стороны Кротоніатовъ (243 a. u. c.) Послѣдніе отличались издревле чистотою нравовъ и образцовыми учрежденіями, которыя были еще усовершенствованы послѣдователями Пиѳагора. Этѣмъ объясняется, что Кротонъ сталъ въ главѣ союза, имѣвшаго цѣлію соеди-

Digitized by Google

нить ахейскія колоніи и возстановить въ нихъ ахейское государственное устройство. Въ Кротонѣ ахейскій элементъ сохранился, какъ надобно полагать, въ бо́льшей чистотѣ, нежели въ другихъ колоніяхъ, и потому намъ неудивительно найти именно въ Кротонѣ особенно-замѣчательное развитіе агонистики, учрежденія, которое въ продолженіе періода собственно-гелленскаго тѣсно связано съ поклоненіемъ богамъ и особенно Зевсу. Всѣмъ извѣстенъ Кротоніатъ Милонъ, считавшійся за перваго атлета въ Греціи.

Мы привели всѣ этѣ факты о поклоненіи Зевсу у Ахеевъ историческаго времени, чтобы подтвердить ими наше положеніе, что всѣ Ахеи преимущественно покланялись Зевсу, какъ верховному богу, и именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ гомерическихъ рапсодіяхъ. Но всѣ тѣ мѣстныя поклоненія ахейскому Зевсу, которыя исчислены нами, должны быть считаемы за второстепенныя поклоненія; средоточіемъ служенія Зевсу въ героическое время было, конечно, средоточіе царства Агамемнонова, — Аргосъ, та страна Геллады, въ которой ахейская героическая жизнь дошла до полнѣйшаго развитія. Къ сожалѣнію, это царство пало, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ цвѣтъ героической жизни увялъ; Аргосомъ завладѣли Дорійцы, народъ, не допускавшій героизма, отдѣляющагося отъ общей массы свободныхъ гражданъ. У Дорійцевъ всѣ настоящіе граждане были равные, ὁμοῖοι; даже во время боя непозволено было у нихъ бросаться впередъ изъ стройнаго ряда воиновъ; героевъ, сражающихся съ колесницъ, уже не было, и только какъ воспоминаніе того, что и у Дорійцевъ было свое героическое время, въ Спартѣ до самаго конца ея исторіи оставались два царя изъ рода Геркулесова. Дорійцы разрушили царство Агамемноново, и потому намъ бы нельзя было найти связи, соединявшія ахейскій героическій бытъ съ поклоненіемъ Зевсу, если бы до насъ не дошли тѣ зна-

Digitized by Google

менитыя рапсодіи, которыя въ своемъ зернѣ происходятъ отъ безсмертнаго пѣвца, называемаго Гомеромъ, и воспѣваютъ подвиги Ахеевъ подъ Троей и ихъ несчастное возвращеніе на родину. Въ этѣхъ рапсодіяхъ надобно видѣть изображеніе ахейскаго героическаго быта во всей чистотѣ, хотя и съ нѣкоторой идеализаціей; потому что именно тѣ колоніи, въ которыхъ развилась героическая поэзія (такъ Греки называли свой эпосъ), были основаны выходцами изъ Греціи, оставившими свое отечество вслѣдствіе завоеванія ахейскихъ царствъ Дорійцами. На этотъ фактъ мы должны обратить особенное вниманіе; онъ дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе Кёхли (въ превосходной статьѣ: Homer und das heroische Epos въ Zeitschrift für Alterthumswissenschaft. 1843.), что героическій бытъ, разрушенный въ собственной Греціи Дорійцами, нашелъ убѣжище въ малоазіатскихъ колоніяхъ, и еще долго существовалъ. Малоазіатскія колоніи не называются, правда, ахейскими; за исключеніемъ позднѣйшихъ дорійскихъ, всѣ онѣ или эолійскія или іонійскія. Но это не только не опровергаетъ нашего мнѣнія; напротивъ еще подтверждаетъ то, что̀ сказано нами объ ахейскомъ имени. Когда существовали дружины ахейскія или царства, ими основанныя, тогда ахейское имя могло еще держаться, но по разрушеніи тѣхъ и другихъ оно необходимо должно было уступить мѣсто настоящимъ племеннымъ именамъ, каковыми были имена Эолійцевъ или Іонійцевъ. Остаткомъ ахеизма можно разсматривать только слѣды сближенія этѣхъ племенъ, къ чему надобно, безъ всякаго сомнѣнія, относить языкъ гомерическій, въ которомъ мы замѣчаемъ, точно такъ какъ въ Ахеяхъ, средину между эолизмомъ и іонизмомъ. Туда же надобно отнести и поклоненіе Зевсу въ нѣкоторыхъ изъ малоазіатскихъ колоній, напр. въ Эгахъ, гдѣ на монетахъ Зевсъ изображается точно такъ какъ на монетахъ пелопоннесскихъ Ахеевъ (Eckhel. D. N. V. II, 491); въ іонійскихъ колоніяхъ, гдѣ

Digitized by Google

на союзныхъ монетахъ встрѣчается голова Зевса, съ подписью ΖΕΥΣ ΑΚΡΑΙΟΣ (Eckhel. D. N. V. II, 508); въ Эфесѣ, гдѣ было поклоненіе Зевсу подъ именемъ Ζ. ἐφέσιος πρῶτος Ἀσίας, какъ видно изъ монетъ, на которыхъ есть эта подпись и изображается Зевсъ, стоящій и держащій на рукѣ идолъ эфесской Артемиды (Eckhel. D. N. V. II, 514; другіе примѣры: у Метрополитовъ р. 529., въ Смирнѣ, р. 543, 544). Успѣхъ, который имѣла героическая поэзія во всѣхъ этѣхъ колоніяхъ, также ясно показываетъ, что въ нихъ еще живо сохранилась привязанность къ ахейскому героическому быту.

Поэтому-то мы считаемъ себя въ полномъ правѣ обратиться къ Гомеру, чтобы составить себѣ понятіе о характерѣ, который имѣлъ Зевсъ въ сознаніи Ахеевъ героическаго времени. Гомеръ служитъ здѣсь обильнымъ источникомъ и, благодаря ему, мы можемъ имѣть гораздо болѣе полное понятіе о характерѣ, который Зевсъ принялъ у Ахеевъ, нежели какое имѣемъ о тѣхъ явленіяхъ Зевса, которыя предшествовали ахейскому. Это тѣмъ важнѣе что древне-ахейское явленіе Зевса, какъ слѣдуетъ изъ того, что мы замѣтили въ предшествовавшемъ, должно считаться характеристическимъ для героическаго періода въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ.

Ежели сосредоточить въ себѣ впечатлѣнія, которыя оставляетъ чтеніе Гомера относительно существа и дѣйствій Зевса, то самымъ яркимъ его качествомъ представится конечно его анеропоморфизмъ, въ которомъ заключается съ одной стороны, что Зевсъ у Гомера есть не существо, дѣйствующее безсознательно, подобно силамъ природы, но существо свободное, слѣдовательно духовное (въ смыслѣ человѣческой духовности), съ другой же стороны, что онъ не есть еще духъ, совершенно свободный, но что онъ еще связанъ среди міра и еще не полный господинъ надъ нимъ. Судьба иногда стоитъ

Digitized by Google

выше его, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Иліады онъ изображается простымъ исполнителемъ сужденнаго ею. Матерія иногда непроницаема для него, и потому случается, что онъ не знаетъ, что около него самаго происходитъ. Онъ вообще не творецъ міра, но самъ продуктъ, и его вѣчность не болѣе какъ безсмертіе, условливаемое употребленіемъ пищи нетлѣнія, амбросіи. Поэтому его существо не исключаетъ возможности его низверженія.

Таковы главныя стороны его существа, которыя мы теперь постараемся развить подробнѣе. Зевсъ не есть божество въ томъ смыслѣ, въ какомъ принимали божество поклонники небесныхъ свѣтилъ или земныхъ стихій. У Гомера, какъ онъ, такъ и всѣ главные боги, уже возвысились на степень существъ внутреннихъ и духовныхъ въ своей человѣкообразности, существъ, способныхъ дѣйствовать свободно, какъ дѣйствуютъ люди, свободные отъ внѣшняго міра и противополагающіе себя ему. Гомерическіе главные боги не символы и не аллегоріи силъ физическихъ или нравственныхъ отвлеченностей; они дѣйствуютъ не какъ стихіи, которыхъ можно только бояться, но какъ свободныя существа, которыя управляютъ стихіями, доставшимися имъ на долю и въ почесть, и которыхъ можно просить и умилостивить (*στρεπτοὶ δέ τε καὶ θεοὶ αὐτοί* Il. IX, 497.). Самое лучшее доказательство того, что въ нихъ вовсе нѣтъ ничего похожаго на силы или стихіи природы, заключается въ тѣхъ мѣстахъ Гомера, гдѣ перемѣшиваются занятія боговъ, и одинъ богъ дѣлаетъ то, что обыкновенно входитъ въ кругъ дѣйствій другаго. Такихъ мѣстъ очень много, и нѣкоторыя изъ нихъ собраны у Негельсбаха въ его превосходномъ сочиненіи: Homerische Theologie, 91.

Но свобода гомерическихъ боговъ и гомерическаго Зевса не есть свобода истиннаго Бога и далеко не доходитъ до безусловнаго господства надъ міромъ. Зевсъ, правда, поставленъ у Гомера нѣсколько выше, нежели про-

Digitized by Google

чіе боги; такъ напр. онъ дѣйствуетъ иногда, и не присутствуя лично, тогда какъ прочіе боги должны всегда переноситься на мѣсто дѣйствія (см. Naegelsbach l. l. S. 16). Но все таки его могутъ одолѣвать и сонъ и любовь (Ζεὺς ὕπνῳ καὶ φιλότητι δαμείς Il, XIV, 333.), и Герѣ удается обольстить его (Il. l. l.). Въ Иліадѣ даже ниразу не высказывается вѣра во всевѣдѣніе и всемогущество боговъ, и потому относящіеся сюда стихи Одиссеи (θεοὶ δέ τε πάντα ἴδασιν Od. IV, 379 и θεοὶ δέ τε πάντα δύνανται Od. X, 306.) можно, кажется, считать за шагъ впередъ въ религіозномъ мышленіи, тѣмъ болѣе, что подобная мысль относительно Зевса въ совершенной полнотѣ выражена только Гезіодомъ, который несомнѣнно позднѣе и Иліады и Одиссеи, въ 267-мъ стихѣ »дней и работъ:« πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας. На дѣлѣ же нетолько въ Иліадѣ, но и въ Одиссеѣ какъ прочіе боги, такъ и самъ Зевсъ знаютъ не все, что происходитъ, и не могутъ всего того, чего бы хотѣли.

И не только вещество непокорное ограничиваетъ ихъ свободу снизу, но и сверху — что̀ гораздо важнѣе — судьба господствуетъ надъ міромъ сильнѣе ихъ всѣхъ и самаго Зевса. Эпическое дѣйствіе допускало, правда, гораздо чаще упоминанія о свободныхъ рѣшеніяхъ боговъ и ихъ живомъ участіи въ воспѣваемыхъ событіяхъ; но, несмотря на то, въ гомерическія пѣсни вкралось нѣсколько мѣстъ, ясно ставящихъ судьбу, μοῖρα, выше Зевса. Самыя замѣчательныя изъ этѣхъ мѣстъ суть тѣ, гдѣ Зевсъ взвѣшиваетъ жребіи людей и народовъ на золотыхъ вѣсахъ и, взявшись за средину, наблюдаетъ, какая чашка упадетъ. Такъ онъ взвѣшивалъ жребіи Ахилла и Гектора, Троянъ и Ахеевъ и потомъ являлся только исполнителемъ. Когда напр. упала чашка съ ахейскимъ жребіемъ, то онъ началъ »гремѣть громомъ и бросать молнію съ горы Иды, такъ что Ахеями овладѣла блѣдная трусость.«

Digitized by Google

До того же времени и прежде чѣмъ онъ узналъ рѣшеніе судьбы изъ опыта съ вѣсами, онъ оставался спокоенъ. (Собраніе другихъ мѣстъ см. у Негельсбаха въ главѣ объ отношеніи боговъ къ судьбѣ стр. 113—129.).

Но, съ другой стороны, и судьбѣ Грекъ гомеровскаго времени не имѣлъ силъ дать ни жизни, ни личности (иначе она заступила бы мѣсто Зевса). Она осталась представительницей необходимости, правда ни отъ какого произвола не зависящей и ничьему произволу не подлежащей, но представительницей мертвой, не имѣющей даже достаточной силы для уничтоженія происходящихъ противъ ея рѣшенія событій, или того, что̀ Гомеръ называетъ *ὑπέρμορον*. Ея существованіе признавалось какъ бы только для обличенія того, что человѣкъ не можетъ удовлетвориться Зевсомъ, и что слѣдовательно Зевсу угрожаетъ паденіе.

Сѣмена паденія и гибели лежали и въ самомъ существѣ гомерическаго Зевса, кромѣ судьбы, внѣ его существовавшей. Они были элементомъ въ самомъ Зевсѣ и олицетворялись въ образѣ пагубы, *Ἄτη*, считавшейся его дочерью и даже старшей дочерью, *πρέσβα Διὸς θυγάτηρ*. Il. XIX, 91. Пагуба, дочь Зевса, возводила къ нему все зло и всѣ ошибки, случавшіяся въ мірѣ, и этѣмъ объясняется, что ропотъ и брань людей обращены у Гомера изо всѣхъ боговъ только на одного Зевса см. Nägelsbach s. 194. Вообще въ гомерическомъ религіозномъ сознаніи демоническій элементъ еще не отдѣлился отъ божественнаго (объ этомъ см. прекрасное изложеніе Негельсбаха стр. 67 и слл.), и въ Зевсѣ еще много осталось криводумія отъ отца его Кроноса. Гомерическій Зевсъ еще способенъ дѣйствовать сатанически, и потому человѣкъ не можетъ обращаться къ нему съ любовію.

О любви къ богамъ дѣйствительно нѣтъ рѣчи ни въ одномъ мѣстѣ у Гомера; равно и ученіе позднѣйшихъ философовъ о любви боговъ къ людямъ еще не имѣетъ у

Digitized by Google

него мѣста. У боговъ есть, правда, свои любимцы, къ которымъ могутъ принадлежать даже цѣлыя племена, какъ напр. Феаки, но тѣмъ не менѣе главный характеръ гомерическихъ боговъ относительно людей состоитъ въ томъ, что они гораздо сильнѣе, πολὺ φέρτεροί εἰσιν, и гомерическіе люди покланяются имъ, потому что они имъ нужны и могутъ быть полезны. Люди стараются какъ бы обязать боговъ своими жертвоприношеніями и потому часто напоминаютъ имъ въ случаѣ нужды о томъ, какъ усердно ихъ всегда честили своими дарами, γέραα. Такъ Агамемнонъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ прося Зевса о помощи, говоритъ ему: »Право поражалъ ли уже ты кого, Зевсъ, изъ могущественныхъ царей такою пагубою, лишая его великой славы? А я утверждаю, что не пропустилъ ни одного твоего прекраснаго жертвенника, плывя сюда на многопалубномъ кораблѣ съ дурною судьбою, но на каждомъ жертвенникѣ сожигалъ жиръ и части бедръ отъ быковъ, желая разграбить твердостѣнную Трою. По этому ты исполни хоть вотъ эту мою просьбу и т. д.« При такомъ образѣ мыслей богопоклоненіе ниспадаетъ на степень сдѣлки двухъ сторонъ, изъ которыхъ одна сильнѣе другой, и потому другая постоянно за ней наблюдаетъ и ей угождаетъ, заранѣе ее задобривая, чтобы потомъ извлечь изъ нея пользу.

Но, несмотря на это раздвоеніе человѣка съ божествомъ, пантеистическій характеръ тогдашняго міросозерцанія ставилъ боговъ очень близко къ людямъ. — Ежели объ античномъ міросозерцаніи можно сказать вообще, что оно наполняло божествомъ весь міръ, населяя его безчисленнымъ множествомъ боговъ, то это еще болѣе можно сказать о томъ эпически-античномъ созерцаніи, которое господствуетъ у Гомера и ставитъ героевъ еще въ болѣе близкую связь съ богами. Боги окружали героевъ со всѣхъ сторонъ и часто сообщались съ ними даже въ тѣлесномъ явленіи. Гомерическіе герои и

Digitized by Google

думали, что ихъ отдѣляетъ отъ боговъ какая нибудь непроницаемая среда; они были увѣрены, что боговъ вездѣ можно встрѣтить, и что они вездѣ ежели не готовы, то могутъ подать людямъ помощь. Отсюда проистекаетъ тотъ поэтической характеръ, которымъ проникнуто каждое событіе, разсказываемое у Гомера, и который состоитъ преимущественно въ томъ, что главные элементы, изъ коихъ слагается событіе, представляются не какъ естественные законы міра, дѣйствующіе всегда съ холодною необходимостью, но какъ живыя существа, свободно избирающія тотъ или другой образъ дѣйствованія.

Съ этѣмъ общимъ характеромъ міросозерцанія связана вѣра гомерическаго человѣка въ знаменія, посылаемыя съ неба. Ежели весь міръ населенъ богами, и ежели многими жертвами человѣку можно снискать ихъ милость, то естественно видѣть ихъ совѣтъ и предостереженіе во всѣхъ необыкновенныхъ явленіяхъ окружающей человѣка природы. Младенческое удивленіе физическимъ явленіямъ, происходящимъ между землею и небомъ, птицамъ, слетающимъ какъ бы съ неба, грому и молніи, которыхъ небесное происхожденіе еще яснѣе, радугѣ, сгибающейся съ неба къ землѣ и, какъ бы повѣщая ей думу неба, радующей ее своими правильно-разнообразными цвѣтами (Ἶρις), естественно должны были повести къ предположенію, что въ нихъ слѣдуетъ видѣть знаменія, посылаемыя богами и преимущественно Зевсомъ, отцемъ боговъ и людей. Отсюда ученіе о знаменіяхъ, τέρατα, и особенное искусство, состоящее въ ихъ толкованіи, μαντική. См. Негельсбаха въ главѣ: die Gotteserkenntniss und Offenbarung.

Но уже въ самомъ ученіи о знаменіяхъ ясно видно то свободомысліе, которое отличаетъ греческій народъ съ самаго его происхожденія отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему языческихъ народовъ, и которое сдѣлало его вмѣстѣ съ народами Италіи способнѣе другихъ къ принятію христіанства. Во-первыхъ, это свободомысліе вид-

Digitized by Google

но въ томъ, что каждый позволяетъ себѣ истолковывать видѣнное знаменіе, ставя себя наровнѣ съ настоящимъ толкователемъ, *μάντις*, если только позволяетъ это его увѣренность въ своихъ силахъ. Такъ въ Одиссеѣ Гелена, въ мгновенномъ вдохновеніи, истолковываетъ, среди всеобщаго недоумѣнія, явленіе орла, державшаго въ когтяхъ гуся, похищеннаго имъ со двора Менелаева: »слушайте меня, а я буду толковать, какъ влагаютъ въ душу безсмертные, и какъ я думаю, что сбудется.« Od. XV, 172. Толкователи знаменій, *μάντιες*, *θεοπρόποι*, еще пользовались большимъ уваженіемъ: о Калхантѣ напр. говорится, что онъ зналъ и настоящее и будущее и прошедшее и былъ по своему гадательному искусству предводителемъ Ахеевъ подъ Иліонъ, Il. I, 70—72. Но гомерическіе люди уже не признаютъ стѣны, отдѣляющей простыхъ людей отъ цѣховыхъ толкователей воли боговъ. Цѣхъ толкователей существуетъ; ихъ занятіе считается особымъ ремесломъ, какъ занятіе врача или глашатая, и они сами называются иногда *δημιοεργοί*. Но они уже потеряли исключительное господство въ народномъ мнѣніи, и народъ началъ признавать, что съ одной стороны боги иногда просвѣтляютъ умъ и простаго человѣка, который вовсе не считается за *μάντις*, и что съ другой стороны возможно, чтобы и *μάντις* ошибся или позволилъ себѣ подлогъ. (См. Il. XXIV, 220; Od. I, 200, XV, 172; Od. I, 415, и толкованія Негельсбаха въ разныхъ мѣстахъ приведенной выше главы). Этѣмъ было подкопано господство гадателей и безусловная вѣра въ ихъ слова, и приготовленъ переходъ къ мнѣнію, высказанному въ одномъ гезіодическомъ (по Дюнцеру стр. 55) отрывкѣ, что нѣтъ на землѣ истиннаго гадателя, который бы зналъ мысль эгиду-держащаго Зевса, *μάντις δ' οὐδείς ἐστιν ἐπιχθονίων ἀνθρώπων, ὅστις ἂν εἰδείη Ζηνὸς νόον αἰγιόχοιο.*

Во-вторыхъ, греческое свободомысліе повело уже въ гомерическое время къ размышленіямъ о недостаточности,

Digitized by Google

лежащей въ самомъ знаменіи, и къ убѣжденію, что оно неудовлетворительно и само по себѣ. Въ XII книгѣ Иліады ст. 200 — 243 повѣствуется, что когда Гекторъ уже стоялъ у вала, окружавшаго станъ ахейскихъ кораблей, то у Троянъ съ лѣвой стороны пролетѣлъ орелъ, державшій въ когтяхъ большую змѣю, но бросившій ее на землю, когда она ужалила его въ грудь, и взвившійся потомъ съ большимъ визгомъ кверху. Полидамъ видѣлъ въ орлиной неудачѣ дурное предзнаменованіе для Троянъ и совѣтовалъ воротиться, утверждая, что »также отвѣтилъ бы и гадатель, который твердо въ духѣ своемъ знаетъ о знаменіяхъ, и что его послушался бы народъ.« Но Гекторъ съ негодованіемъ отвергнулъ его совѣтъ и употребилъ при томъ слово, сдѣлавшееся знаменитымъ: »одно есть знаменіе наилучшее — сражаться за отечество«, *εἷς οἰωνὸς ἄριστος ἀμύνεσθαι περὶ πάτρης.* Онъ также сказалъ ему, что вовсе не хочетъ знать, летаютъ ли птицы справа къ зарѣ и солнцу, или слѣва къ темному западу. *Τῶν οὔτι μετατρέπομ' οὐδ' ἀλεγίζω, εἴτ' ἐπὶ δεξί' ἴωσι πρὸς Ἠῶ τ' Ἠέλιόν τε, εἴτ ἐπ' ἀριστερὰ τοίγε ποτί ζόφον ἠερόεντα.* Подобное этому мнѣніе высказано Эвримахомъ въ Одиссеѣ II, 180: »много птицъ летаетъ подъ лучами солнца, но не всѣ же онѣ вѣщія«, *ὄρνιθες δέ τε πολλοὶ ὑπ' αὐγὰς Ἠελίοιο φοιτῶσ'! οὐδέ τε πάντες ἐναίσιμοι.* Кромѣ того, въ самыхъ знаменіяхъ бываетъ иногда, по Гомеру, такая двусмысленность, что ихъ каждый можетъ толковать въ свою пользу, см. Il. XV, 377. Все это соединяется, чтобы разрушить безусловное уваженіе къ знаменіямъ и ихъ толкователямъ и побудить гомерическаго человѣка къ исканію въ себѣ самомъ средствъ открывать волю боговъ.

Кромѣ знаменій въ собственномъ смыслѣ, *τέρατα*, гомерическіе люди ищутъ голоса Зевса въ народной молвѣ, *ὄσσα*, которой источникъ неизвѣстенъ, и которая потому называется вѣстникомъ Зевса, *Διὸς ἄγγελος* (Il. 11,

Digitized by Google

39), и въ сновидѣніи, которое, по Гомеру, также отъ Зевса (Il. 1, 63), но которое иногда по своей неясности не менѣе чѣмъ знаменіе, требуетъ истолкователя, ὀνειροπόλος. Что и этѣ средства неудовлетворительны, не могло укрыться отъ гомерическаго человѣка, и мы находимъ въ Одиссеѣ сказаніе о двухъ родахъ сновидѣній, истинныхъ и ложныхъ, изъ которыхъ одни вылетаютъ отъ боговъ чрезъ роговые врата, другія чрезъ врата изъ слоновой кости, Од. XXIV, 12. Человѣку трудно различить ихъ, тѣмъ болѣе, что иногда самъ Зевсъ, желая обмануть человѣка, посылаетъ ему ложный сонъ, чему примѣръ находится въ началѣ второй книги Иліады.

И такъ всѣ наружныя средства узнать волю Зевса оказались уже гомерическому человѣку неудовлетворительными, и ему оставалось только искать откровенія въ своемъ собственномъ внутреннемъ голосѣ. Этотъ источникъ познанія воли боговъ былъ особенно разработанъ въ послѣдствіи въ связи съ поклоненіемъ Аполлону и служилъ основаніемъ для отвѣтовъ дельфійской Пиѳіи. У Гомера его значеніе еще очень слабо, и еще вовсе не замѣчается того уваженія къ восторженному состоянію, которое распространилось въ послѣдствіи вмѣстѣ съ вліяніемъ аполлоновскихъ оракуловъ, основанныхъ на этомъ источникѣ познанія воли боговъ. Гомеръ рѣдко упоминаетъ о предчувствіи и почти совсѣмъ не знаетъ священнаго восторга, составляющаго сущность аполлоновскихъ предсказаній, знаменитыхъ въ слѣдующемъ періодѣ исторіи греческой религіи. См. Naegelsbach p. 163, 165, и Lobeck Aglaoph. p. 264 sq. У Гомера Дельфійскій Оракулъ едва упоминается, и ничего не говорится о его особенной важности, изъ чего можно заключить, что онъ тогда еще не пріобрѣлъ большаго вліянія въ Греціи. А такъ какъ уваженіе къ обыкновеннымъ гадателямъ и толкователямъ знаменій было поколеблено, то

Digitized by Google

можно сказать, что гомерическій человѣкъ ахейскаго имени, при всей свѣтлости и веселости своего міросозерцанія, вовсе не стоялъ въ ясномъ отношеніи къ своимъ богамъ, и что основаніе его веселости заключалось только въ отсутствіи прежняго страха къ богамъ и рабской зависимости отъ касты жрецевъ и гадателей и потому было отрицательное, а не положительное.

Такой же почти характеръ, какъ познаваніе воли боговъ, носитъ у Гомера и ея склоненіе въ пользу человѣка. Здѣсь также не замѣчается исключительнаго господства извѣстнаго класса людей, служащихъ посредниками между людьми и богами. Жрецы упоминаются у Гомера, но жертвы могутъ быть приносимы и безъ ихъ содѣйствія. Кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ выбираются народомъ (Il. VI, 300), и потому тѣсной связи между ними не могло быть. Ихъ значеніе у Ахеевъ должно было упасть и отъ того, что они были привязаны къ храмамъ, при которыхъ находились, и потому не могли слѣдовать за ахейскими дружинами на мѣста ихъ воинской дѣятельности. Участвовавшіе въ дружинахъ отвыкали отъ ихъ вліянія и, принужденные постоянно сами приносить жертвы, мало-помалу пріучались обходиться совершенно безъ ихъ помощи. Такъ въ ахейскомъ станѣ подъ Троей вовсе не было жрецовъ, и всякій пойметъ, какое вліяніе должно было имѣть это обстоятельство на освобожденіе людей ахейскаго имени отъ жречества: возвращавшіеся въ свои домы изъ стана необходимо приносили съ собой привычки, пріобрѣтенныя въ продолжительной лагерной жизни. И чѣмъ дружинная жизнь болѣе распространялась, тѣмъ болѣе должны были распространяться и нововведенія въ этомъ отношеніи.

Замѣчательно, что у Гомера между мѣстными храмами, при которыхъ всегда находились жрецы, не упоминается ниразу о какомъ бы то ни было храмѣ Зевса (Додонское святилище едвали можетъ быть признано за храмъ),

Digitized by Google

и что напротивъ жертвы, приносимыя у него свѣтскими людьми, почти всѣ относятся къ Зевсу [1]). Не указываетъ ли это замѣчательное обстоятельство на то, что первоначальное поклоненіе Зевсу было не только у Ахеевъ, но и вообще въ Греціи народнымъ свѣтскимъ поклоненіемъ и распространялось не жрецами, а людьми изъ народа? По крайней мѣрѣ много аналогій говоритъ въ пользу того, что въ первыя времена распространенія поклоненія Зевсу и олимпійскимъ богамъ могло вовсе не быть жреческой іерархіи, и что она могла установиться, когда это поклоненіе уже укоренилось въ Греціи. Выводы изъ Гомера согласны съ этѣми предположеніями, и такъ какъ мы послѣ Гомера находимъ жреческую іерархію въ бо́льшей силѣ, нежели въ Иліадѣ и Одиссеѣ, то естественно видѣть въ гомерическихъ изображеніяхъ первоначальное состояніе и сдѣлать заключеніе, что одною изъ принадлежностей первоначальнаго поклоненія Зевсу и олимпійскимъ богамъ было отрицаніе жречества и объявленіе всего народа или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ домовладыкъ и воиновъ способными священнодѣйствовать. Эта первоначальная принадлежность естественно наиболѣе должна была сохраниться въ поклоненіи Зевсу, какъ самомъ первоначальномъ, и хотя въ поклоненіи другимъ главнымъ олимпійскимъ богамъ вліяніе жречества во времена Гомера уже могло пустить корни, и племена, предавшіяся съ бо́льшей односторонностію, нежели Ахеи, поклоненію отдѣльнымъ богамъ, могли уже признать необходимость и значеніе жрецевъ, однакожь дружины ахейскія, какъ по своему образу жизни въ станахъ, такъ и по своей вѣр-

[1]) Въ Иліадѣ не одинъ разъ упоминаются жертвоприношенія, совершаемыя Зевсу Агамемнономъ въ качествѣ царя и представителя ахейской дружины (Il. II, 411; III, 271), но еще чаще говорится о жертвахъ, приносимыхъ ему частными людьми, и вездѣ совершающій жертву самъ исполняетъ весь обрядъ и произноситъ молитву.

Digitized by Google

ности Зевсу, должны были остаться наиболѣе свободными отъ жреческаго вліянія.

Что касается до самой жертвы и ея религіознаго значенія, то здѣсь также виденъ отрицательный характеръ свободомыслія гомерическаго человѣка. Его жертва не есть даръ любви или чистой благодарности къ богамъ, и ежели она не есть также и слѣдствіе страха, какъ у другихъ язычниковъ, то отсутствіе положительнаго содержанія дѣлаетъ изъ нея или простой обрядъ, наивно совершаемый по обычаю, или эгоистическое средство привлечь боговъ на свою сторону. Страшнаго, мрачнаго характера вовсе нѣтъ въ гомерическихъ жертвоприношеніяхъ; даже замѣчается мало символики въ обрядѣ (къ ней относится напр. сжиганіе языка послѣ всего, см. Nitzsch zur Odyssee I, 207). Жертвоприношеніе бываетъ соединено съ пиршествомъ, въ которомъ пожираются части жертвеннаго животнаго, не назначенныя для сожженія и зажариваемыя на священномъ огнѣ жертвенника. Боги получаютъ вырѣзки изъ бедръ, *μηρία* или *μῆρα*, обернутые жиромъ и увеличенные присоединеніемъ сырыхъ отрѣзковъ отъ прочихъ частей, *ἀπάρχαι*. Остальное и лучшее пожираютъ люди. Человѣкъ вообще обращается съ богами, какъ короткій знакомый и близкій пріятель. Впрочемъ въ этой близости не было ничего похожаго на союзъ любви человѣка съ божествомъ. Гомерическіе люди не трепетали болѣе своихъ боговъ, благодаря тому свободомыслію, которое участвовало въ составленіи ихъ понятій о богахъ; но все-таки боги были для нихъ существами чуждыми, часто враждебными, и потому ихъ жертвоприношенія имѣютъ цѣлію болѣе всего задобрить ихъ къ себѣ. Въ основаніи гомерическаго благочестія лежитъ всегда желаніе быть въ случаѣ нужды услышану лучше нежели неблагочестивый; истинно же религіознаго отношенія къ божеству нѣтъ.

Но съ другой стороны поклоненіе Зевсу принесло

Digitized by Google

гомерическимъ людямъ нѣсколько важныхъ положительныхъ благъ, имѣвшихъ конечно вліяніе на смягченіе нравовъ и обычаевъ. Я разумѣю нѣкоторыя важныя учрежденія, уже вошедшія во время, изображаемое у Гомера, въ народную жизнь и обыкновенно приводимыя Гомеромъ въ связь съ поклоненіемъ Зевсу, именно—святость клятвы и обычаи прощенія, защиты странниковъ и гостепріимства. Ихъ религіозное значеніе было очень важно въ то время, когда еще всякій дѣйствовалъ совершенно свободно, и еще вовсе не было надзора со стороны государства за дѣйствіями гражданъ.

Гомерическіе люди были убѣждены, что поклявшійся Зевсомъ и не исполнившій клятвы подвергался большимъ наказаніямъ. »Не безсильна бываетъ клятва и кровь агнцевъ и возліянія цѣльнаго вина и правыя пожатыя руки,« говоритъ Агамемнонъ Менелаю Il. IV, 158. Въ другомъ мѣстѣ говорится, что преступившіе клятву бываютъ по смерти мучимы подъ землею тамошними, т. е. подземными, богами, Il. III, 278.

Равнымъ образомъ на обузданіе гнѣва, главной страсти ахейскаго героя, должно было очень сильно дѣйствовать вѣрованіе, что Зевсъ бываетъ милостивъ къ прощающему обиду, что просьбы о прощеніи, *Λίται*, — дочери Зевса: см. превосходную рѣчь Феникса къ Ахиллу Il. X, 496 слл. Не менѣе важно, особенно при отсутствіи международнаго права, обыкновеніе принимать во имя Зевса странниковъ, просящихъ защиты, и строго соблюдать обязанности гостепріимства относительно гостя. Самъ Зевсъ носилъ вслѣдствіе связи этѣхъ обыкновеній съ его поклоненіемъ имена *ἱκετήσιος* и *ξείνιος*. Первое относится къ его готовности покровительствовать странникамъ, нищимъ и вообще просящимъ защиты, *ἱκέται* (*Ζεὺς—, ὅσθ' ἱκέτῃσιν ἅμ' αἰδοίοισιν ὀπηδεῖ*. Od. VIII, 165). Второе — къ участію, которое онъ принимаетъ въ проѣзжихъ чужихъ людяхъ, просящихъ о го-

Digitized by Google

степріимствѣ, и которое, будучи извѣстно гомерическимъ людямъ, побуждаетъ ихъ принимать радушно въ своемъ домѣ незнакомцевъ, угощать ихъ и обдаривать, даже не спрашивая о ихъ имени (см. Od. VIII, 550 и IX, 19). Этѣ мягкія черты обычая гомерическихъ людей были тѣмъ важнѣе, что, внѣ религіознаго побужденія угодить Зевсу, покровителю странныхъ, гомерическій человѣкъ считалъ себя совершенно въ правѣ разсматривать всякаго чужестранца, какъ непріятеля, и потому нападать на него и грабить. Разбой не считался постыднымъ дѣломъ, и спастись отъ него можно было только, пришедши въ чей-нибудь домъ и объявивъ себя его гостемъ. Тогда уваженіе къ Зевсу гостепріимному заглаживало отчужденіе отдѣльныхъ городовъ и племенъ другъ отъ друга, и подъ Зевсовымъ покровительствомъ странникъ становился своимъ человѣкомъ въ томъ домѣ, гдѣ былъ принятъ. Зевсъ и въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ единительно на всѣхъ Грековъ гомерическаго времени.

Чтобы вкратцѣ повторить главные выводы изъ всего, что̀ сказано нами объ ахейскомъ Зевсѣ, можно ихъ сосредоточить около двухъ сторонъ въ значеніи этого бога. Его значеніе относительно греческихъ племенъ было уже показано довольно подробно, и справедливость изложеннаго выше мнѣнія можетъ быть отчасти подтверждена нѣкоторыми изъ обстоятельствъ, приведенныхъ въ послѣдствіи.

Поэтому можно, кажется, утверждать за достовѣрное, что Ахеи были въ героическое время представителями единства греческаго народа, и что религіозною связью, соединявшею ихъ, было поклоненіе Зевсу, какъ верховному богу, стоявшему выше Плутона и Посидона и всѣхъ юнѣйшихъ Олимпійцевъ. Во-вторыхъ, съ такою же опредѣленностью, какъ отношеніе ахейскаго Зевса къ отдѣльнымъ племенамъ героическаго времени, представилось

Digitized by Google

намъ и его значеніе въ историческомъ развитіи греческихъ религіозныхъ понятій. Ахейскій Зевсъ былъ существо, по своему главному характеру, не физическое, а анѳропоморфическое, и не вселялъ трепета своимъ поклонникамъ. Въ отношеніяхъ человѣка къ нему господствовало свободомысліе. Но мы также видѣли, что это свободомысліе носило по преимуществу отрицательный характеръ. Поэтому можно было бы удивляться, какимъ образомъ такое недостаточное и противорѣчивое само въ себѣ міросозерцаніе могло повести къ такой свѣжей и многоцвѣтной жизни, какую мы видимъ въ гомерическихъ эпопеяхъ, если бы изъ миѳологическихъ изслѣдованій о греческомъ доисторическомъ времени не выходило съ большою достовѣрностью, что гомерическое время было не младенческимъ возрастомъ греческаго народа, но тѣмъ періодомъ его жизни, который послѣдовалъ за его освобожденіемъ отъ мрачнаго времени поклоненія Урану и Кроносу. У Гомера какъ бы еще слышны торжество и радость сознанія, чувствующаго себя свободнымъ отъ силы, прежде его подавлявшей. Этѣмъ объясняется, что гомерическій міръ полонъ неподдѣльной и свѣжей жизни, не смотря на пустоту и неясность гомерическихъ понятій объ отношеніи человѣка къ богамъ.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ ВЪ ИСТОРІИ ПОКЛОНЕНІЯ ЗЕВСУ. ВРЕМЯ ГЕЛЛЕНОВЪ.

Гомерическіе люди, въ радости объ освобожденіи отъ прежняго страха передъ богами, еще какъ бы не успѣли подумать о достоинствѣ своихъ новыхъ, менѣе стѣснительныхъ вѣрованій. Извѣстно, что въ послѣдствіи этѣ размышленія повели ихъ потомковъ къ совершенному отрицанію религіи ихъ отцевъ. Для насъ это очень естественно, потому что чѣмъ болѣе всматриваешься въ религію гомерическихъ людей, тѣмъ болѣе приходишь къ заключенію, что язычество въ ней стоитъ именно на той степени, на которой ему никакъ болѣе нельзя долго держаться. Такъ какъ узы, связывавшія языческое мышленіе, уже разрушены, то очевидно, что размышляющему

Digitized by Google

язычнику очень легко было увидѣть всѣ недостатки язычества. Но въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ это случилось еще нескоро послѣ гомеровскаго времени; за нимъ же непосредственно слѣдовала еще новая ступень развитія, состоявшая отчасти въ очищеніи, отчасти въ дополненіи религіи, господствовавшей у Грековъ въ героическое время.

Эту новую ступень можно характеризовать именемъ Гелленовъ, потому что гелленизмъ одновременно съ нею доходитъ до полнаго развитія и господства. Съ нею также совпадаетъ начало историческаго времени въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ религіи она отличается тѣмъ, что каждый городъ избираетъ себѣ по большей части одного какого нибудь бога и покланяется ему предпочтительно передъ другими, а Зевсъ составляетъ религіозную точку соединенія всѣхъ городовъ Греціи. Но это соединеніе совершенно другаго рода во время Гелленовъ, чѣмъ въ героическое. Его орудіемъ являются не сборища людей, соединяющихся изъ разныхъ сторонъ Греціи, какъ собирались Ахеи, но извѣстные храмы Зевса, которые всѣми Гелленами признаются за общее народное достояніе, и около которыхъ, въ дни періодически-повторяющихся праздниковъ, всѣ Геллены сходятся вмѣстѣ и тѣмъ поддерживаютъ между собою мысль о своемъ народномъ единствѣ.

Въ челѣ греческой исторіи этого времени скоро являются два города: Спарта и Аѳины. Этому соотвѣтствуетъ, что въ исторіи религіозныхъ системъ этого же періода на первомъ планѣ находятся дорійскій Аполлонъ и аѳинская дѣва Паллада, *Πάλλας Ἀθηναίη*. Замѣчательно, что уже Гомеръ отличаетъ этѣхъ двухъ боговъ отъ прочихъ. Какъ вообще у Гомера можно найти въ видѣ сѣмени все, что потомъ развивается и процвѣтаетъ въ греческой исторіи, такъ мы уже и у него встрѣчаемъ нѣкоторыя формулы, въ которыхъ видно возвышеніе

Digitized by Google

этѣхъ двухъ боговъ надъ прочими. Таково обычное у Гомера воззваніе: *αἴ γὰρ Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηνάιη καὶ Ἄπολλον* (Il. II, 371; IV, 288; VIII, 132; XVI, 97 и также нѣсколько разъ въ Одиссеѣ, см. Nägelsbach l. l. p. 106), составляющее изъ Зевса, Аѳины и Аполлона тройственное соединеніе боговъ, которое имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ. Оно составляетъ продуктъ греческаго религіознаго мышленія, который позднѣе, нежели то тройственное соединеніе, въ которомъ Зевсъ былъ окруженъ Плутономъ и Посидономъ, но предшествуетъ послѣднему результату, достигнутому въ этомъ отношеніи греческимъ народомъ и заключавшемуся въ той мистической тройственности Діониса, о которой мы можемъ съ гордостью сказать, что она была показана впервые русскимъ ученымъ (см. Ouvaroff sur les mystères d'Eleusis). Діонисова тройственность отличается отъ предшествовавшихъ тѣмъ, что она, во-первыхъ, является въ Элевзинѣ въ соединеніи, а не разрывается, какъ двѣ первыя между отдѣльными племенами или городами, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что отрицаетъ первенство Зевса, ставя на его мѣсто Діониса, какъ бога внутренняго, живущаго въ человѣкѣ и господствующаго въ тоже время надъ всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что тройственное соединеніе Зевса, Аполлона и Аѳины стоитъ ближе къ соединенію Плутона, Посидона и Зевса, ему предшествовавшему, нежели къ элевзинской тройственности Діониса. Какъ въ первомъ соединеніи, господствовавшемъ въ героически-эпическое время, такъ и во второмъ, средоточіемъ служитъ Зевсъ, сынъ Кроноса, внукъ Урана, только тамъ — средоточіемъ между своими братьями, здѣсь — между дѣтьми, и, какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ поклоненіи ему находятъ сознаніе о своемъ народномъ единствѣ люди, односторонно покланяющіеся одному изъ двухъ прочихъ членовъ тройственнаго

Digitized by Google

соединенія. Поэтому, какъ въ эпически-героическое время Зевсъ былъ связью, соединявшею поклонниковъ Плутона (подземнаго Зевса) и Посидона, такъ въ историческое время онъ служилъ точкою соединенія поклоненія Аполлону съ поклоненіемъ Аѳинѣ.

И такъ какъ далѣе около Зевса, Аполлона и Аѳины образовался уже у Гомера многочисленный кругъ боговъ, изъ которыхъ каждый пользовался въ историческое время поклоненіемъ и имѣлъ храмы во многихъ мѣстахъ Греціи, то признаваніе Зевса главнымъ богомъ всѣми Гелленами стало еще важнѣе и вносило религіозное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народное единство въ раздробленную массу *всего* греческаго народа. Огромная важность поклоненія Зевсу въ этомъ его назначеніи была въ это время все болѣе и болѣе сознаваема вмѣстѣ съ усиленіемъ сознанія Гелленовъ о ихъ народномъ единствѣ, и потому характеристическою чертою этого времени въ исторіи поклоненія Зевсу можно считать поклоненіе Зевсу *всегелленскому*.

Средоточіемъ и самымъ знаменитымъ мѣстомъ этого всегелленскаго поклоненія Зевсу была Олимпія, славная своими громкими играми, обиліемъ драгоцѣнныхъ священныхъ приношеній и изяществомъ храма и идола. Она вмѣстѣ съ Дельфами, Аѳинами и Элевзиномъ занимаетъ самое почетное мѣсто въ ряду главныхъ священныхъ мѣстностей древней Греціи. Поклоненіе Зевсу является въ ней въ самомъ полномъ блескѣ и въ самомъ совершенномъ гелленскомъ характерѣ.

Кромѣ Олимпіи, можно сказать, было мало замѣчательныхъ мѣстныхъ поклоненій Зевсу, относящихся къ этому времени. Важнѣе другихъ мѣстъ въ этомъ отношеніи была Арголида и Лаконика, гдѣ поклоненіе Зевсу сохранилось отчасти еще отъ пеласгическаго, отчасти отъ ахейскаго времени, потомъ Аттика и наконецъ Эгина съ ея храмомъ Зевса всегелленскаго и Немея съ иг-

Digitized by Google

рами и состязаніями всѣхъ Гелленовъ въ честь немейскаго Зевса. Мы соберемъ здѣсь все, что̀ знаемъ занимательнаго объ этѣхъ мѣстныхъ служеніяхъ, но такъ какъ въ мѣстныхъ понятіяхъ о Зевсѣ замѣчается, въ это время частаго соприкосновенія племенъ и городовъ греческихъ, все болѣе и болѣе одинаковости и согласія, и такъ какъ съ другой стороны поклоненіе Зевсу въ это время во многихъ отношеніяхъ принимаетъ новый характеръ, совершенно отличный отъ прежняго, то прежде обзора замѣчательныхъ мѣстныхъ поклоненій необходимо сдѣлать обзоръ главныхъ сторонъ въ существѣ Зевса, какъ онѣ опредѣлились въ это время. При этомъ окажется, къ чемъ состоитъ различіе понятій этого времени отъ гомерическихъ, и откроются нити, которыя тянутся изъ пеласгическаго и героическаго періодовъ и проходятъ по этому гелленскому періоду, соединяясь, какъ въ заключительномъ явленіи, въ поклоненіи олимпійскомъ, въ которомъ доходитъ до окончательнаго совершенства анѳропоморфическая форма, богослуженіе принимаетъ самый свободный характеръ, и Зевсъ является богомъ преимущественно человѣчески-духовнаго значенія и средоточіемъ всей гелленской религіи.

Для большаго удобства и связи съ предшествующимъ мы расположимъ содержаніе этой главы такъ, что прежде будемъ говорить объ отношеніи гелленскаго Зевса къ искусству очистительному и гадательному, потомъ перейдемъ къ его внутреннему анѳропоморфическому существу и его значенію въ физическомъ и нравственномъ мірѣ и наконецъ, обращаясь къ самымъ обрядамъ, сначала упомянемъ о новой сторонѣ въ поклоненіи Зевсу, явившейся особенно въ это время, объ агонистикѣ, и послѣ того сдѣлаемъ обзоръ мѣстныхъ обрядовъ и праздниковъ съ описаніемъ олимпійскаго служенія въ концѣ.

Объ очищеніяхъ уже было вкратцѣ говорено при

Digitized by Google

описаніи критскаго поклоненія Зевсу по поводу Эпименида, знаменитаго критскаго очистителя. Тамъ (стр. 157) было замѣчено, что происхожденіе очищеній относится къ довольно позднему времени въ исторіи греческой религіи и находится въ связи съ ученіемъ, что совершившій человѣкоубійство, ежели не будетъ очищенъ, подвергается мести Эвменидъ, даже по уплатѣ пени родственникамъ убитаго. Это очень важно и показываетъ, что Греки послѣ гомерическаго времени сдѣлали важный шагъ впередъ въ понятіи о грѣхѣ. Гомеръ разсматриваетъ преступленіе вообще, какъ дѣло человѣка, котораго великій духъ былъ ослѣпленъ Зевсомъ и переступилъ границу позволеннаго человѣку. По этому воззрѣнію, заслуживающему, можетъ быть, вниманія въ психологическомъ отношеніи, начало преступности лежитъ въ великости духа и въ ослѣпленіи, посланномъ отъ Зевса. Отсюда та снисходительность, съ которою Гомеръ смотритъ на преступленія и та наивность, съ которой его герои разсказываютъ о своихъ преступныхъ дѣлахъ и даже взводятъ на себя то, что ими вовсе не было сдѣлано. Особенно замѣчательно у Гомера воззрѣніе на человѣкоубійство, ведущее къ тому, что это преступленіе только требуетъ мести родственниковъ убитаго, но не оскорбляетъ ни прочихъ людей, ни даже боговъ. Заплатившій родственникамъ пеню бываетъ у Гомера чистъ совѣстью и спокойно остается жить, гдѣ жилъ прежде, безъ всякаго нареканія отъ своихъ согражданъ. Этотъ легкій образъ мыслей, какъ о человѣкоубійствѣ, такъ и вообще о преступленіи, былъ въ послѣдствіи времени оставленъ, и отсюда ведетъ свое начало ученіе о необходимости очищенія, κάθαρσις. По этому ученію преступленіемъ оскорбляются не только люди, но и боги и въ ихъ главѣ Зевсъ, и, ежели ихъ гнѣвъ не отвращается и не смягчается извѣстными церемоніями и дѣйствіями, то они начинаютъ преслѣдовать преступника, даже если всѣ

Digitized by Google

люди забываютъ или соглашаются забыть о его преступленіи. Въ этомъ ученіи заключается большой шагъ впередъ, потому что по нему преступленіе есть не только несчастная ошибка, которую надобно загладить передъ людьми, но и грѣхъ, оскорбляющій боговъ и ведущій за собою наказаніе, ежели боги не будутъ умилостивлены.

Въ историческое время очищенія у Грековъ были двухъ родовъ. Или они совершались надъ всей землей и имѣли въ виду предполагаемые, но не извѣстные грѣхи всѣхъ ея жителей или очищался извѣстный преступникъ отъ совершеннаго имъ одного какого-нибудь преступленія. Къ очищеніямъ перваго роду относились многія празднества, и обряды, имѣвшіе цѣлію очищеніе полей и жилищъ, и особенно распространенныя въ Аттикѣ. Таковъ обычай *τοῦ ἀποδιοπομπεῖσθαι* и праздники Діасіи и Мемактеріи. Что касается до очищеній втораго рода, то они совершались особенно послѣ человѣкоубійства и имѣли также въ виду умилостивленіе преимущественно Зевса. Сюда относятся слѣдующія понятія о свойствахъ Зевса, господствовавшія у Гелленовъ въ историческое время. Во-первыхъ, Геллены считали Зевса мстителемъ за пролитую человѣческую кровь; поэтому онъ носилъ имена *ἀλιτήριος*, *ἀλάστωρ*, *παλαμναῖος*. Но въ тоже время онъ былъ, по ихъ мнѣнію, богъ милостивый, *μειλίχιος*; къ нему могъ прибѣгнуть кающійся преступникъ не только за очищеніемъ, но даже за помощію при бѣгствѣ (онъ *ἱκέσιος*, *φύξιος*). Поэтому очищеніе совершалось его именемъ, отчего онъ зовется *καθάρσιος*, хотя при этомъ часто участвуетъ его любимый сынъ Аполлонъ. Примѣры тому можно найти, кромѣ прямыхъ свидѣтельствъ о господствовавшихъ обычаяхъ, даже въ нѣкоторыхъ греческихъ миѳахъ, которые произошли послѣ распространенія обычая очищаться отъ преступленій и потому упоминаютъ объ очищеніяхъ. Между ними есть такіе, гдѣ очищеніе приписывается не Аполлону, какъ обыкновенно,

Digitized by Google

но самому Зевсу. Такъ мы знаемъ, что Эсхилъ изобразилъ героя Иксіона въ одноименной трагедіи, какъ онъ, первый человѣкоубійца между людьми, былъ очищенъ самимъ Зевсомъ, см. Welcker Aeschylische Trilogie S. 548. Объ Орестѣ также ходило въ Лаконикѣ сказаніе, что онъ освободился отъ безумія, сидя на камнѣ, который назывался Ζεὺς καππώτας, т. е. καταπαύτας, утишитель (по дорическому обыкновенію сокращать предлоги), см. Pa s. III, 22, 1.

Подобно тому какъ въ очистительномъ Зевсѣ виденъ шагъ впередъ отъ гомерическихъ понятій, такъ и ученіе о связи пророчества съ Зевсомъ приняло въ гелленское время нѣсколько болѣе удовлетворительную форму. Зевсъ, какъ властелинъ міра, считался обладателемъ міровыхъ законовъ, θέμιστες, возвѣщеніе которыхъ составляло обязанность прорицателей. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между людьми и Зевсомъ былъ Аполлонъ, называющійся потому по преимуществу пророкомъ Зевса, Διὸς προφήτης. Главнымъ органомъ узнанія воли Зевса (т. е. міровыхъ законовъ, θέμιστες) считался въ это время внутреній голосъ человѣка, пришедшаго въ восторженное состояніе. Впрочемъ и другія средства, встрѣчающіяся уже у Гомера, продолжали быть въ употребленіи. Орелъ и молнія признавались главными вѣстниками Зевсовой воли; впрочемъ и всѣ вообще воздушныя явленія назывались Διοσημεῖα. Равнымъ образомъ молва народная, вдругъ возникающая, ὄσσα, звуки, раздающіеся сами собою въ воздухѣ, σύμφαί, приписывались Зевсу. Изъ оракуловъ Зевсовыхъ, процвѣтавшихъ въ это время, кромѣ додонскаго, о которомъ было говорено прежде (въ дельфійскомъ посредникомъ былъ Аполлонъ), замѣчанія достоинъ олимпійскій, который былъ въ древности особенно знаменитъ, но который потомъ затьмила слава олимпійскихъ игръ. Страбонъ II, p. 171 даже говоритъ, что Олимпія была въ

Digitized by Google

древности знаменита, именно благодаря ея оракулу. Средства узнавать волю Зевса были впрочемъ въ этомъ оракулѣ внѣшнія, именно разные голоса и звуки и жертвенное пламя. Къ историческому времени относится также частое и довольно древнее вопрошаніе Греками Аммонскаго Оракула (см. Paus. III, 18, 3), но такъ какъ происхожденіе этого оракула лежитъ внѣ исторіи поклоненія Зевсу въ Греціи; то намъ здѣсь о немъ не слѣдуетъ говорить.

Ежели мы вникнемъ въ смыслъ измѣненій, произошедшихъ въ гелленское время въ понятіяхъ объ очищеніи и пророчествѣ, то намъ легко будетъ замѣтить, что Зевсъ очищающій и пророчествующій гелленскаго времени стоитъ степенью выше, нежели Зевсъ гомерическій. Въ очистительномъ искусствѣ онъ является богомъ, пекущимся о человѣческой нравственности; въ прорицательномъ своемъ значеніи онъ прямо нисходитъ во внутренность человѣка и открываетъ ему свою волю. Это уже не Трофоній, котораго жрецы учили Тимарха, что разумъ, духъ, душа суть демоны, находящіеся *внѣ* насъ (см. выше стр. 178); напротивъ это богъ, уже не гнушающійся человѣческаго сердца и готовый его исцѣлить послѣ преступленія. Въ связи съ этѣмъ измѣненіемъ, и образъ Зевса принимаетъ въ гелленское время совершенно человѣческій видъ, и тѣмъ знаменуется, что человѣкъ ближе къ нему, нежели всѣ прочія существа видимаго міра. На этомъ глубокомъ пониманіи значенія человѣка среди видимаго міра основанъ анѳропоморфизмъ гелленскихъ божествъ. Важность его въ исторіи греческой религіи и вообще въ исторіи язычества заставляетъ насъ остановиться на немъ.

Въ Додонѣ и Троадѣ мы нашли символомъ Зевса священный дубъ, который въ Додонѣ еще былъ окруженъ голубями и орошался чудеснымъ источникомъ, текшимъ

Digitized by Google

перемежаясь и отличавшимся особенными свойствами [1]). На Ликейской-горѣ самая вершина съ ея недоступностью и свѣтозарностью стала символомъ бога и дала ему орла, какъ принадлежность, аттрибутъ. Вершина горы является символомъ Зевса и на монетахъ Селевкіи, носящихъ надпись: ΖΕΥΣ ΚΑΣΙΟΣ, см. Eckhel. D. N. V. III, 326, и изображающихъ самаго Зевса въ видѣ горы. Зевсъ-камень, подъ именемъ Ζ. καππωτας былъ также нами упомянутъ, стр. 242. О сикіонскомъ Зевсѣ - пирамидѣ см. Paus. II, 9, 6. Во всѣхъ этѣхъ символахъ видно представленіе о богѣ, являющемся болѣе въ неодушевленной природѣ. Въ основаніи ихъ всѣхъ лежитъ признаваніе неодушевленной природы тою средою, въ которой преимущественно живетъ божество.

Надобно думать, что зооморфическія представленія были принесены въ Грецію съ востока, именно изъ Сиріи, Финикіи и Египта. На это указываетъ миѳъ о Пасифаиномъ быкѣ, выплывающемъ изъ моря, о Зевсѣ-быкѣ, приносящемъ Европу изъ Финикіи, о Кадмѣ, приходящемъ изъ Финикіи искать Европу, о египетскомъ загадочномъ существѣ, называемомъ Сфинксомъ, пожиравшемъ жителей Ѳивъ, не умѣвшихъ отвѣчать на его вопросы о человѣкѣ, см. выше стр. 69, 139, 187, 189. Но зооморфическія представленія не удовлетворили греческаго сознанія; оно не могло на нихъ остановиться. Сильно пораженное ими, оно впало на время въ страшную запутанность, должно было вынести сильную борьбу, изображенную въ сказаніяхъ о критскихъ и ѳивскихъ бѣдствіяхъ, но вышло наконецъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Миѳическій Дедалъ въ Критѣ добылъ нить, по которой можно

---

[1]) См. Плинія H. N. II, 106. Эта цитата по недосмотру выпала на стр 91, къ которой она относится. У Плинія разсказывается о чудесныхъ свойствахъ источника, необыкновенно холоднаго, но зажигавшаго факелъ.

Digitized by Google

было выдти изъ лабиринѳа; Эдипъ, герой ѳивскій, нашелъ отвѣтъ на загадку Сфинксову и освободилъ свой городъ отъ кровожаднаго существа. Грекамъ удалось понять, что такое человѣкъ, и, согласившись, что царство животныхъ выше неодушевленной природы, возвыситься однакожь до уразумѣнія той истины, что въ мірѣ есть существо, которое выше животныхъ, и что это существо человѣкъ. Поэтому и греческому художеству удалось попасть на истинно-художественную дорогу и найти наконецъ такую дѣйствительность, въ которой одной абсолютное проявляется всесторонно, и которая одна можетъ быть названа по справедливости микрокосмомъ, сокращеніемъ міра, именно — дѣйствительность человѣческую. Тогда только художество, бывшее прежде символическимъ, могло стать идеальнымъ, могло начать изображать абсолютное, въ образахъ, ему соотвѣтствующихъ. Тогда только и въ человѣческую жизнь могла войти гармонія, покой, изящество, ибо тогда только человѣкъ сталъ способенъ почувствовать свою полноту, сознать себя, какъ существо, заключающее въ себѣ весь міръ и потому по преимуществу свободное.

Съ этѣмъ великимъ дѣломъ сознанія человѣкомъ того мѣста, которое онъ занимаетъ въ мірѣ, было связано и первое появленіе человѣческой личности, какъ личности самоопредѣляющейся, тогда какъ прежде было только физическое лице, живущее также какъ и всѣ другія физическія лица и повинующееся тѣмъ же законамъ природнаго развитія. Ежели на Востокѣ все погружено въ природное единство, то главною отличительною чертою классической древности, покланявшейся анѳропоморфическимъ богамъ, нельзя не признать обособленія. Въ греко-латинскомъ мірѣ все, что относится къ человѣку, стремится обособиться, опредѣлить и выработать свой индивидуальный характеръ. Внѣшняя природа уже совершенно удалилась съ перваго плана. Ежели въ индійской

Digitized by Google

поэзіи очень часто прельщаетъ насъ живописаніе природы, то у Грековъ и Римлянъ мы не находимъ ничего подобнаго. Человѣкъ въ своемъ физическомъ явленіи получилъ тутъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣмъ внѣшнимъ міромъ. Изящество человѣческаго тѣла затмило совершенно красоту природы. На широкомъ фонѣ внѣшней природы рѣзко выдалась и ясно обрисовалась человѣческая тѣлесность, наиболѣе между всѣмъ вещественнымъ способная выражать внутреннее содержаніе. Согласно съ этѣмъ, и боги обособились, сдѣлались отдѣльными лицами и начали являться человѣческому сознанію въ образѣ человѣческой тѣлесности. Изъ существъ болѣе или менѣе безпредѣльныхъ они сдѣлались существами художественно-опредѣленными.

У древнѣйшихъ язычниковъ съ понятіемъ божества соединялось понятіе безпредѣльности; нѣсколько позднѣе безпредѣльность уступила мѣсто гигантскимъ размѣрамъ. Люди греко-латинскаго племени совершенно освободились отъ тѣхъ и другихъ воззрѣній. Они дошли до пониманія превосходства опредѣленнаго надъ безпредѣльнымъ, дошли до убѣжденія, что самое божественное въ природѣ не есть самое огромное и пространное, но самое сосредоточенное, не есть пространство, лишенное границъ, или вещество на низшихъ степеняхъ ограниченія, но вещество, въ высшей степени ограничившееся и обособившееся, — человѣческое тѣло. Ежели по понятіямъ древнѣйшихъ язычниковъ божество живетъ въ безпредѣльномъ небѣ и его свѣтилахъ или на землѣ въ ея глубинахъ и ея произведеніяхъ неодушевленныхъ, то по гелленскимъ понятіямъ божество живетъ преимущественно въ человѣкѣ, носитъ тотъ образъ, въ которомъ человѣкъ является среди физическаго міра. Въ этомъ состоитъ особенность гелленизма сравнительно съ предшествовавшими ему явленіями исторіи человѣчества, и чѣмъ яснѣе гелленизмъ опредѣляется, тѣмъ съ бо́льшею полнотою эта особенность яв-

Digitized by Google

ляется. Мы говорили выше объ анѳропоморфизмѣ гомерическаго Зевса, но анѳропоморфизмъ у Гомера еще не доведенъ до послѣдней опредѣленности. У Гомера боги еще довольно часто являются существами гигантскими. Однимъ шагомъ они достигаютъ съ неба земли; ежели они падаютъ, они покрываютъ собою большія поля. Ихъ эпитеты еще не носятъ пластическаго характера, возбуждаютъ представленія еще очень неопредѣленныя, фантастическія. Зевсъ у Гомера зовется широкогласнымъ, εὐρύοπα, живущимъ въ эѳирѣ, αἰθέρι ναίων, собирателемъ тучъ, νεφεληγερέτα, сверху-гремящимъ, ὑψιβρεμέτης и т. д. Поэтому, ежели строго различать слова, гомерическаго Зевса нельзя будетъ назвать существомъ совершенно анѳропоморфическимъ, ему надобно приписать только анѳропизмъ, въ томъ смыслѣ какъ Крейцеръ иногда употребляетъ это слово. Анѳропоморфизмъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, мы встрѣчаемъ въ полномъ явленіи только во время послѣ Гомера, во время собственно гелленское, когда образы Зевса и прочихъ боговъ были обработаны пластическимъ искусствомъ. Пластическое обособленіе боговъ было дѣломъ того времени, къ которому относится и дѣйствительное обособленіе человѣческой личности.

Но какъ личность человѣческая, достигшая самостоятельности въ классической древности, была болѣе индивидуально-обособившаяся, нежели духовно-идеальная личность и основывала свои притязанія болѣе на фактѣ своего обособленія, нежели на своей духовной человѣчности, такъ и апоѳеоза личности античнаго человѣка, анѳропоморфизмъ боговъ классической древности былъ, при всей своей идеальности, чувственный, тѣлесный анѳропоморфизмъ. Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что въ человѣкѣ все чувственное проникнуто духовнымъ и не можетъ быть отдѣлено отъ послѣдняго, и потому классическіе боги и въ своемъ тѣлесномъ образѣ были существами болѣе духовными, нежели боги древнѣйшихъ языче-

Digitized by Google

скихъ религій; но духовный элементъ въ нихъ не преобладалъ, какъ ему подобаетъ: онъ находился въ равновѣсіи, въ гармоніи съ чувственнымъ, тѣлеснымъ элементомъ. Отношеніе было чисто художественное; миѳологическія существа стали изящными образами; художество получило силу религіи и совлекло ее съ ея высоты, вслѣдствіе чего религія начала терять силу религіи. Язычество достигло той степени развитія, на которой оно само должно было увидѣть свою несостоятельность.

Ежели мы отъ этѣхъ общихъ намековъ обратимся къ Зевсу, чтобы опредѣлить характеръ его анѳропоморфизма, такъ какъ онъ выработался въ гелленское время, то мы найдемъ въ Зевсѣ существо человѣкообразное, позволяющее выразить себя въ изящныхъ формахъ человѣческой тѣлесности, но вмѣстѣ съ тѣмъ остающееся для человѣка еще чѣмъ-то чуждымъ. Нѣкоторые боги стоятъ въ этомъ отношеніи ближе къ человѣку, нежели Зевсъ. Такъ напр. Аполлонъ дѣйствуетъ прямо на человѣческое сердце гораздо чаще нежели Зевсъ, и потому Зевсъ употребляетъ его для сообщенія людямъ своей воли. Пиѳія считала Зевса отдаленнымъ виновникомъ своего энтузіазма, ближайшимъ же былъ Аполлонъ. Но еще ближе къ человѣку Діонисъ, который входитъ въ сердце каждаго изъ своихъ поклонниковъ и приводитъ его въ изступленный восторгъ, а для посвященнаго въ мистеріи совершенно перестаетъ быть чуждымъ существомъ. Напротивъ того гелленской Зевсъ, хотя ближе къ человѣку нежели Зевсъ гомерическій, но все-таки остается навсегда богомъ, въ извѣстной степени чуждымъ человѣку, и не допускаетъ совершенной преданности и внутренняго общенія съ собою со стороны человѣка.

Съ этѣмъ различіемъ Зевса отъ Діониса стоитъ въ связи и различіе храмовъ этѣхъ двухъ боговъ. Храмы бога мистерій предназначены для помѣщенія посвященныхъ, для ихъ сближенія съ богомъ въ мистеріяхъ.

Digitized by Google

Потому они обширны и называются *μέγαρα*. (Элевзинскій *μέγαρον* могъ вмѣстить 6,000 человѣкъ или даже болѣе). Храмы Зевса и прочихъ Олимпійцевъ предназначены напротивъ для удаленія идола отъ нечистыхъ глазъ; въ нихъ стоитъ одинъ идолъ, окруженный священными приношеніями; поклонники, по большей части, останавливаются внѣ храма, и жертвоприношенія курятся на внѣшнихъ алтаряхъ, устроенныхъ около храма или передъ входомъ, или съ боковъ. По этому самый храмъ бываетъ зданіемъ весьма необширнымъ и называется домомъ бога, *ναὸς*. Внутренность храма недоступна людямъ, иначе какъ по совершеніи нѣкоторыхъ очистительныхъ обрядовъ. Для того, кто *ἀκάθαρτος*, кто не совершилъ очищенія, внутренность храма составляетъ *ἄδυτον*, и идолъ не долженъ быть имъ созерцаемъ, онъ для него *ἀθέατον*, какъ бы чистъ онъ ни былъ душею и жизнію. Очищеніе же, *κάθαρσις* было совершенно внѣшнее и заключалось въ предварительномъ омовеніи и потомъ въ окропленіи освященною водою изъ сосуда, находившагося въ преддверіи храма, *πρόναος*, и называвшагося *περιῤῥαντήριον*. Кромѣ того требовалось, чтобы входившій вступалъ въ храмъ чистою ногою, въ чистой бѣлой одеждѣ (въ красной только при поклоненіи умершимъ и героямъ) и въ вѣнкѣ изъ того растенія, которое особенно пріятно богу, живущему въ храмѣ; иногда жрецъ еще окуривалъ его ѳиміамомъ изъ сосуда, называвшагося *θυμιατήριον*. Кто былъ оскверненъ преступленіемъ или вообще потерялъ гражданскую честь (былъ *ἄτιμος*), тотъ вовсе не могъ входить въ храмъ, не могъ ни смотрѣть на идолъ, ни приносить жертвы. Онъ нуждался въ большомъ очищеніи, и ежели прежде этого большого очищенія вступалъ во внутренность храма, то храмъ и идолъ осквернялись и нуждались въ новомъ освященіи. Поэтому-то священный идолъ не могъ стоять на свободномъ, открытомъ мѣстѣ, гдѣ онъ не былъ бы защищенъ отъ не-

Digitized by Google

чистыхъ взоровъ; поэтому-то около него надобно было устроить стѣны, закрывающія его со всѣхъ сторонъ, надобно было, какъ говоритъ Поллуксъ I, 1, 11, *τὸν νεὼν περιεργάσασθαι τῷ ἀγάλματι*. Въ этомъ состоитъ главное понятіе гелленскаго храма, и потому, какъ гелленскій храмъ ни изященъ, все-таки его собственное назначеніе заключается въ отдѣленіи человѣка отъ идола, въ которомъ, по понятію язычника, живетъ божество [1]).

Средоточіе гелленскаго храма есть идолъ, стоящій въ своемъ священномъ жилищѣ или внутренней части храма, въ *ἱερὰ οἰκία*, на священномъ мѣстѣ, недоступномъ человѣческой ногѣ, *ἄβατον*. Это внутреннее священное жилище обнесено со всѣхъ сторонъ стѣнами, къ которымъ спереди и сзади пристроены портики. Внутренность послѣднихъ открыта наружу и тѣмъ приглашаетъ въ храмъ созерцающаго, какъ бы ободряя его. Вообще ясность и правильность всего сооруженія производятъ впечатлѣніе легкое, пріятное; въ наружности гелленскаго храма нѣтъ ничего подавляющаго, какъ напр. въ наружности египетскихъ храмовъ, которые не только поражаютъ своею громадностью, но и запутываютъ созерцающаго своей неправильностью. Въ гелленскомъ храмѣ строительное значеніе каждаго члена совершенно ясно само по себѣ, и еще яснѣе становится оно отъ украшеній, его символизующихъ. Вся наружность гелленскаго храма проникнута ясностью, прозрачностью; отсутствіе всего излишняго даетъ ей необыкновенную простоту и чистоту, бросающуюся въ глаза при первомъ взглядѣ. Но уже въ самой этой необыкновенной чистотѣ какъ бы лежитъ нѣкоторое ука-

---

[1]) Самое полное разрѣшеніе вопроса о назначеніи гелленскаго храма и его частей находится въ нововышедшемъ сочиненіи: Bötticher die Tektonik der Hellenen. II Bd. der hellenische Tempel in seiner Raumanlage für Zwecke des Kultes. Potsdam. 1849 in 4°.

Digitized by Google

заніе на извѣстную неприступность храма. Храмъ представляется зданіемъ священнымъ, назначеннымъ не для присутствія въ немъ людей, а для пребыванія бога. Всѣмъ своимъ видомъ онъ показываетъ, что въ немъ скрытъ священный кумиръ.

Такимъ образомъ божество, живущее въ гелленскомъ храмѣ, есть божество сокрытое, не всегда и не всякому человѣку доступное. Оно вышло на свѣтъ изъ Кроносовыхъ внутренностей, дошло до ясности и обособленія, но человѣкъ не могъ созерцать эту ясность вседневно. Совершенно скрытое и недоступное во время Кроноса, оно еще не стало совершенно открытымъ, совершенно доступнымъ. Оно еще сохранило слѣды того времени, когда оно было чуждо для человѣческаго сознанія. Въ немъ еще жило начало кроносовское, и Каллимахъ, поздній поэтъ, признаетъ еще существующимъ законъ Кроноса, что дорого приходится человѣку увидѣть одного изъ боговъ безъ его позволенія, Lavacr. Pall. 100:

Κρόνιοι δ' ὧδε λέγοντι νόμοι·
Ὅς κέ τιν' ἀθανάτων, ὅκα μὴ θεὸς αὐτὸς ἕληται,
Ἀθρήσῃ, μισθῷ τοῦτον ἰδεῖν μεγάλῳ.

Итакъ, въ храмъ гелленскаго бога публичной религіи (о таинствахъ мы вовсе не говоримъ) человѣкъ могъ проникнуть только послѣ извѣстныхъ очищеній, послѣ исполненія нѣкоторыхъ *внѣшнихъ* обрядовъ. Но и въ храмѣ можно было болѣе созерцать бога, удивляться ему, нежели чувствовать его и любить. Живя въ идолѣ, божество продолжало быть чуждымъ и для человѣка очищеннаго и вступившаго въ храмъ. Самая пластичность идола, самое изящество его, показывавшее, что богъ доволенъ своимъ тѣлеснымъ явленіемъ, удаляли божество отъ человѣка. Божество представлялось человѣку, какъ существо, внѣ его пребывающее, какъ существо, которое могло быть привѣтствуемо и созерцаемо, но котораго онъ не могъ чувствовать, какъ нѣчто внутренно-родное себѣ.

Digitized by Google

Не только храмъ отдѣлялъ божество отъ человѣка, но и самый образъ, который божество приняло, дѣлалъ его такъ сказать непроницаемымъ для человѣка. Поэтому-то гелленскій анѳропоморфизмъ только приблизилъ боговъ къ человѣку, но не принялъ той преграды, которая дѣлала гелленскаго бога, при всей его близости къ человѣку, существомъ постороннимъ для человѣка. Какъ вступленію въ храмъ препятствовало отсутствіе внѣшняго очищенія, такъ и вступившаго въ храмъ отдѣляла отъ идола внѣшняя граница: тѣлесность идола стояла противъ тѣлесности человѣка, покланявшагося идолу. Идолъ оставался внѣшнимъ, такъ точно, какъ человѣкъ остается внѣшнимъ другому человѣку, пока ими не сознано ихъ внутреннее, духовное тождество. Это сознаніе внутренняго сродства всего духовнаго не было достигнуто въ языческомъ мірѣ [1]).

Но ежели въ анѳропоморфизмѣ гелленскаго Зевса лежало основаніе ложнаго отношенія къ человѣку, то съ другой стороны не должно упускать изъ виду, что этотъ же самый анѳропоморфизмъ возвысилъ гелленскаго Зевса надъ богами другихъ языческихъ народовъ, давъ ему личность и тѣмъ противопоставивъ его міру. Какъ анѳропоморфическое лице, гелленскій Зевсъ въ извѣстной степени трансценденталенъ, въ извѣстной степени выше міра. Онъ уже не живетъ ни въ свѣтилахъ небесныхъ, ни въ земныхъ стихіяхъ; онъ уже управляетъ ими, какъ существо свободное, пребывающее не только въ нихъ, но и внѣ ихъ. Начала такого воззрѣнія уже находятся у Гомера и бы-

---

[1]) Замѣчательно, что у человѣка, получившаго посредствомъ установленныхъ очищеній право приблизиться къ идолу, считалась очищенною только его внѣшность. Все, что исходило изнутри его, было скверно и оскверняло храмъ и идолъ. Поэтому-то нельзя было въ храмѣ ни плевать, ни сморкать носъ. См. Arrian. diss. Epict. IV, 11, 32. Plut. Solon. 12. Stoic. repugn. 22.

Digitized by Google

ли нами выше указаны, см. стр. 221. Въ гелленское время такое воззрѣніе должно быть названо преобладающимъ. Поэтому-то даже въ самой Додонѣ сооружается храмъ и воздвигается идолъ Зевса, см. Polyb. IV, 67. Поэтому-то всѣ прежніе символы Зевса низошли въ гелленское время на степень аттрибутовъ. Такъ вмѣсто дуба, въ которомъ Зевсъ жилъ, является только дубовый вѣнокъ, обвивающій Зевсово чело; орелъ, котораго изображеніе находилось одно на Ликейской-горѣ, теперь помѣщается у ногъ Зевса, какъ птица служебная, возвѣщающая иногда его волю. Верхній эѳиръ, ему доставшійся на долю и, по Гомеру, служащій ему обиталищемъ (*αἰθέρι ναίων*), теперь обозначается только легкимъ наклоненіемъ головы: Зевсъ, наклоняя голову, смотритъ на все, какъ бы съ своей эѳирной высоты. Молнія, принадлежность эѳирнаго, высочайшаго Зевса, дается ему въ руку; но уже очень замѣчательно, что вмѣсто молніи часто онъ держитъ или скипетръ, символъ политической жизни, или чашу для возліяній, — указаніе на религіозные обряды, совершаемые людьми. Иногда онъ держитъ копье вмѣсто скипетра, иногда на его рукѣ стоитъ богиня Побѣда, *Νίκη*, и его чело бываетъ украшено лавровымъ вѣнкомъ, соединяющимъ въ себѣ очистительное и побѣдоносное значеніе [1]). Гдѣ есть отношеніе къ олимпійскимъ играмъ, тамъ встрѣчается вѣнокъ изъ вѣтвей масличныхъ.

Вообще гелленскій Зевсъ всегда соединяетъ въ себѣ физическое и нравственное значеніе. Анѳропоморфическіе идолы его не могутъ быть раздѣлены на такіе, въ которыхъ преобладаетъ физическое, и такіе, въ которыхъ преобладаетъ нравственное значеніе. И то и другое бы-

---

[1]) Fest. s. v. Laureati milites sequebantur currum triumphantis, ut quasi *purgati* a caede humana intrarent urbem. Itaque eandem laurum omnibus suffitionibus adhiberi solitum erat, etc. Serv. Virg. Ecl. VIII, 13. hanc (laurum) in manu habuit Iuppiter, quando Titanas vicit.

Digitized by Google

ваетъ обыкновенно соединено вмѣстѣ; такъ напр. Зевсъ, карающій клятвопреступниковъ, ὅρκιος, изображается съ двумя молніями въ рукахъ. Поэтому идолы различаются только по степени строгости или по степени милости и мягкости, господствующей въ общемъ выраженіи. Въ этомъ отношеніи самое большое различіе замѣчается между сидящими и стоящими. Сидящіе идолы изображаютъ Зевса спокойнымъ властителемъ и повелителемъ міра, какъ физическаго, такъ и нравственнаго. Таковъ былъ знаменитый Зевсъ олимпійскій работы Фидія и подражанія ему: въ Антіохіи (Eckhel D. N. V. III, 271) и Сиккадѣ, что̀ въ Фригіи (l. l. III, 173). Всѣ три держали на правой рукѣ побѣду, въ лѣвой скипетръ. Идейскій (l. l. III, 271) держалъ на оборотъ побѣду на лѣвой рукѣ, скипетръ въ правой; иногда вмѣсто побѣды на лѣвой рукѣ палладіумъ, какъ мѣстную троадскую святыню (M. d. Inst. 57). Въ лѣвой рукѣ Зевса дружественнаго, Z. φίλιος, на пергамскихъ монетахъ (Eckhel II, 465) находится чаша для возліяній. На другихъ скипетръ трудно отличить отъ копья (что̀ Эккель называетъ копьемъ, по большей части должно быть принято за большой жезлъ); копье, какъ кажется, находится въ рукахъ сидящаго Зевса, Z. κάθιος, на монетахъ Коркиры (Eckhel II, 179). Нерѣдко орелъ сидѣлъ у ногъ идола, какъ въ сохранившемся теперь знаменитомъ Юпитерѣ, перешедшемъ изъ дома Вероспи въ ватиканскій музей (M. PCl. I, 1), или на рукѣ самаго бога, какъ на нѣкоторыхъ Македонскихъ монетахъ, см. Mionnet I, p. 520 sq. Молнія была въ рукѣ у капитолинскаго Юпитера въ Римѣ. — Стоящіе кумиры изображали Зевса въ дѣятельности, часто карательной, иногда и мирной, но съ присоединеніемъ понятія быстроты и силы. На аркадскихъ монетахъ (Eckhel II, 293) онъ стоитъ съ копьемъ или скипетромъ въ лѣвой рукѣ, между тѣмъ какъ орелъ вылетаетъ изъ правой. Тоже на нѣкоторыхъ элидскихъ, Millingen anc.

Digitized by Google

coins. 4, 21. На мессенскихъ монетахъ орелъ сидитъ на лѣвой рукѣ, въ правой молнія (l. l. II, 275); это, можетъ быть, изображеніе Зевса, изваяннаго Агеладомъ для ѳеомскаго святилища, см. Müller Hdb. d. Arch. §. 349. 3. На аѳинскихъ монетахъ мѣсто орла заступаетъ чаша, и Зевсъ немного ступаетъ впередъ, N. Brit. 7, 1. Ахейскій Зевсъ собиратель, ὁμαγύριος, держалъ, какъ уже замѣчено выше, побѣду на правой рукѣ, копье или жезлъ въ лѣвой (Eckhel II, 231). Jupiter Imperator имѣлъ копье въ правой, молнію въ лѣвой (Pedrusi, V, 17); мы его упоминаемъ, потому что онъ былъ подражаніемъ греческому Z. οὔριος. У эфесскаго Зевса была молнія въ лѣвой рукѣ, въ правой идолъ эфесской Артемиды (Eckhel II, 514). На монетахъ кипрскаго города Саламина встрѣчается Зевсъ съ чашею въ правой рукѣ, съ жезломъ, на которомъ сидитъ орелъ, въ лѣвой (l. l. III, 88). Чаша находится въ рукахъ и Зевса тарсійскаго (l. l. III, 73). Очень замѣчателенъ еще безбородый Зевсъ на монетахъ Сиракузъ (Eckhel 1, 244), съ которымъ можно сблизить кавлонскаго безбородаго, о которомъ упомянуто выше стр. 217. Ежели припомнить, что въ Римѣ юный Зевсъ былъ самый страшный и назывался Vejovis, Vedius, то легко придти къ заключенію, что безбородый Зевсъ есть богъ, еще не достигшій полнаго господства надъ міромъ и потому гнѣвный. О карійскомъ Зевсѣ говорено выше, стр. 211 сл. О другихъ варварскихъ изображеніяхъ Зевса см. Müller Hdb. d. Arch. §. 350. 7.

За подлинность вышеисчисленныхъ изображеній Зевса ручается то, что они находятся на монетахъ. Это самый вѣрный, самый несомнѣнный источникъ, потому что естественно было изображать на монетахъ главнаго бога не въ какомъ-нибудь произвольномъ видѣ, но такъ, какъ ему покланялись въ городскихъ храмахъ. Поэтому-то свидѣтельства монетъ должно ставить гораздо выше свидѣ-

Digitized by Google

тельствъ другихъ памятниковъ, дошедшихъ до нашего времени, и потому-то мы основали все предыдущее изложеніе на монетахъ. Замѣчательно, что ни на одной изъ приведенныхъ выше монетъ нѣтъ прямаго указанія на космическое или физическое значеніе бога, и что таковыя указанія начинаютъ встрѣчаться только въ позднее время. Сюда относятся: Зевсъ *Κρηταγενής*, стоящій между звѣздами на монетахъ времени Тита (Eckhel. II, 301), Зевсъ додонскій, стоящій между деревьями на галикарнасскихъ монетахъ временъ Севера, Каракаллы и Гордіана (l. l II, 582), Зевсъ дождевой, изображенный на эфесскихъ монетахъ времени Антонина, сидя, съ рогомъ изобилія въ правой рукѣ и съ молніей въ лѣвой (l. l. II, 514). Всѣ этѣ и подобныя имъ изображенія относятся къ позднему времени, когда люди, недовольные антропоморфизмомъ своихъ боговъ, но не возвысившіеся до поклоненія истинному Богу, стали возвращаться въ мысляхъ къ древнимъ стихійнымъ богамъ и давать Зевсу стихійное значеніе, котораго онъ собственно не имѣетъ, потому что онъ надъ нимъ возвысился. Въ гелленское время Зевсъ имѣлъ опредѣленную личность, въ которой тѣсно были соединены господство надъ физическимъ и господство надъ нравственнымъ міромъ.

Мы переходимъ къ описанію понятій объ этомъ господствѣ, какъ они выработались во время гелленское. Зевсъ оставался для Грековъ во все время язычества главнымъ богомъ публичной религіи и потому главнымъ господиномъ, какъ физическаго, такъ и нравственнаго міра. Но съ движеніемъ исторіи нравственное значеніе его все болѣе и болѣе выступало на первый планъ, такъ что во время процвѣтанія греческаго народа Зевсъ былъ чаще разсматриваемъ, какъ богъ гражданской жизни, нежели какъ повелитель силъ природы. Но, согласно съ сказаннымъ, физическое значеніе оставалось въ немъ

Digitized by Google

всегда. Это видно какъ изъ многихъ его эпитетовъ, употреблявшихся въ историческое время и указывающихъ на его господство въ природѣ, такъ и изъ обрядовъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ поклоненій, которые ясно относятся къ этой сторонѣ его существа. По вѣрованію Грековъ Зевсъ господствовалъ во всѣхъ царствахъ одушевленной и неодушевленной природы, жилъ въ деревьяхъ, давалъ плоды, покровительствовалъ овцамъ, посылалъ людямъ богатство (ἔνδενδρος, ἐπικάρπιος, μηλώσιος, μήλιος на монетахъ никейскихъ, см. Eckhel. II, 424, πλούσιος; доказательныя мѣста, какъ для этѣхъ эпитетовъ, такъ и для другихъ, приводимыхъ далѣе, можно найти въ Iacobis Mythologisches Woerterbuch s. v. Zeus [1]); отъ него шелъ дождь, дули вѣтры, сверкала молнія, гремѣлъ громъ и падали молніеносныя стрѣлы (ὑέτιος, οὔριος, εὐάνεμος, ἀστραπαῖος, βρονταῖος, κεραύνιος, αὔριος, см. Streber n. gr. p. 232.); онъ былъ богъ рожденія, жизни, молодости, весны; онъ γενέθλιος, охраняетъ σπορὰν παίδων (Plato de legg. V. 2.), самъ изображается младенцемъ и юношею, напр. въ Аргосѣ, въ Олимпіи (Paus. V, 21, 1.), въ Эгіонѣ (Paus. VII, 24, 4.), украшается вѣнкомъ изъ весеннихъ цвѣтовъ (Paus. V, 22, 5). Намъ извѣстно, что въ Аѳинахъ было выставлено изображеніе земли, молящей Зевса, чтобы онъ пустилъ дождь, Pausan. I, 24, 3, а на Антониновой колоннѣ въ Римѣ встрѣчается очень интересное изображеніе самаго дождеваго Зевса, Jupiter pluvius, которое, можетъ быть, взято изъ греческаго художества (Ζεὺς ὑέτιος, ἰκμαῖος; послѣднему покланялись на Кеосѣ, Broens ädt I, 48.) и напоминаетъ описанную выше эфесскую монету съ изображеніемъ дождеваго Зевса, см. стр. 256. Статуи Зевса вѣтровъ (οὔριος, εὐάνε-

[1]) Тамъ же, и еще въ алфавитныхъ указателяхъ къ Павзанію, можно найти другіе эпитеты Зевса, которые здѣсь, по ихъ малоупотребительности, опущены.

Digitized by Google

μος) [1]) стояли на морскихъ берегахъ и особенно на вершинахъ мысовъ (ἀκταῖος) и представляли Зевса нѣсколько въ посидоническомъ характерѣ съ преобладающимъ выраженіемъ могущества, вслѣдствіе чего Римляне переводили греческаго Ζεὺς οὔριος своимъ Jupiter imperator [2]). Поклоненіе Зевсу грозъ было очень распространено; Зевсу грозъ приписывались три главныя явленія, которыя Грекъ, также какъ и Римлянинъ, различалъ въ грозѣ: сверкающій свѣтъ, ἀστραπή, fulgur; гремящій звукъ, βροντή, tonitrus, и ударъ, κεραυνός, fulmen. Послѣднее явленіе считалось у Грековъ, какъ и вездѣ, важнѣе двухъ первыхъ, и потому Зевсъ особенно носилъ эпи-

---

[1]) Самая извѣстная статуя этого Ζ. οὔριος стояла при входѣ въ Понтъ въ одномъ мѣстѣ, называвшемся Ἱερόν: см. Wolf ad Dem. Lept. p. 259. Cic. in Pis. 35. 85. Надпись базы одной статуи, сохранившаяся до нашего времени (см. Seebode misc. cr. I, p. 287 sqq.), изображаетъ его богомъ попутнаго вѣтра:

Οὔριον ἐκ πρύμνης τις ὁδηγητῆρα καλείτω
Ζῆνα, κατὰ προτόνων ἵστιον ἐκπετάσας и т. д.

у Эсхила Suppl. 594. онъ близокъ къ Зевсу спасительному, ср. Hesych. s. v. σωτήριος.

[2]) О характерѣ этѣхъ изображеній можно получить понятіе по монетѣ Коммода съ подписью: IOVI IMP (eratori) OMNI (potenti) AETER (no). На лицевой сторонѣ Юпитеръ стоитъ влѣво съ жезломъ или копьемъ въ правой рукѣ и молніей въ лѣвой, лѣвою ногою наступая на ступень жертвенника. Передъ нимъ Коммодъ вправо, velato capite, по обычаю приносящихъ жертву. (Pedrusi Mus. Farn. V. 1617. n. 2. Müller D. A. K. II, 2, 22.). Тождество этого Юпитера съ Ζ. οὔριος основано на мѣстѣ Цицерона in Verrem IV, 57, 128: Jovis Imperatoris, quem Graeci Urion nominant. Что Юпитеръ императоръ былъ мѣстный пренестинскій богъ, мы узнаёмъ изъ Liv. VI, 29, 8. О трудностяхъ, представляющихся при объясненіи отождествленія пренестинскаго императора съ греческимъ богомъ вѣтровъ, разсуждали Левецовъ Jupiter Imperator. Berlin. 1826 и Отто Янъ въ Z. f. A. 1841, p. 977 ff., послѣдній по поводу статьи Абекена въ Ann. dell' Inst. XI, p. 62 sqq.

Digitized by Google

тетъ: *κεραύνιος* (ср. Перунъ), и полагалось, что онъ въ громовомъ ударѣ нисходитъ на землю (отсюда эпитетъ *καταιβάτης*, между прочимъ на монетѣ города *Κυβρος*, Eckhel III, 260). Такъ какъ вообще Зевсу досталась преимущественно передъ другими богами верхняя часть міра, небо и эѳиръ (откуда эпитеты *οὐράνιος*, *αἰθέρι ναίων*), то ему посвящены вершины горъ, достигающія эѳирной высоты, и онъ называется *κορυφαῖος* (на монетахъ лидійской Филадельфіи, Eckhel III, 110), *καραιός* (у Беотійцевъ), *ἐπάκριος* (въ Аттикѣ), *ἀκραῖος* (въ Эфесѣ, Смирнѣ, Митиленѣ, Темносѣ, Eckhel II, 497, 504, 508, 543). Къ этому же значенію относится и прозвище *Ολύμπιος*, потому что Олимпомъ у Грековъ называлась всякая священная горная вершина, достигающая эѳирной высоты. Равно отъ него же ведетъ свое начало поклоненіе Зевсу въ кремляхъ или вышеградахъ (акрополяхъ) греческихъ городовъ, относившееся сначала къ богу вершинъ, а потомъ принявшее политическое значеніе (замѣчательный примѣръ того перехода отъ физическаго къ нравственному, о которомъ было уже упомянуто). Вообще же богомъ преимущественно природы Зевсъ является во многихъ мѣстныхъ поклоненіяхъ, которыя будутъ описаны ниже, и изъ которыхъ самымъ знаменитымъ было аргосское. Оно безъ всякаго сомнѣнія уже существовало во время господства тамъ Ахеевъ, и потому не удивительно, что въ немъ преобладаетъ физическая сторона значенія Зевса.

Но чѣмъ далѣе въ исторіи, тѣмъ болѣе получаетъ перевѣсъ нравственная сторона. Какъ Зевсъ вершинъ становится Зевсомъ охранителемъ акрополей, такъ точно еще прежде Зевсъ сталъ изъ бога верхней атмосферы царемъ Олимпа и покровителемъ царей на землѣ (*Ζεὺς βασιλεὺς*, *βασιλεῖος*). Мы видѣли, что еще въ героическое время, описываемое у Гомера, греческое царское достоинство производилось отъ него. По Гомеру, онъ далъ скипетръ, которымъ царствовали Пелопиды (этотъ

Digitized by Google

скипетръ, какъ утверждали, сохранялся потомъ въ Херонеѣ, и Херонейцы покланялись ему болѣе нежели всѣмъ богамъ, Павз. IX, 40, 11); онъ считался даже физическимъ родоначальникомъ нѣкоторыхъ другихъ династій, напр. Эакидовъ, Гераклидовъ. У Гезіода мы находимъ тоже вѣрованіе, особенно въ той формѣ, что отъ Зевса происходитъ право, которымъ цари царствуютъ; но какъ понятія измѣнились въ Гезіодово время, показываетъ замѣчательный совѣтъ, находящійся въ »дняхъ и работахъ« ст. 245 - 263, напоминающій о правѣ, *Δίκη*, дочери Зевса, которая за кривые суды совершаетъ мщеніе надъ цѣлымъ городомъ, и потомъ переходящій въ наивное воззваніе, заключенное въ ст. 262 и 263.

Въ послѣдующее время Зевсъ оставался покровителемъ царей тамъ, гдѣ монархія удержалась, хотя только и по имени. Такъ въ Лакедемонѣ, цари Гераклиды, производившіе свой родъ отъ Зевса, продолжали быть его жрецами; въ Эпирѣ, цари изъ рода Эака, сына Зевсова, находились въ особомъ отношеніи къ додонскому Зевсу (что видно изъ ихъ монетъ) и при вступленіи на престолъ приносили жертву Зевсу по прозвищу *Ἄρειος*, присягая при томъ эпирскому народу царствовать согласно съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, послѣ чего народъ присягалъ въ вѣрности монархіи, см. Plut. Pyrrh. c. V. Напротивъ того города, сдѣлавшіеся республиками, удержавъ въ призываніяхъ Зевса имя царя (ср. Cic. de rep. 1, 33: cur enim regem apellem *Jovis optimi nomine* hominem), перенесли его покровительство на свои новыя учрежденія и видѣли въ немъ, какъ и прежде, высочайшее начало законности, порядка и всѣхъ тѣсныхъ или обширныхъ соединеній людей между собою.

Какъ *Δικαιοπάλος*, источникъ и блюститель всякаго права, Зевсъ имѣетъ своими спутницами *Δίκη*, право человѣческое, jus, и *Ὁσίη*, право божественное, fas. Отъ него

Digitized by Google

происходитъ, по понятію древнихъ Грековъ, особенно развитому философами стоиками (см. Cic. de N. D. I, 15), всякая справедливость на землѣ. Онъ самый неподкупный, нелицепріятный судья и вовсе не слышитъ желающихъ убѣдить его въ свою пользу. (Поэтому на островѣ Критѣ находился одинъ его идолъ безъ ушей, Plut. de Is. et Osir. 75.) Онъ содержитъ весь міръ въ чинѣ и нарядѣ, κόσμος; отсюда его спартанское имя κοσμήτας, относящееся впрочемъ и къ физическому и къ нравственному порядку міра. Далѣе, всѣ законныя соединенія людей стоятъ подъ его покровомъ. Каждый домъ, съ своимъ средоточіемъ, очагомъ, ἑστία, былъ посвященъ Зевсу, охранителю домашней и семейной жизни (ἑρκεῖος, ἐφέστιος); мужъ и жена были имъ соединяемы подъ общее ярмо (ζύγιος, γαμήλιος); въ кладовыхъ стояли въ особенныхъ шкапчикахъ, ναΐδια, или боченочкахъ, καδίσκοι, истуканчики Зевса имущественнаго, Ζεὺς κτήσιος (κτήσιον Διὰ ἐν τοῖς ταμιείοις ἵδρυντο Harpocr. p. 115 и Athen. XI, p. 473 c. not.) Въ Аѳинахъ при испытаніи годности гражданъ къ занятію государственныхъ должностей спрашивалось между прочимъ, есть ли у испытуемаго жертвенники, для Зевса πατρῷος и ἑρκεῖος (Harpocration s. v. Ἑρκεῖος Ζεύς). Первый относился къ цѣлому городу, второй былъ домашній богъ, такъ сказать пенатъ каждаго Аѳинянина, покровитель дома и всѣхъ домашнихъ, охранитель чести всѣхъ въ немъ живущихъ и особенно женщинъ (см. Creuzer Symb. III, p. 120 3-ter Ausg.). Люди, связанные узами родства или свойства, имѣли также своего Зевса, родственники, ἀδελφοί, ὁμόγνιοι, Зевса ὁμόγνιος (Schol. Eurip. Hec. v. 342 Matth), соединенные свойствомъ, affinitas, συγγένεια, Зевса συγγένειος. Фратрія, соединеніе людей, слѣдующее по обширности тотъ часъ за семействомъ и родомъ, имѣла также своего Зевса φρατριος (въ Аѳинахъ), и наконецъ цѣлый городъ былъ защищаемъ Зевсомъ по прозвищу πολιεύς.

Digitized by Google

Арать въ началѣ своихъ *φαινόμενα* говорилъ, что Зевсомъ полны всѣ переулки и всѣ площади, все море и всѣ гавани, что мы вездѣ нуждаемся въ Зевсѣ. На основаніи этого же воззрѣнія Зевсъ называется *βουλαῖος* (въ Митиленѣ, Eckhel II, 504); *ἀγοραῖος* (въ Никеѣ Eckhel II, 424), руководитель думы и народнаго вѣча. Его идолъ съ идоломъ Геры справа и Аѳины слѣва находился въ залѣ собраній у Фокійцевъ, въ такъ называемомъ *Φωκικόν*, описываемомъ Павзаніемъ X, 5, 1. Ему молились аѳинскіе думные люди, *βουλευταί*, передъ совѣщаніемъ; къ нему, какъ къ богу вѣча и краснорѣчія, велѣлъ оракулъ обращаться отцу Сократа съ молитвами о сынѣ (Plut. de genio Socratis, p. 589); равнымъ образомъ онъ, какъ источникъ закона и правды, блюститель вѣрности данному слову и клятвѣ, *πίστιος*, *ὅρκιος*,— страшный каратель клятвопреступниковъ; его идолъ съ молніей въ обѣихъ рукахъ находился въ думномъ домѣ, *βουλευτήριον*, въ Олимпіи (Paus. V, 24, 2). Какъ у Гомера, такъ и въ историческое время пользуются его покровительствомъ странники, гости и несчастные просящіе защиты (*ξένιος*, *ἱκέσιος*, *φύξιος*), и ему пріятна дружба людей и ихъ товарищество (*φίλιος*, *ἑταιρεῖος*). Какъ *ξένιος*, онъ былъ изображенъ ваятелемъ Памфиломъ, ученикомъ Праксителя; какъ *φίλιος*, — знаменитымъ Поликлетомъ, современникомъ Фидія (въ характерѣ очень мягкомъ, близкомъ къ діонисовскому, даже съ ѳирсомъ, на которомъ впрочемъ сидѣлъ орелъ, Paus, VIII, 31. 4). *Ζεὺς φίλιος* встрѣчается также на монетахъ тарсійскихъ съ колосьями и гроздіями въ рукѣ, Tölken Kunstbl. I, p. 175, и на пергамскихъ, Eckhel II, 465, съ чашей. На войнѣ Зевсъ предводительствуетъ, даетъ стойкость, посылаетъ и охраняетъ трофеи, *στρατηγός* (Eckhel II, 585), *στράτιος* [1]), *ἄρειος*, *αγήτωρ*, *στή-*

[1]) Этому Зевсу покланялись особенно въ Лабрандѣ въ Каріи, гдѣ онъ изображался съ сѣкирой (Plut. Qu. Gr. 45) и копьемъ въ

Digitized by Google

ϑιος, *τροπαῖος*), освобождаетъ отъ опасности и грозящаго рабства (*ἐλευϑέριος*). Поэтому Греки учреждаютъ ему по окончаніи персидскихъ войнъ въ Платеяхъ праздникъ освобожденія, *ἐλευϑέρια* (Paus. IX, 2, 5), и воздвигаютъ въ Олимпіи статую подъ именемъ освободителя, *Ζεὺς ἐλευϑέριος* (Herodot. IX, 81. Paus. V, 23, 2. VI, 10, 2). На монетахъ Сиракузъ Зевсъ освободитель находится въ память освобожденія отъ тиранна Ѳрасибула, Eckhel I, 243. Вообще Зевсъ — *Σωτηρ* (Paus. II, 20, 6; 31, 10. III, 23, 10. IV, 31, 6; 34, 6. V, 5, 1. VII, 23, 9. VIII, 9, 2; 30, 10); онъ приводитъ все къ лучшему (*τελεῖος*), призывается каждый разъ при чиханіи употребительной приговоркой: *Ζεῦ σῶσον*, получаетъ въ почесть третій кубокъ за каждымъ пиромъ и по окончаніи каждаго года особое благодареніе, *Διοσωτήρια* (см. К. О. Мюллера къ Евменидамъ Эсхила стр. 187 слл.).

Всѣ этѣ мысли соединялись при постоянномъ поклоненіи Зевсу въ историческое время гелленизма, всѣ онѣ были болѣе или менѣе распространены по всей Греціи. Но на ряду съ этѣмъ такъ сказать каждодневнымъ и повсемѣстнымъ поклоненіемъ существовали еще періодическіе и мѣстные праздники, которые теперь должны составить предметъ нашего дальнѣйшаго описанія.

Общимъ отличіемъ ихъ въ это гелленское время была веселость, непринужденность въ приближеніи къ святилищу, украшеніе святыхъ мѣстъ и дней музыкой, пляской, разными играми и всякимъ искусствомъ. Въ гелленское время вся народная жизнь принимаетъ пластическій характеръ; т. е. во всѣхъ сферахъ жизни дохо-

---

рукахъ и съ четверикомъ на головѣ (см. монеты милассскія Müller D. A. K. II, 2, 30). Геродотъ (V, 119) говоритъ даже, что Z. *Στράτιος* пользуется поклоненіемъ только у Каровъ. Вообще Кары усердно покланялись Зевсу подъ именами карійскаго, ламбрандійскаго и Осого, о чемъ см. выше стр. 211.

Digitized by Google

дитъ до проявленія самое полное, какое только было на свѣтѣ, равновѣсіе между плотскою и духовною стороною человѣческаго существа. Поэтому въ священныхъ играхъ и состязаніяхъ, въ такъ называемыхъ агонахъ этого времени, тѣлесныя упражненія занимаютъ главное мѣсто наряду съ музыкальными и драматическими. Даже въ ту первую эпоху гелленскаго времени, когда поклоненіе Зевсу имѣло особенно сильное вліяніе и еще носило архаическій характеръ, мы находимъ преобладаніе тѣлесныхъ состязаній (гимническихъ агоновъ) надъ прочими, вслѣдствіе чего съ служеніемъ Зевсу особенно связаны только первыя. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что кромѣ музическихъ состязаній, имѣвшихъ мѣсто въ Иѳомѣ и Немеѣ (можетъ быть и въ Спартѣ), всѣ агоны, стоящіе въ связи съ поклоненіемъ Зевсу, были гимническіе. Покровительствуя имъ, Зевсъ являлся какъ богъ тѣлеснаго труда и физической силы, Ζεὺς σθένιος [1]), и потому съ этой стороны его дѣятельности миѳологія даетъ ему въ сыновья не Аполлона или Діониса, но Геркулеса, героя много трудившагося и трудомъ достигшаго до Олимпа. Каково бы ни было значеніе Геркулеса въ греческой миѳологіи, но то несомнѣнно, что онъ по своему существу есть представитель времени древнѣйшаго, нежели какъ Аполлонъ и Діонисъ, и что онъ въ исторіи греческаго поклоненія богамъ стоитъ въ самой тѣсной связи съ гимническими агонами. Гимническіе же агоны вѣроятно имѣли мѣсто отчасти уже въ пеласгическій періодъ, какъ мы видѣли при описаніи ликейскаго поклоненія Зевсу, и какъ можно заключить изъ того, что съ ними приводится въ соприкосновеніе *Титанида* Ѳія (см. начало V

---

[1]) Изображеніе Зевса съ этой стороны его существа было, кажется, особенно избираемо для скульптурныхъ работъ Лисиппомъ, о которомъ мы знаемъ, что онъ сдѣлалъ четыре статуи Зевса, и между ними одинъ колоссъ въ 40 футовъ въ вышину, находившійся въ Тарентѣ, Plin. H. N. XXXIV, 7, 39.

Digitized by Google

исемійской оды Пиндара). Поэтому очень понятно, что въ Геркулесѣ замѣчается много пеласгическаго (Ушольдъ, какъ извѣстно, считалъ его даже представителемъ Пеласговъ). Но съ другой стороны также понятно, почему Геркулесъ является героемъ дорійскаго племени, которому принадлежитъ предпочтительно передъ другими греческими племенами распространеніе гелленизма (о дорійскомъ Геркулесѣ см. K. O. Müller's Dorier, въ главѣ о Геркулесѣ). Самое правильное заключеніе о Геркулесѣ состоитъ въ томъ, что, какъ общепринятая миѳологическая хронологія считаетъ Геркулеса однимъ изъ самыхъ древнѣйшихъ героевъ, такъ онъ былъ и въ самомъ дѣлѣ существомъ среднимъ между пеласгическимъ и гелленскимъ періодомъ греческой исторіи, и что потому время его великаго значенія въ исторіи греческихъ религіозныхъ системъ предшествуетъ времени особеннаго вліянія Дельфъ и Элевзина. Поэтому въ Геркулесѣ болѣе элементовъ пеласгическихъ, нежели въ Аполлонѣ или Діонисѣ, и поэтому же состязанія гераклическія отличаются отъ аполлоническихъ и діонисическихъ тѣмъ, что состоятъ болѣе въ тѣлесныхъ, нежели въ умственныхъ упражненіяхъ. Въ гераклической агонистикѣ преобладаютъ тѣлесныя игры и конскія состязанія, изъ которыхъ почти всѣ уже извѣстны Гомеру. Видя, какъ ея характеръ соотвѣтствуетъ героическому времени, нельзя отказаться отъ мысли, что она ведетъ свое начало отъ воинственнаго быта героевъ, такъ много полагавшихся на свою силу и броню и такъ много хвалившихся своей ловкостью. Но съ другой стороны полное развитіе гимнической и гиппической (тѣлесной и конской) агонистики несомнѣнно относится къ времени процвѣтанія гелленизма и его характеризуетъ какъ нельзя болѣе. У Гомера она является еще дѣломъ частныхъ людей, употребительнымъ не при священнодѣйственныхъ обрядахъ въ дни, празднуемые всѣми, а при погребеніи богатыхъ и сильныхъ мужей. Награда

Digitized by Google

побѣдителю состоитъ у него въ какомъ-нибудь предметѣ, имѣющемъ цѣнность въ самомъ себѣ, ἆθλον. Въ гелленское время, напротивъ, агоны становятся дѣломъ общественнымъ, находятся въ связи съ народными религіозными празднествами и ведутъ побѣдителя по большой части къ наградѣ, приносящей только одну славу, но не заключающей въ себѣ никакой цѣнности, именно къ вѣнку, свитому изъ вѣтви священнаго дерева того мѣста, гдѣ состязаніе происходитъ. (Отсюда противоположеніе агоновъ στεφανῖται или στεφανηφόροι и агоновъ ἐπ' ἄθλοις или χρηματῖται). Кромѣ того только въ гелленское время тѣлесныя игры стали въ настоящемъ смыслѣ гимническими (γυμνικοί отъ γυμνός нагой), потому что только при полномъ развитіи гелленизма Греки рѣшились сбросить на время игръ съ своего тѣла повязки и совершенно обнажиться. Это обнаженіе считаетъ Ѳукидидъ въ выше приведенномъ мѣстѣ (стр. 54) однимъ изъ главныхъ признаковъ гелленизма, и оно дѣйствительно представляетъ весьма характеристическую черту гелленскаго воззрѣнія на природу человѣка, ибо оно стало возможнымъ, только когда Грекъ, погрузившись въ созерцаніе красоты человѣческаго тѣла, пересталъ стыдиться наготы его.

Чувственное направленіе, отличающее агонистику, стоящую въ связи съ Зевсомъ и Геркулесомъ, очень хорошо характеризуетъ то время, къ которому относится ея установленіе. Эта чувственность не была ни грубая чувственность, замѣчаемая у нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, ни изнѣженная и утонченная чувственность, господствовавшая у Грековъ и Римлянъ въ позднѣйшее время. Она была возвышаема и украшаема стремленіемъ къ изящному, вносившимъ въ нее одушевленность, и пріобрѣтала необыкновенно здоровый и крѣпкій видъ отъ сильнаго напряженія, которымъ отличалась. Это была красивая и вмѣстѣ крѣпкая чувственность.

Digitized by Google

Такой характеръ замѣчается и вообще въ поклоненіи Зевсу этого времени. Оно стало свободно, весело; въ немъ видно направленіе къ изящному, отождествленіе священнаго съ изящнымъ, игры съ праздникомъ; но съ другой стороны въ немъ еще много строгаго, и архаическія черты встрѣчаются въ немъ въ бо́льшемъ числѣ, нежели въ поклоненіи вторымъ олимпійскимъ богамъ.

Это будетъ ясно изъ описанія мѣстныхъ обрядовъ, къ которому мы теперь переходимъ, и которое мы расположимъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ ихъ внутреннему характеру и потому могущемъ подходить къ исторической послѣдовательности временъ ихъ происхожденія.

Зевсовы города. Естественно начать обзоръ мѣстныхъ поклоненій съ тѣхъ городовъ и мѣстъ, которые уже самымъ именемъ свидѣтельствуютъ о господствовавшемъ въ нихъ поклоненіи Зевсу. Изъ нихъ мы упомянемъ прежде всего о Діонѣ, Διον, Dium, городѣ, лежавшемъ на подошвѣ горы Олимпа. О значеніи Олимпа въ исторіи поклоненія Зевсу мы скажемъ нѣсколько словъ ниже при описаніи поклоненія Зевсу въ Олимпіи. Теперь замѣтимъ только, что Олимпъ составляетъ средоточіе той мѣстности, въ которой выработалось поклоненіе олимпійскимъ богамъ въ ихъ совокупности и противоположности съ одной стороны Титанамъ, сражавшимся противъ Олимпійцевъ съ Ѳориса, и съ другой — подземнымъ, хѳоническимъ богамъ и героямъ. Поэтому очень важно найти на подошвѣ Олимпа городъ, посвященный Зевсу. Что въ немъ очень усердно покланялись этому богу, показываютъ многія обстоятельства и кромѣ его имени. На одной мѣдной діонской монетѣ мы находимъ Зевса. Онъ изображенъ, стоя, съ чашей въ правой рукѣ, съ копьемъ въ лѣвой, съ орломъ у ногъ; надпись COL. JUL. DIENSIS, на лицевой сторонѣ голова Галліена въ сіяніи, Mionnet I, p. 174 n. 187. Изъ Стефана Ви-

Digitized by Google

зантійскаго s. v. *Δῖον* мы знаемъ, что въ этомъ городѣ праздновались олимпійскія игры, конечно, въ честь Зевса. Это еще болѣе доказываетъ существованіе тамъ знаменитаго поклоненія Зевсу. Въ окрестностяхъ Діона жили Піерійцы, по которымъ и музы олимпійскія носятъ имя піерійскихъ, и вся страна называлась Піеріей. Въ древнее время отсюда было много выселеній въ собственную Грецію, изъ числа которыхъ самое замѣчательное было геликонское, имѣвшее, безъ всякаго сомнѣнія, большое вліяніе на Гезіодову поэзію. Въ 7-мъ вѣкѣ до Р. Х. Піерійцы, изгнанные изъ своихъ мѣстъ Македонянами, выселились далѣе на востокъ къ подошвѣ Пангеона. Имъ, вѣроятно, принадлежитъ основаніе городовъ Діона и Діи, упоминаемыхъ близъ Аѳонской-горы, Стеф. Виз. s. v. *Δῖον*, *Δία*. Въ позднѣйшее время македонскаго господства надъ Азіей часть Піерійцевъ перешла въ Сирію и поселилась тамъ на правомъ берегу Оронта. Страна, ими занятая, получила также имя Піеріи, и ими же было, конечно, принесено поклоненіе Зевсу, распространившееся тамъ и особенно процвѣтавшее въ Антіохіи и Селевкіи, сравни выше стр. 254. Они и здѣсь основали городъ Діонъ, Стеф. Виз. s. v. *Δῖον*. Того же происхожденія былъ конечно и Діонъ, лежавшій въ Палестинѣ на лѣвомъ берегу Іордана. О его македонскомъ происхожденіи свидѣтельствуетъ находившаяся близъ него Пелла. На монетахъ послѣдней (Eckhel III, 350) надобно видѣть въ нагомъ мужѣ съ чашей и жезломъ — Зевса. Равнымъ образомъ къ поклоненію Зевсу надобно, кажется, отнести странный типъ монетъ палестинскаго Діона (Eckhel III, 347), на что указываетъ не только орелъ, сидящій на жезлѣ женщины, но даже и быкъ, находящійся подъ ея ногами. Кромѣ этѣхъ достовѣрно піерійскихъ Діоновъ въ Малой Азіи еще упоминаются: Діонъ въ Писидіи (Стеф. Виз. l. l.), Дія въ Каріи (Стеф. Виз. s. v. *Δία*), Дія въ Лидіи, разру-

Digitized by Google

шенная землетрясеніемъ въ 152 по Р. Х. (Georg. Synk. p. 603. ed. Bonn), въ Лидіи же *Διὸς ἱερόν* (Sickler Hdb. p. 527), и Дія въ Виѳиніи на берегу Чернаго-моря. Послѣдній городъ чеканилъ мѣдныя монеты съ изображеніемъ увѣнчанной головы Зевса и орла съ молніей см. Panofka von dem Einfluss der Gottheiten auf Ortsnamen (Abh. d. Berl. Ak. 1840) Taf. I, 1. Въ нашемъ Крыму была также своя Дія, упоминаемая у Плинія IV, 26. О ней болѣе ничего не извѣстно; она обязана своимъ происхожденіемъ, какъ надобно полагать, ахейскимъ колонистамъ. Дія, которую упоминаетъ Стефанъ Визант. s. v. *Δία* на берегу Фазиса, въ Скиѳіи, есть именно эта плиніева Дія, и попала на Фазисъ по ошибкѣ Стефана Византійскаго, смѣшавшаго съ нею Эю, лежащую на Фазисѣ (по сходству начертанія *Δια* и *Λια*). Это первый замѣтилъ Гольстеній. Изъ острововъ Эгейскаго-моря имя Діи носилъ Наксосъ и еще два острова, изъ которыхъ одинъ лежалъ близь Аморга, другой близь Мелоса, Стеф. Виз. s. v. *Δία*. Противъ кносской гавани Гераклеп находился островокъ Дія, Стеф. Виз. l. l., сохранившій и теперь свое древнее священное имя: онъ называется Стандія, что̀ произошло, безъ всякаго сомнѣнія, изъ *εἰς τὰν Δίαν*, какъ имя Стамбулъ изъ *εἰς τὴν πόλιν* (при этомъ еще замѣчательно, что сохранились даже слѣды доризма въ членѣ *τὰν*). На самомъ островѣ Критѣ, древнемъ мѣсторожденіи бога, мы находимъ мысъ Діонъ и городъ Таносъ, котораго имя, тождественное съ Заносъ, происходитъ отъ имени Зевса въ формѣ Занъ Эту связь дѣлаетъ несомнѣнною то обстоятельство, что на монетахъ города Таноса мы находимъ на одной сторонѣ увѣнчанную лавромъ голову Зевса, на другой орла, Mionnet II, 299 n. 321. Поэтому-то мы имѣемъ полное право относить къ Зевсу и имя маленькой рѣки Таносъ, упоминаемой въ Арголидѣ у Павзан. II, 38, 7, а равно видѣть тоже слово только съ ослабленіемъ гласной въ этрусскомъ имени Зевса—

Digitized by Google

Тинія. Это, замѣтимъ мимоходомъ, вмѣстѣ съ прочими этрусскими именами боговъ, — даетъ сильный поводъ думать, что въ этрусскомъ народѣ находилась, какъ элементъ, часть греко-пеласгическаго племени, отдѣлившаяся отъ него довольно поздно, какъ кажется, позднѣе нежели племя осско-сабино-латинское, и этѣмъ подтверждается предположеніе Лепсіуса, высказанное въ сочиненіи: über die Tyrrhenischen Pelasger in Etrurien. Lpzg. 1842. Далѣе, на собственномъ материкѣ, мы находимъ въ Арголидѣ уже упомянутую рѣчку Таносъ, которой соотвѣтствуетъ близь Скиллейскаго-мыса островокъ Дія, лежащій какъ бы въ срединѣ между Калаврией, средоточіемъ поклоненія Посидону, и Герміоной, средоточіемъ поклоненія Аду. Нѣсколько южнѣе въ восточной Лаконикѣ была гавань Зевса спасающаго и, что замѣчательно, близь нея мысъ Миноя, напоминающій Миноса, критскаго собесѣдника Зевсова. Въ Ѳессаліи упоминается Діонъ, у Стеф. Виз. s. v. *Δῖον*, и Дія, у Стеф. Виз. s. v. *Δία*. Основаніе послѣдней приписывается Эаку, сыну Зевса и Европы или Зевса и Эгины, которую Зевсъ похитилъ у ея отца Асопа, принявъ видъ орла. Эакъ пользовался поклоненіемъ, какъ герой, и ходило повѣрье, что въ аду онъ судитъ мертвыхъ вмѣстѣ съ Миносомъ и Радаманѳомъ. Его сыновьями были Пелей и Теламонъ, и черезъ нихъ онъ родоначальникъ Ахилла и Эанта. Въ качествѣ родоначальника Ахилла, властителя ѳессалійской Геллады, онъ, вѣроятно, и считается основателемъ ѳессалійской Діи.

Въ заключеніе этого перечня мѣстностей, получившихъ имя отъ Зевса, мы упомянемъ о Зевсовомъ-мысѣ и Зевсовомъ-городѣ, находившихся на сѣверномъ краю острова Эвбеи, тамъ, гдѣ былъ еще городъ — Аѳины Діадскія, основанный Діантомъ, сыномъ Абантовымъ, Стеф. Виз. s. v. *Ἀθῆναι*. Все это показываетъ, что эта мѣстность должна имѣть особенное миѳологическое значеніе, и это дѣйствительно подтверждается многимъ. Есть ска-

Digitized by Google

заніе, что Іо, та Іо, о которой мы говорили на первыхъ страницахъ этого сочиненія, соединилась съ Зевсомъ въ пещерѣ острова Эвбеи, а не въ египетскомъ Канобѣ, Strab. X, p. 445. На островѣ Эвбеѣ была страна, называвшаяся Геллопіей, тѣмъ же самымъ именемъ, которое встрѣчается около Додоны, см. выше стр. 85. Наконецъ на островѣ Эвбеѣ мы находимъ племя, носящее имя Куретовъ, напоминающее съ одной стороны этолійскихъ, съ другой стороны критскихъ Куретовъ. Съ послѣдними ихъ сближаетъ очевидное существованіе на островѣ Эвбеѣ знаменитаго поклоненія Зевсу; въ пользу этого сближенія говоритъ и Халкисъ, городъ Эвбеи, получившій имя отъ мѣди, связанной и на Критѣ съ мѣдноружными Куретами (выше стр. 149.) Замѣчательно, что Халкисъ находится и въ Этоліи, и что молодеческая воинственность, отличавшая, какъ мы замѣтили, критскихъ Куретовъ, служителей Зевса, составляетъ главное качество и цѣлаго Куретскаго-племени, считавшагося непобѣдимымъ (Strab. p. 463). Поэтому-то необходимо, кажется, сблизить историческихъ этолійскихъ и эвбейскихъ Куретовъ съ критскими миѳическими и жреческими Куретами, несмотря на то, что послѣдніе съ теченіемъ времени приняли совершенно мистическій характеръ и были отождествлены съ Кабирами или тѣми богами, сильными не столько своимъ бытіемъ, сколько своимъ могуществомъ, θεοὶ δυνατοὶ, dii potes, которые могли называться воспитателями Зевса потому, что безъ ихъ существованія вовсе не было бы человѣку возможно освободиться отъ подчиненности существующему міру и отъ поклоненія реальнымъ богамъ. Но такое мистическое отождествленіе критскихъ Куретовъ съ Кабирами не должно препятствовать намъ видѣть въ племени Куретовъ представителей поклоненія Зевсу на извѣстной (именно — на героической) степени развитія (сравни выше стр. 159).

Аргосъ. Здѣсь главные обряды поклоненія условли-

Digitized by Google

вались мѣстными миѳами объ отношеніи Зевса къ Герѣ, слѣдовательно выступала та сторона бога, которая уже была на первомъ планѣ въ описанномъ выше поклоненіи платейскомъ (въ Дедаліяхъ, стр. 189. сл.). Гера была въ Аргосѣ мѣстной богиней; по мнѣнію Аргивянъ, она особенно любила этотъ городъ; поэтому она и у Гомера часто носитъ постоянный эпитетъ (epitheton perpetuum) аргивской Геры, напр. въ извѣстномъ стихѣ:

Ἥρη τ' Ἀργείη καὶ Ἀλαλκομενηΐς Ἀθήνη.

Отношеніе ея къ Зевсу было брачное, и бракъ, *ἱερὸς γάμος*, имѣлъ физическое значеніе, бывшее однакожъ тайной. Поэтому Павзаній II, 17 ничего не говоритъ о немъ и прибавляетъ, что это *ἀπόῤῥητον*. Но философъ Аристотель [1]), какъ кажется, нарушилъ храмовую тайну и подробно изложилъ все сказаніе. Ему или другому ученому его же имени мы обязаны всѣмъ, что̀ знаемъ объ аргивскомъ священномъ бракѣ Зевса и Геры. Впрочемъ этѣ свѣдѣнія не полны, потому что изложеніе Аристотеля дошло до насъ только въ отрывкѣ, выписанномъ въ схоліяхъ къ Ѳеокриту XV, 64, и ограничиваются слѣдующимъ: Гера, прогуливаясь, сѣла однажды на одной аргивской вершинѣ, *πρών*, которая потомъ была ей особенно посвящена, и на которой находился храмъ Геры-дѣвы (Paus. II, 35). Тогда Зевсъ поднялъ великую бурю и послалъ проливной дождь, а самъ, превратившись въ кукушку, сѣлъ на горѣ Ѳронаксѣ или Ѳорнаксѣ. Потомъ онъ подлетѣлъ къ ней, а она, изъ состраданія, дала ему, измокшему отъ дождя, убѣжище на своемъ лонѣ. Тогда Зевсъ явился ей въ своемъ видѣ, устранилъ опасенія

---

[1]) Схоліи Ѳеокрита XV, 64 говорятъ просто: Аристотель, слѣдовательно относятъ къ философу. Но противъ того см. Preller Demeter p. 244 not.; сравни впрочемъ статью Грасгофа въ Jahn's Jahrb. X, 2, p. 142. Трудность состоитъ въ томъ, что схоліи цитуютъ сочиненіе не приводимое между Аристотелевыми, именно: *περὶ Ἑρμιόνης ἱερός.*

Digitized by Google

богини, боявшейся своей матери Реи, и сочетался съ ней бракомъ. Отъ этого и гора получила названіе кукушкиной, κοκκύγιον.

Особенно важно въ этомъ сказаніи упоминаніе кукушки, несомнѣнно свидѣтельствующее о его древности и вмѣстѣ о его физическомъ значеніи. Зевсъ, являющійся въ видѣ кукушки, есть богъ весенняго дождя, оплодотворяющаго природу, предвѣстникомъ котораго, по греческой примѣтѣ, считалась кукушка (см. Гезіода Ἔ. κ Ἡ. ст. 486.). Съ другой стороны, въ этомъ сказаніи видны слѣды изъ зооморфической эпохи греческой миѳологіи и соотвѣтствіе съ тѣми миѳами, въ которыхъ Зевсъ является то орломъ, то быкомъ, то жукомъ. Въ Аргосѣ остатки зооморфическаго символа кукушки сохранились въ такой силѣ, что даже Поликлетъ счелъ нужнымъ посадить кукушку на скипетръ Геры въ идолѣ этой богини, изваянномъ имъ изъ золота и слоновой кости для аргосскаго храма. Въ аргивской кукушкѣ можно видѣть продолженіе того направленія, которое мы въ послѣдній разъ встрѣтили, разбирая беотійскіе миѳы.

Нельзя пройти молчаніемъ еще одного миѳа, указывающаго на слѣды зооморфизма въ Аргосѣ, хотя этотъ миѳъ и не стоитъ въ прямой связи съ поклоненіемъ Зевсу. Я разумѣю миѳъ о борьбѣ волка съ быкомъ, рѣшившей дѣло между Данаемъ и Геланоромъ въ пользу перваго, Paus. II, 19, 3. 4. И волка и быка мы встрѣчали нѣсколько разъ въ связи съ Зевсомъ, перваго преимущественно на Ликейской-горѣ, втораго въ Критѣ и Беотіи. Изъ этого бы можно было заключить о туземности въ Греціи символа волка и напротивъ о чужеземности символа быка, и это подтвердилось бы сказаніями о пришествіи въ Аргосъ египетской колоніи. Аргосскаго быка было бы надобно отнести къ чужеземному вліянію, также какъ критскаго и беотійскаго. Напротивъ, волкъ получилъ бы значеніе начала враждебнаго зоомор-

Digitized by Google

физму. Но мы не осмѣливаемся настаивать на этомъ объясненіи, потому что для рѣшенія этого вопроса необходимо самое обширное изслѣдованіе всѣхъ миѳовъ и всѣхъ поклоненій, въ которыхъ упоминается или волкъ или быкъ. Чтобы подтвердить присутствіе въ Аргосѣ символа быка и его употребленіе для обозначенія Зевса, мы укажемъ только на Іо, блуждающую подъ видомъ коровы и подъ видомъ коровы же соединяющуюся съ Зевсомъ, отъ чего, по миѳу, происходитъ Эпафъ или, что̀ тоже (только безъ удвоенія или безъ приставки египетскаго члена), Апись. Какъ Іо доходитъ до Египта, такъ Данай, представитель племени Данаевъ, признается наоборотъ за египетскаго выходца, за брата Египтова. Присутствіе Египтянъ превосходно объясняетъ и аргивскія сооруженія для орошенія тамошней сухой почвы (Hüllmann Anfänge d. gr. Gesch. S. 86.). Воспоминанія о египетской колоніи были еще живы въ памяти Аргивянъ, и недалеко отъ Навплія находилось мѣсто, называвшееся *Ἀναβαθμοί*, гдѣ, по увѣренію Аргивянъ, Данай и его дочери высадились на землю, Paus. II, 38, 4. Замѣчательно, что близъ Навплія упоминается и лабиринѳъ, котораго сооруженіе очень естественно приписать этѣмъ же колонистамъ, см. выше стр. 127. Но если все заставляетъ думать, что въ Аргосѣ въ древнее время поселились чужеземцы, и что ими были принесены туда зооморфическая религія и обычай построенія лабиринѳовъ, то съ другой стороны не надобно упускать изъ виду, что Данай и Даная, представители племени Данаевъ, которому приписывается египетское происхожденіе, находятся въ миѳахъ въ связи съ Зевсомъ, и что Данай у Павзанія (II, 19, 7) воздвигаетъ Зевсу деревянное изображеніе, *ξόανον*, слѣд. анѳропоморфическій идолъ. Съ этой стороны Данай является противоположнымъ зооморфизму и близкимъ къ тому направленію, которое въ Критѣ и Беотіи обозначается именемъ Дедала.

Digitized by Google

Но мы возвращаемся къ аргивскому миѳу о сочетаніи Геры съ Зевсомъ-кукушкой. Нельзя не согласиться, что этотъ миѳъ очень напоминаетъ гомерическое сказаніе XVI книги Иліады о сочетаніи Зевса съ Герой на горѣ Идѣ, при чемъ земля раститъ зелень и цвѣты. Сходство двухъ сказаній еще тѣмъ замѣчательнѣе, что гомерическое упоминаніе зелени и цвѣтовъ по поводу сочетанія, не находимое въ томъ, что̀ дошло до насъ изъ аргивскаго миѳа, можетъ быть въ немъ дополнено на основаніи обряда анѳесфорій, имѣвшаго мѣсто при служеніи аргивской Герѣ. Этотъ обрядъ совершался въ честь Геры, по прозванію *ἀνθεία* (богиня цвѣтовъ), и состоялъ въ томъ, что молодыя дѣвушки, *ἀνθεσφόροι*, носили въ процессіи корзинки съ цвѣтами, при чемъ игралась на флейтахъ священная мелодія, *ἱεράκιον*. (Гіераксъ компонистъ считался ученикомъ Олимпа, см. Müller Dorier II, p. 331. 2-te Ausg.) см. Павз. II, 22 и 17. Поллуксъ IV, 10 § 78 по исправленію Кюна (вслѣдъ за Сомезомъ, Salmasius).

Кромѣ того Геру возили тамъ въ одеждѣ невѣсты,— отсюда ея имя *Ἡ. νύμφη*, — и плели ей изъ молодыхъ побѣговъ брачное ложе, *λέχερνα*: — все черты, указывающія на преобладаніе въ этомъ поклоненіи физическаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствующія о его древности.

Уже прежде было замѣчено, что, по всему вѣроятію, аргивское служеніе Зевсу ведетъ начало не только отъ героическаго, но и отъ пеласгическаго времени. Это предположеніе подтверждается найденнымъ нами физическимъ и символическимъ характеромъ служенія и нѣкоторыми миѳами, указывающими на его древность. Къ такимъ миѳамъ относятся въ особенности сказанія о связи аргивскаго Зевса съ Ніобой, Іо и Данаей. Ніоба, о которой здѣсь рѣчь, не дочь Тантала, извѣстная своей трагической судьбою, а дочь Форонея, сына Инахова и мать Пеласга и Аргоса (Аполлодоръ II, 1, 1.). Есть преданіе,

Digitized by Google

что она была первою смертной, съ которой сочетался Зевсъ: *ταύτῃ πρώτῃ Ζεὺς ἐμίγη γυναικὶ θνητῇ*, Діод. Сиц. IV, 14. Объ Іо мы говорили довольно подробно, стр. 7—11. Она дочь Инаха, слѣд. сестра Форонея, о которомъ мѣстное аргосское сказаніе повѣствовало тоже самое, что обыкновенное греческое сказаніе о Промеѳеѣ, см. Paus. II, 19, 5. Миѳъ о Данаѣ извѣстенъ; онъ также мѣстный миѳъ въ Аргосѣ; посредствомъ него Зевсъ приводится въ связь съ Данаями, именемъ обитателей Аргоса, принятымъ ими послѣ перехода отъ пеласгической къ героической жизни. Мы знаемъ черезъ Страбона V p. 221, что Эврипидъ говорилъ въ Архелаѣ о переименованіи Данаемъ Пеласгіотовъ въ Данаевъ. Съ Данаемъ тождественна и героиня Даная, хотя она, по миѳической генеалогіи, принадлежитъ времени многимъ позднѣйшему (она дочь Акризія, правнука Данаева). Золотой же дождь, въ которомъ Зевсъ нисходилъ къ ней, очевидно относится опять къ физическому значенію Зевса.

Данай и Даная были представителями племени Данаевъ, которое противуполагается пеласгическому (см. выше приведенное мѣсто Страбона V, p. 221), а у Гомера тождественно съ Ахеями. По этому уже въ Зевсѣ Данаевомъ и Данаиномъ можно видѣть Зевса героическаго времени, противоположнаго прежнему пеласгическому. Но эта противоположность еще яснѣе выражена въ миѳѣ о борьбѣ за Аргосъ Геры съ Посидономъ и о ея побѣдѣ надъ нимъ. Посидонъ, богъ Іонійцевъ, господствовалъ въ Аргосѣ прежде Геры. Этѣмъ объясняется эпитетъ Аргоса *Ἴαβον Ἄργος*, встрѣчающійся въ Одиссеѣ XVIII, 246, и безъ сомнѣнія правильно отнесенный Буттманомъ (Mythol. II, 180) къ Іонійцамъ. Іонійцы, еще у Геродота отождествляемые съ Пеласгами, могли дать Аргосу свое имя въ то время, когда Пеласгіоты Эврипидовы еще не переименовались въ Данаевъ. По совершеніи же этого перехода въ Данаевъ или, что тоже, въ Ахеевъ, поклоненіе Посидону должно

Digitized by Google

было придти въ забвеніе и уступить мѣсто поклоненію Зевсу и Герѣ, — и отсюда мщеніе Посидона, о которомъ говоритъ Павзаній (X, 5, 3 и II, 32, 2), и которое окончилось только съ построеніемъ Посидону храма.

Поэтому-то служеніе Зевсу, какъ супругу Геры, надобно относить, по крайней мѣрѣ въ его полномъ развитіи, къ героическому времени. Въ Аргосѣ покланялись также Зевсу подъ именемъ крѣпкаго, Σθένιος, и совершали ему праздникъ Сѳеній, при чемъ устроивались подъ звуки флейты состязанія въ борьбѣ (см. Плут. de mus. c. 26). Первоначально праздникъ былъ учрежденъ, по мнѣнію Плутарха, въ честь Даная и только съ теченіемъ времени посвященъ Зевсу крѣпкому. Въ этомъ мнѣніи Плутарха можно, кажется, находить указаніе на посвященіе Сѳеній Зевсу послѣ времени данайскаго или ахейскаго. Въ такомъ случаѣ они будутъ дѣломъ Дорійцевъ, господствовавшихъ въ Аргосѣ послѣ Данаевъ или Ахеевъ. Съ этѣмъ согласенъ и ихъ характеръ. Въ Аргосѣ существовало также служеніе Зевсу немейскому, и совершались въ честь ему игры въ стадіонѣ, Павз. II, 24. Это поклоненіе, заимствованное изъ Немеи, о которой ниже, также относится болѣе къ дорическому, нежели къ ахейскому періоду.

Лаконика. Изъ лакедемонскихъ обрядовъ уже было упомянуто выше (стр. 120) служеніе Зевсу мрачному, σκοτίτας, см. Павз. III, 10. Оно было нами отнесено къ пеласгическому періоду на основаніи эпитета »мрачный,« указывающаго на образъ воззрѣній того времени. Но достовѣрнаго объ этомъ служеніи ничего нельзя сказать, по бѣдности извѣстій. Столько же мало извѣстно лакедемонское поклоненіе Зевсу амбулію, Z. ἀμβούλιος, упоминаемое Павзаніемъ III, 13: мы даже не знаемъ навѣрное, какъ объяснить значеніе этого прозвища Зевса. Нѣкоторые его производятъ отъ слова ἀναβολή, отлагательство (см. Dorfmüller de Graeciae primordiis p. 75); ежели

Digitized by Google

принять это объясненіе, то Зевсъ амбулій будетъ богъ, медлящій показаться людямъ, и служеніе ему будетъ относиться къ самымъ древнѣйшимъ. Въ историческое время имѣло, какъ кажется, особенную важность двойное служеніе Зевсу небесному и лакедемонскому, котораго жрецами были спартанскіе цари (см. Герод. VI, 59.). Это двойное поклоненіе, соединенное вмѣстѣ и возложенное на царей, конечно имѣло въ виду Зевса въ двухъ кругахъ его дѣятельности, міровомъ и человѣческомъ. Поэтому въ первомъ Зевсѣ надобно, кажется, признать физическое значеніе, можетъ быть, близкое значенію Зевса устроителя, *κοσμήτας*, пользовавшагося также поклоненіемъ въ Спартѣ (см. Павз. III, 17, 4), и значенію Зевса высочайшаго, *ὕπατος*, котораго мы знаемъ изъ Аѳинъ, и который также упоминается въ Спартѣ (см. Павз. III, 17, 6; его бронзовое изображеніе, самая древняя бронзовая статуя изъ видѣнныхъ Павзаніемъ, стояло близь храма Аѳины *χαλκίοικος*). Лакедемонскій Зевсъ, безъ всякаго сомнѣнія, богъ государственнаго союза, богъ политическій и особенный покровитель спартанскихъ царей. Геродотъ упоминаетъ объ обязанности спартанскихъ царей приносить жертвы этѣмъ двумъ Зевсамъ прежде исчисленія ихъ прочихъ занятій и правъ. Это уже показываетъ важность этого служенія. Такой же выводъ можно сдѣлать и изъ того, что въ связи съ нимъ были игры и состязанія, называвшіяся Ураніи, о которыхъ нѣсколько разъ говорится въ сохранившихся до нашего времени надписяхъ; см. C. I. n. 1241. 58. 76. 1420. 21. 24 (музическія состязанія упоминаются n. 1719).

Мессенія. Здѣсь главнымъ праздникомъ страны были, какъ кажется, *Ἰθώμαια*, совершавшіяся въ честь иѳомскаго Зевса. Имя »иѳомскій« относится къ высокой горѣ Иѳомской, на которой находился храмъ Зевса и маленькій укрѣпленный городокъ, защищавшійся два раза

Digitized by Google

съ необыкновенной храбростью противъ Спартанцевъ въ мессенскихъ войнахъ за независимость. Поклоненіе происходитъ поэтому изъ времени, предшествовавшаго нашествію Дорійцевъ, что потверждается также миѳомъ объ Иѳомѣ, нимфѣ, кормилицѣ Зевса, и обрядами поклоненія. Такъ мы знаемъ, что въ храмѣ иѳомскаго Зевса каждый день носили священную воду изъ источника Клепсидры, котораго имя, происходящее отъ κλέπτω, ворую, и ὕδωρ, вода, относили къ тайному дѣлу Куретовъ, спасшихъ младенца Зевса отъ его отца Кроноса. Идолъ иѳомскаго Зевса былъ работанъ Агеладомъ, знаменитымъ художникомъ эпохи развитія ваянія и стиля строгаго. Особенность, упоминаемая относительно этого идола, заключалась въ томъ, что онъ стоялъ въ частномъ домѣ жреца, избиравшагося при томъ только на одинъ годъ. (Павз. IV, 33). Самый идолъ держалъ, вѣроятно, въ правой рукѣ молнію, а на лѣвой орла,—таково предположеніе Миллингена, основанное на мессенскихъ монетахъ (ancicnt coins 4, 20. Eckhel II, 275. Mionnet Suppl. IV, pl. 6, 22 cp. Müller Hdb. d. Arch. §. 349, 3). Этѣ черты указываютъ на большую древность иѳомскаго поклоненія, но соединенныя съ Иѳомеями музическія состязанія едвали древнѣе спартанскаго періода, хотя и ихъ Павзаній l. l. относитъ къ древнему времени. Очень любопытно, какъ описывается учрежденіе поклоненія иѳомскому Зевсу въ ново-основанномъ городѣ Мессенѣ (у Павз. IV, 27, 3 sqq.). Извѣстно, что этотъ городъ былъ основанъ Эпамнондомъ, и что при его основаніи принимали участіе Ѳиваняне, Аргивяне и Мессенійцы. Каждый изъ этѣхъ трехъ народовъ призывалъ въ торжественный день, предшествовавшій закладкѣ стѣнъ, своихъ боговъ покровителей: Ѳиваняне—Діониса и Аполлона Исменія, Аргивяне — Геру и немейскаго Зевса, Мессенійцы — иѳомскаго Зевса и Діоскуровъ, тогда какъ жрецы обращались съ молитвами къ великимъ мистическимъ богинямъ.

Digitized by Google

Аттика. Аттическое поклоненіе Зевсу особенно интересно по важности этой страны въ греческой исторіи; намъ очень важно знать, какимъ образомъ покланялся своему главному богу тотъ небольшой народъ, который заслуженно считался и считается первымъ между Греками, и въ которомъ всѣ привыкли видѣть цвѣтъ греческой исторіи. Общія черты для характеризованія аттическаго поклоненія можно собрать уже изъ того, что̀ было сказано до сихъ поръ въ разныхъ мѣстахъ этого сочиненія, гдѣ представлялся случай упоминать объ аттическомъ поклоненіи. Поэтому прежде исчисленія аттическихъ праздниковъ Зевсу припомнимъ уже упомянутое выше и выведемъ общіе выводы. Говоря о Кроносѣ, мы привели свидѣтельства древнихъ писателей, изъ которыхъ слѣдуетъ, что изъ всѣхъ греческихъ городовъ наиболѣе сохранилось поклоненіе Кроносу въ Аѳинахъ. Съ другой стороны, собирая отдѣльныя черты, которыя, какъ намъ казалось, относились къ пеласгическому періоду исторіи греческихъ религіозныхъ системъ, мы имѣли случай упомянуть о древности аттическаго поклоненія Зевсу и кромѣ того еще о его мягкомъ характерѣ, ставящемъ его въ рѣзкую противоположность съ современнымъ ему (по мнѣнію, выраженному у Павзанія) ликейскимъ поклоненіемъ. Изъ сравненія этѣхъ двухъ фактовъ оказывается, что аѳинское народонаселеніе, будучи однимъ изъ первыхъ въ Греціи въ принятіи поклоненія Зевсу, поступило однакожь въ тоже время очень умѣренно относительно того бога, которому покланялось прежде, и не вовсе изгнало отъ себя служеніе ему, какъ сдѣлали другіе племена и города греческіе, но удержало его, подчинивъ служенію Зевсу. Эта черта древней аѳинской исторіи очень драгоцѣнна, потому что показываетъ уже въ глубокой древности тѣ качества этого племени, которыми оно отличалось отъ другихъ во время процвѣтанія Греціи, именно аѳинскую привязанность къ

Digitized by Google

своей старинѣ, умѣренность въ нововведеніяхъ при всей любви къ нимъ и мягкость въ ихъ осуществленіи. Поэтому едвали можно заслужить укоръ въ произвольномъ сближеніи историческихъ фактовъ, ежели сравнить сохраненіе поклоненія Кроносу въ Аѳинахъ съ сохраненіемъ поклоненія однозначительному Сатурну въ городѣ Римѣ, который еще болѣе нежели Аѳины славенъ въ древней исторіи за поименованныя сей часъ качества. И въ Римѣ и въ Аѳинахъ мы находимъ то, что составляетъ условіе всякаго счастливаго развитія: наклонность къ движенію, признаваніе будущаго, но безъ отрицанія прошедшаго, безъ разрушенія реальной основы движенія. Аѳинское государство выросло и образовалось въ такомъ же почти, какъ и Римъ, трезвомъ и умѣренномъ трудѣ, и ежели потомъ мы замѣчаемъ нѣкоторую вѣтренность и опрометчивость, то это были уже времена упадка, когда старое здравомудріе, σωφροσύνη, начало исчезать. Въ древнее же время аѳинской исторіи, во время приготовленія аѳинскаго народа къ его послѣдующей блистательной дѣятельности, Аѳиняне отличались тѣми самыми качествами, которыя миѳически соединены самими же ими въ образѣ Аѳины, ихъ покровительницы, именно любовью къ труду и размышленію, изобрѣтательностью и обдуманностью въ практической жизни. Съ этѣми качествами согласно, что въ ихъ древней исторіи мы замѣчаемъ удивительную постепенность, какъ въ развитіи государственнаго устройства (сравни напр. почти незамѣтные переходы отъ царскаго достоинства къ архонтскому до самой его позднѣйшей формы), такъ и въ религіозныхъ преобразованіяхъ. Съ постепенностью же неразрывно связана мягкость и устраненіе всякой жестокой грубости, замѣчаемыя также и въ религіозной и въ государственной жизни. Сюда относятся жертвы безъ крови, особенно часто упоминаемыя въ Аѳинахъ и установленныя, по преданію, еще самимъ Кекропсомъ въ страшное время Ликаоново; сю-

Digitized by Google

да относится также та трогательная черта аѳинской исторіи, что Аѳиняне, послѣ междоусобныхъ распрей, считали свой городъ оскверненнымъ и нуждающимся въ очищеніи. Этѣмъ характеромъ аѳинскаго народа было условлено то замѣчательное явленіе, что ученіе о необходимости очищенія нашло особенно много сочувствія въ Аѳинахъ. Мы видѣли, что это ученіе стояло въ связи отчасти и съ критскимъ поклоненіемъ Зевсу, и упомянули, что Аѳиняне однажды посылали въ Критъ за тамошнимъ знаменитымъ очистителемъ Эпименидомъ, который потомъ, очистивъ Аѳины, основалъ тамъ храмъ Эвменидъ. Но въ Критѣ это ученіе не имѣло такого вліянія на общій характеръ богослуженія, какое оно пріобрѣло въ Аѳинахъ, гдѣ почти все поклоненіе Зевсу имѣетъ очистительное значеніе. Въ Аѳинахъ, средоточіи позднѣйшихъ философскихъ стремленій, уже начиная съ самаго древняго времени, замѣчается развитіе началъ греческой религіи съ ихъ самой глубокой стороны.

Посмотримъ теперь на тѣ обряды служенія Зевсу, о которыхъ у насъ еще есть свѣдѣнія, чтобы новыми данными подтвердить общіе выводы, которые нами сдѣланы изъ фактовъ, упомянутыхъ еще прежде.

Ежели начинать обозрѣніе аѳинскаго года вмѣстѣ съ Аѳинянами съ лѣтняго солнцестоянія и мѣсяца Гекатомбеона, то первымъ праздникомъ, соединеннымъ съ особеннымъ поклоненіемъ Зевсу, будутъ *Апатуріи*, праздновавшіяся въ 4 мѣсяцѣ года, въ Піанепсіонѣ. Первоначальное значеніе этого праздника не совсѣмъ извѣстно, потому что еще не рѣшенъ споръ о производствѣ имени Апатурій, споръ между старымъ мнѣніемъ, производящимъ его отъ *ἀπάτη* и защищаемымъ теперь Крейцеромъ, и новымъ мнѣніемъ, выставленнымъ Мюллеромъ Proleg. p. 401 и Мейеромъ de gentilit. Att. p. 11, принимающими слово *ἀπατούρια* за однозначущее съ *ὁμοπατούρια*, и слѣдовательно дающими ему только политическое значе-

Digitized by Google

ніе праздника фратрій. Но какъ бы то ни было, достовѣрно то, что въ историческое время первоначальное значеніе этого праздника, если какое было, уступило мѣсто политическому, вслѣдствіе чего Зевсъ, которому въ этотъ праздникъ покланялись вмѣстѣ съ Аѳиной, носилъ имя Зевса фратрій, Ζεὺς φράτριος. (См. Схол. Арист. Ах. ст. 146). Первый день праздника назывался δόρπεια, потому что въ этотъ день вечеромъ члены фратрій сходились вмѣстѣ и устроивали общій столъ; второй день былъ ἀνάῤῥυσις (отъ ἀναῤῥύειν приносить въ жертву) и посвящался жертвоприношеніямъ въ честь Зевса фратрій и Аѳины; третій и послѣдній, κουρεῶτις, употреблялся на вписываніе молодыхъ фраторовъ, мужчинъ и женщинъ (οἱ κούροι καὶ αἱ κόραι) въ фратріи.

Въ слѣдующемъ зимнемъ мѣсяцѣ года, Мемактеріонѣ, въ его двадцатый день (по Беку С. I. p. 523.), праздновались *Мемактеріи* въ честь Зевсу по прозвищу *Μαιμάκτης*. Это имя Лисимахидъ въ своемъ сочиненіи объ аѳинскихъ мѣсяцахъ, которое до насъ не дошло, объяснялъ словами: ἐνθουσιώδης καὶ ταρακτικός, т. е. изступленный и потрясающій, что Гарпократіонъ, сохранившій это мѣсто Лисимахида, стр. 191, относитъ къ бурному и перемѣнчивому времени года, въ которое праздновались Мемактеріи. Самый праздникъ называется у Эвстаѳія къ Одисс. XXII, 480 — καθαρμοί, очищеніями, и говорится, что притомъ носили въ процессіи кожу животнаго, принесеннаго въ жертву Зевсу милостивому, μειλίχιος, называвшуюся Διὸς κῴδιον. Обрядъ назывался τὸ διοπομπεῖν или ἀποδιοπόμπησις. Хотя очистительнымъ животнымъ бывала у Грековъ обыкновенно свинья (откуда χοιροκτόνοι καθαρμοί у Эсхил. Евм. 279), но Διὸς κῴδιον или δῖον κῴδιον собственно говорится о кожѣ барана, принесеннаго въ жертву очистительному (милостивому) Зевсу, на которую очищаемые становились лѣвой ногой (ἐφ' οὗ οἱ κα-

Digitized by Google

θαιρόμενοι ἑστήκεσαν τῷ ἀριστερῷ ποδί. Гесихій, I, 1005). Въ Зевсовой очистительной процессіи или помпѣ, ἀποδιοπόμπησις, кожа барана носилась по городу для очищенія всего города, также какъ въ частныхъ очищеніяхъ она служила къ очищенію отдѣльнаго лица, становившагося на нее лѣвою ногою. Изъ этого ясно виденъ очистительный характеръ этого праздника, объясняющій и отождествленіе Зевса μαιμάκτης съ Зевсомъ μειλίχιος, встрѣчаемое не только у Эвстаѳія l. l., но и у Плутарха de cohib. ira, c. 9 (διὸ καὶ τῶν θεῶν τὸν βασιλέα μειλίχιον, Ἀθηναῖοι δὲ μαιμάκτην οἶμαι καλοῦσιν.). Связь этѣхъ очищеній съ мрачнымъ и страшнымъ временемъ года, принимаемая Мюллеромъ къ Эвм. 140 и Преллеромъ Demeter und Persephone 246 ff., еще не должна вести къ заключенію, что цѣлью очищеній было только избѣжаніе вредныхъ дѣйствій зимней природы, но оставляетъ возможность болѣе широкаго толкованія и позволяетъ предполагать болѣе нравственное значеніе праздника. Мрачныя явленія зимы были способны возбудить мысль о необходимости очищенія вообще, а не только очищенія, чтобы избѣжать ихъ вредныхъ послѣдствій.

За Мемактеріономъ слѣдовалъ Посидеонъ, удержавшій имя прежняго бога Аттики, хотя въ немъ не совершалось болѣе ни одного праздника въ честь Посидону, а за Посидеономъ Гамеліонъ. Въ этѣхъ двухъ мѣсяцахъ не упоминается праздниковъ, посвященныхъ Зевсу. Но въ Анѳестеріонѣ, черезъ три мѣсяца послѣ Мемактерій, во время приближенія весны совершался праздникъ Діасій, Διάσια, опять въ честь Зевсу милостивому или теперь уже умилостивленному (placatus), μειλίχιος. День праздника мы узнаёмъ отъ Схоліаста къ Аристоф. Облак. ст. 408. Это было 23-е число мѣсяца, ὀγδόῃ φθίνοντος. О характерѣ можно заключить изъ словъ Схоліаста къ Лукіану Икаром. гл. 24, что Діасіи совершались μετά

Digitized by Google

τινος στυγνότητος, съ нѣкоторою печалью. Зевсу приносились въ жертву свиньи, животное, какъ мы видѣли по преимуществу очистительное.

Наконецъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ года, Скирофоріонѣ, непосредственно предшествующемъ лѣтнему солнцестоянію, праздновались *Диполіи* или *Буфоніи* и именно 14-го числа, τετάρτῃ ἐπὶ δέκα (Схол. Арист. Мар. ст. 419). Первое имя получилъ этотъ праздникъ оттого, что совершался въ честь городскаго Зевса, Ζεὺς Πολιεύς, второе отъ принесенія въ жертву вола, съ чѣмъ соединены были замѣчательные обряды. Надобно знать, что у Грековъ волъ, работавшій передъ плугомъ, пользовался большимъ уваженіемъ и вообще не приносился въ жертву. Исключенія изъ этого правила были, но о томъ, что ихъ было немного, см. K. Fr. Hermann Handbuch der gottesdienstlichen Alterthümer § 26 n. 20. Поэтому въ Аѳинахъ обычай закалать въ Диноліяхъ вола, имѣвшій какое-то мистическое основаніе, требовалъ особаго извиненія и очищенія. Главное мѣсто объ этомъ находится у Павзанія I, 24, 4, и гласитъ такъ: »есть тамъ (на Акрополѣ) и идолы Зевса, одинъ работы Леохара, другой по прозванію Πολιεύς, котораго обряды описывая, я однакожь не напишу причины, для нихъ приводимой. На жертвенникѣ этого Зевса кладутъ ячменныя зерна, перемѣшанныя съ пшеничными и не стерегутъ ихъ. Волъ, приготовленный на жертвоприношеніе, хватаетъ зерно, подходя къ жертвеннику. Тогда одинъ изъ жрецовъ, котораго зовутъ волоубійцей, βουφόνος, поражаетъ его сѣкирой и скрывается бѣгствомъ, ибо такъ требуетъ законъ. Тѣже, которые стояли вокругъ, какъ будто не замѣтили, кто совершилъ дѣло, берутъ сѣкиру и представляютъ въ судъ.«

Кромѣ этѣхъ праздниковъ, которыхъ время извѣстно, и которые по большей части носятъ очистительный характеръ, совершался еще въ честь Зевсу, по прозвищу Ἑκάλεος, праздникъ Ἑκαλήσιον, см. Плут. Ѳез. гл. 14.

Digitized by Google

Этотъ праздникъ стоялъ въ связи съ мѣстнымъ аттическимъ героемъ Θезеемъ и Гекалой, о которой см. Naeke opusc. II, p. 13. sqq.; но такъ какъ о немъ почти ничего неизвѣстно, и потому онъ не важенъ въ исторіи поклоненія Зевсу, то мы на немъ не останавливаемся.

Этѣмъ заключается кругъ общественныхъ праздниковъ, совершавшихся въ Аттикѣ въ честь Зевса. Кромѣ нихъ еще упоминается общественное поклоненіе Зевсу земледѣльческому, *γεωργός* C. I. n. 523 и Зевсу молній, *ἀστραπαῖος*, Strabo IX, p. 619. Послѣднее было связано съ гадательнымъ искусствомъ и относилось къ Зевсу, преимущественно какъ къ небесному богу физическаго міра; въ первомъ преобладало, кажется, человѣческое значеніе, ибо Зевсъ въ немъ разсматривался какъ покровитель земледѣлія. Къ тому же этотъ Зевсъ *γεωργός* близокъ къ Зевсу по прозвищу *μαιμάκτης* см. Boeckh. ad. C. I. l. l. Въ Пирейскомъ предмѣстіи находился храмъ Зевса спасающаго, *Διὸς σωτῆρος*, упоминаемый у Страбона IX, p. 396. Съ Зевсомъ стояло, можетъ быть, въ связи и имя одной изъ Пирейскихъ гаваней *Ζέα*, см. Панофку Abh d. Berl. Acad. 1840. p. 334.

Эгина. Этотъ островъ лежитъ, какъ извѣстно, въ Сароническомъ-заливѣ между аттическимъ и арголидскимъ берегами (*Ἀκταί*, слово, принявшее значеніе собственнаго имени) и потому испытывалъ издревле разныя вліянія и съ сѣвера, изъ собственной Геллады, и съ юго-запада, изъ Пелопоннеса. Отсюда произошелъ характеръ его обитателей, средній между противоположностями, различавшими сѣверныхъ и южныхъ Грековъ, что̀ видно и въ праздникахъ, совершавшихся на островѣ. Этѣ праздники указываютъ отчасти на Аттику, какъ напр. Дельфиніи, отчасти на Аргосъ, какъ напр. Гереи, отчасти на другія страны, см. K. Fr. Hermann Handbuch der gottesdienstlichen Alterthümer § 52. n. 18—24. Но Эгина была представи-

Digitized by Google

тельницею сближенія противоположностей, выработавшихся между Греками, еще въ другомъ смыслѣ. Еще въ миѳическое время мы находимъ въ ней тѣхъ самыхъ Мирмидоновъ, которые, вмѣстѣ съ своимъ героемъ Ахилломъ, извѣстны за единственныхъ почти представителей гелленскаго имени въ героическій періодъ греческой исторіи. Мирмидоны, люди-муравьи, особенно приличны на этомъ утесистомъ и ущелистомъ островѣ, гдѣ благосостоянія можно было достигнуть только трудомъ бо́льшимъ обыкновеннаго. Миѳъ разсказывалъ, что Мирмидоны были созданы Зевсомъ изъ муравьевъ для его любимаго сына, Эака, чтобы ему не быть одному на Эгинѣ (Аполлод. III, 12, 6). Эакъ же, по миѳу, былъ плодомъ любви Зевса и Эгины, дочери фліунтской рѣки Асопа, похищенной Зевсомъ въ видѣ орла. Въ этой генеалогіи лежитъ указаніе на связь эгинскихъ Мирмидоновъ не только съ ѳессалійской Фѳіей, но и съ пелопоннесскимъ Фліунтомъ (объ этомъ см. Müller Aegin. p. 12); любовь же Эгины къ Зевсу относится къ раннему укорененію поклоненія Зевсу на этомъ островѣ. Эакъ, сынъ Зевса и Эгины, родоначальникъ знаменитѣйшихъ героевъ греческихъ, Ахилла, Аянта и другихъ Эакидовъ, представляетъ собою въ миѳологіи начало героическаго періода и вмѣстѣ удачныя попытки установить законность и благосостояніе въ Греціи. Онъ считался самымъ справедливѣйшимъ изъ людей и за то по смерти былъ поставленъ, подобно Миносу, представителю подобнаго же времени, судьей въ аду. Также какъ Миносъ, онъ стоялъ въ близкомъ отношеніи къ Зевсу. Такъ напр. миѳъ разсказываетъ, что однажды повсемѣстный въ Греціи голодъ былъ прекращенъ только молитвами Эака (Аполлод. III, 12, 6.), а къ кому изъ боговъ особенно относились этѣ молитвы, видно изъ словъ Павзанія II, 29, 6., что Эакъ приносилъ жертвы Зевсу всегелленскому. Кромѣ того Эакова мать была похищена Зевсомъ изъ Фліунта, а это означаетъ, что колонисты

Digitized by Google

фліунтскіе, вѣроятно Пеласги (сыновья Асопа были Пеласгъ и Исменъ, Діод. Сиц. IV, 72.), оставили Фліунтъ, свое прежнее отечество, и переселились на Эгину подъ вліяніемъ новаго тогда и овладѣвшаго ими съ особенною силою (на это указываетъ похищеніе) поклоненія Зевсу. Сказаніе, что на Эгинѣ Зевсъ произвелъ для Эака людей изъ муравьевъ, съ вѣроятностью можно понимать такъ, что поклоненіе Зевсу и справедливые законы, тамъ водворившіеся, привлекли туда многихъ выходцевъ изъ другихъ странъ и тѣмъ создали народонаселеніе острова, столько же трудолюбивое и многочисленное, какъ муравьи. Положеніе Эгины было для того особенно удобно, и слѣды такого стеченія отчасти видны въ той разнохарактерности праздниковъ, совершавшихся у Эгинцевъ, на которую мы уже указали. Эгина была въ древней греческой исторіи почти тѣмъ же, чѣмъ Критъ, — такимъ же мѣстомъ столкновенія племенъ, но только не греческихъ съ варварскими, а греческихъ между собою. Поэтому становится и замѣчательно и понятно, что какъ Критъ, такъ и Эгина, были точками, гдѣ образовалась героическая жизнь, означаемая въ миѳахъ именами Миноса и Эака, древнѣйшихъ изъ героевъ, и что въ то же время оба острова особенно извѣстны начатками образовательнаго художества, Критъ школой Дедалидовъ, съ нимъ тѣсно связанною, Эгина — своей эгинской школой ваянія. Только тѣмъ отличаются этѣ два острова другъ отъ друга, что Эгина выступаетъ нѣсколько позднѣе, нежели Критъ, какъ въ исторіи образовательнаго художества, такъ и въ исторіи всеобщей, и еще тѣмъ, что она носитъ болѣе гелленскій характеръ.

Что Мирмидоны эгинскіе тотъ же народъ, что и Мирмидоны Ахилла, сына Пелеева, внука Эакова, слѣдовательно Геллены, доказано К. О. Мюллеромъ въ сочиненіи Aegineticorum liber; поэтому неудивительно, ежели мы у нихъ находимъ гелленское имя уже въ героическій періодъ греческой исторіи. Тогда оно было ихъ особен-

Digitized by Google

ностью и отличало ихъ отъ прочихъ Грековъ; потомъ оно стало общею принадлежностью всѣхъ Грековъ и связью, соединявшей Эгинцевъ со всѣми Греками вмѣстѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ въ Эгинѣ время Гелленовъ наступило прежде, нежели въ прочей Греціи, то естественно, что гелленизмъ эгинскій носитъ особенно древній характеръ. Это мы видимъ на поклоненіи въ Эгинѣ всегелленскому Зевсу, въ которомъ очевидно преобладаетъ физическое значеніе. Мѣстомъ поклоненія была гора, называвшаяся отъ того *πανελλήνιον ὄρος*, безъ всякаго сомнѣнія та, которая находится въ южной, обращенной къ Калавріи части острова и теперь называется горой Св. Иліи, *ἅγιος Ἠλίας*. Прежде за нее принимали возвышеніе, обращенное къ Аттикѣ, извѣстное знаменитыми развалинами дорійскаго храма (94 × 45, peripteros, hexastylos, pycnostylos, hypaethros), между которыми найдены такъ называемые эгинскіе мраморы, теперь сохраняемые въ мюнхенской Глиптотекѣ. Въ этѣхъ развалинахъ хотѣли видѣть остатки храма всегелленскаго Зевса; но сюжеты изваяній, тамъ откопанныхъ, и особенно одна надпись (*ὄρος τέμενος Ἀθηναίας* см. Expedition scientifique de Morée III, p. 59. Böckh. C. I. II. Add. p. 1011, между тѣмъ какъ надпись — Böckh. C. I. II, n. 2138. b оказалась подложною: см. Ross въ Kunstblatt 1837 n. 78) убѣждаютъ въ противномъ и заставляютъ искать остатковъ храма Зевсова не на этомъ довольно низкомъ возвышеніи, а на главной горѣ острова, на теперешней горѣ Св. Иліи, гдѣ также замѣчаютъ развалины (см. Stackelberg der Apollotempel zu Bassae въ приложеніи). Съ этой горы видны Пелопоннесъ, Аттика и море; она могла быть посвящена Зевсу въ томъ же смыслѣ, какъ Ликейская-гора въ Аркадіи. Она была еще тѣмъ болѣе прилична атмосферному Зевсу, что въ древности существовала примѣта, сохранившаяся и до нашего времени у жителей Аттики (см. Klenze aphoristische Bemerkungen 184), что, когда вер-

Digitized by Google

шина Панелленской-горы окутывается облакомъ, тогда въ Аттикѣ по большей части бываетъ дождь, Θеофрастъ *π. σημείων* I, 24.

Изъ этого видно, что гелленскій Зевсъ на островѣ Эгинѣ имѣлъ атмосферное значеніе бога, посылающаго облака, дождь и другія метеорологическія явленія; съ этѣмъ согласно, что его мѣсто дано было христіанами пророку Илія, на котораго, какъ извѣстно, и въ другихъ мѣстахъ перенесены народнымъ повѣрьемъ подобныя черты языческой миѳологіи.

Тотъ же Эакъ, которымъ былъ основанъ эгинскій храмъ гелленскаго Зевса, основалъ, по другому преданію, въ Мегарѣ храмъ Зевса освободителя, *ἀφέσιος*, см. Павз. I, 44, 13. По этому поводу можно замѣтить, что храмъ томуже Зевсу освободителю основалъ также Девкаліонъ по окончаніи потопа, какъ мы узнаёмъ изъ Etym. M. s. v. *Ἀφέσιος*. Изъ этого сближенія оказывается опять нѣкоторое отношеніе эгинскаго Эака: во 1-хъ, къ древнимъ греческимъ героямъ вообще (этотъ Девкаліонъ сынъ Промеѳея, но у Миноса критскаго былъ также сынъ Девкаліонъ), и во 2-хъ, въ особенности къ начаткамъ гелленизма (Гелленъ былъ сынъ Девкаліона).

И такъ, все ведетъ къ тому заключенію, что если въ аттическомъ поклоненіи преобладаетъ очистительное направленіе, то эгинское служеніе отличается древнегелленскимъ характеромъ, соединеннымъ съ физическимъ значеніемъ бога. Мы дали ему мѣсто послѣ аттическаго, только основываясь на всегелленскомъ значеніи, которое лежало, по крайней мѣрѣ въ имени эгинскаго Зевса.

Немея. Эгинское поклоненіе Зевсу не пріобрѣло еще вполнѣ всегелленскаго значенія, несмотря на то, что эгинскій Зевсъ назывался гелленскимъ или даже всегелленскимъ. Общимъ дѣломъ гелленскаго народа стало поклоненіе Зевсу только въ двухъ мѣстахъ, которыя

Digitized by Google

въ тоже время знамениты своими великими играми, именно въ Немеѣ и въ Олимпіи. Тутъ мы находимъ праздники, къ которымъ стекаются Геллены со всей Греціи, и во время которыхъ страна, окружающая мѣсто, гдѣ они совершаются, считается неприкосновенною и пользуется священнымъ миромъ, ἐκεχειρία. Извѣстно, что немейскій и олимпійскій праздники стоятъ въ этомъ отношеніи наряду съ пиѳійскимъ и исѳмійскимъ, что всѣ четыре сопутствовались великими народными играми и состязаніями, привлекавшими къ себѣ Грековъ даже изъ отдаленнѣйшихъ колоній, и что вообще у всѣхъ четырехъ было очень много общаго. Таково напримѣръ ихъ общее гелленское значеніе, благодаря которому ни одинъ изъ прочихъ греческихъ праздниковъ не могъ съ ними равняться по блеску и огромности размѣровъ; таково общее всѣмъ четыремъ участіе въ нихъ агонистики. Кромѣ того всѣ они обязаны своимъ общимъ національнымъ значеніемъ для всѣхъ Гелленовъ усиленію Дорійцевъ, которые были, какъ мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, самымъ гелленскимъ изъ греческихъ племенъ. Установленіе игръ въ ихъ позднѣйшей формѣ вездѣ имѣло мѣсто уже въ дорическій періодъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ упоминается прямо о вліяніи и участіи при томъ Дорійцевъ, см. K. Fr. Hermann Handbuch der gott. Alt. § 49. Но, при всемъ множествѣ общаго, между четырьмя національными праздниками существовало большое различіе. Болѣе всего это различіе зависѣло отъ природы боговъ, въ честь которыхъ праздники совершались. Такъ Пиѳіи составляли часть служенія Аполлону и потому носили аполлоническій характеръ; Исѳміи стояли въ тѣсной связи съ поклоненіемъ Посидону и особенно прославляли Меликерта-Палемона, сына извѣстной намъ Ино-Левкоѳеи. Наконецъ Немеи и Олимпіи хотя и были посвящены Зевсу, но и между ними было значительное различіе, какъ по характеру поклоненія, такъ и

Digitized by Google

по миѳамъ, повѣствовавшимъ о ихъ учрежденіи. Самое полное развитіе гелленизма мы замѣчаемъ только въ олимпійскомъ поклоненіи, между тѣмъ какъ въ Немеѣ еще дано довольно широкое мѣсто мрачнымъ и печальнымъ обрядамъ и указаніямъ. Очень замѣчательно, что это различіе немейскаго и олимпійскаго праздниковъ находится въ нѣкоторой связи съ тѣмъ различіемъ въ поклоненіи Зевсу, которое оказалось еще, какъ мы видѣли, въ героическій періодъ и нашло представителей въ двухъ племенахъ, особенно покланявшихся Зевсу, но подъ различными видами, въ Эолійцахъ и Ахеяхъ.

Дѣйствительно мы знаемъ, что основаніе немейскаго праздника относится къ Адрасту и походу подъ Ѳивы извѣстныхъ семи героевъ, которые всѣ почти принадлежатъ къ эолійскому племени. На своемъ походѣ герои пришли въ Немею и, какъ разсказывалъ миѳъ, томились тамъ жаждой. Гипсипила, служанка немейскаго царя Ликурга, показала имъ источникъ, но въ то время, пока она ихъ провожала туда, змѣя подкралась къ положенному ей на землю ребенку, сыну Ликурга, Офельту, и ужалила его смертельно. Герои умертвили, правда, змѣю и похоронили младенца, но одинъ изъ нихъ, прорицатель Амфіарай, сказалъ, что въ судьбѣ Офельта заключается предзнаменованіе того, что съ ними самими случится. Поэтому они назвали Офельта предшественникомъ судьбы, Ἀρχέμορος, и учредили въ честь ему немейскія игры. Аполлодоръ, передающій это сказаніе, III, 6, называетъ даже тогдашнихъ побѣдителей въ отдѣльныхъ родахъ состязаній.

Извѣстно, что какъ вообще эолійское племя, такъ и семь героевъ, которыхъ участь была предзнаменована Офельтомъ-Археморомъ, были особенно преслѣдуемы несчастіями: изъ семи героевъ шестеро погибли подъ стѣнами Трои. Связью немейскаго праздника съ этѣмъ плачевнымъ миѳомъ прекрасно объясняется его нѣсколь-

Digitized by Google

ко мрачный оттѣнокъ, довольно живо напоминающій общее отличіе эолическаго поклоненія Зевсу: въ немейскомъ поклоненіи Зевсъ также является еще въ своемъ нѣсколько древнемъ видѣ и въ своемъ отчасти хеоническомъ значеніи.

Съ этѣмъ согласно, что вся окрестность Немеи стоитъ въ тѣсной связи со многими миѳами, относящимися къ древнѣйшему періоду въ исторіи поклоненія Зевсу. Немейская долина была мѣстомъ, гдѣ Аргосъ сторожилъ Іо (см. Лукіана deor. dial. III), и слѣдовательно происходило начало страданій, причиненныхъ ей любовью Зевса. Горы, окружающія немейскую долину, очень узкую и короткую (въ длину она имѣетъ не болѣе 4 верстъ, въ ширину не болѣе одной версты) также замѣчательны въ миѳологіи. Одна изъ нихъ, лежащая впрочемъ нѣсколько далѣе на западъ за долиной Асопа, носитъ имя Титановъ; другая гора Апесантъ была извѣстна въ народномъ повѣрьи тѣмъ, что на ней Персей принесъ впервые жертву Зевсу по прозвищу *Ἀπεσάντιος*, см Павз. II, 15, 3. Немейская рѣчка течетъ почти параллельно съ нѣсколько бо́льшей рѣкой Асопомъ, изъ долины котораго, какъ мы видѣли, было принесено поклоненіе Зевсу на островъ Эгину. Связь немейской долины съ асопской миѳъ выражалъ сказаніемъ, что Археморъ былъ также сынъ Немеи и внукъ Асопа, см. Павз. II, 15, 3. V, 22, 6. Основаніемъ этой связи было вѣроятно поклоненіе Зевсу, въ обоихъ мѣстахъ рано укоренившееся, и принявшее съ самаго начала, какъ видно изъ отношенія къ Эгинѣ, болѣе свободный и геллеискій характеръ, нежели какъ напр. на Ликейской горѣ.

Замѣчательная миѳологическая черта, относящаяся къ этой же мѣстности, сохранилась въ сказаніи о Геркулесовомъ подвигѣ противъ немейскаго льва, упоминаемомъ уже у Гезіода Theog. 330. Этотъ левъ былъ

Digitized by Google

произведенъ по однимъ Эхидной и Тифаономъ, по другихъ Химерой и двуголовымъ псомъ Орѳомъ или Орѳоромъ, произведеніемъ Тифона и Эхидны. Онъ былъ »ужасное чудовище, неуязвимое, ловившее многихъ людей въ Немеѣ и на Третѣ и Апезантѣ, насланное на эту страну Герой,« той самой богиней, которая въ этѣхъ же мѣстахъ послала противъ Іо тысячеглазаго Аргоса. Есть сказаніе, что немейскій левъ упалъ съ неба и именно съ мѣсяца (см. Гейне Obs. ad Apoll. p. 142); это хорошо бы соотвѣтствовало астральному характеру Аргоса. Мы уже часто видѣли, что первымъ поклонникамъ Зевса и олимпійскихъ боговъ приходится въ миѳахъ бороться съ существами указывающими на звѣздное небо см. стр. 8, 65, 111 и др. Въ Немеѣ эта обязанность дана Геркулесу, который тамъ особенно на своемъ мѣстѣ, какъ представитель агонистики. Побѣда надъ немейскимъ львомъ совершается, впрочемъ Геркулесомъ не безъ отношенія къ Зевсу. Идя на подвигъ, Геркулесъ встрѣтилъ нѣкоего Молорха, хотѣвшаго приносить жертву. Онъ уговорилъ его повременить жертвоприношеніемъ 30 дней, чтобъ потомъ совершить его обоимъ имъ вмѣстѣ Зевсу спасающему. Это такъ и случилось, ибо именно черезъ 30 дней Геркулесъ пришелъ побѣдителемъ. Общая жертва Зевсу была принесена. Козни враждебной богини остались тщетны. Левъ, упавшій съ неба, былъ уничтоженъ, и только его кожа, украсившая станъ Геркулеса, осталась памятью по немъ.

Изо всѣхъ этѣхъ миѳовъ можно дѣлать заключенія о характерѣ немейскаго Зевса, о его древности, мрачности и связи съ эолійскими героями; то, что мы знаемъ о тамошнемъ поклоненіи, дополняетъ этѣ свѣдѣнія. Павзаній говоритъ, что близъ храма немейскаго Зевса находилась гробница Офельта, обнесенная мраморной оградой, внутри которой стояли жертвенники. Неподалеку былъ также курганъ съ гробницею царя Ликурга, отца

Digitized by Google

Офельтова. Источникъ, текшій по близости, назывался Адрастея (слово, употребляемое и какъ прозвище Немесиды, напоминающее также нимфу Адрастею, кормившую Зевса на островѣ Критѣ, см. выше стр. 145). Эта нѣсколько печальная обстановка продолжалась и въ самомъ праздникѣ. Судьи, присуждавшіе вѣнокъ, бывали одѣты въ черномъ платьѣ, и вѣнокъ, который они давали въ награду побѣдителю, свивался изъ темнозеленаго плюща, растенія, на которомъ Археморъ по преданію испустилъ свою душу (см. Gerhard, in den Abhandlungen der Berliner Akademie, phil.-hist. Class. 1836 p. 258). Самое святилище состояло изъ кипарисовой рощи, *ἄλσος κυπαρίσσων*, и храма. Отъ послѣдняго еще теперь стоятъ три колонны посреди большой груды развалинъ: см. Expedition scientifique de Morée III, p. 73 pl. 72—25; arch. p. 42; rech. geogr. p. 41.

Немеи, совершавшіяся при этомъ святилищѣ, праздновались каждые два года (вслѣдствіе чего одна Олимпіада обнимала двѣ Немеады), но не ровно черезъ два года, оттого что онѣ падали поочередно то на весеннее, то на осеннее или зимнее время (и потому Немеады не были равны между собою). Лѣтнія Немеи, *Νέμεια θερινά* или просто *Νέμεια*, совершались въ четвертый годъ каждой Олимпіады въ мѣсяцъ, называвшійся *πάνεμος*, и почти соотвѣтствовавшій, по изслѣдованіямъ К. Фр. Германна (Monatskunde p. 73), аттическому Боэдроміону или третьему мѣсяцу года, ежели начинать годъ съ Гекатомбеона и времени лѣтняго солнцестоянія. Объ отношеніи Немеадъ къ Олимпіадамъ былъ между учеными продолжительный споръ, окончившійся, какъ можно, кажется, сказать, въ пользу мнѣнія, что Немеи праздновались не въ первый и третій, а въ первый и четвертый годъ каждой Олимпіады, см. Krause Pythien Nemeen und Isthmien p. 119—132 и K. Fr. Hermann Handbuch der gott. Alt. § 49. n. 17. 18.

Digitized by Google

Предсѣдательствовали и судействовали въ играхъ сначала Клеонейцы, но потомъ, и еще очень рано, Аргивцы. Судьи назывались, также какъ въ Олимпіи, гелленскими судьями, Ἑλλανοδίκαι, C. I. n. 1126, чего не было въ остальныхъ двухъ великихъ играхъ (по крайней мѣрѣ мы о томъ не знаемъ). На время игръ объявлялся въ случаѣ войны священный миръ, ἐκεχειρία, для всѣхъ, отправлявшихся на игры. Самыя состязанія были трехъ родовъ; музическія, гимническія, гиппическія. Музическія не имѣли такого объема какъ напр. въ Пиѳіяхъ, гдѣ они распространялись на всѣ искусства, которыя стоятъ въ какомъ нибудь отношеніи къ музамъ, и нетолько на поэзію, но даже на образовательныя художества. Въ Немеяхъ напротивъ того музическія состязанія ограничивались музыкой въ собственномъ смыслѣ, при чемъ давалось мѣсто не одной киѳародіи, но встрѣчается упоминаніе и флейты, см. C. I. n. 1710. Изъ гимническихъ состязаній упоминаются въ Немеяхъ стадія или бѣгъ нагихъ мужчинъ и мальчиковъ на 600 шаговъ, бѣгъ вооруженныхъ мужчинъ на столько же пространства, бѣгъ мужчинъ на двойное пространство, борьба мужчинъ и мальчиковъ, панкратіонъ (соединеніе борьбы и кулачнаго боя) мужчинъ и мальчиковъ, пентаѳлонъ или соединеніе пяти состязаній. Между упоминаемыми гиппическими состязаніями особенно замѣчательна побѣда Алкивіада на 4-хъ коняхъ. Обо всѣмъ этомъ см. Krause Pythien, Nemeen und Isthmien и его же статью Nemeen въ Pauly Realencyclopädie der philolog. Wiss. Bd. V.

Олимпія. Ежели Немеи приводятся миѳомъ въ связь съ героями эолійскими, то Олимпіи напротивъ того не могутъ быть отнесены ни къ какому изъ древнихъ греческихъ племенъ болѣе, чѣмъ къ Ахеямъ. Главное мѣсто въ этомъ отношеніи находится у Страбона, который, VIII, p. 348, говоритъ, что Этолы, выгнавъ

Digitized by Google

изъ Элиды Эпеевъ, взяли на себя попеченіе объ олимпійскомъ храмѣ, *которое прежде имѣли Ахеи*: *τὴν ἐπιμέλειαν τοῦ ἱεροῦ τοῦ Ὀλυμπίασιν, ἣν εἶχον οἱ Ἀχαιοί.* Съ этѣмъ свидѣтельствомъ согласно извѣстіе, что Пелопсъ, родоначальникъ ахейскаго царскаго дома, считался въ Олимпіи на столько выше прочихъ героевъ, на сколько Зевсъ выше прочихъ боговъ, см. Павз. V, 13, 1. На основаніи этѣхъ соображеній К. Фр. Германнъ сначала въ Griech. Staats-alterth. § 10 и потомъ въ gottesdienstl. Alterth. § 49 приводилъ Олимпіи въ связь съ ахейскимъ племенемъ, и хотя это его мнѣніе нашло себѣ возражателя въ Мейерѣ, авторѣ большой статьи объ олимпійскихъ играхъ, помѣщенной въ галльской Энциклопедіи III, 3, однако же оно, кажется, должно быть признано за истинное. (См. между прочимъ Krause Olympia, p. 30, n. 1). Ахейскій характеръ олимпійскаго поклоненія, согласный съ тѣмъ, что сказано нами выше объ Ахеяхъ, мы увидимъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже.

Сказанія о древнѣйшей исторіи Олимпіи и олимпійскаго агона представляютъ большія трудности для объясненія: большая часть новѣйшихъ писателей и уже нѣкоторые изъ древнихъ, какъ напр. Страбонъ, считали ихъ совершенно баснословными и не заслуживающими упоминанія; но всетаки мы очень обязаны за ихъ сохраненіе Павзанію, который вообще охотно передаетъ народныя и храмовыя повѣрья. Многое въ изложеніи Павзаніевомъ остается еще и теперь непонятно; многое, какъ кажется, вошло туда изъ позднѣйшихъ прибавленій, но нѣкоторыя преданія хорошо объясняются тѣмъ, что мы знаемъ вообще объ исторіи поклоненія Зевсу въ Греціи, и потому могутъ быть приняты за драгоцѣнный остатокъ подлинной миѳологіи древнѣйшаго періода. Павзаній (V, 7. 8.) говоритъ, что когда Кроносъ царствовалъ на небѣ, то ему былъ тогдашними людьми, такъ

Digitized by Google

называемымъ золотымъ поколѣніемъ, воздвигнутъ въ Олимпіи храмъ; когда же родился Зевсъ, то его охраненіе было поручено матерью Реей идейскимъ Дактиламъ или Куретамъ, пришедшимъ съ критской Иды: Геркулесу, Пеанею, Эпимеду, Іасу и Иду, которые устроили въ Олимпіи между собою состязаніе подъ руководствомъ Геркулеса, старшаго изъ нихъ родомъ, и увѣнчали побѣдителя вѣнкомъ дикой оливы, растенія, принесеннаго Геркулесомъ изъ страны Гиперборeевъ и разросшагося въ Олимпіи въ необыкновенномъ обиліи. Къ этому сказанію, показывающему древность олимпійскаго поклоненія и вмѣстѣ раннее отношеніе къ Олимпіи Геркулеса (хотя и идейскаго, древняго, а не сына Алкмены), Павзаній прибавляетъ, что самъ Зевсъ, какъ нѣкоторые утверждаютъ, въ Олимпіи состязался съ Кроносомъ за владычество на небѣ, а по другимъ учредилъ тамъ состязанія по одержаніи своей міровой побѣды (т. е. побѣды надъ Титанами). И такъ, олимпійскія состязанія приводятся въ связь съ рожденіемъ Зевса и его побѣдой надъ Кроносомъ, т. е. съ самымъ важнымъ событіемъ исторіи греческой религіи. Это показываетъ вѣру въ древность олимпійскаго поклоненія и высокое значеніе, которое давалось олимпійскимъ состязаніямъ, какъ составной части тамошняго поклоненія. Мы будемъ имѣть случай говорить ниже о томъ, какъ греческій народъ любилъ всякія состязанія, какую страсть имѣли Греки къ испытанію своихъ силъ во всякомъ соревнованіи и всякомъ спорѣ, вслѣдствіе чего агонистика получила у нихъ такое необыкновенно-богатое развитіе; теперь мы скажемъ прежде всего вообще объ олимпійскомъ поклоненіи и о томъ, что можно предполагать нѣсколько достовѣрнаго о его древнѣйшей исторіи.

Ὀλυμπία очевидно женская форма прилагательнаго *Ὀλύμπιος*, происходящаго отъ *Ὄλυμπος*, имени знаменитой горы, составляющей раздѣленіе водъ Галіакмона и Пенея

Digitized by Google

и считавшейся древними Греками, начиная съ Гомера и Гезіода, за мѣсто, гдѣ обитаютъ боги. Это повѣрье о чертогахъ боговъ на Олимпѣ ведетъ свое начало, какъ теперь вообще принимается учеными, отъ піерійскихъ Ѳракійцевъ, жившихъ на сѣверъ отъ Олимпа, — откуда, замѣтимъ мимоходомъ, эта гора кажется особенно величественна, — и дѣятельно участвовавшихъ въ распространеніи поклоненія новымъ богамъ, получившимъ господство вмѣстѣ съ Зевсомъ. На то указываетъ, что Музы, дочери Зевса, обыкновенно у Грековъ называются піерійскими; этѣмъ объясняется, что гора Олимпъ, сосѣдняя Піеріи, всѣми Греками считается не только мѣстомъ обитанія боговъ, но и мѣстомъ счастливаго окончанія ихъ борьбы съ Титанами, сражавшимися съ Оѳриса на противоположномъ краю Ѳессаліи. Піерійскіе Ѳракійцы были, какъ кажется, пеласгическое племя, перешедшее рано къ поклоненію Зевсу и Музамъ. Принявъ очень мягкіе обычаи и особенно развивъ въ себѣ наклонность къ поэзіи, они совершенно отчуждились, какъ отъ прочихъ Ѳракійцевъ, жившихъ далѣе на Сѣверъ, и отличавшихся еще въ самое позднее время грубостью нравовъ и религіозныхъ обычаевъ [1]), такъ и отъ южныхъ обитателей Ѳессаліи около горы Оѳриса, которые, какъ слѣдуетъ изъ миѳа о титаномахіи, защищали Титановъ противъ Олимпа. Поэтому піерійскіе Ѳракійцы могутъ считаться за настоящихъ Гелленовъ, не менѣе чѣмъ самыя гелленскія племена. У нихъ, какъ кажется, представленія о новыхъ богахъ рано срослись съ сказаніями о горѣ Олимпѣ, поражавшей ихъ воображеніе своей высотою, величественнымъ очеркомъ и многочисленными, по большей части неприступными вершинами, окружающими немного выдающуюся надъ ни-

---

[1]) По Геродоту (4, 94.) Ѳракійцы пускали стрѣлы противъ грома и молніи, чтобы устрашить боговъ. Въ этомъ видна большая грубость и одичалость.

Digitized by Google

ми главную вершину. Этѣ свои представленія они еще рано облекли въ поэтическую форму и отъ того получили между Греками славу и авторитетъ народа, любимца музъ. А такъ какъ поэтическое сказаніе имѣло вообще очень большое участіе въ образованіи міра боговъ, окружающихъ Зевса, то понятно, что піерійскіе Ѳракійцы, какъ племя, въ глубокой древности особенно развившее поэзію, должны были имѣть большое вліяніе на религіозныя понятія прочихъ Грековъ, и что имя Олимпа могло легко соединиться и для всѣхъ прочихъ Грековъ съ представленіемъ о новыхъ богахъ, прославленныхъ въ піерійскихъ эпическихъ пѣсняхъ, какъ оно соединялось съ нимъ для Піерійцевъ, жившихъ въ близи Олимпа. Мы въ самомъ дѣлѣ знаемъ, что боги, окружающіе Зевса, получили уже въ очень древнее время у всѣхъ Грековъ имя олимпійскихъ и что эпитетъ »олимпійскій« сталъ главнымъ и общепринятымъ въ Греціи эпитетомъ самаго Зевса. Этому перенесенію имени одной горы на имя боговъ, какъ кажется, еще способствовало, что въ древнемъ греческомъ языкѣ всякая высокая, особенно же всякая священная гора, носила имя Олимпа. Но съ другой стороны, какъ скоро такое перенесеніе было сдѣлано, то имя »Олимпъ« и »олимпійскій« должно было слѣдовать за поклоненіемъ Зевсу въ разныя мѣстности, гдѣ послѣднее водворялось, даже безъ всякой колоніальной связи съ Піеріей. Но конечно вездѣ съ эпитетомъ »олимпійскихъ« было связано и присутствіе поэтическаго піерійскаго воззрѣнія на боговъ. Къ тѣмъ мѣстамъ, куда, какъ напр. на Геликонъ (см. K. O. Müller Orchomenos p. 376 3-te Ausg.), проникли піерійскіе колонисты, это еще болѣе относится. Но, можетъ быть, и въ элидской Олимпіи слѣдуетъ предполагать не только особенно-сильное вліяніе піерійскихъ сказаній, но и присутствіе колонистовъ. По крайней мѣрѣ такимъ образомъ всего легче объяснился бы элидскій мѣстный миѳъ

Digitized by Google

о томъ, что титаномахія имѣла мѣсто въ Олимпіи, миѳъ, въ которомъ, кажется, нельзя отрицать близкаго соотношенія съ піерійскимъ Олимпомъ.

Но ежели древняя связь элидской Олимпіи съ Піеріей есть только предположеніе, то гораздо достовѣрнѣе сношенія Олимпіи съ Критомъ, упоминаемыя уже въ приведенномъ выше сказаніи о прибытіи туда изъ Крита Геркулеса и прочихъ идейскихъ Дактиловъ или Куретовъ. Кромѣ того Павзаній разсказываетъ, что пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ Девкаліонова потопа, событія, которое, какъ мы знаемъ, означаетъ конецъ мѣднаго поколѣнія и начало героическаго, Клименъ, т. е. знаменитый Адъ, одинъ изъ потомковъ идейскаго Геркулеса, прибылъ изъ Крита въ Олимпію, совершилъ тамъ игры и посвятилъ жертвенники, какъ прочимъ Куретамъ, такъ и своему предку Геркулесу, назвавъ его помощникомъ, παραστάτης.

Климена, какъ продолжаетъ далѣе Павзаній, лишилъ престола Эндиміонъ, сынъ Аѳолія, и предложилъ своимъ сыновьямъ состязаніе о царствѣ. Черезъ одно поколѣніе послѣ того Пелопсъ праздновалъ въ честь олимпійскаго Зевса игры, самыя замѣчательныя изъ всѣхъ, прежде него бывшихъ. Когда же сыновья Пелопса разсѣялись изъ Элиды по прочему Пелопоннесу, то Амиѳаонъ, сынъ Креѳея, Эндиміоновъ родственникъ по отцу, устроилъ опять олимпійскія игры. Послѣ него сдѣлали тоже Пеліасъ и Нелей вмѣстѣ, потомъ Авгеасъ и наконецъ Геркулесъ, сынъ Амфитріона, покоривъ Элиду. Послѣдній увѣнчалъ Іолая, Діоскуровъ, себя самаго и нѣкоторыхъ другихъ. Послѣ Геркулеса упоминается, какъ устроитель Олимпій, Оксилъ и наконецъ, спустя довольно времени послѣ Оксила, — Ифитъ. Такъ какъ Ифитъ совершенно принадлежитъ достовѣрной исторіи, то на немъ можно считать оконченнымъ миѳическую часть разсказа Павзанія объ исторіи олимпійскаго праздника. Многіе отдѣлы въ этомъ разсказѣ, какъ

Digitized by Google

уже было замѣчено, очень темны; къ самымъ яснымъ принадлежитъ: во 1-хъ, указаніе на сношенія съ Критомъ, подтверждаемое всѣмъ, что̀ мы знаемъ о древности процвѣтанія этого острова и поклоненія его жителей Зевсу, и во 2-хъ, свидѣтельство объ участіи Оксила, предводителя Этоловъ, о которыхъ исторически извѣстно, что они, во время возвращенія Гераклидовъ, по родственности съ Эпеями заняли такъ называемую полую Элиду, *κοιλὴ Ἦλις*, и расширили ея границы, покоривъ себѣ большую часть Писатиды. О причинѣ введенія въ разсказъ прочихъ героевъ трудно сказать что-нибудь удовлетворительное: нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ очевидно символическое значеніе, какъ напр. Аѳелій, олицетвореніе самихъ состязаній, *Διὸς ἄεθλα*, и потому сынъ Зевса и Протогеніи, и Эндиміонъ, который, по своему отношенію къ лунѣ, *σελήνη*, и по своимъ пятидесяти дочерямъ, имѣетъ, какъ кажется, календарное значеніе и указываетъ на 50 мѣсяцевъ, составлявшихъ иногда олимпійское четырехлѣтіе, *πενταετηρίς* (Олимпіады состояли попеременно, то изъ 49, то изъ 50 мѣсяцевъ.) Клименъ, предшествовавшій Эндиміону, долженъ имѣть и здѣсь, какъ вездѣ, подземное значеніе.

Какъ бы то ни было, изъ миѳической исторіи Олимпіи оказывается слѣдующее: во 1-хъ, что въ Олимпіи сохранялось яснѣе нежели въ другихъ мѣстахъ воспоминаніе о борьбѣ Зевса съ Кроносомъ; во 2-хъ, что олимпійское поклоненіе Зевсу родственно съ критскимъ и піерійскимъ и есть какъ бы осуществленіе тѣхъ поэтическихъ мыслей о Зевсѣ, которыя были распространены по Греціи Піерійцами; въ 3-хъ, что оно имѣетъ довольно длинную исторію еще до времени возвращенія Гераклидовъ, слѣдовательно до Дорійцевъ, и что въ этой исторіи моментъ хѳоническаго поклоненія, олицетворяемый въ Клименѣ, предшествовалъ моменту поклоненія ахейскаго, котораго представителемъ надобно признать Пе-

Digitized by Google

лопса. Этѣми чертами олимпійское поклоненіе примыкаетъ къ древнѣйшей исторіи поклоненія Зевсу, и тѣмъ соединяетъ въ себѣ, какъ всякое истинно-заключительное явленіе въ исторіи, результаты окончившагося развитія съ ясными указаніями на его начало.

Но ежели древность олимпійскаго поклоненія несомнѣнна, ежели несомнѣнно, что оно существовало гораздо ранѣе переселенія въ Пелопоннесъ Дорійцевъ, то очень вѣроятно и то, что оно рано и прежде усиленія дорійскаго вліянія получило обширное значеніе для сосѣдственныхъ городовъ и странъ Греціи. Мы знаемъ, что олимпійскіе жрецы Іамиды, управлявшіе тамошнимъ оракуломъ, о которомъ мы уже говорили, имѣли сношенія съ колоніями греческими даже въ Сициліи и Великой Греціи (см. Boeckh. ad Pind Olymp. VI. p. 152). Ихъ вліяніе на этѣ колоніи конечно не зависѣло отъ олимпійскаго національнаго праздника; поэтому можно предполагать подобное тому вліяніе Іамидовъ и относительно другихъ мѣстъ еще въ то время, когда игры были не очень славны, а оракулъ уже существовалъ давно. Это можно предполагать тѣмъ болѣе, что, по прямому свидѣтельству Страбона, Олимпія въ прежнее время была знаменита не столько по своимъ играмъ, сколько по своему оракулу. Обширному вліянію Олимпіи много способствовало ея положеніе въ такой странѣ Пелопоннеса, которой легко сдѣлаться средоточіемъ сношеній между Италіей и ближайшимъ Востокомъ (напр. Критомъ и Малой Азіей); въ религіозномъ же отношеніи его особенно дѣлалъ возможнымъ ахейскій характеръ олимпійскаго поклоненія Зевсу, легко находившій себѣ друзей между всѣми Греками. Ежели у насъ есть свидѣтельства, что и въ позднѣйшее время покланявшійся Зевсу въ Олимпіи былъ обязанъ приносить жертвы и другимъ богамъ, которыхъ жертвенники находились около храма (ср. Павзанія V, 14, 5 и грамматика Геродора въ схоліяхъ къ Пиндару

Digitized by Google

p. 119 Boeckh.), то тѣмъ болѣе надобно предполагать тоже о томъ времени, когда въ Олимпіи еще не было вліянія Дорійцевъ, и слѣдовательно вовсе не могло быть исключительности. Въ олимпійскомъ поклоненіи должно было лежать въ основаніи то же самое воззрѣніе, которое создало гомерическій кругъ боговъ съ ихъ главою и отцемъ Зевсомъ, господствующимъ, правда, надъ ними, но очень умѣренно, и которое признало піерійскую гору Олимпъ особенно приличною для жилища этому кругу боговъ, потому что на ней много вершинъ, и главная изъ нихъ своей высотой не очень отдѣляется отъ прочихъ. Это воззрѣніе есть именно воззрѣніе ахейскаго племени, прославленное Гомеромъ, и его водвореніе въ Олимпіи должно было сдѣлать эту мѣстность особенно способною стать религіознымъ средоточіемъ Греціи. Зевсъ, пользовавшійся поклоненіемъ въ Олимпіи, былъ именно тотъ Зевсъ, который воспѣвался эпическими поэтами и, очищенный отъ всякой мрачности и односторонности, былъ ими возвышенъ надъ прочими богами и поставленъ въ главѣ и средоточіи небеснаго Олимпа. Поэтому онъ давалъ въ Олимпіи мѣсто жертвенникамъ разныхъ боговъ и всѣмъ поэтическимъ и художественнымъ украшеніямъ богослуженія и не терпѣлъ около себя ничего печальнаго и безобразнаго и никакой исключительности. Поэтому Олимпіи были уже изъ времени, предшествовавшаго дорійскому, какъ бы предназначены къ ихъ позднѣйшему центральному значенію для греческой національности и греческаго искусства.

Осуществленіе этого предназначенія произошло подъ вліяніемъ Дорійцевъ, которые, удержавъ поклоненіе Зевсу въ его первоначальномъ веселомъ и неисключительномъ характерѣ, много сдѣлали для устройства олимпійскаго праздника и для сообщенія ему общегелленскаго значенія. Дорійскій періодъ въ исторіи Олимпій начинается съ Ифита, который, съ помощію спартанскаго законода-

Digitized by Google

теля Ликурга, возстановилъ ихъ послѣ долгаго забвенія. Въ то время Геллада была раздираема несогласіями и войнами, и это заставило Ифита спросить дельфійскаго бога, чѣмъ бы можно было помочь такому несчастію. Пиѳія отвѣтила, что Ликургъ вмѣстѣ съ Элеями долженъ возстановить олимпійскій агонъ. Ифитъ повиновался этому приказанію и убѣдилъ Элеевъ принесть жертву Геркулесу, котораго они прежде считали враждебнымъ себѣ героемъ, Paus. V, 4, 4. Но величайшею заслугою Ифита было учрежденіе священнаго мира, ἐκεχειρία, который долженъ былъ во всей Греціи продолжаться цѣлый священный мѣсяцъ, ἱερομηνία, для всѣхъ отправляющихся на праздникъ. Это узаконеніе считалось священнымъ за малыми исключеніями во все время существованія Олимпій, т. е. до 394 по Р. Х., и было вырѣзано на кругломъ дискѣ, называвшемся Ифитовымъ и хранившемся въ олимпійскомъ храмѣ Геры, гдѣ его видѣлъ еще Павзаній V, 20, 1. Черезъ 27 Олимпіадъ или 108 лѣтъ послѣ Ифита начали вести Олимпіадамъ счетъ и записывать побѣдителей. Это былъ годъ побѣды въ стадіи одного повара Кореба, прославившагося тѣмъ на всегда, 777-й годъ до Р. Х. Съ тѣхъ поръ дана была возможность употреблять Олимпіады, какъ общеизвѣстныя въ Греціи точки времени, для хронологическаго опредѣленія событій, чѣмъ историки и воспользовались. Высочайшее процвѣтаніе игръ началось съ L Олимпіады, слѣдовательно два вѣка спустя послѣ побѣды Кореба, и продолжалось до LXXXV Олимпіады. Къ этому времени относятся побѣды знаменитѣйшихъ греческихъ атлетовъ и пѣсни первокласныхъ лириковъ, прославляющія побѣдителей. Въ это же время дошло до самаго полнаго блеска и поклоненіе олимпійскому Зевсу и было окружено всѣмъ, что̀ могла дать для его украшенія цвѣтущая тогда жизнь греческаго художества. Игры и поклоненіе этого времени вмѣстѣ съ многоукрашеннымъ святилищемъ были верхомъ пышно-

Digitized by Google

сти и изящества, а вмѣстѣ однимъ изъ самыхъ характеристическихъ явленій греческаго быта. Поэтому мы нѣсколько остановимся на ихъ описаніи, которое мы начнемъ, какъ прилично, словами поэта, наиболѣе ихъ прославившаго [1]).

»Вода лучше всѣхъ стихій; какъ горящій огонь сіяетъ середи ночи: такъ золото превосходитъ всѣ богатства, возвышающія людей; но ежели тебѣ желается, милое сердце, славить состязанія, не ищи ты днемъ по пустому эѳиру сіяющаго свѣтила теплотворнѣе солнца, и не будемъ мы воспѣвать агона лучше олимпійскаго.« Такъ Пиндаръ начинаетъ свою первую олимпійскую оду, и въ его словахъ нѣтъ преувеличенія [2]). Ежели состязанія вообще составляли для Грековъ одно изъ самыхъ любимыхъ занятій и были необходимою потребностью для ихъ дѣятельной натуры, охотно испытывавшей свою силу въ преніи и борьбѣ; то изъ всѣхъ греческихъ состязаній не было дѣйствительно ни одного болѣе славнаго, болѣе посѣщаемаго, чѣмъ Олимпіи. Они праздновались въ Олимпіи, на берегахъ Алфея и Кладія, близъ храма олимпійскаго Зевса и его рощи, каждый пятый годъ (оттуда слово *πενταετηρίς*, означающее четырех-

---

[1]) Слѣдующее за симъ описаніе праздника, рощи, храма и идола сдѣлано на основаніи изслѣдованій Мейера (въ статьѣ Olympiche Spiele въ галльской Энциклопедіи), Краузе въ книгѣ Olympia и въ статьѣ Olympia въ Pauli Realencyclopädie, Ратгебера въ статьяхъ Olympia, Olympieion, Olympischer Jupiter въ галльской Энциклопедіи, Катремера де Кенси въ сочиненіи le Jupiter Olympien. Въ этѣхъ сочиненіяхъ можно найти и указаніе на неприводимыя здѣсь доказательныя мѣста изъ источниковъ.

[2]) Павзаній V, 10, 1. говоритъ почти тоже: »много заслуживающаго удивленія можно видѣть въ Геллядѣ; но наиболѣе божественной заботы обращено на элевзинскія таинства и на олимпійскій агонъ.«

Digitized by Google

лѣтіе), середи лѣта, отъ 11 до 15 числа священнаго мѣсяца, ἱερομηνία, около самаго времени полнолунія. Приближеніе праздника и наступленіе священнаго мира было возвѣщаемо въ Элидѣ и всей Греціи элейскими глашатаями мира, σπονδοφόροι. Начиная съ перваго дня священнаго мѣсяца, ἱερομηνία, въ продолженіе котораго соблюдался священный миръ, ἐκεχειρία, могли отправляться въ Олимпію, даже изъ военныхъ становъ или черезъ нихъ, всѣ желающіе, какъ агонисты, такъ и зрители, а равно и священные ѳеоры, посылавшіеся отъ лица отдѣльныхъ городовъ для принесенія жертвы олимпійскому Зевсу. Къ состязаніямъ допускались всѣ, ежели только были Геллены и свободные, и притомъ незапятнаны или нечестіемъ, ἀσέβεια, или оскверняющимъ злодѣяніемъ, ἄγος, и не лишены гражданской чести, ἄτιμοι. Таковые были устраняемы, равно какъ тѣ, на которыхъ было налагаемо исключеніе по политическимъ или патріотическимъ основаніямъ, какъ напр. на одно время Гіеронъ, тираннъ сиракузскій. Женщины, кажется, вовсе не допускались къ присутствію при состязаніяхъ, за исключеніемъ жрицы Деметры Хамины, смотрѣвшей на игры съ мраморнаго жертвенника, находившагося въ самой стадіи; преступавшія же это запрещеніе низвергались съ типейскаго утеса. (Павзаній говоритъ, что запрещеніе простиралось только на замужнихъ, и что дѣвушкамъ былъ позволенъ доступъ, но это свидѣтельство сомнительно). Отъ большого стеченія зрителей праздникъ назывался πανήγυρις, всеобщею сходкой.

Онъ состоялъ изъ состязаній, ἄγων, и изъ праздника въ собственномъ смыслѣ, ἑορτή, соединеннаго съ процессіями, πομπαί, и жертвоприношеніями, θυσίαι. Жертвы приносились въ огромномъ числѣ, какъ частными лицами, такъ въ особенности послами цѣлыхъ городовъ и государствъ греческихъ и наконецъ элейскимъ

Digitized by Google

государствомъ. Онѣ относились не къ одному Зевсу, но и ко многимъ другимъ богамъ, имѣвшимъ жертвенники около Зевсова храма, и раздѣлялись на просительныя и благодарственныя. Ихъ число было такъ велико, что ходило сказаніе, будто отъ олимпійскихъ жертвоприношеній даже въ сиракузской Ареѳузѣ мутилась вода (Meier p. 301.). Послы отдѣльныхъ государствъ греческихъ, такъ называемые ѳеоры, съ архиѳеоромъ въ главѣ, являлись во время праздника съ необыкновенною пышностью. Они разбивали въ Олимпіи свои великолѣпныя палатки, доставали драгоцѣнную посуду изъ кладовыхъ, которыя почти каждое греческое государство имѣло въ Олимпіи, и старались каждый устроить свою процессію или помпу такъ, чтобъ показать свое государство въ самомъ блестящемъ свѣтѣ. Они ѣхали къ жертвенникамъ на великолѣпно-украшенныхъ колесницахъ, въ роскошныхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ. Съ ними конечно соперничало элейское государство, въ томъ большомъ жертвоприношеніи, которое состояло въ сотнѣ быковъ, приводившихся на закланіе, какъ обыкновенно, съ золоченными рогами, въ вѣнкахъ изъ цвѣтовъ и въ священныхъ повязкахъ. Это была *гекатомба*, заключавшая весь праздникъ и доставлявшая мясо для угощенія побѣдителей на счетъ элейскаго государства въ государственной столовой, *ἑστιατόριον*.

Жертвоприношенія начинались съ перваго дня праздника и, можетъ быть, еще прежде; вѣроятно въ каждый изъ пяти праздничныхъ дней можно было видѣть процессіи, ѣздившія въ пышныхъ поѣздахъ около горящихъ жертвенниковъ; иначе едвали бы всѣ ѳеоры могли успѣть исполнить свою обязанность; но главныя жертвоприношенія, и въ главѣ ихъ элидская гекатомба, бывали благодарственныя и совершались въ послѣдній день праздника, въ 15-е число священнаго мѣсяца. Первые же четыре дня особенно посвящались состязаніямъ. Какъ

Digitized by Google

этѣ состязанія были распредѣлены по днямъ, мы съ точностью не знаемъ; извѣстно только, что состязанія мальчиковъ предшествовали состязаніямъ мужчинъ, и что конныя состязанія слѣдовали за всѣми. Всего же употреблялись въ Олимпіи слѣдующіе роды состязаній, исчисляемые здѣсь по времени ихъ введенія въ употребленіе: бѣгъ стадіи взрослыхъ, бѣгъ двойной стадіи взрослыхъ, бѣгъ длинный. 7 стадій, борьба, пять игръ (πένταθλον), кулачной бой, бѣгъ на четырехъ коняхъ въ колесницѣ (ἅρμα), παγκράτιον или соединеніе борьбы и кулачнаго боя, скачка (ἵππος κέλης), борьба и бѣгъ стадіи мальчиковъ, пять игръ мальчиковъ, кулачный бой мальчиковъ, бѣгъ взрослыхъ въ оружіи на одну стадію и на двѣ, бѣгъ на лошакахъ (ἀπήνη), скачка на кобылѣ (κάλπη), бѣгъ на парѣ коней (συνορίς), состязаніе глашатаевъ и трубачей, бѣгъ на четвернѣ жеребятъ, бѣгъ на парѣ жеребятъ и наконецъ скачка на жеребенкѣ. Порядокъ и правила состязаній были опредѣлены до самыхъ тончайшихъ подробностей, какъ будто въ самомъ важномъ государственномъ дѣлѣ. Дисциплина, предписанная атлетамъ, была очень строгая. Они должны были точно соблюдать назначенный имъ срокъ явки, προθεσμία, провесть положенные 30 дней, προγυμνάσματα, πρόπειραι, μελέται, подъ наблюденіемъ, чтобъ показать свою опытность и знаніе правилъ въ искусствѣ, кромѣ того утвердить клятвою, что соблюдали діэту атлетовъ въ продолженіе десяти мѣсяцевъ передъ играми. Передъ самыми состязаніями они присягали вмѣстѣ со всѣми своими родственниками и учителями передъ изображеніемъ Зевса клятвъ, державшимъ въ обѣихъ рукахъ молнію, надъ принесеннымъ въ жертву кабаномъ, что не сдѣлаютъ ничего (никакого κακούρμημα) противъ олимпійскаго агона. Послѣ того глашатай громко провозглашалъ имя каждаго, являющагося на состязаніе, передъ всѣмъ собравшимся народомъ, и

Digitized by Google

ежели не было никакихъ замѣчаній, то происходило дѣленіе на пары по жребію, вынимаемому самими атлетами изъ Зевсовой урны, *κάλπις τοῦ θεοῦ*. Надъ всѣми этѣми приготовленіями, равно какъ и надъ самимъ состязаніемъ, наблюдали избираемые изъ элейскаго народа судьи, *Ἑλλανοδίκαι*, которыхъ было во время процвѣтанія Олимпій то 9, то 10, и которые назначались по жребію изъ элидскихъ филъ [1]). Они были родъ присяжныхъ и такъ какъ брались изъ всей массы элейскаго народа, то должны были приготовляться къ отправленію своей должности въ продолженіе 10 мѣсяцевъ и узнавать отъ номофилаковъ правила олимпійскаго агона. Должностную свою присягу они совершали передъ идоломъ того же Зевса клятвъ, *ὅρκιος*, и, какъ говорятъ, всѣ свято ее соблюдали, вслѣдствіе чего пользовались большимъ уваженіемъ. На время праздниковъ они надѣвали пурпуровую одежду и слѣдили за состязаніями съ особыхъ возвышенныхъ мѣстъ, *καθέδραι*, имѣя подъ своимъ начальствомъ разныхъ помощниковъ, *ἀλίται*, *ῥαβδοῦχοι*.

Самое состязаніе имѣло отчасти характеръ религіознаго дѣйствія; зрители присутствовали при немъ съ обнаженными головами, что, какъ увѣряютъ, было причиною смерти мудреца Ѳалеса. Удобства для зрителей не было никакого; они сидѣли на мраморныхъ скамьяхъ и должны были переносить жаръ, пыль и жажду въ продолженіи цѣлаго дня подъ зноемъ греческаго лѣтняго солнца (въ самое жаркое время года). Участіе ихъ

---

[1]) Въ этомъ устройствѣ видно демократическое направленіе, тогда какъ прежде, во время процвѣтанія аристократіи, было по 2 и по 3 гелланодика изъ родовыхъ филъ (majorum gentium), а еще прежде въ героически-монархическій періодъ и игры управлялись монархически, см. Ил. XXIII, 287. Virg. Aen. V, 286; объ Олимпіяхъ Paus. V, 7 и 8.

Digitized by Google

въ томъ, что̀ совершалось на поприщѣ, выражалось самымъ живымъ образомъ, и не только безпрестанными криками, изъ которыхъ καλὸς καλοί соотвѣтствовало теперешнему итальянскому bravo bravi, но и рѣзкими тѣлодвиженіями, даже вспрыгиваніемъ съ мѣстъ. Атлеты должны были каждый строго соблюдать правила своего искусства; надъ этѣмъ наблюдали гелланодики.

Цѣлью всѣхъ этѣхъ усилій и ожиданій былъ приговоръ гелланодиковъ о побѣдителяхъ, за которымъ слѣдовало ихъ увѣнчаніе. Вѣнки свивались изъ вѣтокъ, срѣзанныхъ съ помощію золотаго серпа, χρυσῷ δρεπάνῳ, мальчикомъ, имѣвшимъ обоихъ родителей живыми, ἀμφιθαλὴς παῖς, съ священнаго дерева дикой оливы, особенно для того опредѣленнаго Ифитомъ по оракулу, принесенному имъ изъ Дельфъ, и окруженнаго жертвенниками Афродиты, Горъ и Музъ, по прозванію καλλιστέφανοι. Вѣнки изъ этой оливы, называвшейся потому прекрасновѣночной, ἐλαία καλλιστέφανος, клались на время игръ на особомъ треножникѣ, τρίπους ἐπίχαλκος, и потомъ рукой одного изъ гелланодиковъ возлагались на голову побѣдителей по обвязанной прежде того шерстяной повязкѣ, ταινία или μίτρα, (она часто изображается на древнихъ памятникахъ какъ приготовленіе къ увѣнчанію); кромѣ того побѣдителю давалась въ руку пальмовая вѣтвь. Въ этомъ простомъ актѣ, вмѣстѣ съ позволеніемъ поставить въ Олимпіи свою статую, но никакъ не превышающую его дѣйствительнаго роста, состояла вся награда, получавшаяся побѣдителемъ. Но она считалась такъ высоко, что доставляла побѣдителю, по понятіямъ Грековъ, высочайшее блаженство, возвышала его надъ прочими смертными, и приближала къ богамъ, ad deos evehebat, какъ говоритъ Горацій. Такое необыкновенно-высокое мнѣніе о почести, доставляемой олимпійскимъ вѣнкомъ, характеризуетъ какъ нельзя болѣе греческіе нравы этого времени и показываетъ ихъ съ самой оригинальной стороны. Намъ

Digitized by Google

новѣйшимъ очень интересно читать, какъ Солонъ у Лукіана объясняетъ Скиѳу Анахарсису эту непонятную ему странность.

За возложеніемъ вѣнка слѣдовалъ рядъ почестей и торжествъ, которыхъ всѣхъ предметомъ бывалъ побѣдитель. Прежде всего, одинъ изъ глашатаевъ произносилъ своимъ громкимъ и звучнымъ голосомъ предъ всѣми Гелленами его имя и имя его отечественнаго города (или того города, который онъ избиралъ себѣ въ отечественный). Тогда присутствовавшіе привѣтствовали его восклицаніями, осыпали цвѣтами, вѣнками и гирляндами, нѣкоторые подавали ему тутъ же свои подарки. Потомъ онъ отправлялся принесть благодареніе олимпійскому Зевсу и прочимъ богамъ за дарованную побѣду, вѣроятно присутствовалъ при большой элейской гекатомбѣ и былъ угощаемъ въ общественной столовой отъ элейскаго государства. За этѣмъ слѣдовали прогулки побѣдителей по Олимпіи при звукахъ киѳары и флейты, при пѣніи хора, въ сопутствіи родственниковъ, друзей и согражданъ. При этомъ пѣлись пѣсни въ честь побѣдителя, слагавшіяся иногда знаменитѣйшими современными поэтами (таковы всѣ оды Пиндара, дошедшія до насъ), и вся прогулка заключалась пиромъ, дававшимся отъ побѣдителя. Богатые показывали необыкновенную пышность, какъ въ процессіи къ жертвенникамъ, *πομπή*, такъ и въ прогулкѣ, *κῶμος*, и угощеніи, *ἑστίασις*. Къ послѣднему иногда приглашался даже весь народъ элейскій, что̀ именно мы знаемъ относительно пировъ, данныхъ отъ Леофрона и Алкивіада.

Но въ Олимпіи уже самое множество побѣдителей (ихъ бывало 17) должно было затмѣвать блескъ празднества, устроиваемаго каждымъ изъ нихъ порознь. Поэтому еще блистательнѣе и торжественнѣе для побѣдителя былъ его въѣздъ въ собственный городъ. Мы знаемъ, что одному агригентскому побѣдителю Эксенету выѣха-

Digitized by Google

ло на встрѣчу изъ Агригента триста колесницъ, которыя всѣ были запряжены парами сѣрыхъ лошадей. У Грековъ былъ общій обычай разрушать часть городской стѣны для вшествія побѣдителя, сопровождаемаго спутниками, прибывшими съ нимъ изъ Олимпіи, и всѣми вышедшими къ нему на встрѣчу. Онъ самъ ѣхалъ притомъ на колесницѣ, запряженной четверней сѣрыхъ коней, и направлялъ свой путь къ главному храму бога покровителя города, гдѣ приносилъ благодарственную жертву, а оттуда къ мѣсту назначенному для пиршества. Во время пира, лирическій хоръ опять прославлялъ его побѣду. Но и этѣмъ днемъ не оканчивались его почести; онъ получалъ на всю жизнь право обѣдать на счетъ государства, былъ свободенъ отъ всѣхъ повинностей, имѣлъ первое мѣсто при общественныхъ играхъ и праздникахъ, и вообще пользовался правомъ асхоліи, ἀσχολίας πάντων, или жизни безъ всякихъ заботъ.

Такая необыкновенная слава, пріобрѣтавшаяся въ олимпійскихъ состязаніяхъ, можетъ указать болѣе всего на значеніе олимпійскаго праздника въ греческой жизни и объяснить то удивительное стеченіе народа со всѣхъ краевъ Греціи, которое, по свидѣтельству многихъ писателей, бывало въ Олимпіи каждую Олимпіаду. Нигдѣ въ Греціи не было такого обширнаго и всеобщаго сближенія всѣхъ Гелленовъ, при строгомъ устраненіи отъ празднества варваровъ, и потому нигдѣ Геллены не могли въ такой степени приходить къ сознанію своей противоположности къ варварамъ и своего національнаго единства. Мы дѣйствительно видимъ, что въ этомъ смыслѣ пользуются олимпійскимъ праздникомъ цѣлыя государства и отдѣльныя лица, желающія обратиться ко всему гелленскому народу. Ежели одинъ городъ приговаривалъ другому городу за какую нибудь оказанную ему услугу дубовый вѣнокъ, то отъ его имени объявлялось въ Олимпіи во время праздника, что тотъ городъ

Digitized by Google

нимъ увѣнчанъ. Договоры, заключаемые между отдѣльными городами, также обнародывались въ Олимпіи къ свѣдѣнію всѣхъ Гелленовъ. Писатели, желавшіе познакомить съ своимъ сочиненіемъ весь народъ гелленскій, читали его въ Олимпіи, какъ сдѣлалъ напр. Геродотъ. Даже нѣкоторые художники выставляли тамъ свои произведенія, чтобы узнать о нихъ мнѣніе всѣхъ Гелленовъ. Въ праздничное время Олимпія была главнымъ центромъ Греціи и превосходила въ этомъ отношеніи всѣ богатые и цвѣтущіе города, которые затмѣвали ее въ обыкновенное время.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ олимпійскій праздникъ. Но и кромѣ праздника, для насъ важно составить себѣ понятіе о томъ, какъ представлялась Олимпія посѣщавшему ее въ обыкновенное время путешественнику, ибо по одному празднику еще нельзя вполнѣ судить объ олимпійскомъ поклоненіи Зевсу. Для того надобно быть въ состояніи представить себѣ не только олимпійскій праздникъ, но и всю Олимпію со всѣми ея святилищами.

Олимпія была не городъ, а только мѣсто, посвященное Зевсу, наполненное храмами, жертвенниками, статуями, сооруженіями, нужными для состязаній, и окруженное немногими жилищами людей, находившихся въ услуженіи при всѣхъ этѣхъ зданіяхъ. Она лежала въ очень плодоносной равнинѣ, орошаемой посвященными Зевсу водами Алфея (теперь Руфео), рѣки быстрой и стремительной, а зимой выступавшей изъ береговъ и заливавшей окрестности. Отъ этѣхъ разлитій мѣсто, занимаемое Олимпіей, было защищено большими плотинами, но, несмотря на то, оно было болотисто и нездорово, впрочемъ, какъ надобно полагать, очень благопріятно для царства растительнаго. Оно находилось на правомъ или сѣверномъ берегу Алфея и на сѣверѣ было ограничено отлогостями горы Кроноса, замѣчательной по

Digitized by Google

своему значенію въ олимпійскихъ миѳахъ о Зевсѣ. Пиндаръ (Ол. V, 17) говоритъ, что на ней живетъ Зевсъ, но ея имя показываетъ, и преданіе свидѣтельствуетъ, что она прежде принадлежала Кроносу. Плутархъ въ мѣстѣ, уже приведенномъ однажды въ этомъ сочиненіи (de fluv. 19 § 3 p. 1038 Wytt.), передаетъ сказаніе, что Кронос бѣжалъ на эту гору тотчасъ послѣ гигантомахіи и уже отсюда отправился на Кавказъ. Съ этѣмъ согласно, что и въ историческое время, какъ мы знаемъ изъ Павзанія (VI, 20, 1.), жрецы Басилы приносили Кроносу на этой горѣ жертву каждое весенное равноденствіе. Изъ этого слѣдуетъ, что въ Олимпіи сохранилось не только ясное воспоминаніе о борьбѣ Зевса съ Кроносомъ — это было выведено нами прежде стр. 302 изъ другаго мѣста Павзанія, но и самое поклоненіе Кроносу, чему другой примѣръ на материкѣ Греціи мы видимъ только въ Аѳинахъ. И ежели мы позволили себѣ сравнить въ этомъ отношеніи Аѳины съ Римомъ, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ привести въ сближеніе съ Римомъ Олимпію, потому что у насъ есть прямое извѣстіе объ основаніи одного жертвенника Сатурну (Кроносу) въ Римѣ Эпеями. См. Dion. Hal. A. R. I, 34. Такимъ образомъ открывается чрезвычайно любопытная связь между мѣстностями классическаго міра, въ бо́льшей ясности сохранившими воспоминаніе о древнемъ времени Кроноса, между Аѳинами, Олимпіей и Римомъ. Въ Олимпіи, гдѣ въ историческое время святилищемъ Зевса стала вся широкая, всѣмъ доступная равнина праваго берега рѣки Алфея, воспоминаніе о Кроносѣ, богѣ страшномъ, удержалось еще въ соединеніи съ горою, которая уже по своей формѣ была гораздо менѣе доступна. Эта черта очень замѣчательна и характеризуетъ поклоненіе Зевсу въ Олимпіи, отличая его отъ поклоненія Кроносу, и въ тоже время можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ на особенности олимпійскаго поклоненія Зевсу въ сравненіи съ прочими греческими по-

Digitized by Google

клоненіями. Какъ олимпійская Кроносова-гора посвящена Кроносу, такъ и самому Зевсу были посвящены многія горы Греціи, напр. Ликейская, и даже въ самой Олимпіи первоначальное поклоненіе Зевсу и первоначальный оракулъ Іамидовъ имѣли мѣсто на горѣ Кроноса, какъ можно заключить изъ Пиндара (Ol. VI, 64 ср. Схол.). Тогда поклоненіе относилось, какъ на Ликейской-горѣ, къ неприступному богу, еще нѣсколько похожему на Кроноса, потомъ же, вмѣстѣ съ измѣненіемъ понятій о существѣ и свойствахъ Зевса, оно перешло съ горы въ общедоступную равнину, и храмъ Зевса былъ устроенъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ около него могли толпиться цѣлые десятки тысячь людей, стекавшихся къ нему на веселые праздники.

Гора Кроноса не доходила до олимпійской священной рощи въ естественной отлогости, но на самой нижней ея части была устроена длинная терасса или *κρηπίδωμα*, на которой стояли въ заднемъ ряду вдоль по естественному возвышенію 11 кладовыхъ или ѳесавровъ разныхъ греческихъ городовъ (Сикіона, Кархедона, Эпидамна, Византіи, Сибарита, Кирены, Селинунта, Метапонта, Аѳинъ, Мегары и Гелы), а передъ ними 16 статуй Зевса, воздвигнутыхъ на штрафныя деньги, взыскиваемыя съ атлетовъ, преступившихъ правила олимпійскаго агона, такъ называемые на элейскомъ просторѣчіи *Ζᾶνες*. На югъ отъ этой террассы до самой плотины, шедшей по сѣверному берегу Алфея, простиралась священная роща олимпійскаго Зевса или Альтисъ (*ἄλτις* отъ *ἄλσος*). На западѣ ее ограничивалъ одинъ притокъ рѣки Алфея, по имени Кладій, *Κλάδεος*, текшій съ сѣверо-востока и потомъ изгибавшійся передъ впаденіемъ въ Алфей въ направленіи, почти параллельномъ ему. Берегъ Кладія былъ обложенъ набережной изъ плитъ, сложенныхъ безъ цемента. Съ востока тянулась, также какъ и съ юга плотина или валъ; она имѣла видъ террассы и сохранилась до нашего времени на протяженіи 4320 футовъ.

Digitized by Google

Все пространство, такимъ образомъ ограниченное, составляло священную окружность храма Зевсова и потому называлось *περίβολος*. Въ него могли входить только очищенные; и потому оно было ограждено кругомъ стѣною, шедшею по валу, упомянутому выше. На верху стѣны стояли статуи, изъ которыхъ упоминаются пожертвованные жителями Агригента бронзовые мальчики, которые были изображены въ положеніи молящихся съ поднятыми руками къ небу (вѣроятно они были похожи на превосходную берлинскую статую, извѣстную подъ именемъ Adorante). Съ востока былъ сдѣланъ въ этой оградѣ священный входъ, *πομπικὴ εἴσοδος*, заступавшій мѣсто того, что въ Аѳинахъ и Элевзинѣ называлось пропилеями. Отъ него начиналась священная улица процессій, касавшаяся главныхъ святилищъ.

Въ тѣхъ частяхъ этого пространства, которыя были ближе къ вышеописанной террассѣ ѳесавровъ, находились сооруженія, употреблявшіяся при играхъ. Подлѣ самой террассы лежала стадія, мѣсто для состязаній атлетовъ, въ небольшой лощинѣ, окруженной лѣскомъ дикихъ оливъ, и нѣсколько далѣе за нею гипподромъ или мѣсто конскихъ ристалищъ; вблизи обоихъ гимнасія элейская или мѣсто тѣлесныхъ упражненій для атлетовъ, приготовлявшихся къ играмъ. Этѣ зданія служили только для игръ и приготовленія къ нимъ, но ихъ главный характеръ, несмотря на то, былъ религіозный, и потому они могли занимать часть священнаго пространства. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ архитектурный видъ многимъ отличался отъ вида храма; они были проще, бѣднѣе колоннами, на гимнасіи была вѣроятно гладкая крыша, но тѣмъ не менѣе на нихъ были перенесены нѣкоторыя храмовыя формы, и они отличались отъ совершенно свѣтскихъ зданій и частныхъ жилищъ многими чертами, указывавшими на ихъ, отчасти богослужебное, значеніе.

Digitized by Google

Такъ мы знаемъ, что самое мѣсто состязанія трубачей и глашатаевъ въ олимпійской стадіи имѣло видъ жертвенника. Кромѣ того, какъ въ стадіи, такъ и въ гипподромѣ, было еще нѣсколько настоящихъ жертвенниковъ и богослужебныхъ идоловъ. При самомъ входѣ въ стадію были сооружены два жертвенника, одинъ Гермесу состязаній, Ἑ. ἐναγώνιος, другой случаю, καιρός, и сверхъ того тамъ находилась гробница Эндиміона и мѣдная статуя Зевса клятвъ, стоявшаго на мѣдномъ постаментѣ, имѣвшаго 6 локтей въ вышину и державшаго въ обѣихъ рукахъ молніи для каранія клятвопреступныхъ атлетовъ и гелланодиковъ. Въ гипподромѣ, мѣстѣ конскихъ ристалищъ, были жертвенники Зевса, вождя судебъ, μοιραγέτης, самихъ судебъ, Гермеса, и два жертвенника высочайшаго Зевса. Этѣ жертвенники были у входа, въ срединѣ же гипподрома были посвящены жертвенники конскому Посидону (Π. ἵππιος), конской Герѣ (Ἡ. ἵππια), конскому Аресу (Ἄ. ἵππιος) и конской Аѳинѣ (Ἀ. ἵππια); кромѣ того тамъ находились статуя и жертвенникъ Діоскуровъ, жертвенники добраго счастія (ἀγαθὴ τύχη), Пана, Афродиты и Нимфъ Алкменъ. Въ срединѣ мѣста для спуска лошадей, строился передъ каждыми играми жертвенникъ, сложенный изъ необожженныхъ кирпичей и выбѣленный известью; на немъ стоялъ мѣдный орелъ съ совершенно распущенными крыльями. Этотъ орелъ, при началѣ скачки, былъ поднимаемъ посредствомъ особенной механики вверхъ, между тѣмъ какъ находившійся впереди дельфинъ опускался внизъ. У первой цѣли стояла мѣдная статуя Гипподаміи, готовой увѣнчать Пелопса находящеюся у нея въ рукахъ повязкой (ταινία), а у второй цѣли такъ называемый ταραξίππος или круглый жертвенникъ, на которомъ приносили жертвы, чтобы лошади во время скачки не испугались чего нибудь.

Четвертымъ полусвѣтскимъ и полубогослужебнымъ

Digitized by Google

зданіемъ послѣ стадіи, гипподрома и гимнасіи, былъ пританей или домъ для элейскихъ начальниковъ, надзиравшихъ за играми. Передъ его дверями былъ жертвенникъ Артемиды Агротеры, а внутри большой жертвенный очагъ изъ пепла съ неугасающимъ огнемъ, и еще жертвенникъ Пана. При пританеѣ находилась также элейская столовая, гдѣ угощались побѣдители, *ἑστιατόριον*.

Наконецъ пятымъ зданіемъ этого рода былъ олимпійскій думный домъ, *βουλευτήριον*, украшенный многими изображеніями Зевса, изъ которыхъ упоминаются пять, а именно: Зевсъ клятвъ съ молніями въ обѣихъ рукахъ (Z. *ὅρκιος*), Зевсъ, увѣнчанный цвѣтами, приношеніе Метапонтинцевъ, Зевсъ, воздвигнутый сражавшимися при Платеяхъ, и еще два Зевса; и шестымъ и седьмымъ, послѣдними зданіями этого рода, — театръ, лежавшій недалеко отъ думнаго дома, и расписанная *стоя*, *ποικίληστόα*, которой стѣны были украшены картинами и семь разъ повторяли сказанное слово (отсюда и другое имя: стоя *ἑπτάφωνος*).

По множеству жертвенниковъ, упоминаемыхъ въ этѣхъ полусвѣтскихъ зданіяхъ, можно заключить о томъ, какъ была наполнена предметами богослужебнаго характера та часть священной рощи, которая собственно была назначена для священнодѣйствій. Тамъ было такое несчетное богатство разныхъ памятниковъ, что, читая Павзаніево описаніе, трудно составить себѣ представленіе о видѣ, который должно было имѣть очень необширное пространство, всѣ ихъ вмѣщавшее.

Между деревьями рощи упоминаются дикія оливы, и особенно платаны (именно въ средней части рощи); изъ числа первыхъ одна дикая олива была отдѣлена отъ прочихъ и называлась прекрасновѣночной, *ἐλαία καλλιστέφανος*, потому что изъ ея вѣтвей свивались вѣнки для побѣдителей. Она была обнесена оградой, и мѣсто,

Digitized by Google

гдѣ она находилась, называлось πανθεῖον (см. Ратгебера Olympia not. 94), вѣроятно для означенія того всегелленскаго и всебожнаго характера олимпійскаго поклоненія, о которомъ уже говорено выше.

Все пространство священной рощи, не занятое храмами, было наполнено внизу деревьевъ жертвенниками и статуями. Послѣднія воздвигались всѣми побѣдителями, и о ихъ числѣ можно судить изъ того, что въ каждую Олимпіаду было по 17 побѣдителей. Это были статуи человѣческія и не должны были превышать человѣческаго роста для отличія отъ находившихся по мѣстамъ между ними статуй боговъ и героевъ, также очень многочисленныхъ. Павзаній упоминаетъ о 23 статуяхъ одного Зевса, несчитая 16 упомянутыхъ выше (такъ называемыхъ Ζάνες), о колоссѣ Геркулеса (10 футовъ въ вышину) съ дубиною въ правой рукѣ и лукомъ въ лѣвой, воздвигнутомъ жителями Ѳазоса, о 6 меньшихъ статуяхъ того же героя, о статуѣ Аѳины, поставленной Элейцами, о статуяхъ Гермеса въ шлемѣ, хитонѣ и хламидѣ, приношеніи Фенеатовъ, Гермеса съ жезломъ глашатаевъ, присланнаго изъ Регіона, безкрылой побѣды, посвященной Мантинейцами, и окриленной побѣды, поставленной Мессенійцами на верху колонны. Кромѣ того были тамъ большія группы, воздвигнутыя въ разное время. Такъ напр. Мессенійцы, посылавшіе въ Регіонъ ежегодно хоръ 35 малькиковъ съ корифеемъ и флейтщикомъ, когда однажды весь такой хоръ погибъ на морѣ, поставили въ Олимпіи мѣдныя изваянія всѣхъ потонувшихъ, съ присоединеніемъ надписи. Наконецъ между группами и статуями стояли по мѣстамъ столбы, свидѣтельствовавшіе своей надписью о какомъ нибудь достопамятномъ событіи.

Жертвенники были посвящены всѣмъ богамъ, начиная съ жертвенника всѣхъ боговъ и шести жертвенниковъ 12 боговъ до жертвенника самаго поздняго и младшаго

Digitized by Google

изъ греческихъ боговъ, Діониса, о которомъ впрочемъ Павзаній (V, 15, 3.) прямо замѣчаетъ, что онъ построенъ въ позднѣйшее время и частными лицами. Кромѣ жертвенниковъ, окружавшихъ храмы, было еще множество ихъ разбросано по всей рощѣ. Изъ нихъ показывали одинъ древній, на которомъ по преданію приносилъ жертвы Зевсу, по прозвищу Ἄρειος, Эномай каждый разъ, какъ онъ предпринималъ конское ристаніе за руку своей дочери Гипподаміи. Въ Павзаніево время (Paus. V, 14, 5.) нѣкоторые приписывали его не Зевсу арейскому, но Гефесту, изъ чего слѣдуетъ, что Зевсъ, которому покланялся Эномай былъ еще близокъ по характеру къ этому богу, низверженному имъ послѣ съ неба и представляющему элементъ пластическій (кующій) въ грубой и подверженной дѣйствію огня матеріи. (Вообще и Гефестъ и Аресъ близки къ подземнымъ богамъ и слѣдовательно къ Кроносу и Плутону). Кромѣ этого жертвенника Гефеста-Зевса изъ древняго же времени сохранился жертвенникъ земли (Γῆ), сдѣланный изъ пепла и находившійся въ мѣстѣ, носившемъ имя γαῖον и заключавшемъ въ себѣ прежде оракулъ земли; равно къ тому же почти періоду слѣдуетъ отнести жертвенникъ титаниды Ѳемиды, лежавшій въ мѣстѣ, называвшемся στόμιον, и жертвенникъ Геркулеса-помощника и четырехъ его братьевъ, уже упомянутый выше. Позднѣе были основаны жертвенники Аполлона и Гермеса, сыновей Зевсовыхъ, изобрѣтшихъ киѳару и лиру, Аѳины, Артемиды, рѣки Алфея и великое множество другихъ. На нихъ всѣхъ Элейцы приносили по одному разу въ мѣсяцъ жертвы, при чемъ соблюдался особенный обрядъ. Они смѣшивали ѳиміамы съ пшеничной мукой и медомъ, клали сверху оливковыя вѣтки и сожигали все это, поливая виномъ. Только на жертвенникахъ Нимфъ, Деспойны и на жертвенникѣ всѣхъ боговъ они не употребляли вина. При жертвоприношеніи дѣйствовалъ жрецъ, называвшійся Θεόκολος, изби-

Digitized by Google

равшійся Элейцами на одинъ мѣсяцъ и жившій въ особенномъ зданіи, Ѳеоколеонѣ, и кромѣ него гадатель, возливатель, толкователь, флейтщикъ и надзиратель за дровами. Гимны, которые пѣлись въ Пританеѣ, были дорическіе.

Особые храмы и святилища были посвящены въ Олимпіи отчасти героямъ, которыхъ миѳы тамъ были мѣстные, отчасти богамъ.

Между героями первое мѣсто для Олимпіи занималъ Пелопсъ. Его святилище находилось въ сѣверной части олимпійской рощи, тотчасъ на сѣверъ отъ главнаго храма, и было обнесено оградой. Входъ въ него былъ не съ востока какъ въ храмы, но съ запада. Внутри были посажены деревья и поставлены статуи; тамъ приносились жертвы по особенному обряду, описанному у Павзанія, V, 15, 2. Все священное пространство называлось Пелопіономъ и было окружено разными приношеніями, жертвенникомъ Харитъ и Діониса, жертвенниками музъ и нимфъ и двумя изображеніями Зевса: во-первыхъ, съ Ганимедомъ, во-вторыхъ, въ видѣ мальчика, протягивающаго руку. Изъ приношеній замѣчательнѣе другихъ были группы коней и сражающихся, пожертвованныя Формисомъ изъ Сиракузъ.

Гипподамія, жена Пелопса, имѣла также свое святилище, состоявшее изъ обнесеннаго оградою пространства въ одинъ плеѳронъ величины (около половины осьминника 100×100 греч. фут.). Возлѣ него стояло огромное приношеніе Аполлоніи, колоніи коркирской, состоявшее изъ нѣсколькихъ изображеній боговъ, расположенныхъ на построенномъ изъ камня полукругломъ возвышеніи. Въ серединѣ стоялъ Зевсъ и у него справа Ѳетида, просящая за Ахилла, Одиссей, Менелай, Діомедъ и Аянтъ, сынъ Теламоновъ, слѣва Эо, просящая за Мемнона, Александръ, Эней, Деифобъ и, въ самыхъ концахъ роговъ, Ахиллъ и Мемнонъ. Нѣсколько на востокъ отсюда стояло уже упомянутое (стр. 319) изображеніе

Digitized by Google

Зевса въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ, съ орломъ въ одной рукѣ и молніей въ другой. Его пожертвовали Метапонтинцы.

Настоящіе храмы были воздвигнуты только богамъ, и именно Илиѳіи, Гестіи, Матери боговъ, Герѣ и Зевсу. Матерь боговъ и Гера получили такую почесть, благодаря ихъ отношенію къ Зевсу, котораго первая была матерью, вторая супругою; Илиѳія, богиня свѣта и родовъ, имѣла въ Олимпіи храмъ, вѣроятно, потому, что ее приводили въ связь съ происхожденіемъ поклоненія Зевсу въ Олимпіи; Гестія, старшая изъ сестеръ Зевсовыхъ (Гестія, Деметра, Гера), соотвѣтствующая между мужескими богами Плутону и Аду, твердая, неподвижная, неизмѣнная (отъ ἵστημι), и потому честимая неугасаемымъ огнемъ и служащая символомъ благосостоянія въ семействѣ и государствѣ, осталась, какъ вездѣ въ домахъ и городахъ Греціи, такъ и въ Олимпіи, хранительницею существующаго и была здѣсь тѣмъ болѣе прилична, что Олимпія сохранила не только поклоненіе Зевсу въ его древнѣйшемъ видѣ (какъ богу похожему на Гефеста, который въ свою очередь былъ близокъ къ Аду, древнему супругу Гестіи), но даже и поклоненіе Кронусу. Собственнымъ же центромъ олимпійскаго поклоненія было служеніе Зевсу. Какъ Пелопсъ между героями, такъ Зевсъ между богами занималъ тамъ первое мѣсто.

Мы уже говорили выше о его многочисленныхъ статуяхъ; жертвенниковъ его было также не мало, и онъ призывался на нихъ подъ разными наименованіями. Главнымъ жертвенникомъ былъ тотъ, который находился близъ Пелопіона, на сѣверной сторонѣ отъ главнаго храма. Его нижняя часть называлась πρόθυσις и имѣла 125 футовъ въ окружности. Съ каждой стороны на нее вели каменныя лѣстницы. На ней былъ воздвигнутъ изъ пепла собственный жертвенникъ 32 футовъ въ окружности. Все сооруженіе имѣло 22 фута въ вышину. Пепелъ, употребленный какъ матеріалъ, былъ взятъ изъ сожженныхъ частей

Digitized by Google

жертвенныхъ животныхъ. Кромѣ того, въ 19-й день мѣсяца Элафія, гадатели (*μάντεις*) приносили пепелъ съ жертвенника въ пританеѣ, гдѣ горѣлъ неугасаемый огонь Гестіи, и, смѣшавъ его съ водой рѣки Алфея, намазывали имъ жертвенникъ, отъ чего послѣдній все постепенно возвышался. Жертвенныя животныя были закалаемы на нижней площадкѣ, *πρόθυσις*, и туда былъ дозволенъ доступъ женщинамъ и дѣвицамъ. На верхнемъ же пепельномъ жертвенникѣ сожигались бедренныя кости на дровахъ бѣлаго тополя; тамъ былъ оракулъ Іамидовъ, предсказывавшихъ по пламени жертвоприношеній, *δι' ἐμπύρων*, и туда могли всходить только мужчины. Жертвы приносились на этомъ жертвенникѣ не только во время игръ, но каждый день круглый годъ, то Элеями, то другими Греками, отъ чего Пиндаръ называетъ его *βωμὸς πολυξενώτατος*.

Близъ главнаго лежалъ другой жертвенникъ, обнесенный кругомъ оградой и посвященный Зевсу, нисходящему на землю въ видѣ молніи (Z. *καταιβάτης*), и кромѣ того жертвенники Зевса очистительнаго и подземнаго (Z. *καθάρσιος* и Z. *χθόνιος*). На дорогѣ отъ главнаго жертвенника къ главному храму стоялъ жертвенникъ Зевса, бывшаго домашнимъ богомъ (Z. *ἑρκεῖος*) героя Эномая. Самый домъ героя, какъ повѣствовало преданіе, сгорѣлъ отъ удара молніи (въ память чего подлѣ того мѣста былъ жертвенникъ Зевса-перуна, *κεραύνιος*), и отъ него сохранялась, какъ священный остатокъ, только одна деревянная колонна; упомянутый же жертвенникъ Зевса былъ воздвигнутъ на мѣстѣ сгорѣвшаго дома, по преданію, самимъ Эномаемъ. Наконецъ Павзаніемъ упоминается еще жертвенникъ Зевса рыночнаго, *ἀγοραῖος*, находившійся близъ проэдріи. О жертвенникѣ Зевса-Гефеста говорено выше стр. 321.

Главный храмъ былъ окруженъ очень многими статуями, изъ которыхъ были замѣчательны 12-футовой колоссъ Зевса, воздвигнутый Лакедемонцами при

Digitized by Google

началѣ второй мессенской войны, статуи Геркулеса, Аѳины, безкрылой побѣды и большое приношеніе Ахеевъ (около 80-й Олимп.), изображавшее, какъ ахейскіе герои подъ Троей бросали жребій, кому изъ нихъ сражаться съ Гекторомъ. Упоминанія заслуживаетъ также приношеніе Смикиѳа (который будетъ упомянутъ еще и при описаніи внутренности храма), состоявшее въ статуяхъ Персефоны, Афродиты, Ганимеды и Артемиды и кромѣ того Гомера, Гезіода, Асклепія, Гигіеи, Агона, Діониса, Орфея и безбородаго Зевса.

Храмъ назывался *Ὀλυμπιεῖον*, по прозванію олимпійскаго Зевса, и былъ построенъ въ дорическомъ чинѣ. По Павзанію, въ немъ было въ вышину до верха крыши 68 футовъ, въ ширину 95 и въ длину 230. Поэтому онъ размѣрами близко подходилъ къ Парѳенону; но, какъ оказывается по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, отличался отъ него тѣмъ, что имѣлъ въ фасадѣ не восемь, а только шесть колоннъ, которыя потому необходимо были гораздо толще (по найденному обломку одной ложки можно заключить, что онѣ имѣли въ діаметрѣ по сажени) и выше парѳенонскихъ. Это давало храму видъ громадности, соотвѣтствующій понятію великаго бога, которому онъ былъ воздвигнутъ. Матеріаломъ для него служилъ не мраморъ, а поросскій камень, но колонны были окружены коркою бѣлаго гипса, имѣвшею $\frac{1}{10}$ дюйма въ толщину. Крыша была сдѣлана изъ пентелическаго мрамора, обдѣланнаго въ формѣ крышечныхъ кирпичей.

Зодчимъ, строившимъ храмъ, былъ Либонъ, художникъ туземный; многочисленныя изваянія, украшавшія его снаружи и внутри, были исполнены разными художниками, по бо́льшей части не туземными, а аѳинскими. На самомъ верху фронтона стояла вызолоченная статуя побѣды, богини очень приличной на храмѣ Зевса, великаго побѣдителя Кроноса и Титановъ и дарователя побѣдъ въ олимпійскихъ состязаніяхъ. Ниже ея

Digitized by Google

былъ укрѣпленъ золотой щитъ съ изображеніемъ Медузы Горгоны, которое служило какъ *ἀποτρόπαιον*, для отвращенія дурныхъ мыслей, словъ и покушеній. На щитѣ была надпись, показывавшая время и причину его пожертвованія:

Ναος μὲν φιάλαν χρυσέαν ἔχει. ἐκ δὲ Τάναγρας
τᾶς Λακεδαιμονίοις συμμαχίδος γε τεθὲν
δῶρον ἀπ' Ἀργείων καὶ Ἀθαναίων καὶ Ἰώνων,
τὰν δεκάταν νίκας εἵνεκα τῶ πολέμω.

На нижнихъ углахъ двускатной крыши было поставлено по вызолоченной вазѣ, *λέβης ἐπίχρυσος*, указывавшей на награды, предстоящія побѣдителямъ и принадлежащія Зевсу. Фронтоны были украшены скульптурными группами. Въ группѣ передняго фронтона Пеоній, художникъ, происходившій изъ Менды, города ѳракійскаго, бывшаго въ то время подвластнымъ Аѳинамъ, изобразилъ приготовленіе къ состязанію Пелопса съ Эномаемъ. Въ срединѣ группы подъ самымъ конькомъ крыши находился Зевсъ и по его сторонамъ, справа Эномай (въ шлемѣ) съ его супругой, и слѣва Пелопсъ и Гипподамія; по бокамъ происходили приготовленія къ ихъ состязанію, стояли колесницы (по одной на каждой сторонѣ), кони (по четыре), служители (по три на каждой сторонѣ), и въ самыхъ углахъ лежали анѳропоморфическія изображенія рѣкъ Алфея и Кладія, перваго — на сторонѣ Пелопсовой, втораго — на сторонѣ Эномаевой. Такимъ образомъ эта группа наполняла весь треугольникъ фронтона и имѣла такое же правильное строеніе, какъ и группы, извѣстныя намъ, эгинскаго и парѳенонскаго храмовъ. Сюжетомъ же своимъ она была совершенно прилична олимпійскому храму Зевса, не только по мѣстному значенію миѳа о борьбѣ Пелопса съ Эномаемъ въ Олимпіи, но, можетъ быть, и по отношенію этой борьбы къ исторіи олимпійскаго поклоненія Зевсу. Мы видѣли выше, что Эномай покланялся Зевсу въ та-

Digitized by Google

комъ его видѣ, въ которомъ онъ былъ близокъ къ Гефесту, жена же его Стеропа или Астеропа какъ именемъ своимъ, такъ и происхожденіемъ (она одна изъ Плеядъ и дочь Атланта) указываетъ на поклоненіе звѣздамъ и на религіи астральныя или сабическія. Побѣда, одержанная надъ Эномаемъ и Стеропой Пелопсомъ, можетъ быть, соотвѣтствуетъ нѣкоторому измѣненію въ исторіи поклоненія Зевсу; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Гипподаміи приписывается учрежденіе въ Олимпіи праздника въ честь супруги Зевса Геры, — такъ называемыхъ Гереевъ, на которыхъ элидскія дѣвы состязались въ бѣгѣ, какъ мужчины въ Олимпіяхъ. Ежели можно дѣлать предположенія на основаніи этѣхъ фактовъ, то въ побѣдѣ Пелопса будетъ означено миѳомъ то время, въ которое агонистика стала существенною частью богослуженія въ олимпійскомъ поклоненіи Зевсу и Герѣ, и ежели принять это предположеніе, то избраніе борьбы Пелопса съ Эномаемъ сюжетомъ для группы передняго фронтона олимпійскаго храма было вдвойнѣ прилично. Съ указаніемъ на мѣстность олимпійскую въ немъ соединялось указаніе на агонистическій характеръ олимпійскаго поклоненія Зевсу.—Группа задняго, западнаго фронтона была исполнена Алкаменомъ, современникомъ и товарищемъ Фидія, считавшимся послѣ него вторымъ мастеромъ, по свидѣтельству Павзанія; она изображала борьбу Лапиѳовъ съ Кентаврами, вздумавшими на сватьбѣ Пириѳоя похитить у Лапиѳовъ ихъ женъ. Въ серединѣ художникъ помѣстилъ Лапиѳа Пириѳоя и у него съ одной стороны Кентавра Эвритіона, похищающаго его жену, и Лапиѳа Кенея, старающагося помочь Пириѳою, а съ другой стороны Ѳезея, поражающаго Кентавровъ сѣкирой, и двухъ Кентавровъ, изъ которыхъ одинъ похищаетъ дѣвушку, другой — цвѣтущаго мальчика. Какими изображеніями группа оканчивалась въ углахъ фронтона, неизвѣстно. Причину выбора этого

Digitized by Google

сюжета труднѣе указать здѣсь, нежели въ группѣ восточной; нѣкоторые ученые приписываютъ выборъ аѳинскому патріотизму художника, желавшаго прославить своего городскаго героя Ѳезея и повторить изображеніе, часто употреблявшееся на аѳинскихъ памятникахъ. Но ежели этѣмъ объясняется мѣсто, данное въ группѣ Ѳезею, то выборъ сюжета въ его цѣлости можетъ быть, кажется, оправданъ и объясненъ основательнѣе и выгоднѣе для художника. Уже Павзаній замѣтилъ, что Пириѳой былъ *сынъ Зевса*, и что Ѳезей въ четвертомъ колѣнѣ происходилъ отъ Пелопса. Ежели, имѣя въ виду это указаніе, мы вспомнимъ то, что̀ было выше нами сказано о значеніи Кентавровъ въ исторіи поклоненія Зевеу (стр. 59.), ежели мы вспомнимъ, что главные греческіе герои, Геркулесъ и Ѳезей, сражаются съ ними, то борьба Лапиѳовъ съ ними будетъ не менѣе прилична между украшеніями олимпійскаго храма, чѣмъ борьба Пелопса съ Эномаемъ, и будетъ вмѣстѣ съ нею служить къ прославленію поклоненія Зевеу въ его послѣднемъ, совершенномъ видѣ. Таковы группы обоихъ фронтоновъ, передняго и задняго. Объ украшеніяхъ наружныхъ метоповъ Павзаній не говоритъ ничего. На эпистилѣ (архитравѣ) повѣсилъ въ позднѣйшее время извѣстный римскій полководецъ Муммій двадцать одинъ вызолоченный щитъ, какъ благодарность Зевсу за разрушеніе Коринѳа.

Олимпійскій храмъ былъ перистильный; т. е. его окружали со всѣхъ сторонъ колонны, открывавшія взору часть пространства, находящагося подъ священною крышею, что̀ опять согласно съ характеромъ поклоненія. Съ передней и задней его стороны за наружными колоннами было еще по одному ряду колоннъ, которыя отдѣляли его внутренность, т. е. его *πρόναος*, *ναός* и *ὀπισθοδόμος* отъ передняго и задняго портиковъ. Этѣ колонны втораго ряда находились между антами (*παραστάδες*) стѣнъ, отдѣлявшихъ внутренность храма отъ

Digitized by Google

боковыхъ портиковъ. Между этѣми колоннами, которыхъ могло быть только по двѣ между двумя антами каждой стороны, были устроены внизу двери (слѣдовательно по три), въ надстолпіи же надъ тремя дверями было по семи триглифовъ и по шести метоповъ. Этѣ внутренніе метопы, согласно позднѣйшему обычаю зодчества дорическаго, были украшены рельефами; сюжеты были взяты изъ миѳологіи Геркулеса, героя, о которомъ уже было сказано, что онъ особенно связанъ съ агонистическимъ поклоненіемъ Зевсу. На метопахъ, обращенныхъ къ сторонѣ входа (на востокъ), были изображены подвиги Геркулеса, имѣющіе нѣкоторое отношеніе къ олимпійской мѣстности, именно охота за эриманѳскимъ вепремъ въ близкой къ Элидѣ Аркадіи, борьба съ Діомедомъ за коней, животное, такъ важное въ олимпійскомъ агонѣ, борьба съ Геріономъ, котораго прахъ, по преданію, хранился въ Олимпіи (Philostr. Her. 1, 3), и наконецъ то, какъ Геркулесъ хотѣлъ взять на себя бремя Атланта, (связаннаго съ Олимпіей по своей дочери Стеропѣ, матери Гипподаміи), и какъ очистилъ элейскую землю отъ навоза. Шестой подвигъ и сюжетъ шестаго рельефа не упоминаются Павзаніемъ, но Ратгеберъ (p. 226) съ большою вѣроятностью предполагаетъ, что имъ опущенъ именно тотъ рельефъ, который, по случаю, сохранился въ развалинахъ олимпійскаго храма и теперь перевезенъ французской экспедиціей 1831-го года въ Парижъ. Онъ изображаетъ, по всему вѣроятію, принесеніе въ Олимпію дикой оливы при помощи богини Аѳины,—подвигъ, очень важный именно для Олимпіи, гдѣ изъ этого дерева плелся вѣнокъ побѣдителю.—Надъ дверьми задняго храма въ метопахъ были изображены: снятіе пояса съ Амазонки, ловля лани, побѣда надъ кносскимъ быкомъ или правильнѣе зубремъ (bos urus), надъ стимфальскими птицами, надъ гидрой и надъ немейскимъ львомъ. — За входомъ черезъ середнюю бронзовую дверь передней стороны въ предхраміе, *πρό-*

Digitized by Google

ναος, стояла на право у колонны статуя Ифита, вѣнчаемая женской фигурой священнаго мира, ἐκεχειρία. Подлѣ нея находилось приношеніе Смикиѳа, бывшаго раба и опекуна дѣтей регійскаго тиранна Анаксилая; оно состояло изъ статуй Посидона, Амфитриты и Гестіи, изваянныхъ Аргивяниномъ Главкомъ около 76-й Олимпіады. Изъ предхрамія, πρόναος, вела дверь въ собственный храмъ, ναός, внутри котораго стоялъ тронъ, пожертвованный тирсенскимъ царемъ Аримномъ, что̀ указываетъ на сношенія Олимпіи даже съ Этрурiей, и другія приношенія. Середняя часть храма не имѣла крыши и образовала то, что̀ называлось у древнихъ ὕπαιθρον. Здѣсь внутри, края крыши поддерживались двумя рядами небольшихъ колоннъ, стоявшими одинъ надъ другимъ; за верхнимъ рядомъ была устроена галлерея. Подъ этѣмъ-то отверстіемъ, пропускавшимъ въ большомъ обиліи солнечный свѣтъ, находилось собственно священное пространство, ἄβατον, гдѣ помѣщался Фидіевъ колоссальный Зевсъ и передъ нимъ жертвенники Гестіи и олимпійскаго Зевса. Отъ передней части храма это пространство отдѣлялось завѣсой, которая въ послѣдствіи была выткана на ассирійскій манеръ и окрашена финикійскимъ пурпуромъ (ее пожертвовалъ Антіохъ). Близъ нея внизу стоялъ мѣдный сосудъ съ крышей, для означенія мѣста, куда, по преданію, Зевсъ бросилъ громовую стрѣлу, чтобы дать знать Фидію о своемъ удовольствіи за его трудъ.

Наконецъ за собственнымъ храмомъ, ναός, находился т. н. ὀπισθοδόμος, соотвѣтствовавшій предхрамію. Онъ былъ также наполненъ приношеніями, о которыхъ впрочемъ Павзаній не упоминаетъ, и служилъ иногда для музическихъ состязаній и чтеній. См. Böttiger. l. l. p. 70, 72.

Колоссальный идолъ работы Фидія былъ сдѣланъ изъ золота и слоновой кости вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными матеріалами и изображалъ Зевса сидящимъ на тронѣ. Онъ былъ сооруженъ изъ военной добычи, взятой

Digitized by Google

Элейцами въ войнѣ съ Пизою и употребленной сполна на олимпійскій храмъ Зевса. Работа идола была поручена Фидію именно съ тѣмъ, чтобы онъ при его исполненіи не затруднялся никакими издержками.

Можетъ быть, ниодно художественное произведеніе на землѣ не явилось публикѣ въ такомъ блескѣ, какъ Фидіевъ идолъ Зевса. Безпримѣрный энтузіазмъ къ образовательнымъ художествамъ, овладѣвшій въ то время всѣмъ греческимъ народомъ, далъ Фидію для достойнаго исполненія его великой думы такія средства, которыхъ не имѣлъ ниодинъ художникъ ни прежде ни послѣ него, а тѣсная связь его художественнаго дѣла съ религіей сообщила его созданію въ глазахъ греческаго народа, покланявшагося идолу, характеръ божественный, не въ переносномъ, а въ собственномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ и художники признали его произведеніе такъ совершеннымъ, что образъ, данный имъ Зевсу, сталъ типическимъ для этого бога. Въ характерѣ идола Фидій достигъ необыкновеннаго величія и простоты. Пропорціи были колоссальны; въ самомъ сидящемъ идолѣ можно предполагать до 40 футовъ, въ базѣ или постаментѣ около 12. (Павзаній не сообщаетъ намъ мѣры: онъ считалъ неприличнымъ мѣрить бога). Главное впечатлѣніе было такъ расчитано, чтобы статуя поражала величіемъ и простотою, и для того необыкновенная возвышенность мысли была въ ней соединена съ ясностью композиціи, которая тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что всѣ принадлежности и околичности (аттрибуты и акцессоріи) были изукрашены съ неслыханнымъ обиліемъ изображеній и богатствомъ матеріала. Онѣ составляли такимъ образомъ противоположность грандіозной простотѣ главнаго образа и чрезъ то ее еще болѣе возвышали; но онѣ нисколько не могли ее затмить, ибо занимали очень скромное пространство и находились въ ея услуженіи, составляя для нея, такъ сказать, только великолѣпно-пышную рамку.

Digitized by Google

Тронъ, на которомъ Зевсъ сидѣлъ, стоялъ на высокомъ постаментѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ оградой, имѣвшей видъ стѣны. Спереди она была выкрашена голубой краской, съ остальныхъ же сторонъ ее украшали картины Панена, брата Фидіева. Тутъ опять представлялся глазамъ Атлантъ, подпирающій сводъ небесный, и Геркулесъ, готовый снять съ него это бремя, далѣе Ѳезей и Пирифой, Геллада и Саламинъ съ кормовымъ украшеніемъ корабля въ рукахъ, борьба Геркулеса съ немейскимъ львомъ, покушеніе Аянта противъ Кассандры, Гипподамія, дочь Эномая, съ матерью Стеропой, освобожденіе Промеѳея Геркулесомъ, умирающая Пенѳезилея и Ахиллъ, ее поддерживающій, и наконецъ двѣ Гесперидыъ яблоками, ввѣренными ихъ охраненію. Порядокъ, въ которомъ Павзаній исчисляетъ этѣ картины, какъ кажется, очень спутанъ; надобно предполагать, что ихъ послѣдовательность была основана на какой-нибудь мысли. Что же касается до выбора сюжетовъ, то теперь нѣтъ почти никакой возможности съ вѣроятностью указать на мысли, руководившія художникомъ; можно только замѣтить, что повтореніе въ живописи сюжетовъ, уже разъ изображенныхъ на храмѣ ваяніемъ, не было неумѣстно и напротивъ могло быть пріятно зрителю, какъ средство сравнить обработку одного и того же сюжета двумя художниками въ двухъ разныхъ искусствахъ.

За оградой, украшенной Паненовыми картинами, находилось углубленіе, шедшее вокругъ всей статуи и служившее для собиранія масла, необходимаго для сохраненія слоновой кости въ Олимпіи по тамошней сырости. Это углубленіе было обложено внутри чернымъ мраморомъ. За нимъ поднимался высокій постаментъ Зевсова трона, украшенный золотыми рельефами, которые должны были производить еще болѣе эффекта рядомъ съ чернымъ цвѣтомъ мрамора въ упомянутомъ углубленіи и эбеноваго дерева на тронѣ. Въ золотыхъ рельефахъ поста-

Digitized by Google

мента было изображено какъ бы движеніе всего міра. Съ одной стороны выѣзжалъ Геліосъ (солнце) на своихъ коняхъ, запряженныхъ въ колесницу, передъ нимъ находились Зевсъ и Гера, съ Харитой возлѣ Зевса, какъ принадлежностью его мирнаго, нѣжнаго явленія въ Олимпіи, далѣе Гермесъ и Гестія, пара божествъ, часто являющихся вмѣстѣ, за ними Эротъ, выводящій Афродиту изъ моря, и *Πείθω*, увѣнчивающая ее, наконецъ Аполлонъ съ Артемидой, и Аѳина съ Геркулесомъ. Рядъ заключался Амфитритой съ Посидономъ, и Селеной, луной, ѣхавшей, какъ казалось Павзанію, на конѣ, по мнѣнію же другихъ, на лошакѣ. Луна заключала рядъ божествъ, который открывало солнце, и который составленъ весьма прилично мѣсту, гдѣ былъ изображенъ. Въ немъ находились только боги Олимпа; въ немъ не было ни подземныхъ боговъ, какъ Плутонъ, ни мистическихъ, какъ Діонисъ и Деметра съ Персефоной. Такіе боги однимъ своимъ присутствіемъ нарушили бы веселый и свѣтскій характеръ окруженія Зевсова и дали бы созерцающему указаніе на то, что̀ было прежде Зевса или будетъ послѣ него, тогда какъ на постаментѣ олимпійскаго Зевса единственно умѣстно прославленіе его настоящаго господства и силы.

Надъ этѣмъ постаментомъ, украшеннымъ золотыми рельефами съ изображеніемъ всего міра, непрекословно покоряющагося Зевсу, былъ устроенъ тронъ самаго бога. По свидѣтельству Павзанія, тронъ былъ очень разнообразенъ, на немъ были видны то черное эбеновое дерево, то бѣлая слоновая кость, то золото и драгоцѣнные камни, то наконецъ изображенія животныхъ, на немъ нарисованныя. Онъ покоился на четырехъ ножкахъ, четвероугольныхъ, какъ обыкновенно, и связанныхъ перекладинами, и сверхъ того на пяти бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ, вѣроятно коринѳскаго чина, помѣщенныхъ между четырьмя ножками (одна изъ нихъ, какъ кажется, сохранилась). Около каждой ножки трона были изображены, какъ украшеніе ножки, въ верхней ея

Digitized by Google

части, по четыре пляшущихъ побѣды, и въ нижней по двѣ сидящихъ. Изъ четырехъ перекладинъ (κανόνες) на передней было первоначально восемь изображеній, изъ которыхъ во время Павзанія одно было утрачено и оставалось семь. Они представляли разные виды олимпійскихъ игръ и между прочимъ состязаніе мальчиковъ, при чемъ Фидій помѣстилъ портретъ своего любимца Пантарка, одержавшаго побѣду въ 86 Ол. въ борьбѣ мальчиковъ. На прочихъ перекладинахъ были представлены сцены изъ борьбы Геркулеса съ Амазонками, при чемъ Геркулесу помогали разные герои, между прочимъ Ѳезей. Всѣхъ изображеній на перекладинахъ было двадцать девять. На боковыхъ балкахъ трона Аполлонъ и Артемида поражали семейство Ніобы, а ручки трона покоились на сфинксахъ, похищающихъ ѳивскихъ юношей. Наконецъ на верхней балкѣ спинки трона стояли статуэтки съ одной стороны трехъ Харитъ, съ другой трехъ Горъ, онѣ возвышались надъ головой бога и заключали все произведеніе той же торжественной мыслью, которая помѣстила пляшущія побѣды около ножекъ трона. Хариты, представительницы любезнаго и привлекательнаго преимущественно въ нравственномъ мірѣ, и Горы или поры, держащія въ порядкѣ, законности и мирѣ преимущественно міръ физическій, превосходно характеризуютъ плодъ борьбы, совершенной именемъ Зевса, какъ съ представителями враждебнаго богопоклоненія (Амазонки), такъ и съ существами зооморфическими, похищающими и терзающими людей своими двусмысленными вопросами (сфинксы), и съ людьми, величающимися своей надменностью и хотящими быть выше боговъ (Ніоба). Побѣды, пляшущія и сидящія внизу, заранѣе предвозвѣщаютъ счастливое окончаніе борьбы, вполнѣ изображенное въ Харитахъ и Горахъ, находящихся на самой верхней части трона за головою самаго бога.

При изображеніи облика Зевсова Фидій имѣлъ въ

Digitized by Google

виду тѣ слова Гомера, которыя находятся въ Иліадѣ I, 528 — 530. Въ нихъ описывается, какъ Зевсъ соглашается на просьбу Ѳетиды объ отмщеніи обиды, нанесенной Агамемнономъ ея сыну Ахиллу. Въ знакъ согласія онъ киваетъ своими бровями; вслѣдствіе того нетлѣнные длинные волосы приходятъ въ движеніе на безсмертной головѣ царя міра, и великій Олимпъ потрясается:

Ἦ, καὶ κυανέῃσιν ἐπ' ὀφρύσι νεῦσε Κρονίων·
ἀμβρόσιαι δ' ἄρα χαῖται ἐπερρώσαντο ἄνακτος
κρατὸς ἀπ' ἀθανάτοιο· μέγαν δ' ἐλέλιξεν Ὄλυμπον.

Какъ въ этѣхъ словахъ Гомера, такъ и въ статуѣ Фидія, Зевсъ являлся богомъ страшно-могущественнымъ, но вмѣстѣ милостиво-внемлющимъ просьбамъ боговъ и людей. Его могущество было изображено со стороны благосклонности и благоволенія. Онъ сидѣлъ на своемъ великолѣпномъ и многозначительномъ тронѣ, нѣсколько наклонясь напередъ, облеченный въ одно верхнее одѣяніе, не имѣя хитона, какъ и вообще принято въ его изображеніяхъ. Большая часть его туловища была открыта и красовалась своими сильными, и стройно-согласными членами въ ихъ молочно-бѣлой оболочкѣ изъ слоновой кости, особенными пріемами для того приготовленной. Остальная часть туловища и всѣ ноги были закрыты верхнимъ одѣяніемъ (*ἱμάτιον*), которое было работано изъ золота и по мѣстамъ украшено изображеніями животныхъ и цвѣтовъ, особенно лилій. Лѣвая нога была протянута впередъ и покоилась на скамейкѣ, *θρανίον*, украшенной лежащими львами и рельефнымъ изображеніемъ битвы Ѳезея съ Амазонками; на ней находилось также имя Фидія въ слѣдующемъ стихѣ:

Φειδίας Χαρμίδου υἱὸς Ἀθηναῖός μ' ἐποίησε.

Правая нога была отнесена назадъ и стояла только на пальцахъ. Обувь была также золотая, и состояла, вѣроятно, изъ подвязныхъ подошвъ, какъ всегда. Какъ побѣдитель Кроноса, Титановъ и Гигантовъ, какъ дарова-

Digitized by Google

тель побѣды всему надлежащему, Зевсъ самъ былъ украшенъ вѣнкомъ, который былъ сдѣланъ на подобіе листьевъ оливы, и на правой рукѣ держалъ статую побѣды, тогда какъ въ лѣвой находился міроправительный жезлъ. Побѣда, Νίκη, была сдѣлана также изъ золота и слоновой кости; она была сама въ вѣнкѣ и держала въ рукахъ повязку, ταινία, по которой обыкновенно накладывался вѣнокъ, и которая поэтому также служитъ символомъ побѣды. Ежели судить по монетамъ сирійскихъ царей, изображающимъ антіохійскую копію Фидіева Зевса и по элейской монетѣ времени Адріана, служащей виньетой этой главѣ, то статуя побѣды была обращена лицемъ къ самому богу. Это очень прилично по самому понятію побѣды, служительницы Зевса, и было очень важно для цѣлости и замкнутости произведенія. Скипетръ, находившійся въ лѣвой рукѣ Зевса, былъ сдѣланъ изъ разныхъ металловъ и оканчивался на верху іонической капителью, на которой сидѣлъ орелъ. Это можно заключить по одной прекрасной элидской серебряной монетѣ, изображающей спереди голову олимпійскаго Зевса съ надписью: ΦΑΛΕΙΟΝ, сзади орла на іонической капители.

Такимъ образомъ изо всѣхъ символовъ и аттрибутовъ Зевса на олимпійскомъ идолѣ остался одинъ орелъ, указывающій на бога — властителя неба. Всѣ воспоминанія о прежнемъ додонскомъ деревѣ или о критскомъ быкѣ совершенно исчезли: Зевсъ сталъ чисто анеропоморфическимъ богомъ, главнымъ владыкою міра, главою олимпійскихъ боговъ. Поэтому онъ сидитъ на престолѣ и подножіи, украшенныхъ изображеніями, которыя указываютъ на движеніе и исторію міра; поэтому у него въ рукахъ жезлъ, которымъ онъ царствуетъ, и побѣда, которая означаетъ его удавшуюся и удающуюся дѣятельность, и которою онъ какъ бы любуется. Но главнымъ указателемъ его величія и могущества сталъ его соб-

Digitized by Google

ственный образъ, въ созданіи котораго искусство дошло до верха своей славы. Стороннія указанія были нужны, пока собственный образъ Зевса еще не ясно представлялся человѣческому сознанію. Тогда человѣкъ переходилъ отъ одного предмета къ другому, отъ царства растительнаго къ царству животному, чтобы найти приличнѣйшее указаніе на существо бога, пользующагося поклоненіемъ. И даже послѣ того, какъ въ этомъ стремленіи человѣкъ остановился на самомъ себѣ и на собственномъ своемъ образѣ, какъ на предметахъ видимаго міра, наиболѣе изображающихъ божество, безсиліе создать что-нибудь высшее, нежели обыкновенный вседневный ликъ человѣка, заставляло окружать изображеніе бога аттрибутами и символами, получившими на пути исторіи значеніе и общепонятность для всего народа. Аттрибутъ и символъ помогали чувствовавшемуся недостатку въ идеальности образа. Поэтому, по мѣрѣ успѣховъ, дѣлаемыхъ художествомъ въ усовершеніи самаго образа, они теряли свое прежнее значеніе. Развитіе художества имѣло своей цѣлію устраненіе аттрибута и символа, говорящихъ намеками, и созданіе идеальнаго образа, проявляющаго существо бога всею своею наружностью. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этой цѣли стремились многіе художники эпохи развитія искусства въ Греціи, но достиженіе ея вполнѣ есть дѣло Фидія, завершившаго предшествовавшее развитіе и начавшаго эпоху процвѣтанія въ исторіи греческаго художества. Въ Фидіи искусство совершило окончательно свое дѣло уясненія существа Зевсова, за которое оно взялось еще въ Критѣ: Фидій показалъ греческому народу Зевса въ формѣ, соотвѣтствующей образовавшемуся о немъ понятію; чрезъ то онъ уяснилъ и пополнилъ это самое понятіе, и такимъ образомъ совершилъ въ исторіи поклоненія Зевсу тотъ послѣдній шагъ, за которымъ была возможна только разлагающая философская дѣятельность. »Въ трудѣ

Digitized by Google

Фидія,« говоритъ Діонъ Хрисостомъ Or. 12, »дѣло шло не о чемъ либо малозначительномъ. Прежде, когда мы ничего не знали опредѣленно, мы составляли себѣ одинъ такое, другой другое представленіе о божествѣ. Всѣ они изгнаны силою Фидіева искусства. Создавъ такое божественное и блистательное произведеніе, онъ сначала Греціи, а потомъ и обитателей прочихъ земель нѣкоторымъ образомъ соединилъ или привелъ къ одинакимъ воззрѣніямъ, такъ что никто изъ видѣвшихъ его произведеніе не можетъ составить себѣ о богѣ другаго понятія.« Филонъ Византійскій восклицаетъ по поводу описанія идола въ своей книжкѣ о 7 чудесахъ: »о счастливое время Геллады, обладавшее богатствомъ и могшее употребить его для почести и украшенія боговъ, какъ никакое время послѣ тебя; имѣвшее сверхъ того художника, способнаго показать въ своемъ произведеніи божественное, какого художника не производило никакое время позднѣйшее; и могшее доставить людямъ созерцаніе боговъ, котораго, ежели не отъ тебя, едва ли можно достигнуть!« По этому мѣсту можно составить себѣ понятіе объ энтузіазмѣ, который производило созданіе Фидія. Этотъ энтузіазмъ не ограничивался греческимъ народомъ, но былъ общимъ всей древности и не охладился въ теченіе семи вѣковъ. Фидіеву произведенію не одни Греки покланялись, какъ своему самому святому кумиру; высокое изящество и безпримѣрное величіе требовали и отъ иностранцевъ необыкновеннаго поклоненія, и вѣроятно не разъ случалось, что какой нибудь гордый Римлянинъ, исполненный презрѣнія къ греческой вѣтренности и надменно-исключительнаго народнаго самолюбія, бывалъ подвигнутъ духомъ при созерцаніи въ этомъ изваяніи какъ бы дѣйствительно-присутствующаго бога и, преклоняясь предъ этѣмъ дѣломъ рукъ греческихъ, приносилъ жертвы болѣе обыкновенныхъ и не менѣе тѣхъ, которыя онъ бы принесъ на своемъ Капитолинскомъ-уте-

Digitized by Google

съ своему капитолинскому Юпитеру. По крайней мѣрѣ объ Эмиліи Павлѣ говоритъ это Ливій: Iovem velut praesentem intuens motus animo est. Itaque haud secus quam si in Capitolio immolaturus esset, sacrificium amplius solito apparari jussit. Liv. 45, 28. Понятно, что эстетическіе Греки смотрѣли еще съ бо́льшимъ восторгомъ на это свое народное достояніе. Для нихъ, какъ говорилъ мудрый Эпиктетъ (Arrian. Epict. diss. I, 6, 23), умереть, не видавши его ни разу, считалось величайшимъ несчастіемъ, а созерцаніе его, по Діону Хрисостому, было средствомъ утоленія всякой скорби, νηπένθες.

Намъ позднѣйшимъ, которымъ суждено составлять себѣ понятіе о величайшихъ произведеніяхъ древняго искусства только по свидѣтельствамъ древнихъ писателей и слабымъ подражаніямъ, сохранившимся до нашего времени, намъ, можетъ быть, нигдѣ нельзя съ такимъ успѣхомъ переноситься въ мысляхъ къ созерцанію высоко-изящнаго олимпійскаго кумира и въ олимпійскую священную рощу, какъ въ ватиканскомъ Піоклементинскомъ Музеѣ. Тамъ съ одной стороны античныя изваянія, почти всѣ очень хорошей работы, сообщаютъ посѣтителю торжественную настроенность духа, подобную той, какую долженъ былъ вызывать лѣсъ изваяній, покрывавшій окрестности Зевсова храма и все священное пространство олимпійской ἄλτις. Съ другой стороны тамъ находятся два произведенія, въ которыхъ можно предполагать наибо́льшее сродство съ кумиромъ Фидія. Это Юпитеръ дома Вероспи (PCl. I, 1), колоссальная сидящая статуя, и бюстъ, найденный въ Отриколи (древнемъ Ocriculum), считающійся лучшимъ изъ бюстовъ Зевса, сохранившихся до нашего времени (PCl. VI, 1). Въ первой есть, вѣроятно, сходство, хотя и очень отдаленное, съ общимъ положеніемъ Фидіева Зевса. Но въ отдѣльныхъ вещахъ замѣчается большое различіе, ибо Юпитеръ Вероспи держитъ въ одной рукѣ молнію и орелъ сидитъ у его ногъ. Кромѣ того

Digitized by Google

работа этой статуи очень посредственна. Фидіевскаго характера въ лицѣ можно гораздо болѣе искать въ бюстѣ Отриколи, изображенномъ на главной виньетѣ этого сочиненія. Въ Ватиканѣ этотъ бюстъ теперь поставленъ очень невыгодно — въ Ротондѣ, въ кругу многихъ бюстовъ, — на довольно низкой колоннѣ; но слѣпки [1]) съ него производятъ превосходный эффектъ, когда ставятся въ извѣстной высотѣ. Зевсъ въ немъ изображенъ наклонившимъ свою голову и долженъ быть созерцаемъ не иначе, какъ снизу. Онъ смотритъ на міръ благосклонно и съ высоты своего величія (это самое говоритъ о Фидіевомъ колоссѣ Діонъ Хрисостомъ). Художникъ имѣлъ именно это въ виду и потому расчитывалъ на точку зрѣнія снизу и на значительное отдаленіе, слѣдовательно вовсе не на тотъ пунктъ, съ котораго посѣтители Ватикана теперь принуждены разсматривать это произведеніе. Работа бюста не можетъ назваться превосходною, потому что въ ней нѣтъ оконченности. Въ какой степени художнику удалось передать черты Фидіевскаго оригинала, того теперь сказать никто не можетъ, ибо мы не знаемъ, какъ представлять себѣ высокое совершенство Фидіевскаго созданія. Но достовѣрно то, что бюстъ Отриколи изображаетъ Зевса въ томъ же характерѣ, въ какомъ его изобразилъ Фидій. Въ наклоненіи головы и въ ласкающемъ выраженіи устъ видна кроткая благосклонность, между тѣмъ какъ выдающаяся въ большихъ буграхъ нижняя часть широкаго и свѣтлаго чела и обильные, надъ нимъ возвышающіеся, по сторонамъ же гривообразно ниспадающіе волосы (χαῖται) свидѣтельствуютъ о могуществѣ и величіи. Наконецъ и то, и другое, и кротость и могущество, являются примиренными въ большихъ, открытыхъ глазахъ, которые какъ бы съ участіемъ смотрятъ

---

[1]) Слѣпки находятся въ Петербургѣ въ Академіи художествъ и въ Москвѣ въ художественномъ классѣ.

Digitized by Google

низъ на міръ и на человѣка. Эта благость, соединенная съ величественнымъ спокойствіемъ, производитъ на созерцающаго самое благопріятное дѣйствіе и потому теперь еще въ наше время отъ созерцанія этого, вѣроятно, слабаго подражанія произведенію Фидія можетъ быть получено, ежели конечно не утоленіе скорби, то по крайней мѣрѣ значительное успокоеніе. Смотря на этотъ мирно-изящный образъ, мы сами можемъ забывать о случайностяхъ настоящаго и, освобождаясь изъ подъ власти мгновенія, успокоиваться на созерцаніи вѣчно-изящнаго.

Описаніемъ Фидіева идола и указаніемъ на подходящія къ нему изваянія, сохранившіяся до нашего времени, мы заключаемъ отдѣлъ объ олимпійскомъ поклоненіи Зевсу. Это поклоненіе съ веселымъ и бодрымъ характеромъ тамошнихъ игръ и съ высокимъ изяществомъ идола составляетъ верхнюю точку въ развитіи греческаго поклоненія Зевсу. Дальнѣйшая исторія привела съ собою или мѣстное распространеніе олимпійскаго поклоненія, въ особенности по греческимъ колоніямъ [1]), или

[1]) Мы не исчисляемъ всѣхъ храмовъ, воздвигнутыхъ олимпійскому Зевсу и всѣхъ подражаній олимпійскимъ играмъ: это значило бы повторять то, что̀ уже сдѣлано въ книгѣ Краузе, выше упомянутой, къ которой мы и отсылаемъ желающихъ; см. также статью Olympieion Ратгебера въ галльской Энциклопедіи. По древности самымъ замѣчательнымъ изъ олимпійскихъ поклоненій было аѳинское связанное съ святилищемъ описаннымъ у Павзанія I, 18, 6 — 8. Это святилище имѣло 4 стадіи въ окружности и заключало въ себѣ, кромѣ храма Зевса олимпійскаго, храмъ Кроноса и Реи, святое мѣсто Геи (земли), по прозвищу олимпійской, и гробницу Девкаліона, которому приписывалось построеніе древняго аѳинскаго храма олимпійскому Зевсу. Близъ святаго мѣста (τέμενος) Геи была разсѣлина въ землѣ, шириною въ локоть; повѣрье разсказывало, что въ нее утекла вода

Digitized by Google

его мистическое замѣщеніе поклоненіемъ другому юнѣйшему и по ученію мистерій высшему богу, — Діонису въ его связи съ Деметрой и Персефоной (Корой). Миѳологическое же понятіе Зевса, дошедшее въ Олимпіи до самаго полнаго раскрытія, могло быть въ его миѳологической формѣ только передаваемо и распространяемо, или должно было стать предметомъ другаго мышленія, уже не миѳологическаго, а философскаго. Но съ этѣмъ вмѣстѣ началось разложеніе этого понятія и окончилась его исторія.

Мы прослѣдили эту исторію миѳологическаго понятія Зевса только со стороны его самаго видимаго явленія въ обрядахъ поклоненія и въ томъ, что съ ними было непосредственно связано. Мы видѣли, какъ этѣ обряды постепенно измѣнялись въ разныхъ мѣстностяхъ и у разныхъ греческихъ племенъ, обусловливая собою особенности ихъ племеннаго характера; мы видѣли, какъ они все болѣе и болѣе переходили отъ первоначальныхъ мрачныхъ и боязливыхъ пеласгическихъ воззрѣній къ той совершенно свободной и изящной формѣ, которая была имъ дана въ центрѣ собственно-гелленскаго поклоненія, въ Олимпіи. Измѣненія, которыя, соотвѣтственно этому движенію, происходили въ самой сущности понятія о Зевсѣ, не могутъ быть уяснены безъ опредѣленія самаго этого понятія, а это возможно только для сравнительнаго изученія всѣхъ языческихъ миѳологій въ связи съ философскими изслѣдованіями о томъ, что можетъ составлять содержаніе миѳологіи. Съ средствами однихъ греческихъ и латинскихъ источниковъ, которыми было предположено ограничиться въ этомъ сочиненіи, необходимо было отказаться отъ этой задачи. Потому мы въ

послѣ Девкаліонова потопа; въ Павзаніево время еще было обыкновеніе бросать туда одинъ разъ въ годъ пшеничную муку съ медомъ.

Digitized by Google

заключеніе позволимъ себѣ только замѣтить, что въ исторіи поклоненія Зевсу въ древней Греціи довольно ясно видно, какъ Зевсъ становится съ теченіемъ времени все идеальнѣе и идеальнѣе, но что и въ самомъ совершеннѣйшемъ его явленіи вещественный элементъ еще очень силенъ и что свобода человѣка, покланявшагося олимпійскому Зевсу и изящнымъ богамъ, его окружавшимъ, была не полная свобода духа, возвышеннаго надъ вещественнымъ міромъ, но только нѣкоторое одушевленіе вещества и плоти, облагороженныхъ и украшенныхъ духовнымъ элементомъ. Зевсъ идеальнѣе, нежели Кроносъ, но онъ все-таки его сынъ и наслѣдникъ его криводумія и связи съ тѣмъ началомъ всемірной матеріи, которымъ языческое человѣчество было отвлечено отъ поклоненія истинному Богу. — Рѣшительная побѣда надъ мірскимъ криводуміемъ принадлежитъ Христіанству, его одолѣвшему и предвозвѣстившему его окончательное искорененіе.

КОНЕЦЪ.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Digitized by Google

ОБЪЯСНЕНІЕ ВИНЬЕТЪ.

1. Виньета заглавнаго листа. Бюстъ Зевса, найденный въ Отриколи (Ocriculum), находящійся теперь въ Піо-Клементинскомъ Музеѣ Ватикана Museo Pcl. I, 1. Musée Français statues antiques III ,1.

2. Виньета первой главы. Серебряная монета г. Кносса, изображающая на лиц. ст. Минотавра на одномъ колѣнѣ съ чѣмъ-то круглымъ въ рукѣ, на обор. лабиринѳъ, состоящій изъ пяти квадратовъ. Barthelemy въ Mem. de l'Acad. XXIV, p. 47 no. 6 и 7. Millin G. M. CXL, n. 489.

3. Виньета второй главы. Мѣдная монета Эпира, на лиц. ст. орелъ на скалѣ, надпись: *ΑΠΕΙΡΟΤΑΝ*; на обор. дубъ и три голубя. Arneth über das Taubenorakel von Dodona. Wien. 1840 и Creuzer's Symbolik III, no. 28, третьяго изданія.

4. Виньета третьей главы. Каммей, изображающій Европу, уносимую критскимъ Зевсомъ-быкомъ. Gori Museum Florentinum I, Tab. 57, 2. Böttiger Ideen zur Kunstmythologie I, tab. IV, и 7.

5. Виньета четвертой главы. Лицевая сторона элейской серебряной монеты, изъ времени императора Адріана, изображающая колоссъ Фидія. Quatremère de Quincy Jupiter Olympien pl. 17. n. 2.

ОПЕЧАТКИ:

На стр.	192 стр.	10 сн.	нап.	беотійскій	чит.	Беотіи
——	224 стр.	1 —	—	и	—	не

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google